

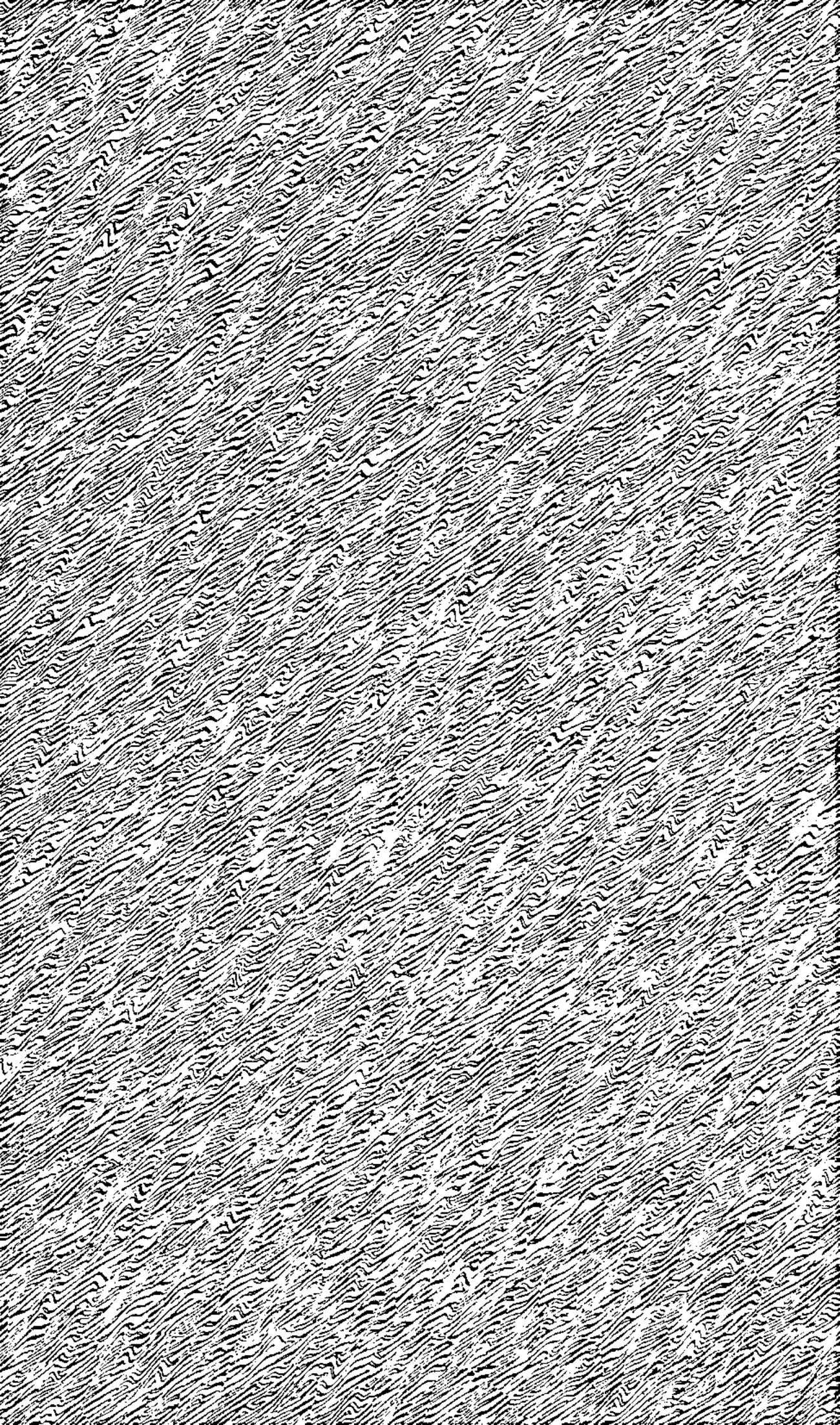

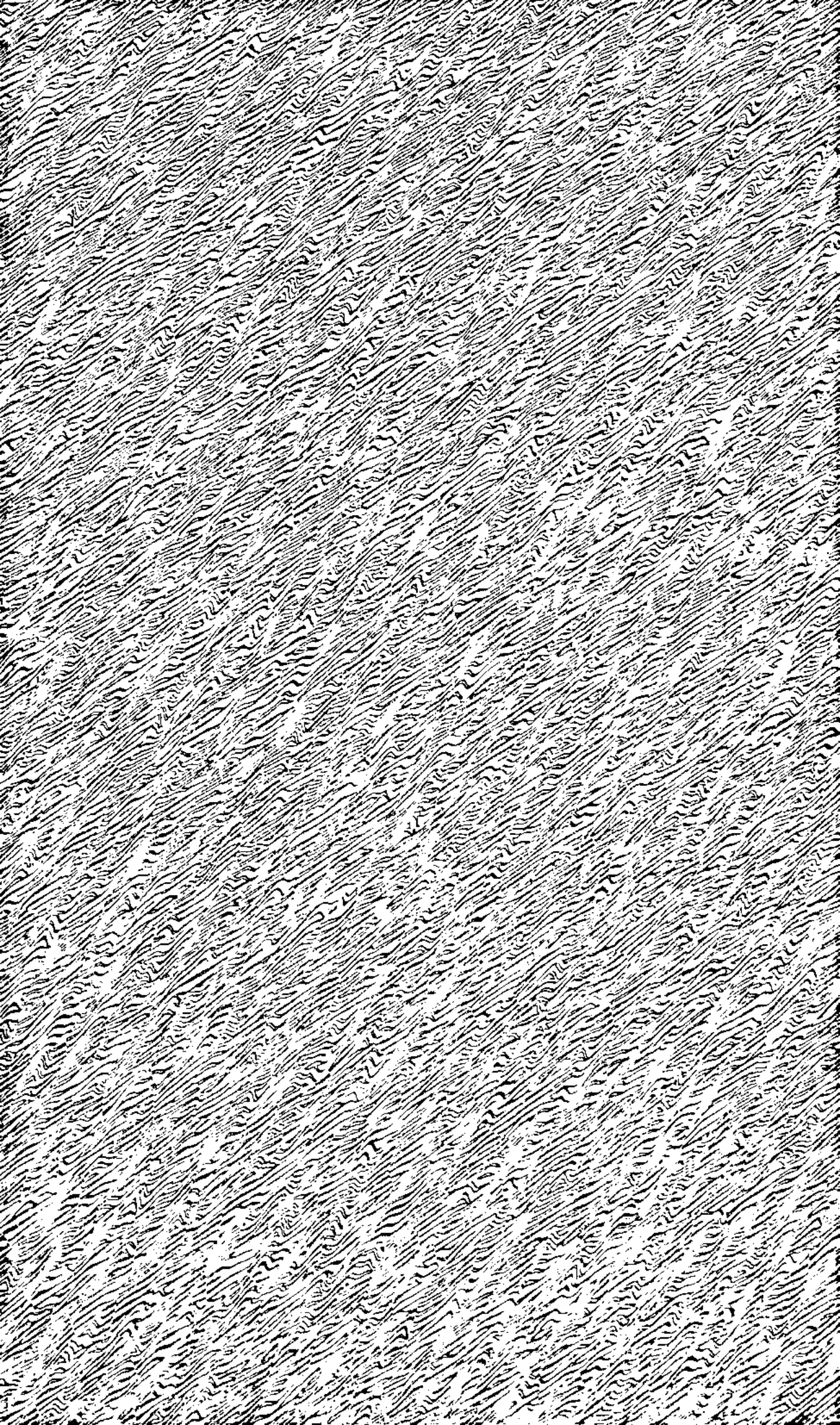
ЕЛЕНА

ЯКОВЛЕВА

КРУТАЯ БАРЫШНЯ

ДЕТЕКТИВ
глазами женщины

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

**КРУТАЯ
БАРЫШНЯ**

МОСКВА, «ЭКСМО-ПРЕСС», 1998

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Я 47

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

- Я 47 **Яковлева Е. В.**
Крутая барышня. Уйти красиво: Повести. —
М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. — 496 с. («Де-
тектив глазами женщины»).

ISBN 5-04-001085-0

Тихая, размеренная жизнь молодой библиотечарши, жаждущей любви и романтики, нарушается самым неожиданным образом — ее похищают. Побег, перестрелки, горы трупов, увеселительные заведения с сомнительной репутацией — вот слабые тех передряг, в которые попадает эта «тургеневская барышня». Чья незримая воля ввергла ее в столь опасную пучину? Где друзья и где враги? Есть ли выход из этого запутанного лабиринта? Найти ответы на эти вопросы не так-то просто, но найти их необходимо...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-001085-0

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1998 г.

КРУТАЯ БАРЫШНЯ

П О В Е С Т Ь

Глава 1

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МАРГАРИТЕ

Единственное, что год назад — а именно об этом времени здесь и пойдет речь — связывало нас с Маргаритой, так это симпатяга и добряк Чанг, Маргаритин ротвейлер. В остальном же, по меткому выражению классика, «лед и пламень не столь различны меж собой», как мы с Маргаритой. Ну вот, не успела я и трех строчек написать, а уже умудрилась притянуть за уши классическую русскую литературу. Вот такая я вся, с головы до пят, ничего не поделаешь: Институт культуры, законченный с красным дипломом, дает о себе знать.

А Маргарита об Институте культуры и не мечтала. Она работала в магазине «Стекло, фарфор, хрусталь», где я с ней и познакомилась, когда покупала подарок начальнице по случаю юбилея. Маргарита помогла мне выбрать хрустальные фужеры, звякнула по ним карандашом, упаковала, перевязала коробку лентой, а я тем временем заглянула в ее глаза: в них матово отсвечивали болотные огоньки, которые так фатально притягивают к себе представителей сильной половины рода человеческого. Они неизменно идут на этот призрачный свет, как зомби, и безнадежно вязнут в трясине, бедные. Да, бедные, ибо в этой ситуации я невольно принимаю их сторону.

Потом выяснилось, что мы с Маргаритой живем неподалеку, через два дома друг от друга, ездим

на работу одним и тем же троллейбусом и в одинаковой степени недовольны устройством своей жизни. Только я с последним обстоятельством почти сроднилась, а она не желала сидеть сложа руки и целеустремленно возводила здание счастливой судьбы, подгоняя кирпичик к кирпичику. В результате из магазина, прямо от звонких рюмок и фужеров, она вспорхнула на сцену и сладким голосом золотой рыбки запела легко запоминающиеся мотивчики. Не скажу, чтобы этот полет был совсем-таки стремительным, но затяжным я бы его тоже не назвала. То есть волшебное преобразование выглядело примерно так: еще вчера Маргарита пилила со мной на троллейбусе, ругаясь и распахивая сограждан, имеющих дурацкую привычку рвать своими жесткими сумками колготки бедным девушкам, а уже сегодня к ее дому подкатил почти новый «Мерседес», она уютно устроилась на его заднем сиденье и помчалась навстречу славе. Словом, когда однажды я увидела ее по телевизору, то почти не удивилась. Что ж касается меня, то я по-прежнему работала в своей библиотеке, и у меня по-прежнему не было не только мужа, но даже и любовника.

Ко всему тому Маргарита была хорошенькой, по-деревенски свежей брюнеткой с фисташковыми глазками, на волшебных свойствах которых я, кажется, уже успела заострить ваше внимание, пухлыми губками, как бы готовыми в любую минуту принять страстный ворованный поцелуй, и неподражаемой пластикой ласки. А ласка, если верить зоологам, самая неутомимая и беспощадная охотница, потому что убивает даже тогда, когда не испытывает чувства голода. Так и Маргарита нанизывала мужские сердца на свои отравленные стрелы походя, даже не пытаясь извлечь из этого обстоя-

тельства очевидной выгоды. Другими словами, там, где ступила нога Маргариты, остальным женщинам делать было нечего, по причине полного и незамедлительного освоения ею захваченной территории. Что до меня, то я, всего лишь робкая и незаметная монашка, на ее фоне и вовсе терялась в складках местности.

Не исключено, что Маргарита быстро задрала бы нос и, вполне возможно, перестала бы узнавать меня, если бы не Чанг. Во-первых, он меня обо-жал, во-вторых, ведь кто-то должен был его выгу-ливать, пока Маргарита записывалась в студии, снималась в очередном клипе или — ну, конечно, конечно — проводила время со своими многочис-ленными поклонниками.

Только благодаря Чангу я и оказалась в числе избранных и получила возможность время от вре-мени поднимать свои, надо признать, довольно низкие ставки, как бы между прочим упоминая о лестном знакомстве с восходящей звездой эстрады Маргаритой Алмазовой. В нашем женском библи-отечном коллективе это неизменно имело успех. Бабоньки готовы были часами слушать мои рас-сказы о богемной Маргаритиной жизни. Не уди-вительно, что я иногда ее сильно приукрашивала, точнее, я приукрашивала ее всегда, поскольку не так уж много о ней знала. Наедине с вами я могу быть откровенной и даже слегка приподнять завесу секретности: Маргарита держала меня на прилич-ном расстоянии и никогда не посвящала в по-дробности своих любовных перипетий и сканда-лов, которых у каждой уважающей себя эстрадной звезды, по мнению обывателей, больше, чем блох на бездомной собаке.

Итак, я никогда не упускала случая сказать не-

сколько слов о Маргарите. Ее звездная персона, пусть это вас не удивляет, немного компенсировала мне отсутствие собственной личной жизни. Выдумывая симпатичные небылицы о ней, я словно переживала их сама. Впрочем, не думаю, чтобы Маргарита была бы за это на меня в претензии, ведь в моей интерпретации ее не такая уж сказочная история приобретала благородный оттенок легенды. Вот, собственно, и все выгоды нашего с ней общения.

Хотя нет, кое-что я забыла. Иногда мне попадали наряды с барского плеча, всякие там блузочки-шарфики, как правило, почти новые, потому что Маргарита была страшной неряхой и умудрялась сажать пятна на одежду чуть ли не в процессе примерки. Ладно, не беда, зато я умею отстирывать даже деготь. Вот, кстати же, недавно она благодетельствовала меня чудной кофточкой и даже без трудновыводимых пятен. Ей бы вообще цены не было, если бы Маргарита не посеяла где-то одну пуговицу. Вроде бы пустяк, ан нет. Там весь шик в пуговицах — крупных, перламутровых с позолотой. Замени их другими — и сразу никакого виду. Однако без пуговицы тоже носить не будешь. Так что полюбовалась я, полюбовалась на Маргаритин подарок, повздыхала и убрала в шкаф.

В тот злополучный вторник, с которого я и начинаю свой рассказ (почему злополучный, вы со временем непременно узнаете), Маргарита позволила мне на работу около четырех дня. Мы — дружный коллектив абонементной научной библиотеки — как раз пили чай с баранками.

— Ань, это Маргарита, — сказала она своим обычным тоном избалованного бабушками-дедушками ребенка и, не дожидаясь моего ответа на ее

приветствие, выложила: — Слушай, у меня ночью съемка. Может, возьмешь Чанга к себе, а то меня соседи затрахали жалобами. Он, видите ли, воеет, когда остается один. От такого соседства завоешь!

Последние полгода Маргарита была не на шутку озабочена идеей переезда на новую квартиру. Впрочем, на хорошую, с евроремонтом, у нее не хватало денег, а менять шило на мыло, то бишь однокомнатную в центре на двухкомнатную в спальном районе, смысла не имело.

— Так ты возьмешь Чанга? — напомнила о себе Маргарита. Разумеется, она ни минуты не сомневалась в том, что я соглашусь.

— Ну конечно, конечно, — пообещала я, — заберу, когда буду возвращаться с работы.

— Только не позже семи, — немедленно выставила свое условие эта холеная нахалка, — с семи до девяти мне нужно поспать, иначе я не выдержу ночь на съемках.

До чего же я ее все-таки разбаловала! Еще немного, и она заставит меня клясться на Коране!

* * *

Несмотря на то что Маргарита самолично призывала меня на помощь, дверь она открыла только после третьего звонка, недовольно сощурилась и протянула рассеянно:

— А, это ты...

Да, это всего лишь я. А кого, интересно, она ожидала, хотела бы я знать? Не иначе, голливудского режиссера. Впрочем, справедливости ради, следует отметить: заносчивой выскочкой Маргарита была уже в те времена, когда звенела рюмками в магазине.

— Проходи, — бросила она через плечо, резко разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

Я немного замешкалась в дверях, и Маргарита немедленно на меня окрысилась:

— Ну что торчишь, как пенек на футбольном поле! Давай скорей, а то дует.

Типичнейшее Маргаритино гостеприимство, и как я ее только терплю, мегеру этакую!

Я вошла в прихожую, присела на тумбочку для обуви и стала стаскивать сапоги. Радостно повизгивающий возле меня Чанг уже приготовился вплотную ими заняться. Есть у него такая милая привычка — терзать башмаки Маргаритиных гостей. Поэтому я, например, всегда прячу свою обувь в стенной шкаф.

Проделав эту операцию, я только задрала юбку, чтобы поправить морщивший чулок, как за моей спиной возник невесть откуда взявшийся грузный мужик в костюме изрядной помятости — такое впечатление, что его минуту назад пропустили через стиральную машину с центрифугой.

— Ой! — воскликнула я и инстинктивно одернула юбку.

Помятый мужик заржал и крикнул скрывшейся в комнате Маргарите:

— Я и не знал, что у тебя такая стеснительная подружка!

Следующее замечание он адресовал исключительно мне:

— Да ладно, девушка, не смущайтесь, я ведь без пяти минут гинеколог.

Я застыла с открытым ртом, а Маргарита хихикнула за стенкой:

— Не верь ему, он мой продюсер.

— Продюсер?

— Ну да, продюсер, — радостно подхватил этот сомнительный тип, — ведаю денежными делами нашей многоуважаемой Маргариты Ивановны. Разбираюсь с налоговой инспекцией, оговариваю гонорары... — Он зевнул, прикрывая рот короткопалой пятерней с массивным перстнем на кривом мизинце, и прибавил с глупой улыбкой: — Гонорар — не гонороя, получите поскорее!

Очень остроумно.

— Так вы к тому же еще и венеролог! — фыркнула я.

Маргарита, которая в этот момент бросала в пакет коробки с собачьим кормом, опять отозвалась безо всякого почтения к своему продюсеру:

— Не обращай внимания на эту коньячно-балычную рожу. У него все шуточки генитального характера. Сама не понимаю, как я только терплю его, подлеца.

— Поясняю, — блеснул в полумраке поросычьиими глазками типчик, — она меня терпит только потому, что у меня связи на телевидении.

— Ага, — подтвердила Маргарита, — и все половые.

— А у меня связи повсюду, — невозмутимо продолжал ее продюсер. — Вот вы, девушка, чем занимаетесь? А то могу составить и вам протекцию. Танцуете, поете?

Тут появилась Маргарита с собачьим кормом и отрезала:

— Она не танцует и не поет, она выдает книжки в библиотеке. Так что, если хочешь повысить свой интеллектуальный уровень, можешь к ней записаться.

Маргарита надела на Чанга ошейник, и я поняла, что зря разувалась: сегодня дальше прихожей меня пускать не собирались.

— И во сколько его завтра привести? — поинтересовалась я. — А то мне на работу к одиннадцати.

Маргарита сделала недовольную физиономию и снисходительно процедила сквозь зубы:

— Ну, приводи часов в десять...

Можно подумать, это она делает мне одолжение, а не я ей. Сама виновата: посадила ее на шею, и теперь она с нее не слезет во веки вечные, пока та (шея, разумеется) не сломается.

Я стала спешно засовывать руки в рукава пальто, а Маргаритин продюсер не предпринял ни единой попытки за мной поухаживать. Просто стоял и смотрел оценивающе, и на лице его явственно проступали печати всех пороков, какие человечество успело изобресть за свою многовековую историю. Взглядом он не просто меня раздевал, а как бы выразиться помягче... Словом, заходил так далеко, куда моя девичья фантазия не простиралась.

Уже за порогом я обернулась, чтобы поинтересоваться, какой клип будет сниматься. но Маргарита к этому моменту успела совершенно бесцеремонно захлопнуть дверь.

Мой вам совет: не заводите себе приятельниц из среды восходящих эстрадных звезд, дружите с измученными дефицитом общения домохозяйками.

Глава 2

КОЕ-ЧТО ОБО МНЕ, ОСТАЛЬНОЕ О БОТИНКЕ

Чанг был намного интеллигентнее своей хозяйки, если, конечно, к собакам применимы подобные понятия. Он вел себя вполне прилично. Ну, немного потрепал мои старые тапки, которые дав-

но пора бы выбросить, да и успокоился. Пока я неторопливо ужинала перед телевизором, он лежал на ковре у моих ног и меланхолично наблюдал, как на экране рекламировали «тампаксы». Что он при этом думал о братьях своих старших, остается покрытым мраком неизвестности. Сладкие речи о «Педигри — мясном рационе», впрочем, тоже не вызвали у него заметного оживления.

Немного почитав перед сном, я выключила настольную лампу, пожелав Чангу спокойной ночи. Он ответил мне со своего коврика протяжным почти человеческим зевком. У меня всегда было чувство, что со мной он отдыхал от сумасбродной Маргариты и ее бесконечных приятелей. И вообще мне совершенно непонятно, зачем она его завела, при ее-то безответственности и патологическом эгоизме!

Заснула я быстро, а проснулась от пристального взгляда: Чанг сидел возле моей постели, как часовой на посту. Я посмотрела на будильник — стрелка приближалась к половине шестого утра.

— И чего тебе не спится, — вздохнула я, — в такую-то рань. Гулять хочешь?

Чанг заерзал по ковру, всем своим подвижным, гибким телом выражая согласие. Ну вот, и этого я разбаловала. Маргарита та дрыхнет до обеда, не вспоминая про пса, а я его приучила к прогулкам ни свет ни заря. Полежав в постели еще минут десять, я пришла к выводу, что больше не засну, встала, выглянула в окно, за которым стояла крошечная тьма, разрезанная робкими полосками неона.

— Совесть у тебя есть? — принялась я брюзжать, обращаясь к Чангу.

Чанг сидел на полу и безмятежно улыбался, ну, умест он так скорчить свою собачью мордочку, что я бессильна ему противостоять.

Тяжело вздыхая и по-старушечьи побряхтывая, я натянула джинсы, напялила на ноги валенки, которые в мирной жизни тихо пылились на антресолях, медленно поедаемые молью, накинула пальто, нахлобучила шапку...

— Пошли, изверг!

Чанг напружинился, тявкнул, впрочем, не очень громко, и в два прыжка оказался перед входной дверью. Мы спустились по лестнице, поскольку лифт в столь ранний час еще не работал, и вышли в метель. Протопали по свежему снежку в сквер — любимое место Чанговых прогулок. Деревьев там не очень много, но Чангу для его ритуальных отметок хватает. Не теряя драгоценного времени даром, он сразу же помчался задирать заднюю лапу, а я стала размеренно дышать кислородом, точнее, тем, что в многомиллионном мегаполисе обычно предлагается вместо него. Кстати, то, что предлагалось сегодня, было даже приятно. В морозном воздухе разливался сладковатый карамельный запах — явный «выброс» с кондитерской фабрики, расположенной неподалеку.

Дежурным взглядом я окинула окрестности, знакомые мне с детства. Сплоченные ряды девятиэтажек только начинали расцветать утренними огнями. То в одном, то в другом окне вспыхивал свет. Я представляла, как там, за окнами, просыпались мои дорогие соотечественники и какие недовольные физиономии у них при этом были. Что может быть ужаснее раннего подъема морозным январским утром, когда так хочется понежиться под теплым одеялом и досмотреть интересный сон, не исключено, эротический! Ну вот, кто о чем, а вшивый о бане! Озабоченная старая дева!

Я вздохнула, прислонилась спиной к дереву, за-

крыла глаза и дала себе мысленную установку подумать о чем-нибудь приятном, на худой конец, вспомнить книжку, которую читала накануне. Чанг носился вокруг меня концентрическими кругами, время от времени останавливаясь и шумно нюхая снег. Было так тихо, как бывает только метельным январским утром и больше никогда. Лучшее время, чтобы всласть подумать о смысле жизни, чем, вероятнее всего, я бы и занялась, если бы моя идиллия не оказалась внезапно прерванной. Сначала чуть в стороне остановились «Жигули», из которых так никто и не вышел. Пару минут спустя из-за угла стоящей торцом к скверу девятиэтажки выбежал человек.

— Ну, наконец-то, — выдохнул он в приоткрывшуюся дверцу автомобиля, — а то уже светать начинает, — и снова скрылся за углом.

Не скажу, чтобы эта сцена сильно меня заинтриговала, просто немного отвлекла от неторопливых мыслей. Тот, что корил водителя за опоздание, появился снова, но уже не один, а с приятелем. Они с заметным усилием тащили здоровенный куль, завернутый в кусок материи — скатерть или одеяло. Первый, суетливо оглядевшись, открыл багажник, куда они и закинули свой громоздкий мешок.

— Черт, не закрывается, — прошипел опасавшийся скорого рассвета, с усилием нажимая на крышку багажника.

— Как он тебе закроется... Смотри — мешает, — указал его помощник.

— А, черт!

Я наблюдала все это так, от нечего делать, пока не увидела, вернее, не поняла, ЧТО им мешает! Из багажника торчала нога, скорее всего мужская, по-

тому что была в брючине. Наконец они справились со своим багажом и быстро запрыгнули в автомобиль. Машина рванула с места, немного побуксовав в снегу и сердито газанув на прощанье.

Какое-то время я соображала, что к чему. Действо, свидетелем которого я невольно стала, честно сказать, не внушало особенного оптимизма. Как ни крути, но всегда подозрительно, когда человека засовывают в багажник автомобиля. По крайней мере, начитанным девушкам вроде меня на ум могло прийти только одно...

— Послушай, Чанг, да он же мертвый! — поделилась я леденящим душу открытием со своим четвероногим другом.

Кажется, Чанг полностью разделял мою точку зрения, ибо немедленно предпринял попытку завыйть врасстяжку и со вкусом.

— Ладно, погоди расстраиваться, — одернула я его, — нужно сначала выполнить свой гражданский долг.

Я пристегнула к Чангову ошейнику поводок и решительно потянула упиравшегося пса за собой. Мы рысью перебегали дорогу, когда Чанг выказал мне упорнос сопротивление и желание двигаться в противоположном направлении. Он натянул поводок и громко залаял. Чанг тащил меня к тому самому месту, с которого только что сорвалась машина с сомнительным багажом, и тащил не случайно. На кипенно-белом снегу темнел предмет, похожий на... Точно, это был мужской ботинок. Левый, отметила я механически. Еще десять секунд я ломала голову, что мне с ним делать, оставить на месте или прихватить с собой. Потом решила, что последний вариант предпочтительнее. Вдруг его кто-нибудь подберет или преступники

вернутся, а это ведь не просто ботинок, а важная улика, или как там еще...

Словом, в подъезд я нырнула с ботинком под мышкой. Я так торопилась, что даже забыла воспользоваться заработавшим лифтом. Секунды, потраченные мной на то, чтобы попасть ключом в замочную скважину, показались мне часами. Я вся пылала жаждой помочь нашим доблестным органам правопорядка в поимке особо опасных преступников.

«02» отозвалась бравым баском, вызвавшим у меня ассоциации с лучшими образцами отечественных кинобоевиков тридцатых-пятидесятых годов:

— Дежурный слушает!

Час моего бенефиса настал, а я вдруг с ужасом обнаружила, что не в состоянии изложить информацию если не толково, то хотя бы внятно и членораздельно. А главное, именно главное, не совсем уверена в том, что видела. Все-таки на улице темно, а у меня зрение минус пять.

— Я... тут... у нас... здесь, — понесло меня по ухабам.

Чанг, видимо, решил исправить мою оплошность, потому что начал отчаянно лаять прямо в трубку, навалившись лапами мне на спину.

— Что-что? — забасил мне в ухо бравый дежурный. — Вас не слышно!

Я испугалась, что он решит, будто его отвлекают по пустякам, и потому зашла с козырей:

— У нас здесь труп...

— Где? — Я по голосу поняла, что он напряжился, как Чанг при виде кошки.

— Я только что видела, как в багажник машины загрузили труп, по-моему, мужской. Точно не рассмотрела.

— Гав-гав, — решительно подтвердил Чанг.

— Где? — повторил басок и добавил: — Уберите собаку, а то плохо слышно.

Легко сказать «уберите»!

— Это... это произошло десять минут назад... на Ракитной, ну, возле скверика, знаете?

— Не знаю, — бесстрастно отозвался басок, — а с чего вы взяли, что это был труп? Вы видели, как его убили?

— Нет... — Я мучительно соображала, что же все-таки мне ему сказать. — Я видела, как подъехала машина, потом к ней подошли двое... Они несли что-то, завернутое в тряпку... засунули в багажник «Жигулей»... Им стала мешать нога того, ну, которого они тащили. Потом они сели в машину и уехали.

— Модель, — сказал басок.

— Что-что? — не поняла я.

— Модель «Жигулей».

Спросил бы что-нибудь полегче, я и в марках-то с трудом разбираюсь.

Он не собирался спрашивать полегче, он собирался спрашивать посложнее:

— Номер?

— Может, вам сразу преступников привести? — вкрадчиво осведомилась я.

Наверное, у дежурного было плохо с чувством юмора, во всяком случае, моей шутки он не оценил.

— А вам известно, что бывает за ложный вызов? — ответил он вопросом на вопрос.

Я не знала, что бывает за ложный вызов, но заподозрила, что ничего хорошего, а потому поспешила бросить трубку. Заодно твердо пообещала себе, что в следующий раз крепко подумаю, прежде чем рискну выполнять свой гражданский долг.

Чангу не понравилось мое настроение, что он с

присущим ему прямодушием и выразил громким лаем.

— Чего завелся? — огрызнулась я, раздираемая надвое чувством противоречия. — Если бы не ты, я бы вообще ничего такого не видела и крепко спала бы в своей девичьей постели. А то сначала с утра пораньше насмотришься ужасов, потом пообщаешься по телефону с товарищами при погонах... Думаешь, их наш труп интересует? У них там своих девать некуда. Давай лучше завтракать.

Против такой постановки вопроса Чанг возражать не стал, хотя особенного аппетита не продемонстрировал. Я тоже ела больше по необходимости, потому что перед глазами у меня стояла недавняя картинка. Так была там все-таки нога или нет? Может, они ковер перевозили? Ага, в шесть утра — самое время. Впрочем, почему бы и нет? Я вот тоже в такую рань выгуливаю Маргаритиногo пса, как будто мне больше делать нечего. Гм-гм, а что мне, собственно, делать? Не жизнь, а рутина, каждый Божий день одно и то же. Если бы не Маргарита, совсем заплесневела бы.

Кстати, о Маргарите, похоже, она уже вернулась. По крайней мере, ее окно светилось. Я наскоро попила чаю, оделась и, снова взяв Чанга на поводок, повела его к законной хозяйке, а то еще завалится спать — потом не дозвонишься.

В прихожей я споткнулась о найденный ботинок и вспомнила, что совершенно забыла сообщить о нем дежурному. Сам виноват — застрашал бедную девушку. Ладно, пусть пока полежит. Если пинкертоньы все-таки пожалуют, я уже представлю им доказательство.

Маргарита выглядела на редкость плохо. Такой усталой я ее никогда не видела: серые щеки, фиолетовые синяки под глазами, и даже ее знаменитые болотные огоньки как бы слегка затухли. Она стояла в дверях, высокая, в черном платье с разрезом впереди, подчеркивающим ее идеальную фигуру, и, казалось, готова была заснуть прямо так, в вертикальном положении. Мне стало ее немного жалко. Ох, нелегкая это доля — быть восходящей эстрадной звездой.

— Как клип? — сочувственно поинтересовалась я, спуская Чанга с поводка.

— Клип?.. А, клип. Нормально.

— Сняли?

— Сняли-сняли... Черт, думала, этот маразм никогда не кончится. Режиссер какой-то идиот, заставил меня плескаться в ванне, а вода ледяная. Теперь же ни один клип без купания в ванне не обходится. Хорошо хоть Семка водки захватил...

Маргарита была на удивление разговорчивой, а это, скажу я вам, для нее необычное состояние. Обожала она окружать себя тайной.

— А Семка — это кто? — осторожно спросила я, ожидая в любой момент услышать что-нибудь типа «кто надо».

Но Маргарита была сама откровенность:

— Ты чего, с крыши упала? Ты же его видела. Семка — мой продюсер. Вообще-то он Семен Маркович, но я его так любовно называю. — И добавила без перехода: — Как дела?

Интересоваться моими делами — такого за ней сроду не водилось!

Я уже было совсем собралась ей рассказать о

том, что видела возле сквера, но она пожаловалась:

— Сил нет, сейчас засну стоя, как лошадь в стойле. — И выдала нечто окончательно меня добившее: — Спасибо тебе, Аня.

Последние слова так меня растрогали, что я готова была разрыдаться. Даже про труп в багажнике мгновенно забыла.

Выходит, ничто человеческое восходящим звездам отечественной эстрады не чуждо. Они тоже люди, просто их чаще, чем прочих, показывают по телевизору.

Глава 3

КАЖДОЙ ТУРГЕНЕВСКОЙ БАРЫШНЕ — ПО АМЕРИКАНСКОМУ КОВБОЮ

В научной библиотеке, где я работаю, коллектив исключительно женский, если не считать атлантов, уже полтора века исправно подпирающих фасад старинного особняка, в котором она помещается. А нас, библиотечных дам, наверное, с некоторым преувеличением можно было бы назвать кариатидами, поскольку мы своими хрупкими женскими телами (а в моем случае — девичьим) подпираем захиревшее здание отечественной науки. Несмотря на мизерную зарплату, мы каждый Божий день выходим на работу, ищем в пыльном фонде книжки, портим глаза, читая неразборчивые требования читателей, и падаем в обморок, обнаруживая, что какая-то сволочь, дабы не тратиться на ксерокс, опять вырвала несколько страниц из редкого издания.

• Ко всему прочему над библиотекой нависла

нешуточная угроза в виде безрадостной перспективы переезда в другое помещение, что называется, туда, куда Макар телят не гонял, поскольку наш симпатичный особнячок приглянулся денежным товарищам и они возмечтали устроить в нем ресторан, казино, варьете с девочками и еще черт знает что. Время от времени, когда претенденты на особняк обещали выложить за него особенно круглую сумму, страсти накалялись и судьба наша повисала на волоске, мы начинали тяжело вздыхать, а директриса Вера Исаевна глотать валидол килограммами. До сих пор нас спасал лишь тот факт, что здание является памятником архитектуры XIX века и по этой причине охраняется государством, а самой научной библиотеке без малого семьдесят лет. Буквально на днях будем отмечать юбилей. Кстати, по этому случаю нам обещали премию, и я, кажется, уже знаю, на что ее потратить.

Не успела я повесить пальто в шкаф, как на меня налетела Любана Соловьева.

— Слышала? Нас все-таки запродали, — сообщила она трагическим голосом. — Все, амба, недолго нам осталось дышать священной пылью.

Что правда, то правда, в библиотеке пыли полно, только вот в ее священности, правда, я не очень уверена.

— Это точно? — переполошилась я.

— Зуб даю, — авторитетно заявила Любана и прибавила: — Золотой. — Надо сказать, очень немаловажная поправка, поскольку с зубами у Любани дело обстоит очень напряженно, несмотря на то что едва ли не все свободное от работы время она торчит у стоматологов и чего только на себе не испробовала. Говорит, у нее плохая наследственность и нехватка кальция в организме.

— Ну что ж, — философски заметила я, — день, который начинается с трупа, должен иметь соответствующее продолжение.

Любанины глазки сразу разгорелись:

— С трупа? С какого еще трупа?

— С обыкновенного, мужского. По крайней мере, он был в штанах и одном ботинке.

— Почему в одном?

— Потому что ровно столько же я подобрала на месте происшествия.

После такой затравки Любаня вцепилась в меня хваткой голодной рыси и не успокоилась, пока не заполучила в качестве свежего мяса с кровью всех деталей моего утреннего приключения. Реакция у нее, правда, была неожиданная:

— Выбрось ты это из головы и в милицию больше не суйся. Во-первых, может, это вовсе не труп был — чего не померещится спросонья, а во-вторых, тебе что, в свидетельницы захотелось?

Я отрицательно покачала головой. Чего-чего другого, а в свидетельницы мне точно не хотелось.

— То-то же, — торжественно провозгласила Любаня, — а то знаешь, что бывает с нежелательными свидетелями? — Последние слова она проиллюстрировала красноречивым движением руки поперек шеи. — Опять же, даже если это и труп, что такого особенного ты видела? Номера запомнила?

— Не-а...

— Вот видишь, пользы следствию от тебя все равно не будет, только жизнь себе усложнишь. Опять же о милиционерах подумай, они дело заводят только при наличии трупа, а труп укатил на неизвестной машине и опять же в неизвестном направлении.

нии. Вот всплывет он где-нибудь, тогда и начнут чесаться.

— Всплывет? — потряслась я Любаниной прозорливостью. — Ты думаешь, его утопили?

Любаня посмотрела на меня как на законченную идиотку:

— «Всплывет» — это такое выражение, в общем, профессиональный жаргон. Я хотела сказать, когда его найдут.

— А если не найдут?

— Значит, у милиции одной заботой будет меньше.

— А как же ботинок? — спохватилась я.

— Ботинок? — Любаня подумала буквально долю секунды. — Гм-гм, ботинок, ботинок... По ботинку, конечно, опытный криминалист многое может определить. — Любаня знала, о чем говорила: столько детективов в рабочее время перечитала!

Я затаила дыхание, а она продолжала менторским тоном:

— Ну, размер, конечно, фирму, даже магазин, в котором его купили... Опять же почва на подошве, характерная походка... Каблук случайно не стоптан?

— Не рассмотрела, — призналась я.

— А ну его к лешему, этот ботинок, выброси ты его. Может, он не от трупа, может, его кто-то другой потерял, — круто переменяла тему Любаня. — Лучше о себе подумай, долго еще в Христовых невестах будешь ходить? Что это за юбка, что это за свитер?

Я потупилась, юбка у меня действительно старая, синтетическая, с вытянутыми на подоле петлями. Да кто ее заметит, если я все равно сверху халат надеваю, к тому же перед кем тут у нас кра-

соваться-то? Обычные посетители библиотеки — сплошь существа без ярко выраженных признаков пола. Для нас они даже не люди, одно слово — читатели.

— Слушай, — решительно заявила Любани, — я тебе мужика нашла. Отличный мужик, сама бы за него пошла, если бы не Вовка — он без меня пропадет.

Пояснение для несведущих: Вовка — муж Любани, доктор химических наук, получающий чуть-чуть побольше Любани, но несмотря на это ведущий какие-то фундаментальные исследования в дышащем на ладан НИИ. В отличие от других итээров, давно сделавших оттуда ноги, он целиком и полностью возложил себя на алтарь науки, в надежде, наверное, что отечество однажды прочухается и скажет: «Ой, кто это у нас такой преданный над колбами лысиной отсвечивает? Да никак Вова Соловьев? Вот тебе, Вова, за это почетная грамота!»

— Не мужик, а огурчик, главное — американец, — трещала без умолку Любани. — Вовка его на каком-то симпозиуме надыбал. Сорок' пять лет, профессор, собственный дом в этом, ах, черт, не выговорю, одним словом, в Штатах, счет в банке и прочие причиндалы. А — главное дело — подавай ему русскую бабу. Говорит, хочу, мол, тургеневскую барышню с идеалами. Вовка ему в ответ: это раньше тургеневских барышень можно было в бочках солить, а теперь они остались только на периферии. А тут я выступаю вперед и заявляю: повезло тебе, Джим, — его Джимом зовут — у нас одна такая дурочка с идеалами завалялась, считай, специально для тебя. С виду-то она не очень броская, но

идеалы при ней, причем в товарном количестве, одним словом, этот, хэнд мэйд!

Насколько я знаю, «хэнд мэйд» в переводе с английского значит «ручная работа». На что это, интересно, она намекает?

— Ну, штучный товар, редкий экземпляр, — поправились невозмутимая Любаня, — если хочешь, раритет.

Вот так-то лучше!

Весь день абонемент научной библиотеки обсуждал две животрепещущие проблемы. Первая — наш грядущий переезд туда, куда Макар телят не гонял. Вторая — мой американский жених, потенциальный, разумеется. Я бы даже сказала, очень потенциальный. Во всяком случае, от сладостных предчувствий я не томилаась.

Мнения разделились. Практичная Света Кузнецова, успевшая к своим двадцати пяти поменять трех спутников жизни, трезво замечала:

— Да все они козлы, только наши — отечественные, а этот — американский.

— Зато у этого козла счет в банке, — горячилась Любаня.

Умудренная жизнью Зинаида Порфирьевна, которой осталось полгода до пенсии, качала головой:

— А не стар ли он для нашей Анечки, сорок пять лет все-таки... Ей бы помоложе надо, ковбоя какого-нибудь. — Она мечтательно закатила глаза: — Ах, какие чудесные ковбои в американских вестернах!

Любаня фыркнула:

— Ну она тоже не пионерка, тридцать лет. А что до ковбоев, то они в Америке такая же редкость, как у нас тургеневские девушки.

Только мне слова не давали. Наконец я не вы-

держала, не могла же я позволить, чтобы мою судьбу решали другие.

— Вы что, обалдели? Не нужен мне этот американец, мне и так хорошо.

— Думаешь, тебе твоя Маргарита какого-нибудь попрыгунчика организует? — ревниво осведомилась Любана.

— Да никто мне вообще не нужен, — отчаянно отбивалась я из последних сил, но на меня не обращали внимания.

К концу рабочего дня дамский совет принял решение практически единогласно: историческое знакомство должно состояться. И чем скорее, тем лучше. При этом каждая из моих коллег руководствовалась собственными резонами, среди которых превалировал самый сакраментальный:

— А что ты теряешь?!

Похоже, большая часть гомо сапиенсов смотрит на жизнь именно с этой колокольни, если запросто решается на любое сумасбродство. Я не исключение, я пала под напором убийственного аргумента приблизительно на четырнадцатой минуте. После чего бабоньки дружно перешли от стратегии к тактике.

— Значит, так, — вынесла резолюцию Любана, — завтра в шесть вечера Джим приедет к Вовке обсудить доклад, а ты как бы случайно заходишь ко мне. Дальше только не дрейфь и веди себя естественно. Главное — принарядись и захвати селедку под шубой, остальное я беру на себя.

Я поперхнулась от неожиданности:

— К-как селедку под шубой, если я прихожу к тебе случайно?

— Ну как как, — возмутилась Любана, — пригостишь и привезешь в кастрюльке. А ты что, хочешь весь стол на меня взвалить? Мне ведь при-

дется делать оливье и лепить пельмени, чтобы устроить твою личную жизнь.

Я смирилась:

— Хорошо, я приготовлю селедку под шубой и случайно с нею к тебе зайду.

— Не мудри, — оборвала меня Любаня, — я буду встречать тебя в дверях, так что Джим про твою селедку не узнает. Лучше подумай, что наденешь... А взяла бы ты и попросила что-нибудь у своей артистки...

— Попробую, — сказала я с тоской. Незвестно, какое настроение будет у Маргариты, а то она запросто поднимет меня на смех.

Уже вечером, расставаясь с Любаней у троллейбусной остановки, я спохватилась:

— Слушай, а этот твой Джим случайно не негр?

— А я и не знала, Беспалова, что ты расистка! — воскликнула Любаня и ловко вспрыгнула на подножку подоспевшего «девятнадцатого».

А я осталась в одиночестве поджидать свой — «сорок седьмой». Моя девичья грудь при этом теснилась от предчувствий и сомнений.

Мораль: никого не пускай в свою личную жизнь дальше прихожей, если не хочешь обнаружить соглядатая в собственной постели. Но если уж так случилось, следи хотя бы, чтобы тщательнее вытирали ноги.

Глава 4

ОСТРЫЕ ТЕРНИИ НА ПУТИ К НЕХИТРОМУ ЖЕНСКОМУ СЧАСТЬЮ

Дома я опять споткнулась о подобранный утром ботинок, принадлежавший, по моим прикидкам, увезенному в неизвестном направлении покойни-

ку, чертыхнулась, включила свет и посмотрела на нашу с Чангом находку, так сказать, взглядом криминалиста. Потом села на пол и перешла к более детальному изучению важного вещдока. Ботинок как ботинок, сорок третьего размера, если судить по цифрам внутри, на стельке золотыми латинскими буквами название фирмы, которое мне, темной, ровным счетом ничего не говорило. И так ясно, что не «Скороход»: кожа отличная, фасон моднейший.

Что там Любаня плела насчет характерной походки и стоптанных каблучков? Я оглядела девственно чистую подошву, да их, похоже, обували не более одного раза. Даже на носке ни единой морщинки, совершенно новые башмаки — буквально вчера из магазина. С некоторой брезгливостью понюхала — запах хорошей кожи, и только. Думаю, самому Шерлоку Холмсу тут нечем было бы поживиться.

С тяжким вздохом я встала, зашвырнула ботинок подальше в угол и пошла готовить одинокий девичий ужин, состоявший из сосисок и чая с бутербродом. Прихватив из кухни тарелку и чашку, уселась на диван и включила телевизор. Ну есть у меня такая девичья слабость: пялиться в ящик, не переставая при этом ругать отечественный шоу-бизнес. Сегодня «давали» то же, что и вчера, то есть «тампаксы», «памперсы» и тетю Асю с отбеливателем. Когда я заканчивала вторую сосиску, на экране появилась заставка «Шлягер дня», а следом из компьютерных завихрений вынырнула Маргарита собственной персоной. Я даже жевать перестала.

Маргарита исполняла песенку, которая мне очень нравилась. Сама же она профессионально

именовала ее хитом и как-то сболтнула, что выложила за нее композитору целую кучу «зелени». Интересно, чем она расплачивалась со своим продюсером, у которого половые связи на телевидении? А, ладно, лучше послушаю. Я прибавила громкость и принялась с чувством подпевать Маргарите:

Ты меня не бойся, я не укушу,
Я всего лишь душу, душу попрошу-у-у...

На мой взгляд, у меня получалось даже лучше, зато у Маргариты «картинка» была — застрелись. Платье цвета крови тореро, поднятого на рога разъяренным быком, такие же губы, жадно и чувственно хватающие воздух, такие же ногти — настоящая женщина-вамп.

Между прочим, Маргаритин наряд поверг меня в некоторое смятение. Я вспомнила, что завтра мне нужно прибарахлиться, чтобы произвести впечатление на американского профессора. Следовало бы позвонить Маргарите и аккуратно закинуть удочку, ибо мой гардероб настоящая сборная солянка, а еще точнее винегрет, все разномастное и довольно блеклое. Допив чай, я принялась накручивать диск телефона.

— Слушаю, — деловито отозвалась Маргарита, — а, это ты...

Я решила зайти с флангов:

— Ой, я тебя только что по телевизору видела, ты там такая, такая — обалдеть!

Маргарите моя ничем не прикрытая лесть явно пришлась по вкусу.

— Ничего песенка, да? — самодовольно хмыкнула она в трубку.

— Ты же знаешь, это моя любимая песня, а ты,

ты — просто демоническая женщина, — добавила я экспрессии.

— Семка говорит, место в хит-параде мне обеспечено, — поделилась сокровенным Маргарита.

Выдав еще пару-тройку восторженных эпитетов, я замялась, мне никак не удавалось перекинуть логический мостик к интересующему меня гардеробному вопросу. Пауза затянулась, и Маргарита уже приготовилась произнести свое коронное «чао», когда я ухватила за соломинку — то бишь за Чанга.

— А что ему, — буркнула Маргарита, — сжевал мои новые туфли и доволен.

— Да что ты! — захохала я, в действительности обрадованная тем, что разговор сам собой поворачивал в нужное русло. — Это какие же, красные?

— Нет, перламутровые.

— Какая жалость, отличные были туфли, — фальшиво посочувствовала я. — Кстати, ты меня извини, но у меня такое дело... Видишь ли, ты не могла бы мне кое-что одолжить из одежды, а то меня завтра в гости пригласили, а я... Ты же знаешь, у меня всегда было плохо со вкусом, вот у тебя изумительный вкус... — Кто бы знал, как это унижительно — льстить и выклянчивать у Маргариты тряпки.

— Ладно, заходи завтра, — милостиво разрешила Маргарита.

— Я все... я в целости-сохранности, — залепетала я, еще не вполне уверенная в собственной удаче, но Маргарита уже бросила трубку.

Я тоже вернула свою на рычаг и перевела дух. Ну почему, черт возьми, я всегда чувствую себя рядом с Маргаритой неловким подростком!

Назавтра у меня был выходной, половину которого я потратила на приготовление селедки под шубой. Я терла вареную свеклу и сильно сомневалась в том, что американский профессор стоит таких жертв с моей стороны. Покончив с этой утомительной процедурой, ненароком выглянула в окно и увидела Маргариту в норковом свингере, вылезавшую из «Мерседеса». Ну вот, теперь нужно бы еще раз ей позвонить и испросить разрешения на визит, дабы не нарваться на грубость. Маргарита переменчива, как апрельский ветер, и еще неизвестно, в каком настроении она сегодня.

Я набрала Маргаритин номер и с замирающим сердцем стала ждать ее ответа. К моей радости, Маргарита помнила о нашем вчерашнем разговоре и даже — о чудо! — сама предложила:

— Если хочешь, я тебе и макияж сделаю, а то ты краситься совершенно не умеешь.

Глупо было бы не воспользоваться столь благоприятным расположением планет, а потому я быстро засунула кастрюльку с селедкой в сумку, решив, что если мое преображение из Золушки в принцессу затянется, то я сразу от Маргариты отправлюсь к Любане.

Маргарита была неподражаема. Придирчиво осмотрев меня с ног до головы, она изрекла с тяжелым вздохом:

— Ничего не скажешь, тяжелый случай. Впрочем, если над тобой как следует потрудиться, ты будешь отдаленно похожа на женщину.

— Ты думаешь? — спросила я с надеждой.

— По крайней мере, еще не все потеряно, — авторитетно заявила Маргарита.

Она распахнула створки огромного шкафа, простиравшегося вдоль самой большой стены ее двадцатидвухметровой комнаты, и принялась метать оттуда туалеты. Я же сидела, открыв рот, не в силах найти слов, достойных момента. Маргарита поочередно прикладывала ко мне то платье, то костюм, морщила чуть вздернутый носик и решительно отбрасывала одеяния в сторону. Наконец, к моему безмерному удивлению, она остановилась на том самом, алом, из клипа, в котором обещала никого не кусать. Небрежно накинув его на мои плечи поверх одежды, Маргарита отошла в сторону, подбоченилась, закусилла безупречными зубками маленького хищника нижнюю губку, подумала-подумала и выдала:

— Вот то, что тебе нужно. Американский профессор так обалдеет, что сразу забудет родной американский язык.

— Американцы говорят на английском, — деликатно вставила я и потупилась.

— Да? — удивилась Маргарита. — Не знала, что они такие отсталые, даже языка своего не придумали. И вообще, не пойму, чего ты мне пудришь мозги: английский, американский... Какая разница?

Действительно, какая? Я пощупала вызывающе красную ткань и робко заметила:

— А не слишком ли это будет?..

— Ты что, в самый раз! — уверенно заявила Маргарита. — Давай надевай.

Мысленно перекрестившись, я натянула Маргаритино платье и посмотрела в зеркало. На мой взгляд, это все же было слишком: впереди «молния» насквозь, коленки открытые и вообще как-то не очень сочеталось с заветным образом турге-

невской девушки. Однако мои застенчивые возражения Маргариту ничуть не тронули.

— Неплохо, неплохо, — задумчиво произнесла она, — вот только... — Она придиричливо оглядела ту часть моего тела, где в ее варианте притягивал взоры роскошный бюст, и заключила: — Нет, с этим надо что-то делать! Это разве грудь? Два прыща — выдавить и прижечь зеленкой! Может, тебе туда что-нибудь подложить?

Я испуганно замахала руками.

— Ну, как хочешь, — не стала настаивать она, — дело твое... Хотя не станет же он тебя сразу же ощупывать... Тогда... теперь вот это, — и моему взору явились высоченные сапоги, — ну-ка, примерь.

Я безропотно подчинилась. А что бы вы предприняли на моем месте?

Маргарита отступила на несколько шагов, как это делают ценители изящного в музее, и прицокнула языком:

— Ну наконец-то ты немного похожа на женщину, а не на моль библиотечную!

Мне же казалось, что я похожа на укротительницу тигров. Для полного сходства не хватало хлыста в одной руке и пистолета в другой. Во всяком случае, когда в раннем детстве мама водила меня в цирк, я там видела что-то подобное. Но спорить с Маргаритой — занятие безнадежное.

— Отлично-отлично, — с каждой минутой Маргарита все сильнее входила в раж, — теперь будем делать тебе лицо. Садись-ка. — Она решительным жестом указала в направлении туалетного столика, заваленного монбланами косметики и парфюмерии.

Я смиренно устроилась на краешке стула и от-

далась ей в руки. Что тут началось! В моем лексиконе просто не хватает слов, чтобы охарактеризовать это действо. Маргарита трудилась, высунув язык, с таким вдохновением, словно расписывала Сикстинскую капеллу. Время от времени она останавливалась и, склонив голову набок, любовалась своим произведением, после чего опять бралась за «палитру» и небрежными мазками авангардиста наносила на мое лицо новые штрихи. Когда она закончила, от тургеневской девушки не осталось и воспоминаний. Самое большее, на что я тянула в нынешнем обличье, — это на современный вариант Сонечки Мармеладовой.

— Мамочки! — не удержалась я от испуганного возгласа.

— Что, нравится? — расценила мой вопль в свою пользу Маргарита.

Сказать «нет» значило бы оскорбить Маргариту в лучших чувствах, а потому я только промямлила что-то неопределенное. Это вообще самая главная проблема моей жизни — никогда не могу сказать «нет» вовремя.

Я протянула руку за очками, лежащими на туалетном столике, но безжалостная Маргарита меня опередила.

— Ты что, очумела? — заорала она. — Очками ты все испортишь!

— Но у меня же минус пять, — прошептала я, полная тяжелых предчувствий.

— Хоть минус двадцать пять, — отрезала Маргарита, которая, судя по всему, была довольна собой и не сомневалась, что роль доброй феи ей удалась на славу. — Очки забереешь завтра, а то я тебя знаю, выйдешь за дверь и сразу нацепишь.

Я покорно вздохнула. Мы вышли в прихожую,

и я потянулась за своим пальто, висящим на вешалке.

Тут Маргарита страдальчески скривилась:

— О нет, только не это. Твой сиротский салопчик не подойдет.

Она вернулась в комнату и опять с головой погрузилась в недра безразмерного шкафа. Вынырнула она оттуда взлохмаченная, но с норковым свингером. Я отказывалась верить своим глазам. Аттракцион Маргаритиной щедрости приобретал вселенские масштабы.

— Может, не стоит?

— Кутить — так кутить. Только, — она почесала затылок, — поедешь на такси, нечего в троллейбусе тереться. Это тебе не кролик, а норка.

— Хорошо, — согласилась я и посмотрела на часы. Времени до встречи оставалось не так уж много, а я еще планировала заскочить все-таки домой, чтобы смыть с лица Маргаритин сюрреализм и захватить запасные очки.

Маргарита окинула меня с ног до головы взглядом Пигмалиона и благословила:

— С Богом.

Только я взялась за дверную ручку, как она заорала мне вдогонку:

— Стой!

У меня прямо сердце в пятки ушло, а Маргарита сбегала в комнату, притащила флакон духов и вылила на меня по меньшей мере добрую половину его содержимого. Так что, когда я вышла из подъезда, от меня разило, как из парфюмерной лавки.

Идти в Маргаритиных ботфортах на высочайших каблуках было все равно что на котурнах, меня заносило то в одну, то в другую сторону. В конце концов я непременно оказалась бы в сугробе, если

бы не использовала в качестве баланса кастрюлю с селедкой под шубой, которую я крепко прижимала к благородным Маргаритиным мехам. Дорогой я решала дилемму: зайти домой за очками или же сразу ловить такси, чтобы, не нанося ущерба взятым напрокат туалетам, благополучно добраться до Любани. Честно говоря, я все больше и больше склонялась к последнему варианту, поскольку первый представлялся малоперспективным по причине сапог.

Неожиданно какая-то машина затормозила где-то совсем рядом со мной. По крайней мере, судя по звуку. Я сощурилась, пытаюсь определить расстояние до нее и избежать нежелательного столкновения, когда чьи-то руки подхватили меня с двух сторон и легко, но настойчиво запихнули в салон. Я упала на что-то кожаное, лихорадочно ощупала это что-то, идентифицировала в нем здорового мужика и не придумала ничего остроумнее, чем спросить:

— Ой, кто это?

— Молчи, дура, — последовал не очень вежливый ответ.

— Вы, наверное, ошиблись, я не дура, я...

— Заткни ты ей рот, — посоветовала спина, маячившая прямо передо мной. — И глаза завяжи.

— Все будет о'кей, — заверил тот, что назвал меня дурой, и ловко запихнул мне в рот какую-то тряпку. Следующим движением он завязал мне глаза — совершенно бессмысленная предосторожность: в полумраке без очков я и так ничего не видела.

— Вот, так-то лучше, а если будешь дергаться, я тебе обеспечу короткое замыкание, — пообещал мой галантный кавалер.

Мог бы и не предупреждать, я и так была в глубоком обмороке от страха, точнее, в анабиозе.

— Трогай, — слышалось в кромешной темноте, — доставим девушку по адресу.

И автомобиль понес меня навстречу неизвестности.

Глава 5

Я СТУПАЮ НА СТЕЗЮ ОПАСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

— Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны, — больно толкнул меня в бок мой супер-галантный сосед.

Я попробовала пошевелиться, но это мне не удалось — я никак не могла прийти в себя от страха. Кроме того, последний отрезок пути был как стиральная доска, и меня основательно растрясло. Сосед еще раз пихнул меня с тем же нулевым результатом.

— Ну вот, придется тащить на горбу. Так мы не договаривались, — пожаловался он своим невидимым сообщникам.

Кто-то заржал и браво скомандовал:

— Раз-два, взяли!

Я почувствовала, как мое невесомое тело скользит по обивке сиденья. Через минуту я уже находилась в вертикальном положении.

— Чего это у нее? — они предприняли попытку изъять у меня сумку с кастрюлей. Попытка эта удалась им не сразу, поскольку мои руки свело в судороге прямо-таки намертво.

Смешливый бандит опять заржал:

— Кастрюля! Это нам, что ли, братва, угощение? На моей практике такое впервые.

— Заткнись! — отрезал тот, что завязывал мне глаза.

Двое опять вцепились в меня слева и справа и поволокли вперед по глубокому снегу. Я едва успевала кое-как перебирать ногами. Где я? Что со мной будет?

Общими усилиями преодолев сугробы, мы оказались на расчищенной тропинке. Сначала залаяла собака, потом протяжно заскрипели дверные петли, и мне почему-то пришло в голову, что я на кладбище.

— Может, развязать ей глаза? Все равно уже пришли.

Если бы не кляп во рту, я бы сказала, лучше не надо. Так, по крайней мере, я могу только догадываться, в какое ужасное место они меня завезли, а что со мной, бедной, будет, когда я увижу все своими глазами, пусть даже и невооруженными?

Меня втолкнули в какое-то помещение и уже потом развязали глаза. Все, что я смогла разглядеть, — яркий свет. И еще: комната показалась мне очень большой. Осмотреться как следует мне не дали, открыли какую-то дверь и с разбегу опять швырнули в темноту. Я налетела на что-то мягкое и замерла, втянув голову в плечи. Потом позади раздался голос:

— Сиди спокойно и не рыпайся. Можешь поспать, если хочешь.

Дверь захлопнулась, и я осталась одна. Кое-как отдышавшись, я вытащила изо рта кляп, большой и смятый носовой платок (будем надеяться, что чистый), но это мне не очень помогло. Хотя в подобную ситуацию я попадала первый раз в жизни,

у меня были смутные подозрения, что орать «караул» бесполезно. Никто меня, несчастную, не услышит и не бросится на выручку, рискуя молодой, цветущей жизнью.

Какое-то время я настороженно прислушивалась к происходящему за стеной, откуда слышался мужской смех и неясные разговоры, а потом поползла в ту сторону, где, по моим прикидкам, должно было находиться окно. Оно и в самом деле обнаружилось за шторами, правда, зарешеченное. Я приникла к стеклу, но не увидела за ним ничего, кроме холодной снежной равнины, освещенной полной луной, и дело тут скорее всего было не только в моей близорукости. Самое главное, я не имела ни малейшего понятия, кого мне благодарить за гостеприимство.

Кому и зачем я понадобилась? Богатое воображение рисовало мне картины одну ужаснее другой. То мне представлялось, как меня взрезают безо всякого наркоза, чтобы добыть почку, то скармливают пушистым хищникам, то сплавляют в гарем к старому сластолюбцу. Гм-гм, если бы я имела возможность выбирать, то, наверное, все-таки остановилась бы на последнем. Не могу я терпеть боль дольше одной секунды.

Ползком я вернулась на место, на ощупь нашла что-то вроде кровати и легла, поджав под себя ноги и накрывшись Маргаритиным свингером. И стала себя морально готовить к самому страшному. При этом меня переполняло чувство справедливого негодования. Почему, собственно, я? Чего плохого я сделала в жизни? Я хорошо училась, уступала в транспорте место старшим, а когда мои подружки целовались с ребятами по подъездам, честно готовилась к поступлению в институт, в результате чего

к своим тридцати осталась в тургеневских девушках. Даже вспомнить нечего перед смертью! Одно утешение: предстану перед Господом чистой и непорочной.

Я перевернулась на другой бок и заскулила, практически беззвучно, из опасений, что меня услышат бандюги за стеной. Никаких удобств — даже напоследок всласть не поревешь. На память пришла Любаня, которая, наверное, в эти минуты поминала меня незлым тихим словом. Завтра она меня убьет, подумала я, и спохватилась: а будет ли завтра? Жалея себя, я так увлеклась, что всхлипывала все громче и громче. Когда я взяла особенно трогательное тремоло, дверь распахнулась, и комнату напололам разрезал луч света. Я предусмотрительно затихла, но все равно удостоилась грозного окрика:

— Не скули, сучка, на нервы действуешь. А то я тебе...

Дверь захлопнулась, и я осталась в неведении относительно своих ближайших перспектив, но все же решила больше не искушать судьбу. Шмыгнув носом, закрыла глаза и стала плакать мысленно. Так и заснула в слезах, что само по себе удивительно.

* * *

Сначала мне в глаза ударил свет, такой яркий, что я его почувствовала сквозь опущенные веки, инстинктивно потянула на себя Маргаритины меха... и резко подскочила. На меня ласково смотрел незнакомый тип, с совершенно лысой и гладкой, как яйцо, головой, только брови у него были мохнатые и торчащие во все стороны одновременно, как

усы у камышового кота. Обычное дело — природа почти всегда руководствуется принципом «зато»: если чего-то мало в одном месте, зато в другом непременно избыток. У меня, например, то же самое: личная жизнь полностью отсутствует, зато внутренняя очень богатая. Господи, да о чем это я в такую минуту?

— Привет, красавица. Извини, что разбудил, — сказал тип приветливо и уселся на край кровати.

— Здравсьте, — ответила я и попыталась прикрыть коленки Маргаритиным платьем. Бесполезное занятие — не для того оно было предназначено.

— Симпатичное у тебя платьице, — заметил лысый. — И цвет подходящий.

— Кровь тореро, — зачем-то брякнула я.

— Что-что?

— Это цвет так называется, — вежливо пояснила я.

— Понятно, — лысый улыбнулся и вдруг резко рывкнул, повернув голову в сторону двери: — Вы кого мне привезли, козлы?

У двери стояла колоритная троица, которой, очевидно, и предназначался вопрос. Все здоровые, как двухстворчатые шкафы, с бычьими шеями, бритыми затылками и довольно глупыми физиономиями. Троица переглянулась, вперед выступил один, самый крупногабаритный, внимательно осмотрел меня, слегка наклонившись, и недоуменно пожал аршинными плечами:

— Кого заказывали, того и привезли...

— Это не она, идиоты, — гробовым голосом сказал лысый.

— Я им то же самое говорила, — вставила я, несколько приободрившись.

— Заткнись, ласточка, — оборвал он меня.

Уговаривать меня не пришлось.

— Как не она? — воскликнул крупногабаритный, а его приятели испуганно переглянулись. — Она же вышла из того же подъезда...

— Вам что было сказано? — лысый побагровел от гнева. — Вам было приказано взять ее прямо из квартиры, а не возле подъезда!

Бандюги приуныли и обиженно засопели. Я тихо торжествовала, стараясь не показывать виду, чтобы лишний раз не дразнить гусей.

Лысый закинул ногу на ногу, глубокомысленно помолчал и, встретив мой настороженный взгляд, объявил:

— Видишь, с кем приходится иметь дело? Ничего доверить нельзя!

Я хотела сказать: «Как я вас понимаю», но в конце концов рассудила, что в моем положении рот стоит открывать только по специальному требованию.

— Придется все исправлять самому, — подвел итог лысый и встал с кровати.

— А с этой что делать? — поинтересовался крупногабаритный.

Неимоверным усилием воли я напрягла свои телепатические способности и послала лысому вариант ответа: «Отвезти домой». И чтобы он не чувствовал себя ограниченным в действиях и имел возможность выбора, тут же прибавила другой: «Просто отпустите, сама доберется, не маленькая».

К сожалению, он не воспользовался ни первым, ни вторым:

— Откуда я знаю? Пусть пока здесь побудет, заказчик разберется.

Я готова была разреветься, а он мне посочувствовал:

— В неприятную историю ты попала, маленькая. Как тебя зовут, кстати?

— Аня... Беспалова...

— Вот так, Аня Беспалова, придется тебе еще немного задержаться. Поспи-ка лучше, — посоветовал он, выключил свет, и я опять осталась одна со своим горем.

Естественно, несмотря на дружеский совет, я больше не смогла глаз сомкнуть, а разборки продолжились в соседней комнате на очень повышенных тонах. По крайней мере, на этот раз до меня долетали отдельные слова и обрывки фраз. Лысый в основном обходился эпитетами, причем непечатными. Остальные невнятно канючили в извинительных тонах. Потом все стихло, только где-то вдалеке завелся мотор автомобиля. Или мне примерещилось? Все, что мне оставалось, так это ждать заказчика, о котором говорил лысый, и надеяться на его благоразумие.

Удивительно, но ждать мне пришлось не очень долго, потому что приблизительно через полчаса за стенкой началась непонятная возня, крики и еще такие странные хлопки, услышав которые я инстинктивно свалилась с кровати и столь же инстинктивно под нее заползла, мгновенно приняв позу эмбриона. Прodelывая все это, я ни о чем не думала, просто во мне включился внутренний автопилот, какой есть у каждого, но не у каждого вовремя срабатывает. Так вот, не успела я свернуться калачиком под кроватью, дверь с грохотом отворилась, в двух сантиметрах от моего носа остановились ботинки армейского образца, повернулись на каблуках, потоптались туда-сюда и удалились обратно.

— Больше никого, — констатировал их обладатель. — Делаем ноги.

Входная дверь громко хлопнула только один раз и, видимо, так и осталась раскрытой, ибо по полу потянуло промозглым сквозняком. В носу у меня защекотало, и я чихнула, проклиная все на свете. Прислушалась: в ответ — тишина. На всякий случай еще минут пять полежала под кроватью и наконец выбралась. Медленно выглянула в соседнюю, ярко освещенную комнату и прикусила язык, чтобы не заорать благим матом.

А заорать было от чего: мои недавние обидчики, все трое, валялись на полу в самых разнообразных положениях без малейших признаков жизни и даже, напротив, с многочисленными признаками смерти в виде кровавых луж, застывших лиц и стеклянных глаз. Я схватила Маргаритину норку и выскочила в ночь, не имея ни малейшего представления, куда бежать, потому что вокруг, до самого горизонта, был только снег и темное небо. Нужно найти дорогу, подумала я, ведь как-то мы сюда приехали!

Глава 6

КУДА ДЕВАЛАСЬ МАРГАРИТА?

Идти по сугробам в Маргаритиных сапогах было сущее наказание, единственный положительный момент — снег не набивался за высокие голенища. Прямо в глаза лепили отвратительные мокрые хлопья, вокруг ни огонька, если не считать ярко освещенного каменного дома с мансардой, который я только что покинула в страшной спешке. Оглянувшись, я бросила в его сторону прощальный взгляд

и, подняв воротник, пошла вперед, между делом тихо поскуливая и размазывая по лицу остатки щедрого Маргаритинового макияжа.

Скорее всего я, не ведая того, выбрала самый длинный путь, потому что на дорогу выбралась, проблуждав предварительно не менее получаса. Это была именно дорога, а не шоссе, к тому же проселочная. С одной ее стороны, насколько хватал взгляд, простиралось бесконечное белое пространство, с другой густел лесок. Выйдя на более-менее утоптанную поверхность, я посмотрела сначала налево, потом направо, чтобы сориентироваться, каким курсом мне двигаться дальше. Прodelав эту несложную процедуру и убедившись, что двигаться могу в любом направлении с одинаковым успехом, я пошла куда глаза глядят.

Шла я, как мне показалось, очень долго, так и не встретив человеческого жилья или чего-нибудь его напоминающего. За все это время мне также не попалось ни единой машины. Я брела медленно и безнадежно, точно отступающий француз по Старой Смоленской дороге, и уже ни на что не надеялась, когда меня ослепил дальний свет автомобильных фар. От неожиданности я зажмурилась и замерла посреди дороги. Тормоза резанули по натянутым нервам, я судорожно прикрыла лицо руками...

— Так твою... — кто-то знал толк в ругательствах, которые я не привожу дословно только по причине природной скромности.

Я отняла от лица сначала одну руку, потом другую.

— Ох, мама дорогая, — сказал любитель изящной словесности уже несколько иным тоном, — кто это тебя так разукрасил?

Я только жалобно всхлипнула и подняла глаза, но почти ничего не увидела из-за метели и собственной близорукости.

— Ты куда, в Дубки?

— В Дубки? — тупо повторила я. Это название мне ровным счетом ничего не говорило. — Нет, я не в Дубки, я куда-нибудь... Мне нужно в город...

Водитель присвистнул:

— А чего ж идешь в другую сторону?

— А я не знаю, куда идти...

— Ладно, садись, подвезу... Не бойся, не изнасилую.

Нашел чем пугать после того, что я пережила. Я протиснулась на заднее сиденье и спросила:

— Который час?

— Половина пятого, — ответил он и добавил: — Рановато для прогулок, как думаешь?

Я была с ним полностью солидарна.

Мужик оказался на редкость разговорчивым. Можно было подумать, что последние полгода он провел в полярной экспедиции, где в конце концов был вынужден съесть не только собак, но и попутчиков-первопроходцев, — так ему хотелось общения.

— ...Честно сказать, я тут вообще в первый раз пешеходов вижу. Зайцы на дорогу выбегали, один раз даже лось из заповедника забрел — тут заповедник неподалеку, — но пешеходы не попадались, — болтал он, повиснув на баранке. — Тут же кругом дикая, можно сказать, первозданная природа. Одна деревенька есть — Дубки — и в той пять дворов, а в них старики да старухи... Эй, ты там живая? Если спать хочешь, не стесняйся.

Он покрутил ручку приемника, и в ночную тишину ворвалась Маргарита, точнее, ее голос:

...Ты меня не бойся, я не укушу,
Я всего лишь душу, душу попрошу...

— Ничего песенка, и девчонка, которая ее поет, тоже ничего, симпатичная, не помню, как ее... Особенно попка... — он обернулся. — Ты, кстати, на нее немного похожа...

— На попку?

— Нет, — он засмеялся, — на певицу. Есть что-то общее, я сразу заметил. Если бы еще... Знаешь, у тебя краска на лице немного того... Платок дать?

— Давай.

Второй раз за сегодняшний день мужчины предлагали мне свои носовые платки. Первый раз, правда, в качестве кляпа.

— Может, познакомимся? Меня зовут Павел. А тебя?

— Аня, — обычно я избегаю неоднозначных знакомств, но в моем нынешнем положении заявление «на улице не знакомлюсь» прозвучало бы, наверное, достаточно странно.

Я с остервенением принялась вытирать косметику с лица, вспоминая при этом Маргариту, которая раскрасила меня под себя. Честно говоря, имидж демонической женщины меня никогда не привлекал.

Павел обернулся, посмотрел на меня и опять присвистнул:

— Да тебя не узнать! Совсем другое лицо. Надо же, прямо профессиональный грим! Ты какая настоящая?

Стоп, я зажала платок в кулаке, ведь он сказал, что в Маргаритиной боевой раскраске я сильно на нее смахиваю. Значит ли это... Кошмар, ужасный ужас, конец света! Выходит, эти ребята, что теперь, наверное, уже беседовали с Богом в оправдатель-

но-извинительном тоне, меня тоже перепутали? И нужна им была не я, а Маргарита? Они сидели и терпеливо поджидали ее у подъезда, а тут выкатилась я при полном параде и с селедкой под шубой... Получается, что, примерив на себя Маргаритины тряпки, я примерила и ее проблемы. Но зачем им Маргарита, зачем?

Мой бескорыстный спаситель все еще не мог прийти в себя, обнаружив на заднем сиденье собственного авто синий чулок вместо той роковой женщины, которую он благородно, но опрометчиво подобрал на проселочной дороге. Он крутил головой и бормотал ошарашенно:

— Ну и дела, в первый раз такое вижу...

А меня разморило в тепле, и я задремала, несмотря на тяжкие мысли и пережитые приключения...

— Эй, не спи, подъезжаем... Куда тебе?

— Да отсюда я могу уже сама... Мне бы только до метро...

— Нет уж, я тебя лучше до дому довезу, а то ты чудная какая-то. Вдруг опять заплутаешь.

Я назвала адрес и спустя пятнадцать минут была уже возле своего дома.

Первое, что я сделала, очутившись на родной земле, — посмотрела на Маргаритины окна: они были ярко освещены, — а потом спросила у товарища по имени Павел:

— Сколько я вам должна?

И кто меня только тянул за язык! Впрочем, в глубине души я почему-то была уверена, что он благородно откажется от платы, ведь моя сумка практически со всей наличностью осталась где-то там, в заснеженной пустыне, рядом с холодными трупами. Значит, придется брать из денег, которые я от-

кладывала на новую стиральную машинку. Старая-то у меня совсем развалилась.

Слава Богу, он меня не разочаровал:

— Можешь считать меня службой спасения. В другой раз не теряйся.

— Не буду, — пообещала я не очень уверенно.

— Ну пока! — Он махнул рукой и аккуратно тронул машину с места, а я пошла к Маргарите. Я просто обязана была ее предупредить и, честно говоря, совсем не думала об опасности. Похоже, после недавних событий это чувство у меня совершенно атрофировалось.

Я только прикоснулась к звонку, даже не успев по-настоящему нажать, а дверь рывком распахнулась, что было совсем не похоже на Маргариту. Я не успела очухаться, как уже стояла посреди комнаты и удивленно лупила глазами по сторонам. Нет, восходящей звезды российской эстрады я ими не узрела, зато увидела трех мужиков. Один из них показался мне смутно знакомым. Я осторожно отступила к туалетному столику и быстро нащупала оставленные здесь очки. Они оказались на месте. Отлично, так я чувствовала себя увереннее.

Ну вот, теперь я узнала Маргаритиногo продюсера, как же его звали... Ага, кажется, Семен Маркович, или Семка по-маргаритиному. Два других были мне незнакомы, что, конечно, совершенно неудивительно: знакомых мне мужчин можно пересчитать на пальцах одной руки, и львиная их доля — мужья моих библиотечных сослуживиц. Еще я увидела Чанга, он чинно сидел на полу, привязанный поводком к батарее, и даже не пытался таявкать. Тоже мне страж. Впрочем, чего от него ждать, когда у Маргариты вечно толпится куча народа. Попробуй разберись тут, кто свой, а кто чужой?

Что еще? В Маргаритиной квартире царил такой беспорядок, что, не будь он обычным, нетрудно было бы списать его на следы борьбы или ограбления. Особенно впечатлял безразмерный шкаф, содержимое которого, словно взрывной волной, разметало в радиусе десяти метров.

— А где... а где Маргарита? — я с трудом усмирила бешеное сердцебиение. Обращалась я исключительно к продюсеру.

Тот только поморщился и отвернулся к окну. Ответил мне другой, худощавый, высокий брюнет лет тридцати пяти. Собственно, он даже не ответил, а, напротив, задал мне встречный вопрос:

— А вы кто будете?

— Кажется, это ее подружка и, между прочим, на ней вещи Маргариты, — буркнул Семен Маркович, не оборачиваясь.

— Имя? Фамилия? — настаивал брюнет.

Мне так надоело, что со мной обращаются как с рабыней на тростниковой плантации, что я решила продемонстрировать свой норов:

— А вы кто? Обычно мужчины представляются первыми.

Брюнет криво ухмыльнулся, быстро сунул руку в нагрудный карман пиджака, достал оттуда какую-то маленькую книжечку и молниеносно развернул ее передо мной. Все, что я успела разглядеть, — надпись «Министерство внутренних дел» и большую круглую печать, но благоразумно сочла, что такого представления с его стороны вполне достаточно.

— Беспалова Анна Николаевна, — отрапортовала я без запинки и, предусмотрительно опережая следующий вопрос, добавила: — Работаю в научной библиотеке.

— А кем приходитесь Маргарите Ивановне Жужжаловой? — Он не сводил с меня внимательных глаз, очень красивых и очень холодных.

Да, не удивляйтесь, настоящая Маргаритина фамилия — Жужжалова, а Алмазова — сценический псевдоним. Маргарита очень долго и придирчиво выбирала себе благозвучное имя и остановилась на производном от названия самого дорогого драгоценного камня. А что, Маргарита Алмазова — звучит! Зато вообразите, что было бы, если бы она оставила свою настоящую фамилию? Страшно подумать. Труднопроизносимая, с тремя буквами «ж», да и что это за певица такая — Жужжалова? От такой захочется отбиваться руками и ногами, как от назойливой пчелы. И даже Маргаритин голосок золотой рыбки не спасет положения. Не так уж много я понимаю в шоу-бизнесе, но в подобных вещах разбираюсь.

Но, кажется, я отвлеклась. Итак, красивый брюнет спросил меня, кем я прихожусь Маргарите.

— Я... он верно сказал, я ее подруга. — Здесь, если положить руку на сердце, я покривила душой: какие мы с Маргаритой подруги, скорее приятельницы.

— И когда вы ее в последний раз видели?

— Ну... вчера, около шести вечера...

Я заметила, как брюнет и второй, видимо, обладатель такой же симпатичной книжечки, пока не принимавший участия в разговоре, многозначительно переглянулись.

— А что случилось? — поинтересовалась я, хотя, кажется, сама могла бы догадаться.

— А случилось то, уважаемая Анна Николаевна, что вашу подругу кто-то похитил.

— Уже? — ляпнула я и осеклась.

Поздно, эти двое набросились на меня, как ястребы на отставшего от стада ягненка.

— Что значит «уже»? Что вы об этом знаете? — и так далее.

Разумеется, я не стала изображать из себя партизанку на допросе. Я все им выложила в леденящих душу подробностях, и, похоже, мой рассказ произвел на них соответствующее впечатление. Заключила я свою душераздирающую историю выводом:

— Понимаете, они приняли меня за Маргариту, они перепутали... Потому что я была одета, как она, накрашена так же и так далее...

«И так далее» я прибавила для красного словца, ибо дальше одежды и макияжа наше с Маргаритой сомнительное сходство не простиралось. Пожалуй, покойные бандюги были еще теми растяпами.

— Вы помните место, в которое вас отвезли похитители? — снова насеял на меня брютет.

Я замялась:

— Н-нет... То есть там, кажется, поблизости есть деревня Дубки и заповедник, в котором водятся зайцы и лоси.

— Хорошо хоть не дикие обезьяны, — в первый раз подал голос напарник брютета, невысокий, плотный и коренастый, напоминающий крепкого деревенского парубка, а потом коротко бросил: — Свяжусь с управлением, пусть выяснят, все-таки заповедник серьезный ориентир, — и ушел на кухню.

Что касается брютета, то он и не думал униматься.

— Как вы добрались обратно?

— Меня подвезли...

— Кто? На чем? Приметы? Марка машины? — на меня опять посыпался град вопросов.

Что я могла ответить? Только то, что ни машины, ни ее владельца не разглядела, всего лишь запомнила его имя — Павел.

— Не густо, не густо, — надул тщательно выбритые щеки брюнет. — Что ж вы такая ненаблюдательная, Анна Николаевна?

— Я наблюдательная, просто без очков я плохо вижу, а мои очки оставались здесь, у Маргариты.

— Забыли, что ли? — вкрадчиво осведомился брюнет. Я не совсем понимала, куда он клонит.

— Нет, она сама их у меня забрала. Сказала, что очками я испорчу свой... гм-гм... имидж. — пояснила я, медленно заливаясь краской.

Мои метаморфозы не ускользнули от бдительного сотрудника Министерства внутренних дел, только, сдается мне, он истолковал их превратно:

— Кстати, о вашем имидже... Это правда, что на вас одежда пропавшей?

— Да... — Я мысленно приказывала себе не краснеть. Куда там, у меня, наверное, даже пятки покраснели!

— А с какой целью вы ее взяли?

Вы не можете себе представить, до какой степени мне не понравился этот вопрос!

— Она сама предложила мне переодеться в ее одежду, потому что... Меня пригласили в гости, и... и я хотела хорошо выглядеть... Моя одежда здесь, видите, на стуле? Я переоденусь, потом...

— Не надо, — оборвал он меня, — переодеваться пока не надо. Извините, но вашу одежду сначала придется направить на экспертизу.

— На экспертизу? — опешила я, смысл сказанного брюнетом до меня еще не дошел. Я только представила, что кто-то будет разглядывать мою синтетическую юбку с вытянутыми петлями, и мне стало нехорошо.

А брюнет не давал мне опомниться:

— К кому вы собирались в гости?

Я автоматически назвала имя и фамилию Любани и продиктовала ее адрес. Много ли та могла рассказать, разве что охарактеризовать меня тургеневской барышней с идеалами, редким экземпляром и непроходимой душой. Впрочем, не так уж она и далека от истины в свете последних событий.

Тут из кухни вернулся второй с сотовым телефоном и сообщил:

— Деревня Дубки и заповедник есть в Ясеновском районе.

Брюнет вскинул голову:

— Тогда надо брать группу захвата и гнать на место.

— Уже вызвал, — заверил его напарник, — и связался с тамошним управлением, чтобы дали нам сопровождающего.

— Отлично, — одобрил брюнет, — эту захватим с собой, а его отпустим.

Я догадалась, что под «этой» он имел в виду меня. Очень вежливо, ничего не скажешь. Имея опыт общения и с теми, и с другими, могу авторитетно заявить: по манере ухаживать за женщинами милиционеры ушли не очень далеко от бандюг. Хорошо еще, что сучкой не называют.

Тот, с сотовым, подошел к невежливому и доложил на пониженных тонах, но я все равно услышала:

— В ванной заметил подозрительные пятна, очень похоже на плохо смытую кровь.

Я похолодела, а продюсер Семен Маркович, до сих пор хранивший скорбное молчание, схватился за голову и застонал:

— Пронал, пронал... Все летит к чертям: кон-

тракт, запись на телевидении, выгодные предложения...

Судя по тому, что сотрудники очень компетентных органов на его истерику обратили ровно ноль внимания, они это уже слышали и скорее всего не однажды. Но получалось у Семена Марковича очень жалостливо, впору на паперть становиться.

— А криминалистов вызвал? — спохватился брюнет.

— Обижаешь...

Выяснив наконец, что они понимают друг друга с полуслова, эта парочка принялась терзать меня с удвоенной энергией. Особенно интересовались личностью лысого, но, сколько я ни напрягала остатки извилин, ничего нового не припомнила.

Потом напарник брюнета еще раз связался с кем-то по телефону и объявил:

— По коням!

Из дома мы вышли вчетвером. Только Семен Маркович сел в какую-то иностранную машину и с чувством хорошо исполненного гражданского долга отправился домой досыпать, а меня затолкали на заднее сиденье сильно заляпанного автомобиля, даже не поинтересовавшись моими ближайшими планами. И все опять по милости Маргариты!

Роскошь человеческого общения по карману далеко не каждому. Не мне — так уж точно.

Глава 7

МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ФЕТИШИСТКОЙ

Всю дорогу породистый брюнет донимал меня вопросами:

— Вы этой дорогой сжали? Узнаете?

Я ошалело рассматривала мелькающие за стек-

лом окрестности, которые мне ровным счетом ничего не напоминали. Да что я могла разглядеть в темноте без очков?

— Ладно, Григорий, заруливаем к районному управлению, чтобы нам с группой захвата не разминуться, — вздохнул его соратник по нелегкой службе, — может, она возле Дубков сориентируется.

Брюнет, оказавшийся Григорием, посмотрел на меня через плечо с некоторым сомнением, но ничего не сказал.

После указателя «Ясеновский район» мы свернули налево, проехали по улице районного городка, застроенной приземистыми оштукатуренными двухэтажками, и затормозили на маленькой площади перед зданием скучного казенного вида. Тут уже стояли две милицейские машины и микроавтобус мышиного цвета.

— Приехали, — доложил Григорий. — Посидите, а я быстро.

Он вышел из машины, с недовольством оглядел переполненный мусорный контейнер, стоявший поодаль, и решительно толкнул дверь, обитую деревянными планками.

— Я закурю, — то ли спросил, то ли констатировал свершившийся факт оставшийся со мной в машине младший по званию. Может, конечно, он и не младший, но, судя по тому, что всем заправлял ушедший Григорий, я была недалеко от истины.

В общем, он немедленно претворил в жизнь свое намерение, а я, забившись в уголок, прислушивалась к тоскливому бурчанию в желудке, который настойчиво требовал пицци. В последний раз я ела почти пятнадцать часов назад и сейчас бы, наверное, проглотила дося из заповедника вместе с рогами и копытами. Субтильные девушки — а я

имею честь относиться именно к этой категории — прожорливы, как пираньи. Тот самый случай, когда обманчивая внешность запросто введет в заблуждение любого.

Григорий вернулся минут через десять с еще одним товарищем в штатском, который коротко представился:

— Младший лейтенант Бритиков.

— Лейтенант Шутов, — ответил ему в том же духе мой страж. — Садись вперед, будешь дорогу показывать, — а сам перебрался ко мне.

Меня они дружно проигнорировали, словно я была пустым местом.

Григорий развернул автомобиль, и мы поехали в обратном направлении.

— До заповедника отсюда пятнадцать километров, — между тем рассказывал лейтенант Бритиков. — Населенных пунктов там никаких нет, кроме Дубков, да и там два десятка стариков. Отвод земли под строительство категорически запрещен, так что... Хотя недавно, насколько я знаю, несколько домиков в окрестностях заповедника появились, точнее, они еще строятся. Вроде областное начальство себе местечко приглядело. Ну, начальство всегда найдет, как обойти собственные запреты...

— Ладно, посмотрим эти домики, — буркнул Григорий и добавил: — Что же это областное начальство здесь дорогу заодно не подремонтирует? Прямо ухабы на ухабах.

— Так это потому, что дома недостроены, и они пока сюда носа не показывают. А вот когда закончат, тогда им наверняка не понравится бить здесь свои «мерсы».

— Да здесь запросто можно гонки на выжива-

ние устраивать! — хмыкнул сидящий со мной рядом лейтенант Шутов.

— Тогда мы едем правильно, — выступила я, хотя меня никто об этом не просил.

Шутов и Бритиков уставились на меня, Григорий продолжал следить за дорогой.

Я пояснила:

— Я помню, что меня жутко трясло.

— Посмотрим, посмотрим эти домики, — повторил Григорий.

— «Домики» — мягко сказано, скорее особнячки, — уточнил лейтенант.

— Да хоть царские чертоги!

— Кстати, вот они! — лейтенант указал на крыши, едва видневшиеся в редком сосняке.

— Да как туда проехать, все завалено снегом! — крикнул Григорий.

— Да, завалило, — почесал затылок лейтенант, — а чего вы хотите, метель всю ночь была.

Сыщики переглянулись.

— Что будем делать? — бросил в пространство Григорий.

— Пусть ребята посмотрят, — неопределенно молвил лейтенант Шутов и уставился на меня. — Вам это место знакомо?

Я пожала плечами. Конечно, я помню, что там было много снега, но вряд ли это обстоятельство зимой можно считать безусловной приметой.

— Если бы посмотреть дом изнутри, — спохватилась я, — я бы точно узнала.

— Внутри я бы тоже узнал, — усмехнулся лейтенант Шутов, — особенно если там трупы.

— Ладно, отдаю команду, — сказал Григорий и вышел из машины.

Я повернула голову и увидела стоящий позади

серый микроавтобус, из которого быстро, по одному выпрыгивали люди в камуфляже. Странно, как они все там помещались.

Лейтенант Шутов взглянул на часы и закурил новую сигарету. Я продолжала безуспешно бороться с голодом. Спать, кстати, мне тоже хотелось, и время от времени я снимала очки и терла себе переносицу. Судя по взгляду младшего лейтенанта Бритикова, который я случайно поймала, выглядела я при этом мокрой курицей. Я подумала, что выдержу еще час от силы, после чего упаду в голодный обморок.

Тут из перелеска появился камуфлированный тип, подошел к машине, распахнул дверцу со стороны водителя и скучным тоном доложил:

— Там пять домов, похоже, все нежилые. Возле крайнего были свежие следы, мы туда аккуратно заглянули. В доме трое, но они далеко не трупы. Скорее бомжи, спят, в стельку пьяные. Что с ними делать, брать?

— Я так и думал, — обронил Григорий трагическим голосом и обернулся к Шутову. — Ну что, пойдем посмотрим? Или есть другие предложения?

Тот тяжело вздохнул:

— Других предложений нет.

И посмотрел на меня:

— Вы с нами.

— Так точно, — сморозила я зачем-то. Наверное, от усталости.

Мы двинули по белой целине, чуть ли не по колено утопая в снегу. Мужчины то и дело чертыхались, проваливаясь в сугробы, я в Маргаритиных ботфортах чувствовала себя комфортнее.

— Насморк как минимум мне обеспечен, —

мрачно заметил Шутов. — Если будет что посерьезнее, возьму больничный. Осточертело гореть на работе. Пусть ваша Маргарита, или как ее там, не обижается.

Мы приблизились к домам из белого кирпича, удивительно однообразным, точно построенным по одному проекту, хотя, присмотревшись, можно было заметить кое-какие отличия. Вид у всех домов абсолютно нежилой, только к крайнему вела цепочка свежих следов.

— Ну что, вам это что-нибудь напоминает? — обратился ко мне Григорий.

— Не знаю, — пробормотала я, — а внутрь можно войти?

— Сейчас войдем, — пообещал Григорий.

Мы прошли через темную прихожую и очутились в большом скудно обставленном холле. Здесь прямо на полу похрапывали три мужичка в драной одежонке, от которых очень характерно пахло дешевой выпивкой, прокисшей мочой и давно не стираным бельем.

— Вот вам и трупы, — хмыкнул Шутов.

Я повернула голову направо и увидела дверь. Не говоря ни слова, толкнула ее и очутилась в небольшой комнате. Там у стены стояла кровать, на зарешеченных окнах висели пыльные портьеры... Дыхание у меня перехватило... Я оглянулась и сообщила упавшим голосом:

— Это тот самый дом, я здесь была, только не пойму, куда делись трупы...

Лейтенант Шутов с сомнением покачал головой.

— Поищите, где-то здесь должна быть моя сумка и это... кастрюлька с салатом.

— Мы уже все облазили, нет здесь ничего, — отозвался камуфлированный.

— Надо бы криминалистов вызвать, — пробормотал Григорий, — но без санкции как-то... Тем более что домик не простому колхознику принадлежит. Боюсь, и так после нашего визита полмесяца объяснительные строчить придется.

— А с этими что делать? — поинтересовался камуфлированный, брезгливо кивая в сторону спящих мертвецким сном бомжей.

— С этими? — Григорий задумался. — Что-что, допросить бы их надо. Это в идеале, конечно, — он не скрывал своего раздражения, — только для начала нужно, чтобы они проспались, — он поискал взглядом местного лейтенанта. — Слушай, Бритиков, приютил бы ты их, что ли, на время. А когда начнут лыко вязать, допросил бы. Не думаю, что удастся разузнать что-нибудь стоящее, но все же...

Было заметно, что перспектива возиться с дурно пахнущими гражданами Бритикову сильно не понравилась, но возражать он не стал. Видимо, в их ведомстве не принято спорить со старшими по званию.

Отдав инструкции, Григорий погрузился в раздумья, картинно обхватив плечи руками на манер Ленского перед сценой дуэли. Я бы даже не удивилась, если бы он вдруг пропел: «Что день грядущий мне готовит», но он обошелся привычной прозой:

— Ох, не нравится мне все это!

Остальные молча внимали.

Наконец он стряхнул с себя меланхолию:

— Скажи-ка, Бритиков, может, все-таки поблизости есть еще что-нибудь подходящее?

Тот наморщил невысокий лоб:

— Насколько я знаю, больше ничего нет, товарищ капитан. Есть еще лесничество, но там всего лишь два деревянных барака, а кругом лес.

Капитан Григорий почесал затылок и изрек мечтательно:

— Найти бы этого Павла, который ее подвез...

Я уже почти привыкла, что обо мне говорят в третьем лице.

— Ладно, едем в управление, — заключил капитан, — и покончим с формальностями.

После этих слов я даже несколько приободрилась, тщетно рассчитывая в обозримом будущем поесть, принять душ и как следует выспаться. Ах, как я ошибалась. Потому что в том месте, в которое они меня доставили, меня терзали расспросами еще часа полтора, не меньше, и взяли с меня подписку о невыезде (?!!). Не могу сказать, чтобы у меня были планы на недельку-другую смотаться на Багамы, честно говоря, я вообще уже два года отпуск провожу дома, но такое бесцеремонное вмешательство в свободу моего передвижения меня безмерно возмутило.

— Почему? — спросила я, наставив на капитана Григория свои глаза, красные от бессонницы и готовые в любой момент излить скопившуюся в них влагу.

— В интересах следствия, — туманно отвечивал он, подсовывая мне на подпись очередную бумагу.

Из художественной литературы я знала, что ничего нельзя подписывать, не читая, но силы мои были на исходе, а потому я легкомысленно пренебрегла своими правами. Черкнув возле карандашной галочки, вскочила со стула, полагая свою мис-

сию выполненной. А меня, оказывается, поджидал еще один сюрприз.

— Есть еще одна небольшая формальность, — вежливо поставил меня в известность капитан. — Не стоит принимать это близко к сердцу, но обязательства складываются таким образом, что нам придется провести обыск в вашей квартире.

Я испытала настоятельную необходимость присесть и, не оказись капитан разворотливым, оказалась бы на полу.

— Вы что, меня подозреваете?

— Мы всего лишь проводим необходимые следственные действия, — выкрутился этот нахал.

...Пока они проводили свои следственные действия, я сидела на диване, обхватив голову руками. Правда, надо отдать им должное, управились они довольно быстро и, наверное, сильно разочаровались, не обнаружив на антресолях Маргаритино тело или хотя бы какой-нибудь из ее соблазнительных конечностей.

Я только слышала, как они удивленно перешептывались в прихожей:

— Смотри, ботинок мужской...

— Ну и что!

— Так один.

— А может, она фетишистка... Мужик ушел, а ботинок она на память оставила. Чего на свете не бывает...

Когда этот кошмар кончился, я спросила у Шутова, могу ли я забрать Чанга.

— Кого-кого? — не понял он.

— Пса Маргариты.

Он поискал причину для отказа и не нашел:

— Да, пожалуй...

МАРГАРИТА — ГЕРОИНЯ ДНЯ

Я бы, наверное, не проснулась, не будь Чанга. Это он стащил с меня одеяло, когда кончился завод будильника. Я нащупала на тумбочке очки, надела их, оглядела свое опозоренное обыском жилище и едва не разрыдалась. Чанг покрутил мордой и начал выводить жалостливые рулады. Этого хватило для того, чтобы я взяла себя в руки.

— Чего скулишь? — пожурила я его. — Лучше расскажи, где твоя хозяйка? И вообще, какой же ты сторож, если Маргариту увели у тебя прямо из-под носа?

Чанг перестал выть и понуро поплелся в прихожую.

— То-то же, — буркнула я, натянула халат и двинулась в ванную.

Там, застыв с полным ртом зубной пасты, я минуты две любовалась собственным отражением. Скажу честно, из зеркала на меня смотрела не тургеневская девушка, а старуха Шапокляк в молодости.

Наскоро позавтракав и накормив пса, я собралась на работу. Напоследок торжественно провозгласила, обращаясь к Чангу:

— Учти, остаешься на хозяйстве.

К порогу библиотеки я подошла с тяжелым сердцем. Мне предстояли тяжелые объяснения с Люба-ней, наверняка уже заготовившей мне самую теплую встречу. Но даже в столь экстремальных условиях я не стала менять привычек и, как обычно, ненадолго задержалась на крыльце, чтобы поздороваться с атлантами.

— Привет, ребята, — кивнула я им, — умаялись небось? Как я вас понимаю!

Трудяги атланты проводили меня кроткими взглядами великомучеников, продолжая поддерживать плечами облупленные стены. Вот что значит чувство долга!

Родной коллектив что-то живо обсуждал. Судя по всему, свежую прессу.

— А вот и она! — воскликнула Света Кузнецова. — Сейчас мы все узнаем.

Я невольно отпрянула, когда на меня двинулась Любана, покачивая бедрами и помахивая свернутой в трубочку газетой.

— Я тебе все объясню, — пообещала я, отступая назад. — Понимаешь, я никак не могла прийти, потому что случилось нечто такое... Только это между нами.

Любана молниеносным движением опытного фокусника развернула передо мной газету, после чего я застыла с открытым ртом. Через всю полосу тянулся интригующий заголовок «Кто похитил Маргариту?», а под ним помещалась Маргаритина фотография, правда, не очень удачная.

Я вырвала газету из Любаниных рук и впилась в текст, который начинался бодро и многообещающе: «Популярная певица Маргарита Алмазова исчезла при загадочных обстоятельствах. По словам ее продюсера Семена Хайкина, накануне ему позвонил неизвестный и заявил, что он больше никогда не увидит свою протеже. Хайкин немедленно поехал на квартиру певицы, где обнаружил только страшный разгром и следы борьбы...»

С трудом переведя дух, я стала читать дальше, но не почерпнула больше ничего принципиально нового. Собственно, о похищении речь больше не

шла. Автор, некий К. Самохвалов, кратко описывал историю Маргаритиногo восхождения на поп-Олимп, а также скандалы, в которых прогремело ее славное имя. А было их, как оказалось, немало. Самоуверенный журналюга называл ее даже сексуальной львицей, а список Маргаритиных любовников с наиболее значимыми именами занимал целый абзац.

Заканчивалась бойкая статейка многозначительным выводом: «Всякое было в отечественном шоу-бизнесе, в том числе мошенничество, утаивание прибылей и даже громкие убийства, но до сих пор эти происшествия затрагивали уровень директоров и продюсеров. Таким образом, если исчезновение Маргариты не утка, это первый случай охоты на звезд, и, очень возможно, не последний».

— Можно подумать, ты ничего не знаешь, — тоном следопыта со стажем заметила Любана, — сама вчера даже на работу не пришла. А ко мне, кстати, вчера приезжал товарищ с оловянными глазками и долго расспрашивал, правда ли, что я пригласила тебя на вечеринку.

Сердце у меня затрепыхалось:

— А ты?

— А что я? Рассказала, как все было. Между прочим, мы тебя ждали до десяти, а Джим очень расстроился. Я даже ему твой адрес дала...

Я оставила без последствий Любанину самостоятельность, не до того мне было.

— Лучше расскажи, о чем тебя спрашивал товарищ с оловянными глазами?

Она сделала серьезное лицо, которое ей совершенно не шло:

— Ну... спросил насчет вечеринки, это я тебе уже рассказывала. Потом вообще твоей личнос-

тью интересовался. Учти: я тебя характеризовала с самой лучшей стороны, хотя вообще-то была на тебя злая из-за Джима. Честно говоря, я подумала, что его твой ботинок беспокоит, ну тот, который ты нашла, и решила молчать, как рыба. Мол, ничего не знаю. Зачем мне свидетельницей быть, ведь правда? Надеюсь, ты на меня не в обиде?

Я отрицательно покачала головой.

Любана снова блеснула любопытными глазами:

— А теперь давай рассказывай, рассказывай...

— Что рассказывать? — прикинулась я дурочкой, а каково это при моем-то интеллекте!

— Как что? — опешила она. — Про исчезновение.

— Я почти ничего не знаю, а кроме того, дала подписку о неразглашении, — довольно правдоподобно соврала я, чему сама же и удивилась. Вообще-то я славлюсь тем, что совершенно не умею врать. Будем считать, это мой первый относительно удачный опыт.

На широкой Любаниной физиономии немедленно отразилось почти детское разочарование. Она вздохнула и сказала совершенную ересь:

— Есть же счастливые люди, все время с ними что-то происходит: то они чьи-то ботинки находят, то подружек у них похищают... А тут живешь: работа — дом, работа — дом...

С ума сойти, первый раз в жизни мне кто-то позавидовал!

До самого вечера я ползала между книжными стеллажами, как осенняя муха по стеклу. Во-первых, после того что я пережила накануне, спать полагалось не меньше недели. Во-вторых, у меня из головы не шла статейка неведомого К. Самохвалова. Было в ней некое несоответствие. Если журна-

лист ничего не перепутал или не приврал, как принято у этой братии, выходило, что похитители, едва успев совершить свое злодейское похищение, поспешили поставить о нем в известность широкую общественность. То есть они известили Маргаритиногo продюсера, но это все равно. Хотя я и не самый большой специалист в бандитской психологии, должна признаться, что такое поведение показалось мне довольно странным.

В какой-то момент я решила посвятить в свои размышления капитана Григория (впрочем, я уже знала его фамилию — Сомов, он на всякий случай оставил мне свой телефон) и лейтенанта Шутова, но по зрелом размышлении отказалась от этой затеи. Скорее всего они и без меня во всем разберутся, а мое вмешательство сочтут какой-нибудь коварной уловкой и желанием отвести от себя подозрения. Нет, но каковы, каковы — решили, что я могу быть причастной к исчезновению Маргариты! Конечно, напрямую они мне этого не заявляли, но в каком свете тогда рассматривать подписку о невыезде и обыск!

Вот если бы найти того самого Павла, который меня подвез! Ничего не скажешь, простая задачка, особенно если учесть, что я его не узнаю, даже столкнувшись на улице нос к носу. Я приуныла и пребывала в таком малоперспективном состоянии практически до конца рабочего дня, пока меня не посетила первая идея. А именно: связаться с журналистом Самохваловым. Правда, я быстро от нее отказалась, ведь журналист своего рода испорченный телефон — получает информацию, приправляет на свой вкус сплетнями и выдумками и бросает в широкие массы. Нате, широкие массы, ку-

шайте, только смотрите не подавитесь и не обляпаетесь.

Нет, журналист не годится. Значит, нужно поговорить с Маргаритиным продюсером. Однако где его найти, особенно теперь, когда квартира Маргариты со всеми ее записными книжками опечатана? Поинтересоваться у капитана с лейтенантом? Представляю, сколько новых встречных вопросов накопилось у них с тех пор, как мы расстались!

Нет, Семку, как его любовно называла Маргарита, мне придется искать самостоятельно, не имея ни малейшего понятия, где могут отираться подобные проходимцы. У нас с ним и знакомых-то общих никаких, кроме Маргариты, которую в данном случае придется сбросить со счетов. Впрочем, поковырявшись в памяти, я вспомнила о Стасе Коротникове.

Стас Коротников работал на телевидении. Один раз Маргарита, видимо, в порядке поощрения за преданность и долготерпение, захватила меня в телестудию. Она тогда принимала участие в какой-то дурацкой передаче. Не помню, что конкретно там происходило, но в ушах у меня звенит по сию пору. Этот самый Стас бегал по сцене чуть ли не в павлиньих перьях, нес какую-то околесицу, а малочисленная публика восторженно орала и бесновалась. Шум стоял такой, словно две противоборствующие армии схлестнулись в ближнем бою. Я только потом поняла, что на самом деле там просто включали в нужных местах фонограмму. Маргарита тоже спела какую-то песенку, между делом представив меня этому самому Стасу. Таким образом, он оказался единственным моим знакомым

на телевидении, и не исключено, что он знает, где найти многоуважаемого Семена Марковича.

Но и с Коротниковым встретиться не так-то просто. Вряд ли меня так запросто пустят на телевидение. Остается лишь поджидать поблизости, скромно переминаясь с ноги на ногу. Что ж, это вполне в моем духе, в духе робкой и неуверенной в себе тургеневской девушки. Вот Маргарита, та бы нашла способ пробраться куда угодно, хоть в подземный бункер ЦРУ. Пару раз бы улыбнулась, вильнула попой, отпустила глупую шуточку — и дело в шляпе. Недаром же именно с Маргаритой и произошло волшебное превращение из Золушки в принцессу, а вовсе не со мной. Впрочем, с ней же в конце концов и стряслись неприятности, между прочим, затронувшие и меня.

Из недр книгохранилища мягкой походкой пантеры прошествовала Любана, мучимая неистребимым любопытством. Бросив в мою сторону алчный взгляд, она тяжело вздохнула и стала укладывать книги в тележку.

«Долго ли мне еще придется пробыть на должности героини дня?» — подумала я с тоской. Все-таки, в отличие от Маргариты, это не мое амплуа.

Глава 9

«ГЛОКАЯ КУЗДРА»

Стаса Коротникова я дождалась, промаявшись на ветру и холоде часа два. Он шел в обнимку с молоденькой блондиночкой, смеясь и оживленно жестикулируя. Меня он, конечно, не заметил и прошел мимо, хоть я, завидев его, и изобразила на озяб-

шем лице жалкую улыбку просительницы. Ничего не попишешь, пришлось его окликнуть.

— Стас! — пискнула я застенчивой мышкой.

Он обернулся и посмотрел на меня, как на пустое место (на меня почти всегда так смотрят):

— Вы меня?

Я робко приблизилась и забормотала, краснея:

— Вы меня, наверное, не помните... Нас знакомила Маргарита Алмазова... Помните, она участвовала в вашей передаче?..

При имени Маргариты на его гладкой физиономии дамского угодника возник определенный интерес. Еще бы, благодаря газетам она была сегодня на слуху у всех.

— Что-то не припомню... А вы кто ей будете?

— Так, просто знакомая...

— И что же вы хотите, просто знакомая?

— Я ищу ее продюсера. Не знаете, как мне это сделать?

— Это Семена, что ли? — он призадумался. — Сегодня это непросто, ведь его журналисты просто на части рвут. Я сам пытался с ним связаться, но его сотовый не отвечает. Так что... А впрочем, он может быть у «глоков», он ведь их тоже продюсирует.

— У гло... кого?

Он усмехнулся, на лице его было написано привычно-снисходительное — «темнота!».

— Группа есть такая «Глокая куздра». Хайкин взялся ее раскручивать недели две назад. — Корытников порылся в кармане, достал блокнот и ручку, что-то быстро черкнул, вырвал листок и передал мне. — Вот адресок. Если вам нужен Сема, то пайте прямо туда.

— Сегодня, наверное, поздно, — растерялась я.

Стас посмотрел на часы.

— Самое время. «Глоки» как раз приняли ящик водки, запили двумя пива и пришли в творческое состояние. Желаю успеха... — Он взмахнул рукой и снова обхватил за талию блондинку.

Они быстренько загрузились в маленький юркий автомобиль, похожий на блестящую букашку. Букашка дернулась и быстро скрылась из виду. Я осталась с листком, вырванным из блокнота Стаса Корытникова.

* * *

Я таки решилась, что было с моей стороны, конечно, верхом легкомыслия, и явилась по адресу, данному мне Корытниковым. Дверь мне открыл долговязый взлохмаченный парень в драных джинсах и кургузой майке, из-под которой взирал на мир пупок, откровенно и беззастенчиво. Парень посмотрел на меня и икнул. Потом почесал свой голый живот и сказал:

— Че стоишь, заходи.

Я удивилась, но вошла.

Это была не квартира, а самая настоящая конюшня, роль яслей в которой исполняли ящики, о которых упоминал Стас. Повсюду валялись пустые бутылки. Впрочем, пару гитар я тоже рассмотрела.

— Смотрите, кого я вам привел! — торжественно объявил гостеприимный хозяин. Честно говоря, я не совсем поняла, к кому он обращался.

Все объяснилось, когда из соседней комнаты, слегка пошатываясь, появились три полуразмытые тени мужеского пола. Они уставились на меня, безо всякого удивления. Один из них спросил:

— Ты журналистка?

Я отчаянно замотала головой.

— Тогда чего тебе?

Я замялась, не зная, с чего начать, но на всякий случай переместилась поближе к выходу.

— Вы эта... «Глокая куздра»?

— Она самая, которая «штеко бодланула бокра».

— Тогда я ищу вашего продюсера...

— Этого самозванца? — не очень уважительно отозвался голопузый. — А зачем он тебе?

— Поговорить нужно, — ответствовала я в лучших традициях жанра и сама ужаснулась.

— Тогда жди, он скоро заявится. Черт, как надоел, просто покоя не дает...

Я беспомощно огляделась в поисках, куда бы мне присесть. На глаза мне попало что-то вроде кушетки, на которой почему-то стояли тарелка с остатками какой-то еды и грязная пепельница. Брезгливо отодвинув тарелку, я сиротливо устроилась на краю кушетки, положив пальто на колени. С этого момента «глоки» совершенно про меня позабыли, вооружились гитарами, включили свою аппаратуру и всю занялись «творчеством», а я получила возможность получше их разглядеть.

Это были обыкновенные ребята, смахивавшие на хронически хвостатых студентов технического вуза, неожиданно для себя сдавших сессию и уже вторую неделю отмечающих это славное событие. Тот, что открыл мне дверь, — с длинными волосами, которые украсили бы любую женщину, правда, нечесаными. Второй — с коротким «ежиком», зато с серьгой в ухе. Третий был примечателен разве что мощными татуировками в виде аксельбантов на плечах. Что касается последнего, то он благодаря очкам производил впечатление мальчика из хоро-

шей семьи, волею судеб попавшего в дурную компанию. Вроде бы он был еще не совсем потерян для общества, но печать порока уже лежала на его малокровном челе вчерашнего отличника.

Голопузый волосатик щелкнул пальцами и напомнил «вчерашнему отличнику»:

— Ты вступаешь после десятого такта.

Тот сосредоточенно кивнул.

Они взяли несколько аккордов и запели на удивление неплохо. Я незаметно для себя стала отбивать ритм каблуком и с досадой поморщилась, когда волосатик оборвал песню:

— Черт, не нравится мне. Текст какой-то дубовый, нужно его как-нибудь переделать.

Он стал ходить из угла в угол, бормоча под нос, как пономарь:

— ... А помнишь, раньше я к тебе спускался солнцем на стекле... Но, тронув кудри ветерком, я навсегда покинул дом...

— А что, рифма как рифма, — пожал плечами обладатель «роскошных аксельбантов», — «дом» с «ветерком» вполне рифмуется. Не пойму, чего ты мудришь?

— Рифма — рифма, а смысл? — огрызнулся волосатик и снова принялся за свое. — Нет, первая строфа ничего, а вторая — не в дугу... А помнишь, раньше я к тебе...

— Ну, завелся, Пушкин, — махнул рукой парень с серьгой в ухе, — теперь надолго, — и снял с плеча ремень гитары.

«Пушкин» маялся, повторяя одно и то же:

— ... А помнишь, раньше я к тебе спускался солнцем на стекле... А помнишь, раньше я к тебе...

Не знаю, кто меня дернул за язык, но я не удержалась:

— ... И, тронув кудри ветерком, украдкой в твой являлся сон...

Все четверо восторженились и посмотрели на меня так, словно в первый раз увидели. Волосатик пришел в себя довольно быстро.

— Ущипните меня, — сказал он, — первый раз встречаю женщину, которая что-то понимает в стихосложении.

Я смущенно зарделась. Честно говоря, я с детства увлекалась рифмоплетством, но из-за застенчивости держала это обстоятельство в страшной тайне. Можно сказать, это было первое мое публичное выступление. Тем приятнее, что оно оказалось вполне успешным. Волосатик повторил вслух мой вариант и заметил:

— А что, так, пожалуй, лучше. Оставим пока про сон, а дальше посмотрим. Репетируем дальше.

— Ну наконец-то, — отозвался «отличник», трогая гитарный гриф.

Они запели снова, а я, гордая собой, устроилась на кушетке повольготнее, смело переместив на подоконник тарелку и пепельницу. «Глоки» становились мне роднее и симпатичнее буквально с каждой минутой, и я чувствовала себя в их компании удивительно комфортно, даже лучше, чем в коллективе родного абонементы.

Несожиданную идиллию прервал длинный и требовательный звонок в дверь.

Музыканты переглянулись, волосатик застонал сквозь зубы:

— К-какую сволочь там принесло? Я из него сейчас отбивную сделаю.

И решительным шагом направился к двери. Потом из прихожей донесся разговор на повышен-

ных тонах, он быстро оборвался, и в комнату вкатился Семен Маркович собственной персоной.

— Репетируете — это хорошо, — он довольно потер руки.

На лицах «глоков» энтузиазма по поводу его прихода я не разглядела. Тут он заметил меня:

— А эта что здесь делает?

— Я ищу вас...

— С какой стати? — Продюсер едва не просверлил меня насквозь подозрительным взглядом.

— Мне нужно кое-что выяснить.

— Выяснить? Что еще выяснить? — по-бабьи взвизгнул Семен Маркович. — Выясняйте все в милиции. Я горю синим пламенем, как швед под Полтавой, — кажется, у него от расстройства все в голове перепуталось, — теряю колоссальные деньги по милости этой истерички... Зачем я с ней только связался на свою бедную еврейскую голову! Теперь еще меня журналисты трясут, как грушу, из-за нее... Я так и знал, что она в конце концов вляпается в какое-нибудь дерьмо...

— И в какое... То есть куда она, по-вашему, вляпалась?

Хайкин пошел на меня, в буквальном смысле загоняя в угол:

— Слушай, че те надо, че те надо, бледная спирохета? Че тебе не сидится спокойно в твоей библиотеке?

Возможно, от меня осталось бы только мокрое пятно на стенке, не вмешайся в нашу импровизированную разборку длинноволосик. Он подошел к продюсеру вплотную, взял за лацканы габардинового пальто и внятно спросил:

— Ты чего девушку обижаешь, козел?

— Я ее обижаю? — мгновенно переменял тон

продюсер. — Толя, ты меня не понял. Мы с ней давно знакомы, она Маргаритина подружка.

— Да? — недоверчиво уточнил Толя-волосатик.

Я кивнула.

— Ну раз так, то побалакайте, старые знакомые. — Он отошел в сторону, предоставив нам с Семеном Марковичем возможность набалакаться вволю.

— Ну, чего ты от меня хочешь? — зашипел на меня продюсер. — Че тебе надо? — он явно начал повторяться.

— Я так поняла, что вы были недовольны Маргаритой... Почему? — спросила я только для того, чтобы побольше ему досадить.

— Твоя подружка — неблагодарная дрянь. Я ее вытащил из грязи, если бы не я, она до сих пор торговала бы рюмками... Слишком быстро возомнила себя великой певицей!

И тут до меня дошло: Маргарита собиралась дать отставку своему продюсеру, а иначе зачем бы ему было переключаться на «глоков».

Я уже говорила, что один из самых существенных моих недостатков — неумение сказать «нет» в необходимых случаях, вторым по значимости следовало бы признать мою убийственную прямооту. Всегда говорю то, что думаю, ну, почти всегда...

Как только я наглядно продемонстрировала этот свой недостаток, Семен Маркович затрясся от справедливого негодования:

— Какая сама — такие и подружки! Да я первый собирался ее бросить, особенно после того, как эта идиотка втюрилась в инопланетянина.

— В ино... — я даже закашлялась, — ...планетянина?

Хайкин раздраженно махнул рукой:

— Так называют композитора Лозинского. Спела одну его песню, за которую, между прочим, я отвалил баснословные денежки, и влюбилась, как кошка. Кто бы мог ожидать таких африканских страстей от этой рязанской телки! И вообще я не понимаю, что это еще за допрос? Мало мне, что ли, милиционеров и журналистов... И все со своими подозрениями! А какая мне выгода от ее исчезновения? Да никакая, наоборот, одни убытки. Я в эту дуру столько бабок вбухал, а теперь они — тютю, а я при своих интересах!

Эта кровожадная акула шоу-бизнеса разволновалась не на шутку:

— ... Да мне вообще кажется, что она все подстроила, если на то пошло. Надо знать этих артистов — они же моральные уроды, ради дешевой популярности пойдут на что угодно. Та же Маргарита всегда задницей виляла так, будто пыталась с нее горячую сковородку сбросить... И вообще ее задница появлялась на экране чаще, чем физиономия... А теперь, когда газеты раструбили об истории с исчезновением, представляешь, насколько подскочат ее акции! А за сорванный контракт отдуваться будет Семен Маркович!

— Что за контракт?

— А-а-а! Чего мне стоило его заполучить! Главная роль в российско-итальянском музыкальном фильме! И все коту под хвост... Там каждый день простоя стоит колоссальные бабки. В общем, с завтрашнего дня вместо нее будет сниматься Нинель.

Я вспомнила обстоятельство, беспокоившее меня больше других:

— Вы не помните, в какое время вам позвонил Маргаритин похититель и заявил, что вы ее больше не увидите?

Хайкин уставился на меня, как удав на кролика, и в его взгляде было столько классовой неприимости, что я невольно поежилась.

— Слушай, ты, подруга, ты куда клонишь? Что-то я не пойму... Тебя что, в милиции завербовали?

Я вспыхнула:

— Я, между прочим, имею к этой неприятной истории самое прямое отношение. У вас обыск делали? Нет? А у меня делали!

Семен Маркович многозначительно надул и без того пухлые губы и озабоченно поцокал языком:

— Смотри-ка, а они, похоже, всерьез за дело взялись. Неужели это правда насчет крови в ванной? Вот так да! Маргарита всем подложила крупную свинью...

Он помолчал, видимо, обдумывая, стоит ли делиться со мной информацией, и добавил:

— Не помню я точного времени, на часы не смотрел, но было это еще до полуночи, точно. Я только что вернулся с телевидения и, кстати, сам собирался позвонить Маргарите... А тут звонок, голос какой-то бесполой, механический... Честно говоря, я подумал, что это ее же дурацкая шутка, и поехал к ней... А потом вызвал милицию. А что мне еще оставалось делать?

Внезапно в его лице произошла резкая перемена, похоже, разговор ему здорово надоел.

— Слушай, может, хватит об этом? У меня эта тема уже, знаешь, где? — он постучал пухлой ладонью по загривку. — Уже второй день: Маргарита — то, Маргарита — се, а дела стоят. Я должен работать, ра-бо-тать!

И он пошел вести творческие дискуссии с «глоками», то есть попросту лаяться, а я осталась наедине со своими глубокими размышлениями. А подумать мне было о чем. Странно все-таки получается: я,

конечно, не ручаюсь на сто процентов, но мои внутренние часы подсказывали мне, что лысый объявился в загадочном доме часа в три ночи и только тогда выяснилось, как лопухнулись его подручные, ныне покойные. А к тому времени, если верить Хайкину, он уже поставил в известность милицию. Какая-то галиматья, честное слово! Не могли же они выкрасть ее из-под носа у милиции! А что, если... Ну, конечно, это единственно возможный вариант... Маргарита была не дома, а в каком-нибудь другом месте, где они ее и сцапали. Допустим... И все-таки позвонили-то они намного раньше. Хотя тогда они были абсолютно уверены, что я — Маргарита! Ну вот, это еще на что-то похоже, если Семка не пудрит мне мозги. С него, я думаю, станется, так же, как и с Маргариты. А что, если эти двое вообще сговорились, а шишки валятся на меня? Ой, мамочки, кажется, я совсем запуталась!

Я отключила голову и услышала монотонное бормотание. Это Семен Маркович обрабатывал «глоков»:

— ...Нужно побыстрее выбросить в продажу компакт-диск, потом быстренько снимаем клип, запускаем его сразу по всем каналам... Успех я гарантирую, потому что такой группы, как наша, сегодня на эстраде нет...

— Именно, как наша, — подчеркнул волосатик.

— Наша, ваша, какая разница...

— Большая, — продолжал настаивать привередливый «глок».

— Ну хорошо, ваша, — смирился Хайкин, — главное, вы вникните: я вам предлагаю беспроигрышный вариант, а вы кочевряжьтесь. Да стоит мне только свистнуть...

— Вот и свисти!

В таком духе они цапались довольно долго, и конца этому диспуту не предвиделось. Когда сладкоречивый Семен Маркович ненадолго умолк, чтобы в тишине мобилизовать оставшиеся в его распоряжении словарные ресурсы, я решилась задать свой последний вопрос.

— Вам не трудно будет сказать, где найти композитора Лозинского и Нинель, которая будет сниматься в фильме вместо Маргариты?

Что тут началось! Хайкин обрызгал меня слюной с головы до ног:

— Она еще здесь! Да будет сегодня покой или нет?!

Выручил меня «отличник». Порывшись в карманах своих штанов, он вручил мне смятую визитку с золотым тиснением: «Лозинский Виктор Петрович, композитор...» и так далее. А волосатик сообщил:

— Нинель сейчас найти трудно, она нигде долго не задерживается. Если только... Знаешь кабак «Пьяная индейка»? Это ее любимое заведение.

Я готова была расцеловать экзотическую четверку «глоков» в знак глубокой и искренней благодарности. Единственное, что помешало мне осуществить это намерение, — это моя неистребимая застенчивость. Третий по значимости из моих недостатков.

Глава 10

СЕКРЕТ ЛЕВОГО БОТИНКА

Уже в подъезде я услышала собачий вой и поняла, что еще немного, и мои отношения с соседями будут безнадежно испорчены. На этот раз Чанг

превзошел самого себя: он то жалобно поскуливал, как болонка, которой прищемили хвост дверью, то мрачно завывал, как собака Баскервильей, почуявшая жертву. Просто кровь в жилах стыла.

Услышав звук поворачиваемого ключа, Маргаритин зверь замолк на секунду, после чего огласил окрестности благостным верещанием. Я открыла дверь и, даже не включая света, поняла, что Чанг успел от души похозяйничать в моей еще не успевшей прийти в себя до конца после обыска многострадальной квартире. Осветив поруганное жилище, я не удержалась от возмущенного вопля:

— Да что же это делается, люди добрые!

Чанг стащил с дивана покрывало и от души на нем повалялся, изорвал газеты, легкомысленно оставленные мной на журнальном столике, и свалил с подоконника мою единственную растительность — жирный куст алоэ в керамическом горшке. Горшок, разумеется, разбился, и теперь весь пол был присыпан влажной землицей. Но это было еще не все: посреди комнаты лежал башмак неизвестного покойника, представлявший собой жалкое зрелище. Все, с вещдоком покончено!

— Ну что ты наделал, негодяй ты этакий?!

Чанг уставил на меня свои круглые и влажные глаза-маслины, как бы говоря: «А что тебе не нравится?»

Мне ничего не оставалось, как сразу же приниматься за уборку. Я принесла из кухни мусорное ведро, веник и совок. Кое-как приведя в порядок комнату, подняла изжеванный башмак и собралась уже отправить его в ведро... И тут кое-что заметила. Я заметила, что из-под задравшейся внутри ботинка стельки торчит кусок какой-то бумаги. Не любопытствовать, конечно, было грешно...

Бац — в моей измазанной землей ладони оказалась половинка стодолларовой купюры!

Естественно, первое, что пришло мне в тот момент на ум: эта псина съела целое состояние. По крайней мере, для меня. Ну, состояние не состояние, а четвертую часть стиральной машины точно. Потом, немного успокоившись и рассмотрев бумажку получше, я пришла к выводу, что Чанг скорее всего сжевал бы купюру целиком. Во всяком случае, сомнительно, чтобы он мог так аккуратно ее разорвать: ровно пополам, чуть ли не по линейке. Я покрутила в руках бранные останки некогда ценной бумажки и заметила цифры, написанные по ее краю ручкой — 197. Ну и что? Некоторые пишут на деньгах номера телефонов своих подружек. Правда, здесь всего три цифры... Тогда это не номер телефона, а что-то иное, или же другие цифры остались на оторванной половинке. Я недрогнувшей рукой послала бумажку в ведро вслед за ботинком, но, поразмыслив, пересмотрела свое решение. Мало ли, вдруг удастся поменять ее в банке. Где-то я слышала, что американцы относятся к своей валюте очень серьезно. Гм-гм, это американцы, а наши? А, ладно, пусть лежит, есть не просит. Я засунула половинку купюры в книжный шкаф, под стопку толстых журналов.

Присмиривший Чанг сидел на полу и наблюдал за моими манипуляциями. Надо же, какой паинька!

— Ладно, пошли лопать, — сменила я гнев на милость, — а потом погуляем, заодно и мусор выбросим.

Честно говоря, для прогулок было очень даже поздновато, но пес весь день просидел взаперти и имел право совершить свой священный ритуал.

Это опять же и в моих интересах. Иначе мне придется работать не только веником, но и тряпкой.

Я отвела ему на все про все пятнадцать минут. Чанг пробежал по аллейке, позадирал заднюю лапу и смиренно пошел за мной, когда я объявила: пора. Похоже, он все-таки чувствовал за собой вину. Я тоже оттаяла, ну как не пожалеть сироту. Где же Маргарита? Я запрокинула голову, словно желая увидеть ее среди звезд. Маргарита, ау! Учти: ты будешь последней свиньей, если выяснится, что твое исчезновение всего лишь рекламный трюк! Мы с Чангом тебя никогда не простим.

* * *

На следующее утро, убрав все, что было в моих силах, из зоны досягаемости Чанга, накормив и напоследок наградив его серией бесполезных наставлений, я надела пальто, со вздохом водрузила на голову шляпку, которую давно бы следовало сменить (возможно, я бы это сделала, если бы не идея фикс — покупка хорошей стиральной машины), и, взяв сумку, тоже изрядно поношенную, толкнула дверь и испуганно отшатнулась. В полумраке плохо освещенной лестничной площадки я разглядела мужской силуэт классического прямоугольного образца.

— Не пугайтесь, — сказал мужчина, — это я, лейтенант Шутов. У нас появилось несколько вопросов к вам. Я на машине, так что...

— Но я иду на работу...

— Это не проблема. Мы свяжемся с вашим начальством.

Я шмыгнула носом, поправила шляпку, сползающую набок, и смиренно пошла за Шутовым.

На улице, где он получил возможность посмотреть меня рассмотреть, Шутов удивленно приподнял брови. Наверное, так же, как и пропавшая Маргарита, он подумал, что я мало похожа на женщину. Теперь, когда на мне не было Маргаритиных мехов, ее платья, ее ботфортов, теперь, когда мою переносицу уверенно оседлали старомодные очки, я превратилась в существо неопределенного пола. Он только пока еще не мог понять, какое из моих состояний наиболее типичное.

В кабинете у капитана Сомова двери не закрывались. То и дело просовывалась очередная голова и сообщала что-нибудь не совсем понятное. Еще бесконечно звонил телефон, пронзительный, как автомобильный клаксон.

Сомов достал из верхнего ящика стола толстую пачку фотографий и стал раскладывать их передо мною словно замысловатый пасьянс. Я тупо уставилась на него.

— Посмотрите, может, вы узнаете кого-нибудь из этих людей? Будьте внимательны, вдруг тут есть те, что вас похитили.

Рожи были еще те, я рассматривала их с внутренним содроганием, но вспомнить... Тех троих я вообще не рассмотрела, что же касается четвертого, лысого, то его я помнила как-то смутно. Возможно, если бы я его где-нибудь встретила (не дай Бог!), я его и узнала, точнее, я бы почувствовала его шкурой, как заяц охотника.

— Ну так что? — нетерпеливо осведомился Сомов, исподлобья наблюдая за мной.

Я предприняла еще одну попытку кого-нибудь узнать. Бесплезнейшая затея, по-моему, все они были на одно лицо. Разведя руками, я призналась

капитану в своей полной беспомощности, для верности присовокупив последнее наблюдение.

Он усмехнулся:

— Да, этот контингент особой оригинальностью не отличается. Если и есть между ними различия, то, как бы вам сказать, профессионального характера. Один предпочитает «ТТ», другой помповое ружье...

Он не договорил, потому что в кабинет просунулся Шутов и сообщил:

— В ванной и в самом деле кровь.

— Точно? — встрепнулся Сомов. — Но она хотя бы человеческая? У нее ведь была собака?

— Кровь человеческая, группа четвертая, — Шутов сделал многозначительную паузу.

Я поняла, что речь идет о Маргарите и следах крови, обнаруженных в ее ванной. Так чья же она была на самом деле?

— Татьяна э-э-э Николаевна, а не попробовать ли нам составить фоторобот? — спросил Сомов. — Ведь лысого, как я понял, вы все-таки немного рассмотрели.

Да уж, рассмотрела. Только и рассмотрела, что лысый.

Тем не менее я прошла с ним в комнату, где стоял компьютер. Там все было, как в кино: к глазам подбирались брови, к губам усы и так далее. Мы проторчали возле компьютера около получаса, но ничего путного из этого не вышло. В результате лысый так и остался без лица. Можно сказать, я запечатлела его образ в сердце и теперь не расстанусь с ним до конца своих дней. Он будет посещать меня в кошмарных снах и с завидной регулярностью леденить мою кровь.

— Ну хорошо, хватит о лысом. А о том доме,

куда вас привезли той ночью, вы больше ничего не вспомнили?

— Н-нет... Но я уверена, что это тот самый дом. Правда, я не знаю, куда делись трупы и откуда взялись бомжи...

— Довольно странная история, — прокомментировал капитан. (Очень ценное наблюдение!) — Мы проверили этот дом и его хозяина, между прочим, весьма ответственного работника областной администрации. И у нас нет ни малейших оснований в чем-либо его подозревать. Бомжей тоже допросили. Обычное дело: они ночуют то в теплотрассах, то на оставленных без присмотра дачах. Так случилось и в тот раз — залезли в дом, напились...

При этом он так посмотрел на меня, что мне все стало ясно без слов: он принимал меня за полусумасшедшую авантюристку. Не удивилась бы, узнав, что он или капитан Шутов уже успели навести обо мне справки в районном психдиспансере. Интересовались, не состою ли я там на учете.

— Теперь о человеке, который вас подвез... Об этом Павле. Расскажите о нем все, что вспомните.

Господи, сколько можно!

Я напрягла извилины и принялась заученно повторять все, что уже говорила в прошлый раз. В какой-то момент до меня дошло: капитан мне не верит. Кто знает, может, я на его месте чувствовала бы то же самое. До сих пор не было подтверждения ни одному моему слову. Впору самой задуматься, не приснилось ли мне все?

Напоследок капитан Григорий «подбодрил» меня очередным ценным замечанием:

— Не исключено, что похитители могут вам позвонить и потребовать выкуп за вашу подругу или

выставить еще какие-либо условия. В таком случае вы должны нам немедленно об этом сообщить.

Я пообещала, а сама подумала, с какой стати они станут звонить мне? Требовать деньги с меня? Нельзя придумать ничего глупее! Не дураки же они, в конце концов. С их стороны было бы логичнее обратиться с подобными просьбами к ее продюсеру или Маргаритиным родственникам. Я, правда, никогда не слышала, чтобы Маргарита о них упоминала, но, наверное, таковые имелись.

Глава 11

ПРОПЛЫВАЯ НА ОБЛАКЕ

Я вышла из УВД уже после полудня. Настроение у меня было если не на нуле, то по крайней мере в одном делении от него. Что за дурацкая история: тебя хватают, бросают в машину, завязывают глаза, везут в какой-то дом, из которого тебе удастся удрать только потому, что твоих похитителей кто-то убивает... Но у тебя нет никаких доказательств, что все это действительно произошло. Хуже того, в тот же день, можно сказать, совершенно официально исчезает твоя приятельница, а ты остаешься в ее дорогостоящей одежде. Как же покончить с этой фантасмагорией? Лично я знала только один-единственный способ — найти Маргариту. По крайней мере, это единственное действующее лицо затянувшегося фарса, которое я, по своей близорукости, в состоянии узнать.

Я шла по бульвару, мысленно прикидывая свои шансы. Уже на подходе к метро поняла, что на работу идти не стоит. Я же имею полное право прогулять свой трудовой день по уважительной при-

чине. Ведь лейтенант Шутов обещал замолвить за меня словечко начальству. Вот и прекрасно. Я достала из кармана замусоленную визитную карточку, врученную мне накануне одним из «глоков». Еще тогда в моей голове мелькнула шальная мысль: а что, если Маргарита спокойно скрывается у своего возлюбленного инопланетянина и ждет, когда поклонники ее таланта дойдут до нужной кондиции? Но я ее сразу отмела, слишком уж она была циничной. Как бы то ни было, композитор Лозинский мог что-нибудь знать о Маргарите.

Так я отправилась проверять свою догадку, внутренне замирая от смущения. До сих пор мне ни разу не приходилось иметь дел с композиторами, к тому же модными.

Композитор Лозинский, он же инопланетянин, жил в центре, так что я потратила на дорогу к нему всего четверть часа. И в течение этих пятнадцати минут готовила себя к самым разным вариантам нашей встречи. Худшим из них был, конечно, такой: он попросту не пускает меня на порог.

Однако дверь передо мной распахнулась, и я его увидела... Что до инопланетян, то они всегда представлялись мне существами из некой зеленоватой желеобразной субстанции, с длинными, тонкими ручками-щупальцами, с единственным оранжевым глазом-прожектором на лбу и голосом телефонного автоответчика. Этого же точнее было бы назвать небожителем, поскольку я никогда и ни у кого не видела прежде такого красивого и одухотворенного лица. Он явился мне в летящих белых одеждах, в пушистых белых тапках на босу ногу и с нотами в руках. Собственно, в них он и смотрел, когда спрашивал:

— Вы от Зябликова?

В ответ я только шумно сглотнула внезапно образовавшийся в горле комок.

— Тогда проходите, — предложил Небожитель, не отрывая глаз от своих магических музыкальных знаков. Мне даже показалось, что я уловила разлитую в воздухе мелодию — он ее то ли напевал, то ли мысленно проигрывал в голове.

Я двинулась за ним, с потрясающей ясностью осознавая странную вещь, которую, наверное, можно было сформулировать следующим образом: если бы это зависело только от меня, я шла бы за ним всю жизнь, а если бы дорогу мне неожиданно преградила стена, спокойно перелезла бы через нее и пошла себе дальше. И так бесконечно...

К счастью, преград на моем пути не возникло, зато моему взору предстала просторная белая комната с белым же роялем посередине. Небожитель немедленно уселся за него, положив ноты на крышку, и наконец поднял на меня свои глаза цвета гречишного меда, к которым я сразу же прилипла взглядом и окончательно перестала что-либо соображать. Он что-то говорил, а я не слышала, только видела, как движутся его губы, приоткрывая ряд белоснежных зубов.

Вдруг он поднялся из-за рояля, подошел ко мне и коснулся рукой моего плеча. По-прежнему не отрывая взгляда от его глаз, я стала медленно заваливаться на бок под тихий и даже немного приятный звон в ушах...

— ...Выпейте воды... Что с вами? Господи, что же делать? — это я слышала, когда прохладная струйка потекла мне за ворот. Небожитель сидел рядом со мной, одной рукой поддерживая мою голову, а в другой держа стакан воды.

Увидев его так близко, я лишилась чувств по-

вторно, правда, ненадолго и, судя по тому, как он обрадовался, к этому времени моя физиономия наконец приобрела более-менее осмысленное выражение.

— Может, «Скорую помощь» вызвать? — участливо осведомился он.

Скорее уж психиатрическую, подумала я, а вслух сказала:

— Н-нет-нет, м-мне у-уже л-лучше.

При этом я так стучала зубами, что не слышала собственных слов.

— Как знаете, — недоверчиво произнес Небожитель и поинтересовался: — И часто у вас такое бывает?

— Д-да, то есть нет. — Я так замотала головой, что у меня перед глазами снова все замелькало. Не то чтобы я чувствовала себя плохо, скорее у меня было ощущение, будто я медленно плыву на облаке и внутри у меня все замирает от высоты.

— Ну полежите немного, а я сейчас вам чаю принесу.

Я хотела возразить, мол, не стоит беспокоиться, такие пустяки, но облако подо мной опять слегка качнулось...

— ...Ну вот, теперь я вижу, что вам лучше, — заметил он удовлетворенно. Если бы он только мог представить, до какой степени мне было хорошо, когда он потчевал меня собственноручно заваренным чаем. Никогда не пила ничего вкуснее! — Так вы от Зябликова или нет, я так и не понял?

Стакан задрожал в моей руке, и Небожитель осторожно поддержал меня за локоть. В ответ я только покачала головой, на большее у меня просто не было сил.

— Так вы не от Зябликова? — удивился он. — Тогда кто же вы?

— Я Аня Беспалова, — заявила я деревянным голосом, прекрасно понимая, что мое имя ему равным счетом ничего не говорит.

— Аня Беспалова, Аня Беспалова, — повторил он и задумался. — Похоже, я вас не знаю. Что-то я не слышал певицы с таким именем.

— Я не певица, я библиотечкарь...

— Да? — неизвестно, кто из нас больше растерялся.

Я осторожно поменяла свое полулежачее положение на полусидячее, прислушиваясь к звону в ушах, и попыталась сколько-нибудь связно объяснить свое дурацкое вторжение:

— Я стараюсь выяснить, куда могла деваться Маргарита. Ее вы, конечно, знаете?

— Ах, Маргарита! Ну конечно, я ее знаю. Она пост одну мою песню, и, кажется, неплохо. А что с ней случилось?

— Как? — пришла очередь удивляться мне. — Про это же все газеты пишут.

Он виновато пожал плечами:

— Честно сказать, я никогда не читаю газет.

— Никогда?!

— Никогда. Во-первых, мне некогда, а во-вторых, там сплошные отрицательные эмоции... Я ведь даже из дому стараюсь не выходить...

Теперь я поняла, почему он сразу показался мне Небожителем. Конечно, его нога никогда не касалась грешной земли...

— А вы хотя бы знаете, какой сейчас год?

Он отнесся к моему вопросу необычайно серьезно:

— Тысяча девятьсот девяносто восьмой. А что, разве я ошибаюсь?

Итак, Маргарита в него влюбилась. Что ж, лично я ее понимала, точнее, еще как понимала! Но вот вопрос: были ли у нее шансы на взаимность? О чем, например, они могли говорить? Не представляю, разрази меня гром на этом самом месте, не представляю!

— Вы говорите, что Маргарита пропала? — уточнил композитор. — А чего вы хотите от меня?

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Пару дней назад по телевизору.

Мы устали друг на друга, силясь понять, кто из нас сумасшедший в большей степени. Нет, решила я, ничего он не знает о Маргарите и, судя по всему, не очень-то переживает по этому поводу. Самое странное, мне такое наблюдение пришлось очень даже по душе.

— Тогда извините, — сказала я и встала.

— Вы уже уходите? — спросил он.

Я улыбнулась:

— Нет, я уплываю.

Мне и впрямь никогда не было так легко, и еще неизвестно, сколько времени продолжался бы мой замедленный полет над землей, если бы кто-то не заорал мне прямо в ухо:

— Куда идешь, корова?!

Я спустила одну ногу с облака и увидела злую небритую рожу, потом спустила вторую и обнаружила, что рожа выглядывает из окна грузовика с фургоном.

— Слепая, что ли? Идет — не смотрит! То же мне Нюра Каренина! Если жить надоело, топай на железную дорогу и бросайся под паровоз, а мне за тебя в тюрьме париться некогда!

Кое-как сообразив что к чему, я быстренько освободила проезжую часть от своего брэнного тела, и пока я все это проделывала, мое облачко медленно и торжественно проплыло мимо, мимо, воспарило и слилось с зимним небом...

Что тут скажешь, облака — самый ненадежный вид транспорта из всех существующих и на них далеко не уедешь. Придется пользоваться общественным.

Глава 12

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ

— Где тебя черти так долго носили? — недовольно проворчал Чанг.

— Ну, задержалась немного, так... — начала было оправдываться я и остолбенела. — Ты что, научился разговаривать?

Чанг покрутил мордой и произнес вполне членораздельное:

— Гав-гав. — Помолчал и добавил для пущей убедительности: — Гав-гав-гав.

— Ой, я так больше не могу, — официально заявила я и прямо в пальто и сапогах рухнула на диван. Чанг немедленно устроился у меня в ногах. Соскучился, видно.

Уже через пять минут пролетающий по небу дежурный ангел, из любопытства прильнувший к моему окну, мог бы наблюдать следующую картину: я сидела, горестно подпершись рукой, и беседовала с Чангом:

— Положим, обморок еще можно как-то объяснить, скорее всего это следствие нервного пере-

возбуждения, но голоса? Как можно принять собачий лай за человеческую речь? А вдруг у меня и правда с головой не совсем в порядке и все мне привиделось: и трупы, и ботинки?

Вскочив, я проверила наличие разорванного доллара. Он преспокойненько лежал под журналами. Хорошо хоть не разговаривал, и на том спасибо. Я засунула его на место. Постояла посреди комнаты в горестных раздумьях. Натолкнулась взглядом на мокрые следы, оставленные моими сапогами, и, сев в кресло, стала разуваться.

Я успела снять только один сапог — левый, когда в квартиру кто-то позвонил. Проществовав сомнамбулой в прихожую, я открыла дверь... На пороге стоял совершенно незнакомый тип respectable вида с букетом гвоздик.

— Вы... есть Аня Беспалофф? — спросил тип задушевым тоном.

— Я? — переспросила я и даже на всякий случай попыталась вспомнить известных мне однофамилиц. Таких не нашлось, а Кузину Катю я, разумеется, не считала. Во-первых, как я уже сказала, она не Аня, а Катя, а во-вторых, она уже полгода замужем за молодым человеком по фамилии Шкуропат.

Джентльмен начал проявлять признаки беспокойства:

— Аня... Аня Беспалофф... Аня Беспалофф, Люба Солофьефф...

Тут до меня, кажется, кое-что дошло. Я вытаращилась на него:

— Вас прислала Люба? Вас зовут Джим?

Он обрадовался и закивал головой с такой интенсивностью, что я стала опасаться за его шейные позвонки. А такой добросовестной улыбки

мне не приходилось видеть до сих пор ни разу в жизни!

— Да, я Джим, — подтвердил он и только теперь, убедившись, что знак его внимания доставлен точно по адресу, протянул мне гвоздики.

Я приняла их так, как принимают срочную телеграмму из рук почтальона, и, медленно повернувшись, побрела обратно, хлопая голенищем расстегнутого сапога. Приблизительно на полпути я более-менее трезво оценила ситуацию и сказала неожиданному визитеру:

— Проходите, пожалуйста.

Он вошел в комнату и, не меняя ракурса улыбки, стал озираться по сторонам, как легкомысленный турист, заблудившийся в подземном лабиринте и пытающийся найти обратную дорогу по знакам, оставленным на стенах. Чанг, который перед этим сладко зевнул, так и застыл с отвисшей челюстью. На его месте я бы тоже удивлялась: до сих пор ни один мужчина не переступал порог этой комнаты с букетом в руках.

— Присаживайтесь, — предложила я, и он безропотно опустился в кресло. Потом подскочил, снял куртку и положил ее на подлокотник.

Я тоже быстренько нырнула в прихожую, сняла там пальто и оставшийся сапог, поправила юбку, расчесалась и уж потом вернулась к своему гостю. Его самообладанию оставалось только позавидовать, поскольку улыбка на его лице по-прежнему присутствовала.

Я села на диван рядом с Чангом, выбравшим для себя наилучшую модель поведения. Этот хитрец свернулся калачиком и притворился спящим.

— Хороший дог, — похвалил Джим.

— Это ротвейлер, — поправила я его механи-

чески, а потом вспомнила, что «дог» по-английски «собака», так сказать, в широком смысле этого слова.

Мы помолчали. Я при этом пребывала в состоянии тихой паники. А то, что было за душой у Любаниного протеже, скрывалось за его американской улыбкой в экспортном исполнении.

— Хотите чаю? — спросила я, лихорадочно соображая, что в моем доме нет ни одного порядочного сервиза, который не стыдно было бы выставить на стол перед иностранным гостем. Кстати, к чаю тоже ничего, если не считать сахара и прошлогоднего вишневого варенья, успевшего с тех пор принять вид твердых и сморщенных коричневых шариков.

— Буду иметь большой удовольствий... — с готовностью выпалил Джим, за что я его люто возненавидела.

Я пошла на кухню, поставила чайник на плиту и впала в окончательное уныние, перебирая в памяти варианты сервировки стола, которые видела в каком-то женском журнале. Мысленно я, как всегда, призвала на помощь Маргариту, но она ничем мне не помогла. Бьюсь об заклад, у нее таких проблем никогда не было. Ее естественность и непосредственность вполне могли бы заменить собой и чай, и то, что покрепче.

Когда вода вскипела, я разыскала в кухонном шкафу поднос общепитовского вида, которым никогда не пользовалась, поставила на него чашки с блюдцами, сахарницу, заварной чайник и сбивчивым шагом направилась в комнату, навстречу гуттаперчевой улыбке Джима.

Чашку он поднес ко рту, не отрывая взгляда от моего лица, словно намеревался не чаю испить, а

отпробовать глоток загадочной русской души. Добросовестно дую на кипяток, он наконец решил объяснить свое поведение:

— Люба сказать, что по-русски... э-э-э... ходить в гости за просто...

Он именно так и сказал «за просто», словно это «просто» было какой-то экзотической вещью, которую он собирался здесь увидеть, ну, что-то вроде матрешки, раскрашенной под президента.

Ладно, что касается «просто», то это я, кажется, в силах ему обеспечить, а вот Любу, попадись она мне сейчас...

Кажется, мысли невольно отразились на моем лице, потому что Джимова улыбка стала слегка смахивать на виноватую. Он принялся торопливо объяснять, путаясь в словах, падежах и склонениях:

— Я ооень хотеть... знакомство с вами... Тургеневский девушка есть ооень романтик... В Америка нет тургеневский девушка...

Надо же, бедные американцы, как они там только обходятся без тургеневских барышень! Остается им только посочувствовать от всей широкой русской души, конкурировать с которой способна только не менее широкая американская улыбка!

— У американский женщина — нет идеал, у них есть только брачный контракт. Романтик — нет, — беспомощно заключил Джим и, похоже, окончательно исчерпал свой словарный запас.

Я сидела напротив и честно хлопала глазами, потому что мой вокабуляр тоже засел где-то на пути от «очень приятно» до «премного благодарствую». Положение безвыходное, хоть бери и ищи в шкафу Толковый словарь русского языка под редакцией Ожегова.

Американец первым сориентировался в обстановке.

— Я мочь вас куда-нибудь пригласить в хороший место? — спросил он, преданно заглядывая в мои ошалелые глаза.

— Мочь? — Я лихорадочно искала выход из положения, но под рукой его не было. Он приглашал меня в ресторан или «Макдональдс», это я поняла. Значит, мне следовало срочно найти благовидный предлог для отказа... Гм-гм, а посещают ли тургеневские барышни рестораны? И тут внезапно перед моим мысленным взором словно засветилась неоновая вывеска, а на этой вывеске было написано «Пьяная индейка». Кто-то говорил, что с врагом нужно бороться его же оружием. Оружия у меня не было, зато имелась возможность извлечь выгоду из дурацкой ситуации. Так подумала я и сама себе ужаснулась. Как это было не похоже на Аню Беспалову, которую я знала до сих пор.

— Так я мочь? — напомнил о себе Джим и прибавил: — Вы желать?

— Мочь, мочь, — заверила я. — Я желать в «Пьяную индейку».

Улыбка его оставалась неизменной, только глаза подернулись дымкой недоумения. Но он быстро с собой справился, как и подобает настоящему супермену. Ведь настоящие тургеневские девушки водятся в России, а супермены — в Америке. Да что я вам рассказываю, вы про это лучше меня знаете.

* * *

«Индейка» не вызовет никаких ассоциаций. Ничего подобного, он ухмыльнулся и отрапортовал:

— Желание клиента — закон.

Я испытала за него нечто вроде гордости, а с ним за всю Россию. Пусть американцы знают, что наш сервис с некоторых пор не хуже хваленого ихнего. Вот глупая овца, мне бы не гордость испытывать, а скверные предчувствия, как и подобает в подобных случаях. Потому что «Пьяная индейка» превзошла мои самые смелые ожидания.

Я небольшой специалист по заведениям такого рода (точнее, вообще никакой), но тут сразу почувствовала неладное. Мое вешнее девичье сердце затрепетало, колени подогнулись, так что в огромный зал (может, мне и показалось со страху, потому что темно там было, как в преисподней), прокуренный и галдящий, я вошла в буквальном смысле на полусогнутых. Джим со своей демисезонной улыбкой висел у меня на левом локте и с некоторым сомнением во взоре методично преодолевал препятствия, возникавшие на пути в виде чьих-то ног. Публика там, судя по всему, собиралась весьма непосредственная и не скованная утомительными предрассудками. А музыка, музыка! Нет, уж лучше бы меня ударили поленом по макушке.

Меня несло вперед, к пустому столику в углу, в то время как душа моя рвалась обратно, в свою тихую квартирку, к умным книжкам и зануде-телевизору. В этот ужасный момент я была близка к тому, чтобы горячо полюбить рекламу тампаксов и чудодейственного отбеливателя, по крайней мере, никогда еще я так страстно не мечтала ее увидеть.

Мы с Джимом приземлились за свободным столиком и уставились друг на дружку, чувствуя себя последними смертными на пиру вампиров. Привыкнув к полумраку, не без внутреннего трепета я таки решилась немного оглядеться, и результаты осмотра повергли меня в тране. Типы по-

всюду сидели вполне колоритные — просто массовка из хорошего гангстерского боевика. Джим, как оказалось, подумал так же. Что он при этом подумал о тургеневских девушках, осталось для меня загадкой.

— Чикаго, — изрек он на хорошем английском и как-то весь поужался вместе со своей улыбкой. Наверное, он с удовольствием дал бы отсюда стрелкача, но боялся показаться мне трусом и опозорить своим малодушием легион американских суперменов.

А вот что я здесь делала? Какой бес в меня вселился? Если я пришла искать эту самую Нинель, которая будет вместо Маргариты сниматься в российско-итальянском мюзикле, то как я ее узнаю, когда я ее ни разу в жизни не видела? Разве на лбу у нее будет написано, что она та самая Нинель?

Я стала исподтишка изучать сидящих в зале женщин. На мое счастье, их было не так уж много, и выглядели они все, как бы выразиться поделikatнее... И тут я услышала такое!

— Бог ты мой, кого я вижу! Анята, это ты? — лавируя между столиками, прямо ко мне прямой наводкой направлялся здоровый парень в кожаных штанах и кожаном же жилете поверх водолазки. Физиономия у него была не приведи Господи. Во-первых, прожженная, во-вторых, пьяная.

Я стала вертеть головой направо-налево в надежде, что где-то рядышком сидит еще какая-нибудь Анята.

Но парень имел в виду именно меня. Он плюхнулся на стул рядом и понес совершеннейшую чушь:

— Анята, ласточка, рад тебя видеть. А я тебя сразу заметил. Чувствую, что-то знакомое, только не сразу узнал, ты сегодня такой скромницей. Если

бы не мой наметанный глаз... Ну, как ты жива-здорова?

Джим чуть не упал под стол от такой неожиданности, но улыбаться не перестал. Просто «человек, который смеется», честное слово!

— Да ты что, не узнаешь меня, что ли? — не унимался незнакомец.

Я прилежно хлопала глазами и мучительно соображала, что мне в самое ближайшее время преподнесет моя опрометчивость. По всему выходило, ничего хорошего.

В конце концов он фамильярно, хотя и несильно, толкнул меня в плечо:

— Уже забыла? Ну и память у тебя! Часто, наверное, в такие переделки попадаешь. Помнишь: ночь, ты идешь по дороге в норковой шубе...

— Павел? — отхлынувшая было со страху кровь снова ударила мне в голову. — Павел! — еще немного, и я бы кинулась на его кожаную грудь.

Джим догадался, что мы знакомы, и его улыбка стала заметно искренней. Я невольно за него порадовалась.

Павел посмотрел на американца и поинтересовался:

— Твой парень?

Пережив несколько особо неприятных минут, я приободрилась и расщебеталась не на шутку. Просто сама себя не узнавала.

— Это Джим, он приехал в Россию из Америки искать тургеневскую девушку...

Вспомнив, что вообще-то он приехал на научный симпозиум, я хотела уточнить этот немаловажный момент, но Павел уже уцепился за мою последнюю фразу:

— Что, парень, в Америке бабы дрянь? А что ты хочешь — все лучшее в России.

Не знаю, понял ли Джим что-либо из вышесказанного, но с готовностью затряс головой.

— Нужно отметить встречу, — Павел шелкнул пальцами, и из полумрака вынырнула девица, как мне показалось, одетая только в кружевной передник. — Три кока-колы.

Заказ был выполнен молниеносно. Я сделала единственный глоток из своего стакана и почувствовала себя лягушкой, попавшей под асфальтоукладчик. Мой пищевод скрутило спазмом, и жидкость, которую я опрометчиво отпила, застряла где-то на полпути к заветной цели. Какое-то время я боролась с собой, но безуспешно: коричневый фонтанчик, сильно отдающий спиртом, извергся из моего горла и оросил окружающую среду.

— Подавилась? — участливо осведомился Павел и постучал ладонью по моей спине. — Бывает.

— Это не кока-кола, — сделала я открытие, когда ко мне вернулся дар речи.

— Конечно, — невозмутимо подтвердил Павел, — какой дурак здесь будет пить кока-колу?

Очень ценный комментарий, жаль, несколько запоздалый. Ведь я вообще не пью спиртных напитков!

— О, ща будет самое веселое! — Павел толкнул Джима плечом так, что тот расплескал содержимое своего стакана.

У барной стойки, которую со всех сторон окружили гогочущие мужички, наблюдалась какая-то подозрительная возня. Потом один — невысокий крепыш с чуть ли не полуметровой сигарой во рту, подхватил за талию жеманно хихикающую девицу и торжественно водрузил на стойку рядом с поча-

той бутылкой и пустыми рюмками. Кто-то подбодрил ее:

— Томка, давай!

Девушка, по всем внешним признакам пьяная в дым, прошла по стойке походкой эквилибриста, исполняющего смертельный номер под куполом цирка, столкнула на пол бутылку и рюмки, дала серьезный крен, выровнялась и с зажигательным воплем «Эх, мама дорогая!», сорвала с себя блузку. Оставшись в коротенькой юбчонке и черном бюстгальтере, она подбоченилась, расставила для надежности пошире ноги, как матрос на палубе во время сильной качки, и запела высоким контральто что-то непонятное, тонущее в общем гвалте. Продолжая речитатив, она весьма профессионально освободилась заодно и от юбки и принялась отчаянно размахивать ею над головой — ни дать ни взять революционная муза на баррикадах!

Павел наслаждался бесплатным аттракционом, я сидела, открыв рот, Джим повторил то, что у него получалось лучше всего:

— Чикаго!

Толпа у стойки бесновалась, обменивалась скабрезными шуточками и комментариями. Они там клубились, будто змеи, в одночасье выпущенные из террариума. Даже не знаю, как мне удалось разглядеть Лысого. Думаю, я его не увидела, я просто уловила исходящие от него враждебные флюиды. Он тоже меня засек, перестал смеяться, напряженно вглядываясь в наш угол.

Я громко сказала:

— Мама!

— Чего? — не понял Павел, увлеченный зрелищем.

— У меня неприятности, — призналась я, ста-

рательно пряча лицо в тень, — кажется, мне нужно удирать отсюда.

Павла это нисколько не удивило.

— Какие проблемы, моя тачка всегда под рукой.

И он решительно начал прокладывать дорогу к выходу. Я за ним. Американский профессор отстал, и мне пришлось его поторопить. Оказывается, супермену пришелся весьма по вкусу Чикаго российского розлива, и он не прочь был задержаться в «Индейке» еще на часок-другой.

— Аня, — забормотал он мне в спину, — пошему мы так рано уходить?

— Мы делать ноги, — пробурчала я, четко следуя в Павловом фарватере.

В темпе «аллюр — три креста» мы выскочили из ресторана и загрузились в авто. Кстати, несмотря на то что я плохо разбираюсь в машинах, мне почему-то показалось, что автомобиль у него на этот раз был уже другой.

Павел так резко сорвал с места свою тачку, что мы с Джимом на заднем сиденье немедленно попадали в объятия друг другу, я даже уловила исходящий от американца запах — смесь лаванды с ментолом. Но все это происходило на автопилоте, ибо мы удирали от самой что ни на есть настоящей погони!

— Слушай, милашка, кому это ты так умудрилась насолить? — поинтересовался Павел, прибавляя газу.

— Если бы я знала!

— Так не бывает! — изрек он со знанием дела и резко повернул автомобиль в какую-то подворотню. Машина, следовавшая за нами, что называется, фара в фару, по инерции пронеслась мимо и отчаянно завизжала тормозами.

— Просьба не курить и пристегнуть привязные ремни, — объявил Павел. — Сейчас я им покажу высший пилотаж.

После этого началось такое, такое... Я закрыла глаза и стала дышать через раз. Да, перед тем, как полностью отдать себя в руки судьбы, я покосилась на Джима. Он улыбался! Я поняла, что американцы улыбаются даже в гробу, чтобы не портить имидж, обретенный при жизни, и не огорчать родственников.

Мы бесконечно долго петляли по каким-то переулкам, прежде чем Павел, немного сбросив скорость, удовлетворенно заметил:

— Все, ушли. Неплохо мы их сделали. Вот что значит отличная тачка!

При этом он даже утер пот с лица.

Первое, что я сказала, вновь обрета утерянную было способность говорить, звучало приблизительно так:

— Господи, спасибо тебе, что все кончилось и что ты послал мне этого парня, который мне так нужен.

Павел оценил мое красноречие:

— Какие пустяки, спасти таких вежливых девушек одно удовольствие. Чем я еще могу быть тебе полезен, крошка?

У меня было такое чувство, будто мы с ним ходили в один и тот же детский сад, вместе лепили куличики в песочнице или что-нибудь в этом духе, таким он показался мне родным.

— Ты меня так выручишь, так выручишь, если подтвердишь в милиции, что подобрал меня ночью там, ну, помнишь, у заповедника...

— Что, что? — мой спаситель заметно поскуцел. — Нет, про милицию ты мне не говорила. По крайней мере, я этого не слышал.

— Почему?

— Извини, это не мой круг общения. Мне там светиться не с руки.

— Но как же, как же... Ты не представляешь, как это важно! Помнишь певицу, Маргариту, о которой мы говорили той ночью? Ты еще хвалил ее попку! Она сейчас в опасности, ее кто-то похитил!

Павел мечтательно вздохнул:

— Да, попка у нее действительно что надо. Она запросто могла бы прямо ею и петь. Но в милицию идти ты меня не заставишь. Что хочешь для тебя сделаю. Если понадобится снова от кого-нибудь удирать — пожалуйста, если кого-нибудь замочить — сколько угодно, только в свидетели не зови.

После этого Павел развез нас кого куда: Джима — в гостиницу, меня к дому, посигналил на прощанье и был таков. Да, рассчитывать на него не приходилось.

Вот она, типичная мужская логика. Отдельно взятая попка их интересует, но это вовсе не основание для того, чтобы ее обладательница могла надеяться на помощь в трудную минуту. Дорогие женщины, учтите это и будьте бдительны.

Глава 13

Я ПОСЕЩАЮ СОМНИТЕЛЬНОЕ ШОУ

Нет слов, чтобы описать то, что я испытывала. Врагу не пожелаю такого раздрая. С одной стороны, меня подмывало немедленно отпрапортовать майору Григорию о недавних знаменательных встречах — с Павлом и Лысым. С другой, меня, как собаку на цепи, удерживало пресловутое чувство долга, столь свойственное повсеместно вырождающимся

тургеневским девушкам. Проще говоря, не могла я подвести Павла, который уже два раза выручал меня, причем последний — с риском для собственной молодой и цветущей жизни. И даже от широты душевной предлагал кого-нибудь замочить по моему выбору. Понятно, что в услугах подобного рода я не нуждалась, но, как говорится, была бы честь оказана.

Полдня я мыкалась по квартире от окна к двери — благо день был субботний, — размышляя, как лучше поступить. Чанг уныло плелся за мной, видимо, уже не надеясь, что я когда-нибудь выведу его на прогулку. Додумалась я до немногого — до дурацкой идеи позвонить в милицию, не представляясь, как это обычно делают телефонные террористы. Ничего лучшего в мою несчастную, переутомленную избытком приключений голову не пришло. Оставалось только осуществить коварный план, а это требовало кое-каких профессиональных навыков.

Я полезла в шкаф, достала толстый мохеровый шарф и обмотала им нижнюю часть лица, чем вызвала изумление у Чанга. Он уселся посреди комнаты, склонив свою озабоченную мордашу набок, да так и застыл.

— Помалкивай, — приказала я ему. — Учти, если залаешь, сразу меня выдашь!

Впрочем, я зря опасалась, потому что из-за моего вида Чанг, вероятно, надолго потерял дар лая.

— Слушаю, — сказал капитан Григорий, который, судя по бодрому, напористому голосу, всюю горел на работе, несмотря на выходной день.

— Человек, причастный к исчезновению певицы Маргариты, бывает в ресторане «Пьяная индейка», — пробормотала я и поскорее бросила

трубку. Я боялась закашлять: ворс мохерового шарфа набился мне в рот и уже начинал откровенно и беззастенчиво щекотать горло.

Ну вот, успокоила я себя, дело сделано. В конце концов, это их милицмейское дело — все понять и сопоставить. Пусть пришлют в «Пьяную индейку» своего человека, который все там разнюхает, а я, пожалуй, немного передохну. Да, и хорошо бы это все случилось как можно скорее, чтобы Лысый не нашел меня раньше, а такую малозаманчивую перспективу тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Ближе к обеду позвонила Любаня.

— Как прошла встреча? — вкрадчивым голосом осведомилась эта лиса.

— На высшем уровне, — брякнула я.

— Стороны остались довольны?

— По крайней мере, конфликт двух супердержав в ближайшее время не намечается.

— Ну-ну, — неопределенно молвила Любаня, — а как вообще?

— И вообще отлично, — односложно отвечала я.

По телефону я еще умела отшить Любаню, потому что по проводам ее гипноз, неизменно действующий на меня, не распространялся вовсе или, по крайней мере, в очень ослабленном виде. К счастью для меня.

Любаня, видимо, тоже об этом догадывалась, ибо немедленно нашла выход из тяжелого положения:

— Может, забежишь — расскажешь?

— Ой, вряд ли...

— Тогда, может, я к тебе? — Любане не терпелось почувствовать себя первоисточником моего скорого американского счастья. Небось уже при-

кидывала, как станет по пять раз в год летать через океан и напоминать мне об этом.

— Ой, я собираюсь по магазинам пробежаться, — испуганно пискнула я, — у меня в холодильнике стерильно, как в операционной. — Главное, что я ее не обманывала, так оно и было.

Однако Любана никогда не сдавалась сразу.

— А про подругу твою ничего нового? — зашла она с другого боку.

— Ничего, — здесь мне и в самом деле нечем было потешить ее любознательность.

— Какая неприятная история, — с притворным вздохом отозвалась Любана, смирившись с тем обстоятельством, что я попаду в ее кровожадные лапы только в понедельник. — А этот, твой следователь, что говорит?

— Да что они могут говорить?

— И то верно, они же там совсем мышей не ловят. Ну ладно, значит, у тебя все нормально? Я рада, — притворно заверила меня Любана, сделавшая вид, что удовлетворилась полученными ответами. — А то я все ждала, что Джим позвонит, а от него пока ни слуху ни духу. Может, мне самой ему позвонить?

Понятно. Она надеется, что американский профессор окажется разговорчивее меня.

— На твоём месте я бы этого не делала. Скорее всего он отсыпается после вчерашнего, — опрометчиво ляпнула я и сразу пожалела.

На том конце провода повисла многозначительная пауза — это Любана готовила к бою свой арсенал. Когда рекогносцировка закончилась, она обрушилась на меня с новой силой:

— После вчерашнего? А что было вчера?

— Извини, я тороплюсь. Поговорим в поне-

дельник, ладно? — взмолилась я и поспешила бросить трубку. Конечно, с моей стороны это было не совсем вежливо, но что еще я могла противопоставить Любаниному тарану?

Подозревая, что так просто она от меня все равно не отстанет, я схватила хозяйственную сумку-тележку, с которой обычно хожу за покупками, а делаю я это не чаще раза в неделю, а то и в десять дней. В отличие от прочих нормальных женщин я терпеть не могу прогулок по магазинам и если наконец на них отваживаюсь, сие означает, что в доме кончились все запасы, включая соду и спички, но не ранее.

Передо мной открывался один-единственный путь — на оптовый рынок, поскольку обратной дороги не было. Я могла побиться об заклад: Любаня потратит весь день, чтобы дозвониться ко мне и выяснить наконец, после каких таких событий ее американскому протеже требуется крепкий здоровый сон. Я даже посочувствовала ее мужу Володе — Любаня, снедаемая нездоровым любопытством, опасна для окружающих.

Я села в тот самый троллейбус, которым добиралась на работу и которым, между прочим, еще каких-то полгода назад пользовалась Маргарита, и двинулась на оптовый рынок. Он был конечным пунктом маршрута, и, как я подозревала, большинство пассажиров троллейбуса, судя по количеству сумок и авосек, направлялись по тому же адресу. По мере приближения к заветной цели бедняга «сорок седьмой» набивался под завязку, мечтающие отовариться на двадцать копеек дешевле, чем в ближайшем магазине, уже висели на подножках гроздьями, пинались и нещадно ругались, беззастенчиво употребляя непарламентские выражения. Я

меланхолично болталась на поручне, и меня со всех сторон сжимали потные и недовольные сограждане.

Рынок встретил меня привычным броуновским движением. Я включилась в него вместе со своей тележкой и пошла по кругу, спрашивая цены. Я делала это, беря пример с умудренных житейским опытом домохозяек, но копировала я их, как обезьяна. Все усилия мои были тщетны, ибо запомнить и сопоставить цены я совершенно неспособна. В результате я, как обычно, закупила все в одном месте, побросала в сумку-тележку и поспешила к троллейбусной остановке, где уже клубились толпы желающих поскорее добраться до дома с удачно сделанными покупками.

Я неторопливо пересекала разъезженную вдрызг площадку перед входом на рынок, когда меня прошибло чем-то вроде электрического заряда средней мощности. Не в прямом смысле, конечно, а в переносном. Острый запах тревоги перебил даже стойкий душок, идущий из рыбных рядов. Я покрутила головой направо-налево в поисках его источника и чуть не лишилась чувств. В каких-то ста метрах от меня Лысый, оживленно жестикулируя, разговаривал с двумя неизвестными типами. Они стояли рядом с длинной, похожей на катафалк, иномаркой, и вид у всех троих был такой, что желания перекинуться с ними парой-тройкой фраз о погоде не возникало.

Я замешкалась, соображая, куда бежать, что сразу же вызвало нездоровую реакцию у следовавшей по моим пятам старушенции.

— Заснула, что ли? — завопила она дурным голосом, сразу же переходящим в визг. Есть на свете

такие люди, только и мечтающие с кем-нибудь сцепиться, это был как раз тот самый случай.

Может, Лысый и вправду среагировал на ее крик и обернулся в мою сторону, а может, мне только показалось, но, позабыв про все на свете, я задала стрекача вверх по улице, свернула в какой-то переулок, потом — во второй, в третий и так до бесконечности. Немногочисленные прохожие ошарашенно оглядывались и долго смотрели мне вслед, потому что, растрепанная, красная, с громыхающей по тротуару тележкой, я, наверное, производила неотразимое впечатление на встречающих.

Остановилась я, только почувствовав, что вот-вот рухну от усталости, посмотрела назад, но не увидела ни Лысого, ни кого-нибудь его напоминающего. Уж не галлюцинации ли у меня в самом деле? В этот момент из-за угла вывернул автомобиль, напоминающий катафалк... Не раздумывая, я нырнула в первую же дверь, только и успев рассмотреть краем глаза кусок аляповатой вывески «Шоу».

* * *

— Ты куда? — на меня смотрели две алюминиевые площадки. А с чем еще можно сравнить немигающие глаза здорового держиморды в черной униформе? Такие крепкие парни теперь есть везде, куда ни сунься — от магазина до бани, — и вид у них не самый приветливый.

«Куда, куда? — подумала я. — Да мне бы хоть куда». Вряд ли Лысый и его подручные станут меня хватать в людном общественном месте, да еще в присутствии свидетелей, а их, наверное, должно быть немало, если здесь какое-то шоу.

Однако держиморда по-прежнему загоразживал вход своим мощным торсом. Того и гляди пулемет выкатит.

— Тут шоу или нет? — спросила я плаксивым голосом.

Держиморда ничего не успел ответить, потому что из глубины помещения его окликнули:

— Что там у тебя происходит, Савелий?

Надо же, он к тому же еще и Савелий!

— Да тут какая-то ненормальная на шоу рвется! — отозвался охранник.

Там, куда я, по выражению держиморды, рвалась — впрочем, так оно и было, — глухо заржали, а потом игриво отозвались:

— Ну и пропусти, в чем дело?

Савелий как-то нехорошо ухмыльнулся и отступил.

Я вошла в небольшое помещение, в котором, против моего ожидания, никого не было, кроме маленького мужичка за конторкой — таких бойкая на язычок Маргарита называла карманными. Его прилизанная макушка едва выглядывала из-за кассы.

— Желаете посмотреть шоу? — осведомился он. Со своим маленьким, острым носиком он был как птица, клюющая с руки.

Шестым чувством я уловила во всем этом какой-то подвох, но в чем он заключался, совершенно не понимала.

— Так вы хотите посмотреть шоу? — напомнил он. — Тогда платите.

Отступать мне было некуда.

— А сколько это будет стоить? — поинтересовалась я, оглядывая стены, на которых висели кра-

сочные плакаты, вызвавшие у меня в глазах мельтешение.

Он назвал такую сумму, что я хватанула воздуха и закашлялась. Но, покосившись в полузашторенное окно, увидела катафалк, остановившийся на другой стороне улицы, и решительно полезла в кошелек, не спуская глаз с лица карманного мужчины. Он демонстрировал полную невозмутимость. Получил деньги, клацнул, нажав на кнопки кассового аппарата, и сказал:

— Можете проходить, только вещи сдайте — с вещами не положено.

Я отдала тележку охраннику и пошла в том направлении, которое мне указали, надеясь, что неизвестное мне шоу продлится, по крайней мере, не меньше часа.

Какие ассоциации у вас вызывает слово «шоу»? У меня, например, сцену и зрительный зал. Однако в данном случае ничего подобного я не увидела. Там были только какие-то странные кабинки, причем из одной из них прямо передо мной вышел бледный мужик с трясущимися губами. Он тоже как-то странно на меня посмотрел. От всего этого мне с каждой минутой становилось все хуже и хуже.

— Проходите, проходите, — подбодрил меня типчик, содравший бешеные деньги неизвестно за что, и указал в направлении освободившейся кабинки.

Я вошла и остолбенела, уже окончательно ничего не понимая, что здесь можно смотреть. Потом мое внимание привлекло небольшое окошечко. Я припнула к нему и тут же пошла нервной сыпью. Там, на небольшом, медленно движущемся помосте лежала совершенно голая женщина. Поза у нее была более чем откровенная. Можно подумать,

что она загорала на уединенном пляже, вдали от посторонних глаз. На мысль о пляже наводили также ее черные очки.

Не знаю, как это со мной произошло, но я вскрикнула от неожиданности, от нелепости ситуации. До меня наконец дошел смысл подозрительных смешков и косых взглядов. Голая девушка, очевидно, услышала мой вскрик. Она произвольно обернулась на внезапный звук, в этот момент с ней стали происходить превращения, от которых я заорала еще громче. С нее начала сползать голова! То есть это была не голова, а парик, но я поняла это не сразу. В общем, в считанные минуты она превратилась из платиновой блондинки в жгучую брюнетку. Когда же она на долю секунды в растерянности стащила очки, я прибавила к воплю кое-что более членораздельное.

— Маргарита! Маргарита! — заверещала я на всю катушку.

Глава 14

ТЯЖКОЕ ВРЕМЯ ЖЕНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

— Ну вот, я так и знала, что случится что-нибудь в таком духе, — недовольно бормотала Маргарита, словно всером обмахиваясь белокурым париком.

Происходило это десятью минутами спустя, если вы помните события, изложенные мною в предыдущей главе. Маргарита была уже одета в махровый халат ядовито-лимонного цвета и такие же тапки без задников, и мы сидели в маленькой комнатенке с зеркалами, напоминающей грим-

уборную. Кроме нас с Маргаритой, там присутствовала еще одна девушка, высокая, красивая и волоокая, точно с картины художника эпохи Возрождения. Только, на мой взгляд, уж очень сильно напудренная. Говорила она приятным, глубоким голосом с придыханием:

— Да не убивайся ты так, Марго. Ничего страшного не произошло, раз это твоя подружка.

Маргарита, все еще безутешная, достала из трельяжа пачку сигарет, нервно ее распечатала и затянулась только второй сигаретой (первая у нее сломалась). Когда треть сигареты обратилась в столбик пепла, она снова пожаловалась:

— Легко тебе, Мышка, рассуждать, на тебя никто не охотится. А тут не знаешь, доживешь ли до завтрашнего дня.

Дебелая красотка, почему-то отзывавшаяся на прозвище Мышка, продолжала ее утешать:

— Тогда тебе нужно уехать, вот и все. Отсидишься немного, а когда все утихнет, вернешься.

Маргарита даже куснула фильтр сигареты своими острыми зубками, так ей не понравилась идея Мышки.

— Нет, только не это, — решительно заявила она, — я должна постоянно держать руку на пульсе.

Честно говоря, для меня их беседа была столь же понятна, как диалог глухонемых. Единственное, что прояснилось — Маргаритина судьба. Пропавшая «суперстар» на отчетный момент выглядела вполне себе живой, здоровой и, судя по всему, не собиралась в ближайшее время покидать этот безумный мир. (А в том, что он именно таков, я лично не сомневалась. Особенно после того, что стряслось со мной за последние несколько дней.)

Маргарита раздавила окурок о крышку трельяжа и набросилась на меня:

— Ну скажи, чего тебя сюда принесло. Откуда ты узнала?

— Что узнала? — возмутилась я. — Я здесь оказалась совершенно случайно!

— Как это случайно?

В нашу разборку вмешалась Мышка:

— Да не нападай ты так на нее, Марго. Сама подумай, откуда она могла знать про тебя, если ты сама еще час назад не знала, что будешь здесь?

Маргарита несколько сбавила обороты, и на ее по-детски свежем лице отразилась мучительная мыслительная работа:

— Так что она тогда здесь делала?

— Вот и спроси ее спокойно, только не ори.

Я была благодарна Мышке за доброту, жалко только, что Маргарита не вняла ее мудрому совету. Она продолжала бешено вращать глазами, нервно шелкать костяшками пальцев и прочими способами выказывать свое неудовольствие от моего появления.

— Я убегала от преследования и зашла сюда, чтобы спрятаться, — тихо поведала я.

— Лучше места не нашла, где спрятаться, — взорвалась Маргарита, — где были твои глаза, когда ты сюда вламывалась? Что тут тебе — Третьяковка или Библиотека имени Ленина? Это пип-шоу, ясно тебе?

Уж не пеклась ли Маргарита о моем морально-нравственном облике? Забавно, забавно, очень забавно.

— Что ты на нее набросилась? — снова встряла здравомыслящая Мышка. — Лучше разузнай, от кого она убегала?

Полная благодарности, я бросила на Мышку теплый взгляд и оторопела. Пестрый халат на ее груди распахнулся, и из-за его глубокого выреза на свет Божий глянула... густая рыжеватая поросль. Теперь я посмотрела на Маргаритину подружку попристальнее и с ужасом обнаружила, что она мужчина, который скрывал под толстым слоем пудры синеву бритых щек. Понимаю, «она — мужчина» звучит немного по-идиотски, но в данной ситуации ничего лучше не придумаешь.

Из этой Мышки получался неплохой суфлер, потому что Маргарита сразу повторила велед за ним:

— Так от кого ты убегала?

Я не сразу нашла в себе силы ответить:

— От Лысого, который тебя похитил... Ой...
Который похитил меня, а хотел похитить тебя...

Маргарита и Мышка переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Мышка у Маргариты.

Та только капризно передернула плечиками под лимонным халатом и затрясла ногой, закинутой на другую. Была у Маргариты такая дурацкая привычка, от которой у присутствующих со временем развивалось что-то вроде тика.

— Так тебя никто не похищал? — дошло до меня наконец. — Тогда куда ты пропала? Все уже с ног сбились, тебя разыскивая. В газетах про тебя каждый день пишут...

— Я их не заставляла, — огрызнулась Маргарита, но мимо меня не проскользнула самодовольная усмешечка, уютно примопившаяся на ее пухлых губах. Хороша штука, ничего не скажешь. Выходит, это и впрямь всего лишь рекламный трюк.

— Ты хотя бы знаешь, что происходит? — Я всплеснула руками и стала сбивчиво излагать все, что стряслось со мной с тех пор, как я разряженная в пух и прах вышла от Маргариты якобы на встречу своему американскому счастью. Рассказывала я довольно долго, потому что то и дело перескакивала с одного события на другое, и в связи с этим была вынуждена возвращаться к началу. По ходу моего захватывающего повествования физиономии Маргариты и Мышки заметно вытягивались.

— Теперь ты понимаешь, в какой я ситуации оказалась по твоей милости? — заключила я с обидой в голосе. — Все чего-то от меня хотят — и Лысый, и следователи, — а помогать мне никто не желает. Как я могу от всех отбиться? Давай-ка выходи из своего подполья и проливай свет на эту белиберду, пока она меня окончательно не доконала.

— Ой, я никак не могу, — заявила в ответ наша звездочка.

— Как? — Я чуть не задохнулась от справедливого возмущения.

Слово опять взял Мышка, который по мере стирания грима с лица постепенно приобретал все более первозданный вид:

— Понимаете, девушка, как вас, кстати, зовут — Марго нас не представила друг другу...

— Аня...

— Аня, — на мой взгляд, Мышка начинал злоупотреблять задушевым тоном. — Марго в страшной опасности. Ей нельзя возвращаться, то есть пока что нельзя возвращаться. Обстоятельства складываются таким образом, что это даже к лучшему, если все будут думать, будто ее похитили.

— Но а мне-то, мне каково?

Мышка сочувственно вздохнул:

— Но ведь вы же подруга Марго, так же, как и я. А потому наш общий долг помочь ей.

— Если ей что-то угрожает, нам нужно немедленно обратиться в милицию. Я как раз знаю там двух следователей...

Маргарита презрительно скривилась:

— Вот только не надо этого: милиция, следователи... От них проку мало. По крайней мере, в моем случае они бессильны.

Она именно так и сказала — «в моем случае», после чего умолкла и передала эстафетную палочку Мышке.

Тот уже успел снять парик и оказался — по крайней мере, внешне — мужчиной на все сто. Единственное, что немного диссонировало с его вполне мужественным видом, так это мягкий вкрадчивый голос с интонациями психотерапевта, обыкновение величать себя Маргаритиной подружкой и, пожалуй, слишком уж плавные движения. Да, еще цветастый шелковый халат — как я забыла о самом главном.

Мышка сделал озабоченное лицо и со знанием дела повел на меня достаточно квалифицированную психическую атаку:

— Марго попала в очень тяжелую переделку, которая может закончиться для нее весьма плачевно. Очень, очень влиятельный человек заинтересован в том, чтобы она не только не пела, но и не разговаривала. Он не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от нее.

От обилия слова «очень» у меня закружилась голова.

— А что же она сделала этому очень, очень влиятельному человеку?

Мышка покосился на Маргариту, как бы испрашивая ее благословения на дальнейшую откровенность. Маргарита вяло потрянула своей иссиня-черной гривой.

Видимо, Мышка счел, что этого достаточно.

— Маргарита знает про этого человека кое-что такое... В общем, он опасается за свою политическую карьеру.

Я почувствовала, как у меня между лопаток потекла холодная струйка: только политических страстей мне не хватало.

— Это что же, шантаж? — я даже не узнала собственный голос.

— В смысле, со стороны Маргариты? — уточнил Мышка и затряс головой, крупные серьги в его ушах при этом заколыхались, как качели на ветру. — Нет, конечно. Но он этого боится, а его страха вполне достаточно, чтобы стереть Маргариту в порошок. Не исключено даже, что следователи, о которых вы говорили, ищут ее по приказу этого... очень большого человека. Вы же сами сказали, что они даже обыск у вас провели, а к чему бы им это?

Винтики и колесики в моей многострадальной голове бешено вращались, пытаюсь ускорить процесс усвоения вновь поступившей информации. Я чувствовала, что скоро меня придется заливать водой, как перегревшийся радиатор. Было от чего вскипеть!

— И что же делать?

— Нужно немного подождать. В этом деле решающую роль играет время. Понимаете? — вкрадчиво внушал мне Мышка.

Черта с два я что-нибудь понимала! Кроме того, что спокойствие в ближайшие дни мне не грозит.

Теперь за меня взялась Маргарита:

— Ань, но ведь то, что мы встретились, совершенная случайность. Представь, что ты меня не видела, вот и все.

Легко ей говорить, когда все шишки падают на меня!

И тогда Маргарита пустила в ход запрещенное оружие. Она заревела, громко и безутешно. Ни разу в жизни я еще не видела Маргариту плачущей, а это, я вам скажу, зрелище не для слабонервных. Если она применяла такие трюки и против своих мужчин, немудрено, что они становились рядом с ней беспомощными, как новорожденные котята.

— Ладно, я буду молчать, — пообещала я упавшим голосом и вспомнила, что за последние сутки это мое второе обещание подобного рода. Первое я дала ночью Павлу. — Буду молчать, сколько выдержу. — У меня, впрочем, были серьезные основания думать, что выдержу я не слишком долго.

— Я знала, что ты меня поймешь, — тут же воодушевилась Маргарита.

— Маргарита, может, ты мне все-таки поподробнее объяснишь, куда ты вляпалась, — попросила я.

Маргарита замерла, словно боялась испугнуть ненароком севшую ей на плечо бабочку. Глаза ее смотрели в собственную глубь, как это бывает у беременных. Наконец она прервала затянувшееся молчание:

— Лучше тебе этого не знать. Для тебя же лучше. Я могу сказать только одно: это очень дорогая

и рискованная игра. Тут, как говорится, или пан, или пропал.

В наш разговор опять вмешался Мышка и сделал это в свойственной ему специфической манере. Правда, на этот раз он позволил себе быть более фамильярным:

— Ты же знаешь, Анюта, как мужчины относятся к нам, девушкам. Они нами пользуются как хотят, а потом легко от нас избавляются. Так что мы должны быть солидарны.

Ну уж если Мышка девушка, имеющая зуб на мужчин, то я фараон Рамзес. От всего этого у любого крыша поедет.

Мышка посмотрел на часы и посерьезнел:

— Марго, а ведь нам пора. Почему бы тебе не одеться? А я пойду пока посмотрю, что на улице делается. Проверю, там ли еще этот катафалк.

Когда Мышка вышел, я не удержалась от вопроса:

— Ты давно его знаешь?

— Очень, — кивнула Маргарита, — он надежный парень, — она усмехнулась. — Впрочем, сам он предпочитает называть себя девушкой. Но какое это имеет значение, если на человека можно положиться в любой ситуации?

— А зачем ты... крутилась на этой сцене?

— А, — она махнула рукой, — я занималась этим и раньше, подрабатывала. А тут у Мышки заболела девушка, и он попросил, чтобы я ее заменила. В очках и парике меня бы никто не узнал, а кроме того, эти придурки, что сюда ходят, на лицо не смотрят. Одного я не могла предположить, что тебя занесет на пин-шоу.

Я только развела руками:

— Честно говоря, о себе я могу сказать то же самое.

Маргарита принялась одеваться. Сначала натянула на свои обольстительные ножки чулки, потом надела белье и трикотажное платье, выгодно подчеркивающее безукоризненную фигуру. Я в очередной раз задумалась над неразрешимой дилеммой: ну почему это одним все, а другим ничего? И в очередной раз не придумала ничего путного.

Когда Маргарита уже застегивала «молнии» на коротеньких сапожках, я не утерпела и спросила еще кое о чем:

— А что у тебя с Небожителем?

Она подняла на меня свои чуть-чуть косящие глаза:

— С кем, с кем?

— Ах да, вы ведь называете его Инопланетянином... Я имела в виду композитора Лозинского.

Маргарита опять ненадолго ушла в себя, а потом сказала нечто такое, что я меньше всего ожидала услышать из ее уст, специально предназначенных для сладких, легко запоминающихся мотивчиков. Маргарита сказала:

— Ты можешь добиться потрясающих успехов, ты даже можешь стать совершенством, но всегда найдется человек, для которого это не будет иметь ровным счетом никакого значения. И, как назло, он-то тебе и нужен больше всех остальных.

Вернулся Мышка и сообщил:

— На улице все спокойно, можно уходить.

— Мы тебя подвезем, — сказала Маргарита.

— А куда ты сейчас отправляешься? — спросила я.

— Лучше тебе этого не знать, — ответила она и спохватилась: — А как Чанг?

— Да ничего, — заверила я ее. — У него все нормально, он бодрый, аппетит отменный...

— И по мне, конечно, не скучает, — заключила Маргарита. Помолчала и добавила: — Так я на тебя рассчитываю? Ты никому не скажешь, что видела меня?

Я подавленно кивнула.

Быть тургеневской девушкой очень утомительное занятие, а главное — разорительное. Получается, что его плодами пользуются другие, а тебе — одни убытки.

Глава 15

Я ОПЯТЬ ПОПАЛАСЬ

Лифт в очередной раз не работал, и сумку-тележку мне пришлось тащить на себе. Но я не очень-то переживала по этому поводу, философски рассуждая, что состояние вьючной лошади вполне привычно для наших женщин. По крайней мере, если нет острой необходимости останавливать коня на скаку, всегда остается возможность перевоплотиться в сие замечательное животное. Вот и изобретатель сумки-тележки (у меня нет ни малейшего сомнения, что он мужчина) наверняка руководствовался вышеприведенным постулатом, при этом убеждая себя и других, что облегчает участь ближнего. Небось и проценты посчитал, и какой-нибудь удивительно-замечательный КПД вычислил, и прочее, а в основе-то совсем иное...

Остановившись у своей двери, я начала хлопать себя по карманам, соображая, куда сунула ключ от

квартиры. Хуже, если он лежит где-нибудь на дне сумки, под покупками, подумала я, но не получила возможности подтвердить свое неприятное предположение эмпирическим путем, поскольку дверь неожиданно распахнулась, и меня точно сквозняком втянуло внутрь вместе с тележкой. Уже в процессе этого странного перемещения в пространстве я заподозрила, что без постороннего участия тут дело не обошлось.

Так оно и оказалось. В комнате (на моем диване!) сидел Лысый и поглаживал Чанга, который не выказывал ни малейшего неудовольствия этим обстоятельством. Хамелеон в собачьей шкуре! Впрочем, чего от него ждать при Маргаритином воспитании? Следующее открытие, сделанное мной: Лысый не обладал способностями телекинеза. Этот вывод напрашивался сам собой, ибо слева и справа от меня стояло по здоровому жлобу. Они так сильно напоминали тех, что остались лежать на полу в загородном доме, что мне стало не по себе.

«Что делать?» — лихорадочно искала я выход из жуткой ситуации. Но ничего путного мне не приходило в голову. Оставалось попробовать самый безнадежный вариант.

— Ой, я, кажется, не туда попала, — сказала я и посмотрела на своих сопровождающих. На их тесанных рубанком физиономиях не отразилось никаких эмоций.

— Да ладно тебе, Анюта, туда ты попала, туда, — ласково заметил Лысый, продолжая поглаживать Чанга. А этот предатель, словно в подтверждение его слов, подобострастно тявкнул. Мол, проходи, Аня, не стесняйся, здесь все свои.

Оставив тележку в прихожей, я опустилась на стул. Ноги у меня прямо-таки подкашивались.

— Что вам нужно? — спросила я. Придуриваться дальше не имело смысла, к тому же не могу похвастать, чтобы я в этом хоть раз преуспела.

— У-у, какая ты негостеприимная, — отозвался Лысый, — даже не обрадовалась, а мы тебя так искали. Главное — в прошлый раз как-то нехорошо получилось... Ушла и до свиданья не сказала.

Я испугалась, что он подумает, будто я каким-то образом причастна к расстрелу его бестолковых подчиненных, и поспешила развеять всякие сомнения:

— А что мне оставалось делать после всех этих ужасов? Мне было так страшно! Стрельба, кровь... А потом, я ничем не могла помочь вашим друзьям... Честное слово, я очень сожалею о том, что с ними произошло...

— Ну да, ты очень сожалеешь, это заметно, — хмыкнул Лысый. — Лучше скажи, кто их замочил?

— Да откуда мне знать? Они мне не представились. И... — Я нехотя призналась: — И вообще они меня не заметили, я под кровать спряталась.

— А ты их?

— И я тоже. Я же без очков была, а у меня зрение минус пять, — пожаловалась я.

Лысый махнул рукой:

— Да знаю, знаю я про твое зрение, я вообще все про тебя знаю. Пока тебя разыскивал, выяснил. Ты не представляешь, сколько в Москве Беспаловых, а сколько среди них Ань! Это была очень кропотливая работа. А обнаружилась ты, можно сказать, совсем рядышком! Кстати, не тебя ли я вчера видел в «Пьяной индейке» с какими-то двумя типами?

— Я? Где вы сказали, в «Пьяной индейке»? — демонстрируя искреннее удивление, я так стара-

тельно делала круглые глаза, что они у меня чуть из орбит не повывлазили. — Это что же такое? Какое-нибудь злачное место?

Понятно, актриса из меня никакая, но я надеялась, что моя мышинная внешность сослужит мне хоть раз добрую службу. Да и потом, если он и вправду навел обо мне справки, то наверняка в курсе того факта, что я тургеневская барышня, а тургеневские барышни, как известно, не имеют привычки посещать притоны. Так что вряд ли он мог быть уверен на все сто, что видел вчера именно меня, и скорее всего мучился тяжкими сомнениями.

Так оно и оказалось. Лысый с готовностью принял мою незамысловатую ложь, бросив своим новым подчиненным:

— Зря вчера, выходит, сорвались... Бывает, издержки производства.

Те в знак солидарности шумно засопели.

— Так это все, что вы хотели узнать? — Приободренная успехом, я несколько осмелела. Впрочем, это мягко сказано. Я чувствовала себя двойным агентом, почти Матой Хари.

Лысый расплылся в улыбке:

— Почти... У меня осталось еще несколько вопросов, но все они очень простые.

Могу себе представить!

— Первый: где все-таки наша сучка?

Я честно и искренне ничего не понимала:

— Какая сучка? Вы же видите, это кобель. А сучки у меня сроду не было.

По выражению лица Лысого я поняла, что сказала что-то не то. Он разом поскучнел:

— Могу перевести. Где твоя подружка Маргарита?

Да, похоже, он и в самом деле добросовестно навел обо мне справки, и ему было доподлинно известно о наших с Маргаритой отношениях. Не знаю, как бы себя в такой ситуации повела Мата Хари, а я сразу упала духом.

— Она пропала. Вы что, не знаете, про это же все газеты писали? — Я снова бесталанно изображала из себя деревенскую дурочку. А что мне еще оставалось?

У Лысого не было настроения мне подыгрывать. Он строго зыркнул на своих подручных и приказал им:

— Растолкните-ка девушке подходчивее.

Тот, что стоял по левую руку от меня, спросил:

— Утюг есть?

— Есть, в углу, за шкафом, только там что-то с контактом, какой-то проводок все время отходит... — отпрапортовала я механически, а сама подумала: зачем это им утюг понадобился? Что, интересно, они собираются гладить?

— Ничего, починим твой... проводок. — Здоровый парень с видимым трудом согнулся пополам и полез за шкаф.

Я уже хотела было поблагодарить его за любезность, как внезапно с ужасом сообразила: они собираются гладить не что-то, а кого-то. А именно: меня. Любана недавно пересказывала мне свежечитанный ею детектив, в котором одни мафиози пытали других, из конкурирующей шайки, утюгом. Встретившись взглядом с Лысым, я нашла подтверждение своим страшным догадкам в его холодных, прищуренных глазах. Он водил хорошо вылепленной, почти артистической рукой по блестящей коричневой Чанговой шерсти и с видимым безразличием к происходящему насвистывал мо-

тивчик, в котором я без труда узнала Маргаритину вампирскую песню: «Ты меня не бойся, я не укушу...» — и так далее. Убийца был явно не лишен слуха!

Пока этот поток сознания теснился в моем горячем мозгу, соратники Лысого как ни в чем не бывало рассматривали мой утюг-инвалид, а заодно обменивались мнениями на предмет вероятности его починки. Этакая идиллически-умильная картинка. Ни дать ни взять два племянника, пожаловавшие в гости к престарелой тетушке, чтобы оказать посильную помощь по хозяйству.

— Пойдет, — наконец сделал заключение один и сунул штепсель в розетку. Второй в это время снимал с меня пальто.

Я сидела на стуле в полной прострации, вспоминая самые счастливые моменты своей короткой жизни. Должна признать, что под моим нынешним, довольно специфическим углом зрения таковыми казались буквально все, от первого до последнего. Мне даже почудилось, что участь старой девы не такая уж и плохая.

— Черт, бьет, — пожаловался тот, что отвечал за технические средства.

— Я же тебе говорил! — отозвался другой.

— Долго вы еще? — Лысому, наверное, стало неудобно за своих подчиненных. И правда, что-то ему с ними не везло. Первые, царство им небесное, перспутали меня с Маргаритой, а эти — какие-то технически отсталые.

— Ладно, поступим проще, — сказал тот, которого дернуло током, и, вынув вилку из розетки, решительно вырвал из утюга шнур. Какая беспремонность!

Но он и не думал извиняться, а подошел сзади и, сделав из шнура удавку, затянул ее на моей шее. Тут только я поняла, что излишне увлеклась наблюдением за гангстерскими манипуляциями, да к тому же слишком мало соотносила их с собственной персоной.

Вас когда-нибудь душили? Ничего приятного! У меня было такое ощущение, словно мне в горло насыпали опилок. Хорошо, что продолжалось это недолго. Душитель ослабил хватку, а Лысый вкравчиво осведомился:

— Повторить вопрос?

— Достаточно, — ответила я, — я уже поняла, — а сама подумала: «Где они, эти капитаны и лейтенанты? Как обыскивать бедную девушку, так они тут как тут, а в нужный момент их днем с огнем не сыщешь! А вдруг Маргарита права, и милиция с ними заодно? Ой, мамочка!»

— Ну вот, я так и знал, — обрадовался Лысый. — Ты мне еще тогда смышленной показалась. Так где твоя подружка?

— Я понятия не имею, где она сейчас, — призналась я. — Я знаю только, что она в опасности. Ей угрожает какой-то очень большой человек. Вроде бы у нее на него компромат. Это случайно не вы?

Лысый пришел в сильное волнение, достал из кармана пластмассовую штуковину, которая, кажется, называется мобильным телефоном, и принялся лихорадочно нажимать на кнопки. Похоже, ему ответили, потому что он, бросая взгляды в мою сторону, быстро заговорил:

— Да-да, это я... Угу, ну да... А я... Так вот, у нее есть компра на какого-то бугра.... Вот и я... Дума-

ешь, это он?.. Гм-гм... Она-то? Да запросто! Это же секс-бомба замедленного действия.

Захлопнув крышку, он повел очами налево-направо и принял решение:

— Пора!

— А с этой что? — вопрос относился ко мне. А интересовался моей участью тот, что по-прежнему держал удавку на моей шее, разве что немного ее ослабил.

— С собой берем, конечно.

— Зачем? — попробовала я его разжалобить. — Я же ничего не сделала. Я сижу себе тихо в научной библиотеке и выдаю книги. Я даже детективы не читаю, только классическую литературу!

— Подружек нужно лучше выбирать, — резонно заметил Лысый.

Вот на это крыть мне было нечем. Что верно, то верно, где была моя голова, когда я решила связаться с Маргаритой? С этой авантюристкой, поставившей себе заветную цель перейти из посредственного разряда обычных женщин в разряд фемин, попасть в который, по ее мнению, можно, только соблюдая три священных «никогда». Никогда не вставать раньше одиннадцати утра, никогда и ни при каких условиях не штопать колготки (даже если носишь их исключительно под брюками!) и, наконец, никогда не держать в руках ничего тяжелее пилки для ногтей. Теперь можете полюбоваться, чего Маргарита всем этим добилась! Она ввязалась в какую-то сложную интригу чуть ли не с политическим подтекстом! И это бы еще ничего, если бы я, скромная библиотечная работница, не брезгующая прогулкой с сумкой-тележкой на мелкооптовый рынок, злой волей судьбы

не оказалась втянута в ту же самую плохую игру. Главное — Маргарита своими авантюрами пыталась отвоевать себе наилучшее местечко под солнцем, а мне-то это зачем?

Лысый решительно поднялся с дивана, запахиваясь в длинное кожаное пальто.

— А как же Чанг? — вспомнила я, как будто они могли принять во внимание собаку. — Он воет по ночам, если остается один.

Лысый, несмотря на то что еще недавно поглаживал Чанга, отнесся к этой проблеме с максимальным невниманием:

— Ничего с твоей псиной не случится.

Меня же он предупредил:

— А ты не вздумай бежать или выкинуть еще какую-нибудь штучку. Ребята будут держать тебя на мушке.

— Хорошо, — безропотно согласилась я и вежливо поинтересовалась: — Может, мне захватить с собой что-нибудь из предметов первой необходимости? — Таким незамысловатым способом я пыталась выяснить, долго ли я пробуду у них «в гостях».

Моя нехитрая уловка не сработала.

— Ну возьми зубную щетку, если хочешь, — усмехнулся Лысый. Больше он ничего не сказал.

Я пошла в ванную, взяла щетку и сунула ее в карман пальто.

Из подъезда мы вышли вчетвером, под неодобрительные взгляды местных старух, совершающих вечерний променад. Представляю, что они обо мне подумали! А впрочем, не все ли равно? Горевать об испорченной репутации, находясь под прицелом, абсолютно бесперспективное занятие.

Я НАХОЖУ МАРГАРИТИНУ ПУГОВИЦУ

Декорации поменялись довольно быстро. Уже через каких-то полчаса я сидела в странной комнате без окон. В лицо мне был направлен яркий свет, так что задававшего мне вопросы человека я не видела. Я слышала только голос, лишенный какой бы то ни было экспрессии, точно записанный на пленку.

— Здравствуйте, Анна Ивановна, — официально поприветствовал он меня, когда я более-менее отдышалась.

— Здрасьте, — отозвалась я, прикрываясь рукой от яркого слепящего света и, расхрабрившись, добавила: — Нельзя ли немного повернуть лампу?

Свет стал немного слабее, но я все равно не видела своего загадочного собеседника.

— Так лучше? — спросил он.

— Вполне, — подтвердила я, решив, что качать права в подобной обстановке неблагоприятно.

— Могу я задать вам несколько вопросов?

«Смотри какой вежливый», — подумала я, а вслух осторожно произнесла:

— Отчего же нет? Если, конечно, я знаю на них ответы.

Невидимка приступил к делу.

— Давно ли вы знаете Маргариту Жужжалову?

— Кого? — удивилась я, дабы продемонстрировать, что наше с Маргаритой знакомство следует отнести к разряду шапочных. — Вы имеете в виду певицу Маргариту Алмазову?

— Да, я имею в виду именно ее, — бесстрастно отозвался механический голос, в котором не было даже намека на эмоции.

— Года два. Мы познакомились, когда она еще работала в магазине, — шпарила я как по писаному. В сущности, от меня требовались те же сведения, что я уже пару раз излагала в милиции.

— А когда вы ее видели в последний раз?

— Два дня назад. — Четко, как в армии, отвечала я на поставленный вопрос, а сама думала с тоской, оценит ли Маргарита когда-нибудь мою преданность и самоотверженность. Я решила держаться, во всяком случае до тех пор, пока они не решат применить ко мне какие-нибудь методы убеждения или технические средства вроде утюга. Хватит уже искушать судьбу, тем более, я уверена, всякие там обогревательные приборы у них, в отличие от моих, в полном порядке. Сунут вилку в розетку и начнут меня проглаживать с отпариванием. Бр-р...

Невидимка, похоже, мне поверил, потому что и дальше продолжал спрашивать, словно по протоколу: при каких обстоятельствах, где расстались и так далее.

Когда я рассказала про Маргариту все, что можно, по крайней мере, в том объеме, который от меня требовался, голос, идущий из неизвестности, начал интересоваться событиями той роковой ночи, когда меня перепутали с этой поющей авантюристкой. Больше всего он любопытствовал, кто же столь немилосердно обошелся с предыдущими подручными Лысого. Естественно, я не смогла его ничем порадовать. Кстати, с его стороны было верхом непрофессионализма задавать такие глупые вопросы. Ясно же, что, имея я возможность что-либо тогда рассмотреть, учитывая мои «минус пять» и отсутствие очков, сегодня уж совершенно точно была не в состоянии поделить свои наблюдения.

— Я плохо вижу, а очков у меня не было, — объяснила я причину своей ненаблюдательности. Я изо всех сил пыталась ему доказать, что стремлюсь быть максимально полезной. Еще меня так и подмывало спросить, куда так быстро делись трупы и вообще, не ошиблась ли я и впрямь, когда указала милиционерам тот дом на территории заповедника. Но по зрелом размышлении сочла, что с моей стороны безопаснее будет остаться в неведении. Во всяком случае, до сих пор лишняя информация причиняла мне только хлопоты.

— А теперь, — предложил он, — повторите все, что она вам сказала насчет очень большого человека и компромата, который она на него имеет.

Я заученно отрапортовала:

— Она сказала, что у нее есть что-то против очень большого человека, который ни перед чем не остановится, чтобы этот компромат заполучить. Все... Да, еще прибавила, что мне лучше больше ничего об этом не знать. Мол, так мне лучше будет.

Хотя невидимка с механическим голосом явно старался не показывать виду, но последний вопрос интересовал его больше остальных. Как я ни была зла на Маргариту, все же нашла в себе силы мысленно за нее порадоваться. Что другое, а задурить голову мужикам, основательно попортить им кровь и в конце концов оставить с носом она умела. А последний, весьма красноречивый пример даже свидетельствовал о большем: ей ничего не стоило внести сумятицу в сплоченные ряды тружеников организованной преступности. Ишь как переполошились!

Когда у моего невидимого визави вопросы иссякли, я осмелилась немного поинтересоваться собственной судьбой:

— Я вам рассказала все, что знала. Может, теперь вы меня отпустите?

Он ответил не сразу:

— Вы побудете здесь, пока не отыщется ваша подруга. Как только это произойдет, мы вас немедленно отпустим. Считайте, что вы у нас в гостях. Кстати, так даже лучше для вас — милиция не будет беспокоить.

— Но... — начала было я, но дверь позади меня распахнулась, оттуда протянулись чьи-то руки и вытащили меня наружу. Понятно: аудиенция окончена.

* * *

Меня снова заперли, но на этот раз комната была много лучше той, в загородном доме. Ни дать ни взять отдельный номер в пятизвездочном отеле. Можно сказать, я пошла на повышение. Вида на Средиземное море, правда, не было, зато был отличный вид на глухую бетонную стену: особняк заботливо и надежно огородили со всех сторон, как областной лепрозорий. Решетки на окнах, между прочим, тоже присутствовали и несколько их не украшали.

Комната была обставлена с претензией на ненавязчивый европейский шик. Ничего лишнего, все в тон, все функционально. Я постояла посредине, оглянулась на запертую дверь и, засучив рукава, взялась за ревизию. Должна же я была хоть что-нибудь предпринять. Рассуждала я примерно так: везде, где живут люди, остаются следы их присутствия, по которым можно составить о них представление и, таким образом, выяснить, чего от них ожидать.

Не исключено, что меня все еще вдохновляли наставления Любани, ну, та история с ботинком.

Добросовестно облазив всю комнату, я таки сделала кое-какие находки. Во-первых, изрядный слой пыли под кроватью. Во-вторых, мятый клочок газеты в верхнем ящике комода. А вот что я нашла за его левой ножкой! Вы не поверите: это была пуговица от Маргаритиной кофточки! Вы спросите, почему я так уверена? Да потому что эту самую кофточку Маргарита мне отдала недели две назад — помните, я упоминала в самом начале? — и пуговицы на ней не хватало.

Я уселась на полу и стала рассматривать пуговицу, словно она была последним, что мне предстояло увидеть в этой жизни. У меня не было ни малейшего сомнения, что она оторвалась с Маргаритиной кофточки. При каких обстоятельствах? Вот это совершенно непонятно. Я сжала пуговицу в кулаке с такой силой, что ее пластмассовая ножка больно впилась мне в ладонь. Должна сказать вам честно, что в голове у меня от этого нисколько не прояснилось. Значит, Маргариту все-таки похищали?

Стоп, да ведь кофту она мне всучила две недели назад, когда все еще было тихо и спокойно, когда я привычно ездила на службу и не помышляла о таких приключениях. Ничего не понимаю, убейте меня, ничего не понимаю! Нет, один вывод напрашивался сам собой: Маргарита хорошо знакома и с человеком-невидимкой, и с Лысым, Впрочем, вряд ли это можно считать открытием. Стали бы они за ней охотиться, если бы не знали ее лично и еще неизвестно до какой степени близко.

И что дальше? А ничего! Маргариту я расспросить не могу по причине ее отсутствия, а Лысый и остальные вряд ли станут давать мне какие-либо объяснения на сей счет. Я снова погрузилась в не-радостные мысли, и чем дольше я думала, тем мурнее становилось у меня на душе. Немного зная Маргариту, я могла себе предположить, во что она вляпалась. Не конкретно, конечно, а как бы в общих чертах. Но и в общих чертах это выглядело довольно безрадостно.

Кого, черт побери, она могла шантажировать и чем? В голову полезли воспоминания о недавних публичных скандалах, долго не сходявших со страниц газет. Что-то насчет министра, развлекавшегося с голыми девочками в бане. Неужели же Маргарита причастна к чему-нибудь в этом духе? А что, с нее станется! Как там сказал о ней Лысый: «Секс-бомба замедленного действия»? Тонко подмечено.

Я еще минут десять побегала из угла в угол, а потом опять взялась за обыск. Увы, к прежним находкам ничего не прибавилось, если не считать кусочка засохшего печенья, валявшегося в углу, за шторой. Тогда я разгладила на крышке комода мятый газетный клочок. Выходных данных я на нем не обнаружила, о названии газеты тоже оставалось гадать. С одной стороны на нем была реклама чудодейственного антиалкогольного чая, а на другой короткая заметочка под заголовком: «Таинственное исчезновение банкира». Такими сенсационными сообщениями нынче никого не удивишь, их теперь печатают в газетах целыми подвалами. Ничего не попишешь, время такое криминальное.

Я пробежала заметку глазами, в сущности, ни на что не надеясь. Вот что там было:

«Президент «Бонд-банка» Петр Садовников пропал на днях при невыясненных обстоятельствах. Более точно определить дату его исчезновения не представляется возможным, поскольку банкир жил один. Известно только, что это произошло между 18 и 22 января. Именно 18 января Садовников был отпущен под залог из предварительного заключения, в котором находился чуть больше месяца. Кстати, о его задержании, так же как и об аресте активов и имущества «Бонд-банка», наша газета уже писала не так давно. А 22 января Садовникова хватились правоохранительные органы.

Что случилось с банкиром, неизвестно. В его квартире порядок, и никаких следов борьбы или насилия. Следователи еще не определились с какой-либо конкретной версией, но не исключают возможности его побега. В пользу этой догадки говорит и тот факт, что проведенная проверка вскрыла серьезные нарушения в финансовой деятельности банка, а также крупную недостачу, исчисляемую несколькими миллионами долларов. Нельзя сбрасывать со счетов и то...»

На этом месте заметка обрывалась, точнее, обрывался газетный клочок. В общем, я так и не узнала, чего же нельзя сбрасывать со счетов. Но вряд ли это было так уж важно, во всяком случае, для меня. Еще там была фотография пропавшего банкира: ничего себе, симпатичный, с такими усиками — ну просто «ваша киска купила бы «Вискас!». Я сунула газетный обрывок на прежнее место — в верхний ящик комода, а вот пуговицу положила в карман. Не то чтобы я рассчитывала пришить ее к той самой кофточке, скорее, собиралась включить

в коллекцию вещественных доказательств, наряду с неизвестно чьим ботинком. Потом вспомнила, что ботинка больше нет. Все, что осталось — половинка стодолларовой купюры, от которой никакого проку.

Мои горестные размышления прервались самым неожиданным образом. Дверь в комнату открылась, и на ее пороге материализовался парень, окончательно добивший мой уют. В руках у него был поднос. Поставив свою ношу на маленький столик возле кровати, он незамысловато предложил:

— Ешь.

И скрылся за дверью.

Я присмотрелась к тому, что мне предлагалось съесть. Ничего подозрительного не заметила: обычный продуктовый набор, вроде тех, что предлагают в самолете. Все упакованное в пакетики, без запаха, а зачастую и без вкуса. Не могу сказать, чтобы обстановка способствовала усиленной выработке желудочного сока, но есть мне все же хотелось. К тому же неизвестно было, когда доведется поесть в следующий раз. Да и вообще придется ли. А вот об этом лучше не думать.

Я запихнула в себя скучный гамбургер, запила его не очень горячим чаем и, горестно подперев щеку, уставилась в стену. Выходило так, что мне нужно было молить Бога, чтобы Лысый со товарищи поскорее отловили Маргариту. Неблагодарно, скажете вы, особенно для тургеневской девушки, но вам бы побыть в моей шкуре. Мало-помалу мысли мои опять вернулись к тому же. Итак, что же натворила Маргарита, кого и чем она шанта-

жировала, как здесь оказалась пуговица от ее кофточки?

О нет, так дело не пойдет. Надо бы начать с малого. А если... Ну конечно, конечно, она шантажировала хозяина этого дома, невидимку. Сначала она его охмуряла в свойственной ей манере, потом заполучила какие-нибудь сведения или бумаги... Логично, очень даже логично. Дальше вообще все просто: он решил ее устранить, для чего и нанял Лысого и прочих. Эти бедолаги перепутали меня с Маргаритой, и пока они со всем этим разбирались, Маргарита спокойно сделала ноги. Идеальная версия, выражаясь сугубо профессиональным языком, если, конечно, не принимать во внимание кое-какие малозначительные детали, вроде убийства неудачливых гангстеров и странного звонка Маргаритиному продюсеру с сообщением о ее похищении. Что-то здесь не так, стал бы этот «очень большой человек» ставить в известность Семена Марковича... Да и вообще, зачем ему раздувать такую шумиху? Ему, по идее, наоборот, надо обтяпать дело по-тихому, не привлекая особого внимания.

А так что вышло? Папарацци с удовольствием копаются в Маргаритином белье, надо признать, не очень чистом, и того и гляди что-нибудь нарыют. Они ведь народ ушлый, без комплексов и тормозов, родную мать продадут за лакомый кусок. Вот вздумает Маргарита заявиться к ним со своим драгоценным компроматом, небось сразу же напечатают. Не того ли боится очень большой человек? Ох, того, того, чует мое вещее сердце! Или... Или она будет с ним торговаться до упора, требуя оплатить ее молчание по наивысшему тарифу. Прекрасно! А я-то здесь за что страдаю?!

ОЧЕРЕДНОЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПОБЕГ

Маргарита раскладывала пасьянс на лиловой шали с золотой бахромой. Карты выпрыгивали из ее рук, как живые, и всером укладывались по кругу. Никогда прежде не видела ее за таким занятием. Но странно было даже не это, а то, что карты выглядели как-то необычно, точнее, странно. Среди них не было ни шестерок, ни тузов, ни дам, одни валеты. К тому же все, как на подбор, лысые и похотливо подмигивающие. Тридцать шесть лысых подмигивающих валетов — явный перебор. В глазах у меня зарябило, потом меня начало трясти, будто в падучей...

— Да проснись ты! — кто-то нещадно трепал меня по плечу.

Валеты куда-то пропали, а с ними и Маргарита со своей шалью, в глаза ударил свет. Рядом с кроватью стоял Лысый и, наклонившись, заглядывал мне в лицо.

— А где Маргарита? — спросила я его, все еще путая сон с явью.

— Сам хотел бы знать, где эта стерва, — буркнул он недовольно.

Мой недавний сон был таким красочным и отчетливым, что мне никак не удавалось вырваться из его плена.

— Ты валет? — поинтересовалась я у Лысого.

Он немного приподнял свои лохматые брови и ответил тоном, в котором было больше удивления, чем сарказма:

— Нет, я наследный принц.

Тут я немного оклемалась, вспомнила все, что

произошло накануне, и села в постели, поджав под себя ноги.

— Что случилось? — более нелепого вопроса я не могла и придумать.

— Вставай, — хмыкнул он неопределенно, — сейчас будет очная ставка.

Очная ставка? Что бы это могло означать? Я сползла с кровати и обреченно поплелась за Лысым.

Но он обернулся и приказал:

— Оставайся на месте.

Я снова взгромоздилась на кровать, озадаченная и порядком встревоженная. За дверью послышались раздраженные голоса, и минуту спустя в комнату влетел человек — с такой скоростью, словно им выстрелили из пращи. Это был высокий тип, с ног до головы в джинсе, и с сильно побитой физиономией. Тонкая струйка крови текла по его подбородку из запекшегося рта, а левый глаз заплаыл напрочь, превратившись в огромный иссиня-черный кровоподтек.

— Узнаешь? — осведомился Лысый, обращаясь ко мне.

Я отрицательно замотала головой. С его стороны было верхом бестактности подозревать меня в столь сомнительных знакомствах, хотя, надо признать, за последнее время их круг, прежде весьма ограниченный, значительно расширился.

— Посмотри получше.

Я поправила очки и старательно сфокусировала на избитом остатки зрения. Да ведь это же был Мышка! Впрочем, в таком жалком виде узнать его было затруднительно.

— Ну что, узнала? — уточнил Лысый.

Я снова отрицательно покачала головой, при

этом моя нижняя челюсть неожиданно громко клацнула. С испугу, разумеется.

Мышка посмотрел на меня исподлобья оставшимся в его распоряжении глазом и смачно сплюнул кровью. На паркетном полу остался сгусток крови приличных размеров. С этого момента я перестала что-либо видеть, потому что очки сразу же запотели от слез. Бедный Мышка был похож на борца за народное счастье, выведенного на расстрел.

— Так ты, что же, ни разу его не видела?

Я сделала вид, что присматриваюсь:

— Что-то не припомню... Если только он не записан в нашу библиотеку...

Мышка демонстративно отвернулся и уставился на бетонную стену за окном.

— Он не записан в твою библиотеку, — почти по-дружески попенял мне Лысый, — и зачем тебе упираться рогами, когда и так все известно. Глупая ты все-таки, Анюта. Этот тоже упирался сначала, а зачем? Только физиономию себе подпортил. Ну и где твоя подружка Маргарита?

Мышка мужественно молчал.

— Ох и дурак же ты, — заметил Лысый; — а может, дура? В любом случае, остается тебе только посочувствовать. Мои ребята тебе второй глаз подрисуют... и не только. Они у меня вообще, знаешь ли, с фантазией. Сейчас такое с тобой сделают, мало не покажется! — пообещал он зловещим голосом. — Из тебя сделают бифштекс по милости Маргариты. Чего ты ей такой преданный, спрашивается? Было бы за кого муки принимать! Знаешь, скольких она кинула? Пальцев не хватит на руках и на ногах.

Видимо, этот пламенный спич произвел на

Мышку впечатление. Он страдальчески скривил разбитые губы и выдавил из себя:

— Мы с Маргаритой расстались три часа назад. Могу даже сказать где — на Полянке, — но вряд ли это вам поможет. Куда она направилась потом, я понятия не имею. Маргарита очень непростая девушка, у нее куча знакомств...

— Ты бы мне рассказывал... — процедил Лысый сквозь зубы.

— Вы спросили — я ответил. — Мышка достал носовой платок из кармана куртки и, морщась, отер кровь с подбородка.

— А если я тебя еще раз спрошу, может, ты еще что-нибудь вспомнишь?

— Вряд ли, — Мышка осторожно ощупал пальцами кожу вокруг заплывшего глаза, — я больше ничего не знаю. Если вам от этого полегчает, можете сделать из меня бифштекс, но вспомнить я ничего не вспомню. Нечего мне больше вспоминать.

Да, из Мышки окончательного героя не вышло. Другой вопрос — заслуживала ли этого Маргарита?

— А может, все-таки попробуем? — с издевкой справился у него Лысый.

Но попробовать ему не удалось, потому что весь дом ни с того ни с сего пришел в необъяснимое движение. Я это ощутила исподволь, наверное, так животные чувствуют надвигающееся стихийное бедствие. Какой-то неумовимый гул шел от стены к стене, тревога, помноженная на замешательство, явственно витала в воздухе.

Дверь распахнулась, и в комнату заглянул один из подручных Лысого. Вид у него был такой, словно его пять минут назад вывели из состояния кли-

нической смерти. Бледный и растерянный, он выжал из себя, с трудом переводя дыхание:

— По ящику только что сказали, что кое-кого нашли на свалке. И он там вроде уже давно...

Лысый встрепнулся, дернулся на месте, как стреноженный конь, и шаровой молнией вылетел из комнаты. Какое-то время по всему дому раздавались возбужденные крики, громко хлопали двери и ронялись стулья. Потом где-то за окном и бетонным забором нервно заурчали моторы машин, и стало тихо. Мы с Мышкой остались в комнате вдвоем, и первое, что он сделал, — подбежал к двери и решительно ее подергал. Та, как я и думала, оказалась запертой и его усилиям не поддавалась.

Мышка, постанывая, присел на корточки и прижал подушечки пальцев к вискам.

— Плохо? — заискивающе посочувствовала я с кровати.

— Нет, замечательно, — огрызнулся он и прибавил: — Тошнит. Наверное, сотрясение. Эти дуболомы мне чуть череп не пробили. Они же больше ничего не умеют.

Я попыталась поддерживать беседу в нейтральном духе:

— Интересно, что там у них стряслось? Куда это они все помчались? Может быть, Маргариту нашли?

— Это вряд ли, — отозвался Мышка, — и потом я так понял, что речь шла о мужике.

— Да... — протянула я печально. — А как ты думаешь, что они с нами сделают? Вчера один — мне кажется, он у них самый главный — обещал меня отпустить, когда Маргарита отыщется.

— А ты и поверила, дура, — презрительно про-

тянул Мышка. — Какой им резон тебя отпускать? Замочат, как пить дать. Зачем им живые свидетели? А если не сделали этого до сих пор, то только потому, что надеются еще что-нибудь из тебя выжать...

— Что? Я уже все сказала...

— Вот именно, дурища. Все выболтала!

Я обиделась:

— Я выболтала? Да если кто и выболтал, то ты сам! Я им не рассказывала, что видела Маргариту, про тебя, между прочим, тоже. А они, чтоб ты знал, собирались меня горячим утюгом прогладить! Тебя когда-нибудь гладили горячим утюгом?

— Не приходилось, — серьезно ответил Мышка, продолжая осторожно обследовать свое разбитое лицо. — Терпеть не могу запах паленого мяса!

— Вот видишь, — резонно заметила я. Помолчала и спросила: — Ты случайно не знаешь, что все-таки сделала Маргарита?

— Да ничего я не знаю. — раздраженно поженски взвизгнул Мышка, впервые проявляя свои нестандартные сексуальные наклонности. — Сколько раз зарекался не связываться с бабами. От них сплошные неприятности! Маргарита тоже не исключение. Сколько историй мне пришлось расхлебывать, когда она еще у меня работала! Из-за нее же каждый день драки были! У нее прямо талант к крупным неприятностям, только сыпятся они на других.

В этом я была абсолютно солидарна с Мышкой!

— Когда она объявилась вчера, я сразу понял, что в воздухе пахнет паленым мясом, но, как всегда, дал слабину. Она же кого угодно уломяет. И вот — полюбуйтесь на результат. — С этими словами

Мышка принялся обследовать содержимое своего разбитого рта. Резец на нижней челюсти у него заметно качался.

В этом смысле мне перед Мышкой похвастать было нечем, но перспектива испытать на собственной шкуре участь нежелательного свидетеля меня не вдохновляла.

— И что нам делать?

Мышка пожал плечами:

— Откуда я знаю?

— Может, Маргарита все-таки говорила, кто этот очень большой человек, которого она боится?

— Нет, ничего она не говорила. Только в общих чертах. Напустила туману, а я, псих, поверил. Теперь я думаю, что она соврала — у нее такое не заржавеет. А на самом деле влезла в какое-нибудь дерьмо. Она же всегда искала приключений, вот и нашла!

— А я думаю, что она не соврала, — я перешла на шепот. — И еще, знаешь, что я думаю? Мы сейчас находимся в доме этого типа, ну, которого она шантажирует. Я уверена на сто процентов, а то и на сто двадцать.

— Да? — с сомнением в голосе произнес Мышка. — И откуда такая уверенность?

— Маргарита здесь бывала, вот в этой самой комнате!

Мышка перестал себя ощупывать, мне даже показалось, что его заплывший глаз на долю секунды раскрылся.

Я достала из кармана Маргаритину пуговицу и повертела ею под самым его носом, как это делают хвастливые дети, являясь во двор с новой игрушкой.

— Ну и что? — вяло прореагировал Мышка,

который, похоже, ожидал чего-то более существенного.

— Это пуговица с Маргаритиной кофты! — торжественно объявила я.

— Откуда ты знаешь? — выпалил Мышка.

— Да она же сама мне эту кофту подарила, только уже без пуговицы!

Мой аргумент возымел действие, Мышка задумался.

— А больше ты тут ничего не нашла?

— Ничего... Ну, еще засохшее печенье и кусок газеты в комоде...

— Где? — Мышка продолжал усиленно работать извилинами.

— Посмотри в верхнем ящике, если хочешь. Только не думаю, что...

Вопреки моему ожиданию, Мышка внимательно ознакомился с содержанием заметки, озаглавленной «Таинственное исчезновение банкира». А кончив читать, впал в состояние, близкое к трансу. Я даже осторожно дотронулась до его плеча, подумав, что у него глубокий обморок.

— Черт, — проронил наконец Мышка, с трудом шевеля запекшимися губами, — вот это поворот!

— Что такое? — переполошилась я.

Мышка кое-как вышел из транса и спустил на меня собак:

— Чего тебе?

— А ты чего?

Мы в растерянности уставились друг на друга. Потом Мышка устало заметил:

— Много ли толку от наших догадок, пока мы сидим под замком?

Это уж точно. Как бы отсюда выбраться? Одна-

ко во второй раз рассчитывать на конкурентов наших захватчиков не приходилось. К большому сожалению, такое бывает только однажды.

— Хорошо бы отсюда удрать! — мечтательно сказала я.

— Да уж, неплохо бы, — согласился Мышка.

— А ведь они, наверное, все уехали, или почти все, — продолжала я развивать свою мысль.

— А вот это мы сейчас проверим! — Похоже, Мышке что-то пришло на ум.

Он осмотрелся по сторонам и решительно направился к стене, многозначительно пообещав:

— Сейчас мы им устроим короткое замыкание!

Я заметила, что он колдует над электрической розеткой.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас увидишь! — сказал он, и мы оказались в темноте.

Еще мгновение было тихо, как в склепе, а потом за стенкой что-то упало, кто-то громко выругался.

Мышка покрутил головой, подбежал к окну, сорвал штору и, скомкав ее, бросил к двери.

— Что ты собираешься делать? — спросила я трагическим шепотом.

— Попробуем выкурить хотя бы одного. Может, удастся смыться... — Мышка, оказывается, был предприимчивым товарищем, или, гм-гм... не представляю, как его определить поточнее.

Он достал из кармана зажигалку и поджег портьеру. Я следила за его манипуляциями, открыв рот. Портьера вспыхнула, как сухая солома, и комната наполнилась едким дымом. Я сразу же закашлялась и совершенно непроизвольно вскрикнула:

— Ой, мамочки!

— Эй, что там у вас? — За дверью кто-то топтался.

— Так замкнуло же, — жалобно-плаксивым голосом сообщил Мышка, — дымит, мы тут задохнемся...

— Что вы там наделали? — взревел бандюга и буркнул как бы про себя: — Спят дом, козлы.

Следом явственно донесся привычный металлический звук отпираемого замка.

— Хоть бы он был один! — еле слышно произнес Мышка. — Только он входит — сразу на него бросаемся...

Дверь медленно отворилась, в комнату просочился силуэт с фонариком в руке. Луч света скользнул по стенам и остановился на мне. Я замерла, сердце гулко бухало где-то в районе желудка.

— Что тут у вас... — начал вошедший, но не договорил, потому что Мышка выскочил из-за двери и коршуном кинулся на него.

Луч света дрогнул и лихорадочно замельтешил по стенам. Потом фонарик и вовсе вывалился из рук бандита и покатился прямо под кровать. Стало еще темнее, чем прежде. Слышались только пыхтение и возня на полу.

— Чего стоишь? — прошипел во мраке Мышка. — Помогай, хватай его за ноги... Сильный боров, мне не справиться...

Я все еще колебалась.

— Да хватай же ты! — прикрикнул Мышка. — Хочешь, чтобы он нас прикончил?

Я бухнулась на колени, как подкошенная, и так, на коленях, подползла к борющимся на полу. Они ворочались и кувыркались, злобно сопя и ругаясь. Чья-то нога судорожно билась о паркет в

трех сантиметрах от моего носа. В нее-то я и вцепилась мертвой хваткой.

— Да не меня хватай, а его! — отчаянно завопил Мышка.

Я отпустила Мышкину конечность и схватила другую, на удачу. Нога вырвалась и больно меня лягнула. Это меня здорово разозлило.

— Ах ты! — взвизгнула я и уселась на эту ногу, зорко (насколько это возможно с моим зрением) высматривая в темноте ей пару. Когда таковая обнаружилась, я поступила с ней аналогично.

Собственно, с этого момента в борьбе титанов и произошел перелом в нашу с Мышкой пользу. Бандюга поутих, перестал сучить ногами, теперь его хватало только на то, чтобы нелестно отзываться о нас и наших родственниках до седьмого колена и грозить страшными карами. Мышка стянул побежденному руки за спиной его же поясом и посветил подобранным фонариком ему в лицо.

Это был мальчишка лет восемнадцати, совсем сосунок. То-то мы с ним так легко управились. Я заметила, что Мышкины трофеи не ограничились одним фонариком: в другой руке он держал пистолет. Наверное, отобрал у бандита.

— Какой хорошенький! — вздохнул Мышка. — А какой молоденький!

Мальчишка шмыгнул разбитым носом.

— Что, больно? — осведомился Мышка. — Что делать, по-другому не получается. Ваши меня тоже здорово намяли.

И чего он так с ним расщебетался? Подумаешь, какая трогательная встреча!

Мышка присел на пол рядом со связанным сопляком.

— А где все-то? — поинтересовался он будничным тоном.

— Уехали, — буркнул мальчишка, не сводя взгляда с пистолета в Мышкиной руке.

— Куда?

— Не знаю...

— Точно? — Мышка красноречиво повертел пистолетом.

— По телеку в новостях сказали про какого-то мужика... его нашли на свалке. Ну, все вскочили и куда-то понеслись... А меня оставили...

— На хозяйстве, — подсказал Мышка и добавил: — Ладно, передавай привет своим, когда вернутся. А то нам их ждать некогда.

Глава 18

В ГНЕЗДЕ РАЗВРАТА

На нас, не мигая, смотрела крупная пышнотелая блондинка с большим бантом в кудрях, в короткой кожаной юбке и игривой блузке со множеством рюшек и бантиков. На этот раз маскарад не ввел меня в заблуждение. «Наметанным» глазом я определила, что вижу перед собой Мышкину коллегу по цеху. Блондинка разобралась со мной так же быстро и без особых реверансов.

— А швабру с собой зачем притащил? — ревнивым тоном заметила он-она.

— Долгая история, — отмахнулся Мышка, — нам нужно спрятаться.

— Ну вот, я так и знала, — всплеснула руками фальшивая блондинка, — я всегда говорила, что твоя неразборчивость в знакомствах до добра не

дове­дет. Ой, кто это тебя так раз­де­лал? По­смот­ри, всю мор­ду-то как раз­нес­ло!

— Хва­тит при­чи­тать, — огрыз­нул­ся Мыш­ка. — Луч­ше дай нам че­го-ни­будь го­ря­че­го, а то зуб на зуб не по­па­да­ет. Ей — то­же.

Я огля­де­лась. Это был не­бо­ль­шой и до­воль­но уют­ный бар, на дан­ный мо­мент аб­со­лю­тно пу­стой. Пра­вда, на не­сколь­ких сто­ли­ках е­ще сто­яла неубран­ная по­су­да.

Мыш­кина то­вар­ка ныр­нула за стой­ку и очень скоро вер­ну­лась с двумя ча­ш­ка­ми ко­фе. Когда я в­дох­нула его а­ро­мат, у меня за­кру­жи­лась го­лова, а когда сде­ла­ла па­ру глот­ков, меня раз­мо­рило и по­тянуло в сон.

Я прес­бы­вала в при­ят­ной полудре­ме, а под­дель­ная блон­дин­ка тихо и ме­то­дич­но пи­лила Мыш­ку, как предан­ная же­на-до­мо­хо­зяй­ка го­ря­чо лю­би­мо­го гуля­ку-му­жа:

— Не­льзя так жить на два ла­ге­ря, нужно уже к че­му-то од­но­му при­би­вать­ся. Так ты себе толь­ко жизнь услож­ня­ешь... А все эта вам­пир­ка, эта Мар­га­рита, я когда ее в пер­вый раз уви­де­ла, сразу по­ня­ла: от нее нужно дер­жать­ся по­да­ль­ше. Во­дить с ней зна­ком­ство — все ра­вно что та­с­кать в кар­мане бом­бу... Ни­ко­гда не зна­ешь, когда она взор­вет­ся, но будь уве­рен — это на­вер­няка про­изой­дет.

По­сле этих слов в моем сон­ном соз­на­нии воз­ник Лы­сый, ко­то­рый то­же на­зы­вал Мар­га­ри­ту секс-бом­бой за­мед­лен­но­го дей­ствия. Я же не зна­ла, что о ней и ду­мать. То она мне пред­став­ля­лась невин­ной жерт­вой, то пау­чи­хой, тай­ком плетущей се­ти тем­но­го за­го­во­ра. Одно мне было я­сно: нужно по­с­ко­рее са­мо­устра­нять­ся из этой за­тя­ну­вшей­ся и до­воль­но опас­ной иг­ры.

— Тут есть телефон? — перебила я мирную перебранку Мышки и его подружки.

— А что? — осведомились они дружным хором.

— Как что? Нужно позвонить в милицию. Может, они там, конечно, и продажные, и нанятые. Но не все же поголовно... По крайней мере, один, по имени Григорий, производит неплохое впечатление.

Они обменялись короткими взглядами, после чего Мышка решительно заявил:

— Ни в какую милицию мы звонить не будем!

— Почему это? — я сразу вынырнула из дремы.

— Не стоит вмешивать посторонних.

Блондинка в знак солидарности с Мышкой надменно подобрала крупные губы, щедро измазанные губной помадой морковного цвета.

— Сами разберемся, — прибавил Мышка.

Я по-прежнему ничего не понимала:

— А Маргарита?

— А вот Маргариту нужно найти, и чем скорее, тем лучше.

— Ну, вы как хотите, — путаясь в собственных ногах, я с трудом вылезла из-за столика, — а я не желаю больше, чтобы меня хватали, допрашивали, обещали прогладить горячим утюгом и прочее. Я хочу жить спокойно, как жила всегда. И вообще мне завтра на работу!

— Сядь, — довольно мужественно приказал Мышка, и в его голосе звякнул холодный металл.

Я села.

— Так-то лучше, — последовал комментарий, — здесь ты будешь поступать, как тебе скажут.

Ну вот вам, пожалуйста. Это называется из огня да в полымя.

Я опять встала и сказала:

— Знаешь, что? Мне ужасно надоело, что мною командуют все, кому не лень. Я собираюсь поступать так, как мне будет угодно. Вы не хотите, чтобы я звонила в милицию отсюда, тогда я пойду на улицу и позвоню из автомата.

Мышка преградил мне дорогу:

— Ты никуда отсюда не выйдешь и звонить никуда не будешь. Я против насилия, но если понадобится, я это сделаю. Извини, крошка, но в игре, в которой ты оказалась замешана, слишком высокие ставки.

И в его правой руке, словно по волшебству, появился пистолет, который он отнял у малолетнего бандита. Что там и говорить, картина, конечно, была очень убедительная. Против такого серьезного аргумента не устоит и самый заядлый спорщик.

— И где меня запрут на этот раз? — почти безразлично бросила я в пространство.

— У Лягушонка есть отличная комнатка наверху, — сообщил мне радостную весть Мышка. Ага, Лягушонок, — это, видимо, фальшивая блондинка. Вполне логично.

Зато Лягушонка перспектива заполучить меня в качестве гостыи не обрадовала:

— Ты что? Знаешь, сколько дают за киднеппинг?!

— Это не киднеппинг, а забота о ближнем. Если мы отпустим эту блаженную дуру, ее возьмут через два квартала и открутят ей башку, как цыпленку. — Видимо, решив, что свою подружку он уже убедил, Мышка снова обернулся ко мне. — Тебе сильно не повезло, дорогуша, ты попала в очень неприятную историю. Я тоже, но мне не привы-

кать. В этот раз я сорву банк. Честное слово, я его сорву!

Мышка произнес свой монолог с пафосом, который усиливала его красноречивая внешность. Точнее, красочная, с преобладанием лилового, синего-зеленого и желтоватого цветов. Ничего не скажешь, бандюги на славу потрудились над его смазливой физиономией.

Меня проводили по узенькой лестнице наверх, в какую-то маленькую комнатенку, без окон, то ли чуланчик, то ли подсобку. Все, что там помещалось, — это топчан, застеленный фланелевым пледом, и несколько картонных коробок с надписью «не кантовать».

— Извини, удобства не очень, — повинился Мышка.

— Да уж, в прошлый раз было получше, — проворчала я.

— Зато здесь не в пример спокойнее, — нашелся он.

Ну, это мы еще посмотрим.

Они вышли и заперли за собой дверь, которая была отнюдь не из мореного дуба, а привычная — из прессованных опилок, и потому я расслышала, о чем они говорили, спускаясь вниз.

— Как хочешь, но мне это не нравится, — канючила блондинка по прозвищу Лягушонок.

— Когда мы станем богатыми, как Рокфеллер, тебе понравится больше, — заверил ее Мышка.

Убей Бог, я не понимала, что он имел в виду. Впрочем, мне так хотелось спать, что я не дала себе труда над этим подумать. Я рухнула на топчан и сразу же провалилась в глубокий и вязкий сон без сновидений.

Проснулась я от громкой музыки. Где-то внизу наяривал такой рок, что топчан, на котором я лежала, подпрыгивал. Часы мои стали, а другим способом определить время не представлялось возможным — как уже говорилось, в комнатенке не было окна. Я гадала, день сейчас или уже ночь, прислушиваясь к признакам активной жизни в баре.

Где, интересно, сейчас Мышка? А Маргарита? Ага, это называется «спросите что-нибудь полегче». Впрочем, не исключено, что на воле все прояснилось и без моего участия. Выражение «на воле» звучало очень как-то странно. Я вспомнила о Чанге. Как он там? Один-одинешенек в пустой квартире!

— Тут она, тут, — сказал кто-то за дверью, и я встрепенулась. Кто там еще по мою несчастную душу? Господи, как мне все это надоело!

Дверь открылась резко, рывком, и мужской голос, показавшийся мне знакомым, спросил:

— Свет-то здесь есть?

— Слева выключатель. — Кажется, это подсказала Мышкина соратница по сексуальной ориентации.

Щелчок, свет, довольно продолжительная пауза, а следом радостное:

— Эй, Анюта, принимай гостей!

Чуланчик, залитый тусклым светом, выглядел невероятно жалким. Я поправила очки и с тревогой посмотрела на нарушителей моего уединения. Это, скажу я вам, был сюрприз. Причем довольно приятный.

Я увидела Павла, того самого парня, который

подвез меня до города после первого похищения (как бы мне с этими похищениями вообще со счета не сбиться), а потом помог удрать от преследования после моего сумасбродного и рискованного посещения «Пьяной индейки».

Павел присел на корточки перед топчаном. Длинные полы его черного плаща распластались по пыльному затоптанному полу.

— Как дела, красавица?

Наверное, я должна была впасть в эйфорию от счастливого удивления, но у меня не осталось на это сил. К тому же за последние несколько дней я, кажется, напрочь утратила способность удивляться чему бы то ни было.

Я в первый раз получила возможность рассмотреть своего ангела-хранителя. Симпатичный парень лет тридцати с немного плутоватым выражением лица, ленивым, как бы обволакивающим взглядом — такие, безусловно, пользуются успехом у женщин. Слава Богу, меня, как прозорливо заметила коварная Маргарита, трудно отнести к последней категории, а потому он мне не опасен.

— Что молчишь? Потеряла дар речи от радости? — он по-прежнему был словоохотлив.

— Думаю, что тебе от меня надо? Ведь не просто же так ты возникаешь каждый раз, когда я попадаю в переплет. — Честно говоря, это я брякнула наугад и уже потом подумала, что все вполне может быть именно так.

— Я же тебе сказал, что мне нравятся крутые девчонки, — он весело подмигнул.

Я горестно вздохнула:

— Придется тебя разочаровать. Во-первых, я не девчонка, по крайней мере, в том смысле, кото-

рый принято вкладывать в это слово, а во-вторых, я совсем не крутая.

— Так ты мужик, что ли, как этот? — Он кивнул в сторону застрявшей в дверях суррогатной блондинки. — Как же я в тебе ошибся!

Блондинка в это время почему-то громко всхлипнула. Я присмотрелась к ней и заметила, что неумеренная косметика на ее лице размазана.

— Что-то случилось? — спросила я у Павла.

Он покосился на блондинку:

— Ничего особенного... Послушай, эти ряженые тебе еще не надоели?

— Мне не из чего было выбирать.

— Тоже верно. Они тебя хотя бы не обижали?

Я посмотрела на всхлипывающую подружку Мышки:

— Напротив, обо мне заботились, как о родной.

— Может, ты даже не хочешь покидать этот гостеприимный уголок?

Я пожала плечами:

— Просто пока не представляю, куда мне податься.

Павел склонил голову набок, как это делал Чанг в моменты своих собачьих раздумий:

— Даже так? Серьезная заявка. А еще говоришь, что не крутая. Ну ладно... Тогда могу предложить одно неплохое местечко.

— Вроде этого? — уточнила я.

— Да нет, получше...

Я обреченно шмыгнула носом:

— Боюсь, мне придется на минутку забежать домой. У меня там собака...

— Опасный трюк, — заметил Павел. — Ладно, я парень рискованный.

А я подумала, что на самом деле мне нужно поскорее бежать в милицию, оглашая прилегающие окрестности жутким воплем «Караул, убивают!».

Глава 19

МНЕ НЕ ВЕРЯТ. ЭТО УЖ СЛИШКОМ!

Очень скоро выяснилось, что Павел как в воду смотрел. Поначалу все было спокойно, ничего подозрительного мы не заметили. Представьте же себе мое удивление, когда, открыв дверь в подъезд, я увидела целую делегацию. Правда, на этот раз меня поджидал не Лысый с приятелями, а лейтенант Шутов с парочкой товарищей в скучном штатском и с поразительно постными физиономиями. Можно подумать, что им перед этим целую неделю читали лекции на тему «Моральный облик сотрудников правоохранительных органов».

— Ну наконец-то, а то мы тут уже совсем истомились, — фамильярно приветствовал меня Шутов, словно я сама ему назначила свидание в подъезде, а потом решила немного помучить ожиданием. И вдруг с ним произошла неожиданная перемена. Его круглая физиономия расплылась в такой сладкой улыбке, что, глядя на нее, запросто можно было заработать оскомину. — Кого я вижу, Бог ты мой! А я все гадал, куда это ты подевался? Скучно как-то было без тебя, чего-то не хватало. Острых ощущений, наверное.

Произнеся этот сумбурный монолог, он пошел прямо на меня с вытянутой вперед, явно для пожатия, рукой. А спустя мгновение я, несколько оторопевшая, наблюдала акт исторического и впол-

не дружеского рукопожатия между Павлом и Шутовым.

Потом Шутов обратил свой бдительный взор на меня:

— Анна Николаевна, может, вы нас в гости пригласите?

Я пожала плечами и первой пошла вверх по лестнице. Делегаты от милиции гуськом потянулись за мной. А когда я открыла дверь квартиры, сразу же вполне по-хозяйски в ней расположились. Шутов, например, уютно устроился на диване и, по моим наблюдениям, чувствовал себя, как дома.

Я обеспокоенно оглядывалась по сторонам в поисках Чанга, а тот ровно на одну минуту показался из кухни, пару раз тявкнул для проформы и снова ретировался. Такое его беззубое поведение меня мало удивляло. Странно было только то, что он сменил место дислокации: обычно он предпочитал базироваться в комнате. В любом случае, от души у меня отлегло, и я могла себе позволить задуматься о странном знакомстве Шутова с Павлом. А эти двое тем временем продолжали свою, совершенно непонятную мне китайскую церемонию долгих приветствий.

— Говоришь, вам меня не доставало? — подозрительно велеречиво осведомился Павел у Шутова. — Мне вас тоже не хватало. Можно сказать, немощным усилием воли отказывал себе в удовольствии видеться с вами чаще.

— Да уж, — неопределенно протянул Шутов, — это было заметно. А мы уж думали, не случилось ли чего с нашим конкурентом?

Павел с готовностью продолжил взаимный об-

мен любезностями, больше похожий на легкую пикировку:

— Да разве я вам конкурент? Разве какой-то несчастный дилетант может конкурировать с взятыми профессионалами?

— Ну почему же, — язвительно отозвался Шутов, — пару раз ты, кажется, изъявлял желание наступить нам на пятки.

— Какие пустяки, — усмехнулся Павел, — это вам показалось. А вообще есть очень простой и древний способ, как уберечь пятки...

— Какой же?

— Быстрее переставлять ноги.

Древний способ Шутову явно не понравился, потому что сладчайшая улыбка с его лица сползла, а на ее месте образовались жесткие складки.

— Я бы поступил проще, — сказал он. но как именно, уточнять не стал.

— Догадываюсь, как, — хмыкнул Павел, — слава Всевышнему, до сих пор мне удавалось этого избегать. Надеюсь, удача не оставит меня и в будущем.

— Ох, не скажи, ох, не скажи, — покачал головой Шутов, — сейчас ты, похоже, вляпался.

— А что я такого сделал?

— Да у твоей нынешней клиентки дела очень неважные. Она ведь твоя клиентка, я правильно понял?

— Правильно, ты ведь вообще понятливый парень, — неожиданно для меня согласился Павел.

Я догадалась, что речь идет обо мне, но совершенно не могла взять в толк, почему меня вдруг стали именовать клиенткой. Опять без меня меня женили? Как мне это надоело, кто бы знал!

— Тогда я тебе не завидую, — фальшиво посочувствовал Шутов.

— А в чем дело?

— Эта барышня умышленно водила следствие за нос, а ты, судя по всему, ей в этом помогал.

Я так раскрыла глаза, что они стали больше очков.

— Было бы неплохо, если бы мне сообщили, какое именно следствие я помогал водить за нос, — Павел держался невозмутимо, чего нельзя было сказать обо мне. — И что такого натворила эта милая барышня? — на слове «милая» он сделал ударение, но меня это не обрадовало.

— Я надеюсь, что всего лишь утаила кое-какие немаловажные подробности по делу Маргариты Ивановны Жужжаловой, или Алмазовой. Знаешь такую певичку? Красотка хоть куда, секс-бомба! Уже два дня о ней ни слуху ни духу, и, похоже, в ближайшее время ничего веселого мы о ней не услышим.

— Что-то мне не понравились ваши интонации, Геннадий Алексеевич, — задумчиво обронил Павел. — Мой внутренний голос подсказывает, что фразы «я надеюсь» и «ничего веселого» сказаны не для красного словца.

— Твой внутренний голос, Павел Петрович, отличается излишней разговорчивостью, но на этот раз он не ошибся...

Эти двое, стоя друг напротив друга, продолжали выяснять свои отношения и не обращали на меня ни малейшего внимания.

— Так вот, — продолжал Шутов, — у следствия есть основания подозревать присутствующую здесь особу в причастности к исчезновению певицы Алмазовой, а еще есть основания считать ис-

чезновение убийством. — Его прямо-таки заклинило на этих «основаниях».

— Так вы нашли труп? — беззаботно поинтересовался Павел.

— Возможно, — неопределенно отвечивал Шутов.

— Понимаю, вы нашли подходящий труп. Но этого дела у вас под рукой всегда хватает. Нужно еще доказать, что то, что вы нашли, это все, что осталось от певицы Алмазовой.

Шутов только коротко зыркнул в его сторону, но ничего не сказал. Подошел к окну, отодвинул портьеру и посмотрел вниз. Складывалось такое впечатление, что он кого-то ожидал.

Резко зазвонил телефон, я инстинктивно дернулась в его сторону. Но меня опередил один из скучных сотрудников МВД. Он поднял трубку, коротко отозвался «Да», а потом передал ее Шутову.

— Слушаю... Да, да, пришла. Догадайся с трех раз, кто ее сопровождает? — Шутов хмыкнул в трубку. — Ну, ты быстро сообразил, а я бы, например, сроду не подумал. Вроде у него раньше были другие клиенты... Ну разумеется... Пока, пока.

Он так брякнул трубку на рычаг, словно она весила не меньше двух пудов и у него не было сил держать ее в руке. Потом снова уселся на мой диван — кто на нем только не сидел за последние три дня! — и предложил нам с Павлом:

— Что стоите, как неродные, садитесь, будем калякать, коли так.

Я села в кресло у двери, Павел спокойно устроился на стуле, стоявшем слева от книжного шкафа. Стул, старый и не очень надежный, скрипнул под его весом, но устоял.

— Итак, уважаемая Анна Николаевна, вы по-прежнему утверждаете, что с гражданкой Жужжаловой расстались около шести часов вечера двадцать пятого января? — задал первый вопрос Шутов.

— Утверждаю, — осторожно произнесла я, стараясь понять, в какую степь он клонит.

— И она одолжила вам свою одежду?

— Да.

— А когда вы покидали ее квартиру, была жива-здоровая?

— Абсолютно, — я заерзала в кресле. Простые и незамысловатые вопросы Шутова мне не нравились, хотя точно определить, почему, я затруднялась.

Похоже, Шутова мои односложные ответы более чем удовлетворили, ибо он довольно откинулся на спинку дивана и потянулся с видом хорошо выпавшегося кота. Я чувствовала, что он приготовил какой-то «сюрприз» и намеренно держал паузу, наслаждаясь озадаченным выражением моего лица. Видно, он наконец решил, что я в конце концов «дозрела»:

— Тогда как вы объясните тот факт, что на вашей одежде и в ванной комнате гражданки Жужжаловой найдены следы крови одной и той же группы? И еще одно обстоятельство: соседи Жужжаловой утверждают, что в тот вечер слышали в ее квартире громкую ругань. Две женщины спорили на повышенных тонах. Одна из них, как я полагаю, была Жужжалова, а вот кто вторая? Вы случайно не знаете?

— Нет, — сказала я, мучительно соображая, про какие такие следы крови он упоминал. Должна вам сказать, это совсем непросто — соображать после

всего, что свалилось на мою бедную голову с тех пор, как я вышла из Маргаритиной квартиры в ее тряпках. Уж сколько раз я пожалела об этом, кто бы знал!

— Очень странно, — оценил мой ответ Шутов, — а мне казалось, что вы должны это знать.

— Стоп, — неожиданно вмешался Павел, — это давление на мою клиентку.

— Ну все, запела канарейка, — тяжело вздохнул Шутов, — теперь начнется...

— Понимаю, дело затягивается, не так ли? — подхватил мой неожиданный адвокат, который, если мне не изменяет моя девичья память, предлагал замочить кого-нибудь по моему выбору. — А ведь все так хорошо начиналось! Уже сегодня можно было бы отрапортовать, что преступник пойман.

Я уже окончательно и бесповоротно ничего не понимала. Как говорят в подобных случаях — «куда я попал, где мои вещи». Театр абсурда!

— Хватит, — заявила я решительно, — объясните мне наконец, что здесь происходит? Кто вы, например, такой? — Я посмотрела на Павла, имевшего, судя по всему, давние и довольно сложные отношения с правоохранительными органами в целом и с лейтенантом Шутовым в частности.

— Как? — удивился Шутов. — Вы даже не знаете, с кем имеете дело? — Он посмотрел на Павла. — Ну ты даешь, орел! На ходу подметки рвешь! Даже не удостоверился, сможет ли клиентка оплатить твои услуги! Или ты теперь альтруист?

— Это мое личное дело, — туманно отвечивал Павел. — Точнее, это наше с... Анной... м-м-м... Николаевной дело.

— Тогда я вас недооценил, — покосился на

меня Шутов. — Надо же, какие знакомства. Павел Быстров, собственной персоной, — самый известный и высокооплачиваемый «отмазчик» в среде «новых русских».

— Не «отмазчик», а частный детектив, — скромно уточнил Павел.

— В твоём случае это одно и то же, — огрызнулся Шутов, раздражение которого росло на глазах, да еще к тому же и в геометрической прогрессии.

— Считай как хочешь, — разрешил Быстров, — но до сих пор я ни разу не нарушил закон, если ты в курсе.

— Ну ты же у нас эквилибрист... Идешь по самому по краю. Ничего, когда-нибудь оступишься... — Чувствовалось, что Шутов готов ждать заветного «когда-нибудь» всю оставшуюся жизнь, как некоторые прочие — любви.

Снова зазвонил телефон, и Шутов опять пошел отчитываться вышестоящему начальству, а я потихоньку шепнула Быстрову:

— Что это значит и как мне тебя называть?

— Называть можешь, как и раньше, — Пашей, а от моих услуг отказываться не советую. Очень не советую, — специально подчеркнул он.

Шутов обернулся к нам взбодренным.

— Ну что, продолжим наши игры? — осведомился он.

— Продолжим, — с готовностью подтвердил Быстров, поморщился и вытянул длинные ноги перед собой. Он все еще был в плаще. Я, кстати, тоже сидела в пальто, и мне было не жарко, скорее наоборот.

— Я хочу сделать официальное заявление! —

сказала я, потому что «продолжать игры» мне не хотелось.

Эти двое перестали сводить свои мелкие личные счета и посмотрели на меня с нескрываемым интересом.

— Я официально заявляю, что двадцать пятого января с гражданкой Жужжаловой ничего страшного не произошло. Ее даже никто не похитил, хотя желающие были, точнее, они есть до сих пор. По крайней мере, вчера я ее видела живой и невредимой в одном... очень специфическом месте.

— Так вы вчера видели потерпевшую? — поразился Шутов.

— Да, — подтвердила я, — только она мало напоминала потерпевшую.

— Позвольте вас спросить, почему вы не поставили нас об этом в известность?

— Ну, — под пристальным чекистским взглядом Шутова я чувствовала себя ужасно неудобно, — это сложно объяснить... Во-первых, меня об этом просила сама Маргарита. А во-вторых, как бы я вам сообщила, если меня опять похитили...

— Опять? — сочувственно вздохнул Шутов. — И это опять был Лысый?

— Ну да...

— И вы опять убежали, но не запомнили места, в котором вас скрывали злоумышленники?

Я уставилась в свой основательно затоптанный всевозможными визитерами пол:

— Когда я убегала, мне было не до этого...

Действительно, так оно и было. Когда мы с Мышкой вырвались из заточения, то побежали без оглядки. А если учесть, что я вообще плохо ориентируюсь на местности... Но, по крайней ме-

ре, на этот раз у меня есть стопроцентный свидетель. Мышка.

Шутов театрально всплеснул руками:

— Кажется, ваши похищения постепенно становятся хорошей традицией.

— Но у меня есть свидетели, — сообщила я торжественно, — один человек был с Маргаритой, когда я ее видела... И еще... он тоже был там, откуда я убежала. Вернее, мы убежали с ним вместе.

— Надеюсь, этот свидетель не господин Быстров? — осведомился с подозрением в голосе Шутов.

— Нет, это... Мышка...

— Кто? — спросили Шутов и Быстров в один голос.

— Мышка, — уныло отчиталась я, — это у него прозвище такое. Но его вы запросто найдете, Лягушонок наверняка знает, где он.

— Эт-то что еще за зоопарк? — опешил Шутов. — Мышка, Лягушка...

— Ну, Мышку я, кажется, знаю, — вмешался в разговор Быстров, — это Федор Мышников.

— Этот педик, что ли? — фыркнул Шутов.

— Не педик, а представитель нестандартной сексуальной ориентации, — попенял ему Быстров и заметно приуныл. — Сожалею, но он в свидетели не годится.

— Это почему же? — встрепнулся Шутов.

— Физически не в состоянии... Несколько часов назад кто-то продырявил ему башку.

— А ты откуда знаешь? — Шутов уставился на него бульдожьим взглядом.

— Совершенно случайно. Такое странное совпадение... Утром он позвонил мне и сказал, что ему срочно нужно со мной переговорить по жиз-

ненно важному вопросу. Откуда я его знаю? Он был моим осведомителем, когда я еще хлебал с вами из одного котелка. Так вот, отчитываюсь: когда я прибыл на место назначенной встречи, там уже копошились ребята из вашего ведомства, а он лежал на снегу... Такая аккуратная дырочка в голове. Видно, пистолетик был маленький, но ему хватило.

— Где это было? Где вы назначили встречу?

— Возле Белорусского вокзала. Но он туда не дошел, это случилось рядом, в переулке. Свяжись со своими коллегами и узнаешь все подробности.

Шутов сосредоточенно набычился, отчего стал казаться еще более коренастым. Его грубоватое рябое лицо выражало крайнюю степень озабоченности:

— Так-с, любопытно, очень любопытно... Что еще интересного расскажете, уважаемые? С вами обоими не соскучишься. С одной все время происходят какие-то запредельные чудеса, другой везде тут как тут.

— Вы мне не верите! — я готова была зареветь от досады.

— Вас это удивляет? — Шутов звонко хлопнул себя по крепким ляжкам, обтянутым серыми брюками, похоже, давно не знавшими утюга. — Судите сами, чего только с вами не произошло, и все так сказочно. Бесконечные похищения, но каждый раз вы легко уходите от злоумышленников. Причем, насколько я понимаю, без особенного ущерба для здоровья...

— А тебе бы хотелось, чтобы он был, — ввернул Быстров со своего стула.

Шутов даже бровью не повел, продолжая с ог-

ромным удовольствием пригвозждать меня к позорному столбу ржавыми гвоздями:

— Извините, но слишком это все неправдоподобно. Начнем со знаменитого дома в заповеднике, в котором вас якобы держали и где, по вашим словам, мы должны были найти три хладных трупа. Мы их так и не нашли, не знаю уж, к сожалению или к счастью. Хозяин дома тоже ни сном ни духом не ведает о загадочных происшествиях. Что же касается бомжей, которых мы там обнаружили, они утверждают, что никаких бандитов не видели. Так что будем делать?

— Стоп, — оживился Быстров, — так это случилось в ту ночь, когда я подобрал тебя на дороге?

Я подавленно кивнула.

Ну вот, это уже сюрприз для Шутова. Он выкатил глаза на переносицу и возопил:

— Так это был ты!

— Ну я, я, — со вздохом пояснил Быстров, — ну что делать, такой я гад, подвожу девушек по ночам. Черт его знает, зачем? Привычка дурная, наверное.

— И что ты там делал?

— Мой приятель служит там лесником. Имею я право иметь приятеля?

— Складно, складно, — оценил Шутов и развел руками. — Ну все, я так больше не могу, вы меня оба доконали. А ты, Быстров, на этот раз, кажется, превзошел самого себя. Но нет худа без добра. Теперь мы тебя точно возьмем за жабры, и ты не отбрыкаешься. Неужто Бог слышал наши молитвы и мы от тебя наконец избавимся?

— Не радуйся раньше времени, — изрек в ответ Быстров.

А Шутов посмотрел на часы и проговорил:
— Ну что, поехали, голуби, пора. Продолжим нашу дружескую беседу в надлежащем месте.

Глава 20

ДЛЯ КОГО ВРЕМЯ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

В «надлежащем месте» мы провели почти весь день и, насколько я могу судить, вполне могли остаться там на ночь. По крайней мере, я имела на то шансы, и они непременно осуществились бы, не будь в этот трудный момент рядом со мной знаменитого «отмазчика» Быстрова. Он сражался за меня, как лев, и в конце концов отбил из кровожадных лап Сомова и Шутова, вполне серьезно намерившихся засадить меня в кутузку.

Когда мы наконец вышли из милиции, Быстров — что удивительно — стал защищать этих монстров:

— Ты их пойми, им же нужно поскорее дело расследовать. Тем более такое громкое. С них же все время спрашивают. Сам через это прошел, потому и смылся на вольные хлеба.

— И подался в «отмазчики»? — невесело уточнила я.

— А, слушай ты их... Я подался в частные сыщики. Всего лишь в частные сыщики. Пару раз у меня были клиенты из «новых русских», попавшие в очень неприятные ситуации. По этой причине мы и схлестнулись с моими бывшими коллегами. Им опять же нужно было быстро изобличить и отчитаться, а меня время не поджигает, я могу во всем разобраться спокойно и без спешки. Ну,

указал им на пару проколов, вот они на меня и дуются. Ничего, пройдет.

— А я подумала, что ты какой-нибудь крутой. Особенно когда встретила в этом жутком ресторане... — призналась я. — А тут еще эта погоня и разговоры с предложениями кого-нибудь замочить...

— Ну ты тоже хороша, то по ночам шляешься черт знает где, то по таким злачным местам, в которые ни одна порядочная женщина не сунется. Американцев каких-то снимаешь...

— Снимаю! — Слезы негодования брызнули из моих глаз, и стекла очков моментально запотели. — Да никого я не снимаю! Просто Джим, ну, этот американец, ищет себе тургеневскую девушку, а я...

— А ты по случайному совпадению как раз она и есть. Как ему повезло! — Он начал дико хохотать. Делал он это со вкусом, схватившись за живот и оглашая окрестности молодым задиристым ржанием. Между прочим, проходящие мимо женщины на него оглядывались, и не без интереса.

Я обиделась:

— А хоть бы и так! А вот ты почему под бандюгу косишь? И что в «Пьяной индейке» делал?

Немного успокоившись, он объяснил:

— Это же игра, доверчивая ты моя. Я же в юридическом в художественной самодеятельности участвовал, а в ранней молодости вообще мечтал о театральной карьере. Что касается «Индейки», то я там находился по долгу службы, кое-кого выслеживал... Да, дела... А вот ты мне поначалу и впрямь крутой девницей показалась. А уж когда обнаружил тебя в баре для голубых, вообще не знал, что и думать.

— А ты-то зачем туда забрел?

— Как зачем? Чтобы сообщить Лягушонку о печальной участи Мышки.

— Это не смешно.

— А я и не смеюсь. Мышников и вправду был моим осведомителем, когда я еще в милиции работал... Кстати, весьма толковым.

А до меня только теперь дошло по-настоящему, что Мышку убили. Я остановилась и сказала:

— Я боюсь. Они убили Мышку, запросто убьют и меня.

Кажется, мне еще предстояло сильно пожалеть о нарах в КПЗ. По крайней мере, на них бы я чувствовала себя в относительной безопасности.

— Не бойся, после тех страстей, которые ты на-рассказывала, тебя будут охранять, как национальное достояние. Подумать только, столько приключений с простой библиотекарьшей, да к тому же приключения чуть ли не с политической подоплекой. Убийства, шантаж... То-то Шутов с Сомовым попотеют. А они, поди, уже довольно потирали руки, предвкушая обычную бытовуху. Мол, девица убила свою более удачливую подругу, наплела кучу небылиц и подалась в бега. Но вот... — он задумался, — насчет ее крови на твоей одежде... Как-то меня это не вдохновляет.

— Меня тоже, — я печально шмыгнула носом.

Быстров почесал затылок:

— Понимасшь, до тех пор пока твоя Маргарита не найдена в каком-нибудь из двух возможных видов — живой или мертвой, — ее кровь на твоей одежде — очень серьезное основание, чтобы устроить тебе недорогой пансион за решеткой. А учитывая, что мои бывшие коллеги очень любят хватать то, что лежит с краю... Боюсь, ты для них слишком лакомый кусочек. Пока мне удалось тебя

отмазать, как они выражаются, но на будущее я бы загадывать не стал.

Перспектива оказаться в «пансионе за решеткой» повергла меня в ужас. Подумать только, а ведь еще каких-нибудь пять минут назад я о нем почти мечтала. Но одно дело избежать смерти, другое — получить срок за убийство. За убийство Маргариты, которая, между прочим, жива-живехонька. По крайней мере, еще вчера была жива-живехонька. А если — волосы у меня на голове зашевелились — с тех пор ее кто-нибудь того... Я зашаталась и вцепилась пальцами Быстрову в рукав.

— Да ладно, не убивайся ты так, — начал он меня подбадривать, — это же пока чисто гипотетическая вероятность, которая отпадет сразу же, как только твоя Маргарита найдется.

— А если она не найдется? — У меня были серьезные причины для сомнений. — Или найдется не скоро? Как я буду жить все это время? Между молотом и наковальней? С одной стороны — эти пинкертонеры, с другой — бандюги. Даже не знаешь, кого больше опасаться!

— Да, ситуация, — согласился со мной Павел и неожиданно выдал то же, что уже однажды сказал мне Лысый: — Подруг выбирать надо лучше.

Я была близка к тому, чтобы завывать, как оставшийся в одиночестве Чанг, а Быстров тем временем бормотал, оправдываясь:

— Я бы тебе помог, конечно... Но у меня сейчас сложное дело, я в нем завяз по самую макушку и никак не могу выбраться. Если я его не раскручу в ближайшее время, честь моей фирмы сильно пострадает. А честь фирмы превыше всего...

Я не хотела при нем реветь и крепилась из последних сил, а потому только зло заметила:

— Разумеется... Особенно если учесть, что клиентка я никудышная, навара с меня никакого, одни неприятности.

Похоже, я задела его за живое. Он похлопал себя по карманам, достал сигарету, нервно закурил и посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

— Это называется делай людям в следующий раз доброе дело. Знал бы, что все так обернется, объехал бы тебя тогда, как булыжник. — Тем не менее эти душевные излияния закончились решительным приказом: — Садись, поехали.

— Куда? — я остолбенела от неожиданности.

— Куда, куда? — огрызнулся он. — Маргариту твою искать!

Он распахнул дверцу своего авто и требовательно повторил:

— Быстро, у меня мало времени!

Я сочла, что долго раздумывать не в моих интересах, и решительно плюхнулась на переднее сиденье рядом с ним.

— Так куда мы все-таки едем? — как бы там ни было, я имела право это знать.

— В одно заведение из тех, в которые женщины обычно не ходят, — он покосился на меня. — Но к присутствующим это, кажется, не относится. — Он хмыкнул и прибавил: — Ну ты и экземпляр, я тебе доложу!

Хотела бы я знать, что он имел в виду!

— Ну, узнаешь? — осведомился Быстров спустя непродолжительное время, притормозив в каком-то переулке.

Я посмотрела направо-налево и не увидела ни-

чего сколько-нибудь знакомого. Пожалуй, я здесь раньше никогда и не бывала.

— Так узнаешь или нет?

Я отрицательно замотала головой.

Он не на шутку удивился:

— Ну ты даешь, подруга! Ну, знаешь... Я бы на месте Шутова и Сомова тоже не верил ни одному твоему слову.

Я обиженно от него отвернулась и тут увидела... Ну да, конечно, я увидела ту самую дурацкую вывеску, которую сослепу не рассмотрела накануне как следует. Тогда я прочитала только «шоу», а на ней значилось «Пип-шоу». Впрочем, для меня это что в лоб, что по лбу.

Быстров, видимо, уловил некоторое просветление на моем поникшем челе:

— Ну узнала, слава Богу!

— Ты думаешь, Маргарита все еще здесь? — осенило меня с большим опозданием.

— Думаю, что ее давно след простыл... И еще думаю, что мы с тобой должны каким-то образом доказать, что вчера ты ее действительно здесь видела. Тогда у Сомова с Шутовым будет значительно меньше шансов сделать тебя крайней. Усекла?

Я преданно кивнула.

— Тогда подожди меня в машине...

— Нет-нет, только не это, — заупрямилась я.

— Боишься? — уточнил он. — Ну ладно, пошли... Тем более ты тут уже завсегдатай...

Однако дверь заведения оказалась закрытой, правда, не просто так, а по уважительной причине. Сверху кнопкой был пришпилен листок, на котором кто-то торопливой рукой написал: «Перерыв по техническим причинам». Быстрову этот листок почему-то не понравился.

— Очень интересно, — буркнул он, подергал ручку двери и добавил: — Заперто изнутри на засов. Очень интересно.

Потом он попытался заглянуть в окно, я последовала его примеру, но ровным счетом ничего не рассмотрела. Внутри было темно и тихо.

— Да там, наверное, никого нет, — предположила я.

— Возможно, — неопределенно изрек Быстров, — только уж очень это подозрительно. Технический перерыв какой-то. Помнится, тут где-то был служебный ход.

— Точно! — подтвердила я. — Мы же вчера как раз через служебный вход...

Я не успела довести свою мысль до конца, поскольку тот, кому она предназначалась, уже сворачивал за угол дома. Я кинулась ему вслед.

Дверь служебного входа оказалась не только не запертой, но даже и приоткрытой. Кстати, на ней ничего не было написано, и только посвященный мог знать, куда она ведет. Быстров, не говоря ни слова, нырнул в темное и затхлое нутро порядком запущенного здания (арендаторы потрудились придать приличный вид только фасаду). Я последовала за ним, на всякий случай набрав в легкие побольше воздуха.

Надо отдать ему должное, Павел, в отличие от меня, прекрасно ориентировался на местности, а потому сразу же двинулся вверх по лестнице, да так резво, что я едва за ним поспевала. В общем, я только преодолела второй пролет, когда он уже хлопнул дверью наверху. А когда я наконец достигла той же двери, он уже несея в обратном направлении, приговаривая на ходу:

— Ну что застряла? Давай скорее!

— А что там? — поинтересовалась я, дыша ему в затылок и смутно подозревая, что «там» — ничего хорошего.

Он посвятил меня в свои открытия, уже разворачивая машину:

— На этих уже рассчитывать нельзя.

— В каком смысле?

— В том смысле, что они перешли из категории свидетелей и подозреваемых в категорию потерпевших.

— Оба? — ужаснулась я, вспомнив здорового охранника и карманного шутника-кассира. Конечно, они были порядочные хамы, но не до такой степени, чтобы им не посочувствовать.

— Оба, оба, — подтвердил Быстров. — и, насколько я понимаю в таких делах, довольно давно. Может, даже со вчерашнего дня.

Я поняла, что шансы найти Маргариту стремительно приближались к абсолютному нулю, и горестно поделилась с Быстровым своими горькими предчувствиями.

Он ничего мне не ответил, только плотнее сжал губы.

* * *

— Нужно сообщить в милицию, — брякнула я, кое-как справившись с потрясением.

— Ух ты, какие мы законопослушные! — Быстров сделал губы дудочкой — так обычно заигрывают с младенцами, только и не хватало, чтобы он мне «козу» из пальцев соорудил. И снова посерьезнел. — Нужно, конечно, нужно. Только Соков и Шутов и без нашей подсказки сюда пожелуют. Может, даже с минуты на минуту, а может,

через час-другой, но тем двум они уже все равно не помогут. Для трупов время особенного значения не имеет, в отличие от нас с тобой.

От его последних слов я невольно поежилась и на всякий случай поинтересовалась из чистой любознательности:

— И что, все частные детективы такие?

Он многозначительно ответствовал:

— Нет, только узкие специалисты по рогам.

— По каким еще рогам?

— По самым обыкновенным. Бывает, растут такие украшения на голове у отдельных мужиков. Я лично только поэтому и не женюсь. Ну, чего ты так смотришь? Тоже мне святая невинность! Хорошо, объясняю популярно: в последнее время я только и делал, что выслеживал неверных жен. Так что у меня на вашу сестру теперь зуб. Ладно, к присутствующим это не относится. — Он досадливо поморщился и пробормотал себе под нос: — Ну чего он ползет, спрашивается?

Я не сразу поняла, что Быстров имел в виду автомобиль, маячивший перед нашей машиной.

— А как же знаменитое дело, от которого зависит честь фирмы? — мстительно напомнила я. — Оно что, тоже связано с украшениями на голове?

Быстрову наконец удалось обогнать ползшее авто, после чего он торжественно объявил, пялясь в зеркало заднего вида:

— Ну вот, так я и знал: баба за рулем, извиняюсь, женщина.

— Так как же насчет важного дела? — не унималась я.

— Нет, это не по рогам, — ответил Быстров и прибавил: — К сожалению, остальная информация засекречена. А вот в связи с рогами у меня

одна мысль появилась... Так как там зовут продюсера твоей Маргариты?

— Семен Маркович Хайкин. — Я спохватилась: — А что, он тоже был твоим осведомителем?

— Подымай выше, — изрек он, — он был моим клиентом.

— Неужто рогатым? — поразила я, припомнив о широко разрекламированных возможностях Маргаритиногo продюсера.

— Да нет, у него случай посложнее... Кстати, а не заехать ли нам к нему в гости?

Я опешила:

— Зачем?

— Зачем, зачем! Затем, что тебе нужно как-то выпутываться из неприятной истории, моя дорогая. — Он помолчал и продолжил уже без патетики: — Да и мне с тобой заодно, поскольку Сомов с Шутовым вряд ли пропустят удобный случай подпортить мне деловую репутацию. Честь фирмы — это такая штука!

Как же, как же, наслышаны! Честь фирмы — это такая штука, которую намазывают на хлеб вместо масла. Между прочим, до чего есть хочется!

Тут я сообразила, что Маргаритиногo продюсера так просто не найти. Он же все время обделяет свои делишки и на месте не сидит. Вряд ли он дожидается нас и сегодня. Я высказала Быстрову свои опасения, но он только легкомысленно ухмыльнулся:

— А мы пока побеседуем с его женой. Она дамочка о-очень колоритная... — Что он вкладывал в это понятие, оставалось только гадать. — Если, конечно, мы говорим про одного и того же Семена Марковича. Поскольку в те времена, когда я его знал — не так давно, два года назад, — он еще не

был продюсером, а работал в каком-то международном благотворительном фонде. По-моему, это было что-то связанное с наркоманами. Точно, они устраивали всякие там светские рауты и посиделки, и все это дело проходило под лозунгом помощи больным наркоманией. Денежки к ним текли то ли из Германии, то ли из Америки. Неизвестно, правда, насколько они преуспели в благотворительности.

Все это он рассказывал, заруливая из переулка в переулок. Я сидела, открыв рот, и диву давалась осведомленности отечественных частных сыщиков в целом и узких специалистов по рогам в частности.

— А если это все-таки не тот Семен Маркович? — высказала я сомнение

— Ох, чует мое сердце — тот, — вздохнул специалист по рогам. — Ох, чует...

Глава 21

МОЙ НОМЕР СТАНОВИТСЯ ВТОРЫМ. Я НЕ ВОЗРАЖАЮ

Дверь нам открыла женщина неопределенного возраста, невысокая, щуплая и такая невзрачная, что даже заметные черные усики на ее верхней губе выглядели почти украшением. Ну ладно, не буду преувеличивать, может, и не украшением, но, по крайней мере, запоминающейся деталью, так сказать, местной достопримечательностью. Короче, она явно не была создана для глянцевой обложки, как Маргарита, например. Одно скажу: такие женщины меня всегда вдохновляют и вселяют в мое робкое сердце старой девы смутные на-

дежды. Я начинаю думать, что для меня еще не все потеряно.

Эта самая «колоритная» дама стояла в дверях, заметно покачиваясь и сжимая в руке хрустальный стакан с какой-то коричневой жидкостью. Посмотрев на нас без какого-либо выражения и не сказав ни слова, она вознамерилась было очень негостеприимно захлопнуть дверь, но специализирующийся на рогах Павел успел ей в этом воспрепятствовать, отважно пожертвовав собственной ногой. Слава Богу, нога все-таки осталась при нем, да и в квартиру мы в конце концов проникли.

— Не ожидал, не ожидал такого приема, — отдуваясь, пожаловался Быстров. — Что это вы, Эмма Михайловна? Мы к вам в гости, а вы мне чуть ногу не сломали.

— Я вас не приглашала, — ответила негостеприимная Эмма Михайловна и, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, скрылась в недрах квартиры, слегка прихрамывая.

Быстров двинулся за ней. Я осталась топтаться в прихожей, не зная, куда себя деть. Честно говоря, я как-то не привыкла врываться в чужие квартиры.

— Ну, ты где там застряла? — в прихожей появился Павел, между прочим, уже с аппетитом жующий какой-то бутерброд. От этого зрелища у меня сразу подвело живот. До чего же я, однако, проголодалась! — Давай, давай! — он призывно махнул рукой.

Долго уговаривать меня не пришлось. Интеллигентские комплексы рухнули под натиском естественнейшего из всех чувств — чувства голода. Завороженно глядя на бутерброд в Пашиной руке,

я вошла в большую, хорошо обставленную гостиную.

Женщина, которую мой неожиданный друг называл Эммой Михайловной, сидела в массивном кресле, вполне способном претендовать на гордое звание трона, и с нескрываемым неудовольствием наблюдала, как Быстров управляется с тем, что было на небольшом инкрустированном столике. А там были бутерброды с черной икрой, фрукты и красивая бутылка явно не с пепси-колой.

— Присоединяйся, — по-хозяйски предложил мне неугомонный Паша, являющий очередную из своих многочисленных ипостасей — эдакого бесцеремонного нахала. Тоже мне — артист больших и малых театров.

Я взглянула на хозяйку, та фыркнула и демонстративно отвернулась, словно говоря: делайте что хотите. Теперь, при хорошем освещении, я даже при своих пресловутых минус пять заметила у нее на лице еще кое-какую «достопримечательность»: здоровенный синяк под правым глазом, обильно замазанный косметикой, которая, однако, оказалась бессильна перед красками природы. Неужто Семен Маркович приложился? А что, с него станется. С этими мыслями я преодолела природную застенчивость и робко взяла один бутерброд, правда, самый большой. Быстров, успевший переключиться на десерт, между тем осведомился у хозяйки:

— А сам-то когда будет?

— Не знаю, — буркнула та в ответ, — когда будет, тогда и будет.

— С чего бы такое безразличие к собственному мужу? — не унимался Паша.

— А с чего бы мне о нем беспокоиться? — огрызнулась Эмма.

Какое-то время они беседовали в том же духе, а я, воспользовавшись тем, что на меня не обращают внимания, жевала бутерброд с икрой. К тому моменту, как я покончила с бутербродом, они разговаривали уже вполне любезно. Теперь, глядя на эту парочку, никто бы не подумал, что еще десять минут назад кое-кому пришлось пойти на некоторые ухищрения, чтобы проникнуть в квартиру.

— Говорят, хозяин в продюсеры подался? — между тем коварно закинул удочку частный сыщик.

— Подался, — беззаботно подтвердила Эмма, — повесил себе на шею одну идиотку безголосую, которая блеет, как овца, и вертит задницей.

— И как зовут эту овцу, если не секрет? — Быстров уже по-свойски расположился на диване, прямо не снимая плаща, галантно предложил сигарету хозяйке и с удовольствием закурил сам.

— Не секрет. Маргарита Алмазова. — Эмма выпустила стайку аккуратных колечек и проследила их полет. — Вообще-то она никакая не Алмазова, а Жужжалова. Это она такой творческий псевдоним себе придумала. Алмазова! Тоже мне драгоценность какая! Бриллиант с помойки. Раньше рюмками торговала в магазине.

— Уж не та ли это Маргарита, про которую писали, будто она таинственным образом пропала?

Эмма заливисто рассмеялась:

— Это рекламный трюк!

— Неправда! — Это я встряла в их светскую беседу. Конечно, Маргарита не ангел, но в том, что все случившееся вовсе не рекламный трюк, я была

уверена на сто процентов. Что же, тогда и убийства тоже совершались в рекламных целях? Ну нет, это уж слишком, Маргарита так далеко никогда бы не зашла.

— А это кто такая? — уставилась на меня Эмма. Можно подумать, что до этого она меня не видела. Конечно, я тоже не такая эффектная, чтобы претендовать на глянцевые обложки, но и не прозрачная. Меня вполне можно разглядеть даже невооруженным глазом.

— Моя клиентка, — пояснил специалист по рогам, делая мне знаки помалкивать.

Я прикусила язык, хотя мне этого совершенно не хотелось.

— Ну ты и кадр, — оценила Эмма, — сам притащился без приглашения да еще какую-то клиентку с собой приволок...

— Ну, не будь врединой, ласточка, вспомни, что я тебе однажды оказал неоценимую услугу.

«Ласточка» заерзала в кресле. Не знаю, на какую услугу намекал Быстров, но ей это сильно не понравилось.

— Ну, давай выкладывай, что ты про всю эту бодягу знаешь? — Быстров основательно взялся за хозяйку.

— Только с глазу на глаз, — выставила встречное условие Эмма.

Я забеспокоилась, что мне покажут на дверь, но Быстров проявил резкую нестговорчивость:

— Нет, так дело не пойдет. Моя клиентка в этой истории лицо заинтересованное, я бы даже сказал, пострадавшее. Так что будет очень некрасиво отказывать ей в доверии.

— Да? — Эмма вздохнула и одарила меня оценивающим взглядом, как бы прикидывая, стою ли

я ее доверия. Не имею представления, что за тайны мадридского двора связывали ее с крупным специалистом по рогам, но долго артачиться она не стала. — Да что тут знать? Я говорю, что это рекламный трюк. Я же у нее была в тот вечер, приходила по душам поговорить!

— Что? — заорали мы с Быстровым в один голос.

Эмма невозмутимо продолжила:

— Семка про это, правда, не знает, я ему не рассказывала, а то бы он... Он запрещал мне с ней встречаться после одного скандала. Говорил, что я ему все испортила. Ну, мол, что это из-за меня Маргарита решила его кинуть. А где это видано, чтобы хвост собакой крутил?

Быстров потер лоб ладонью и перебил:

— Стоп, стоп... Пожалуйста, помедленнее, что-то я не совсем понимаю... Какой хвост, какая собака?

Зато я, кажется, поняла. Моя догадка подтвердилась: Маргарита вознамерилась отказаться от услуг Хайкина и, очень может быть, подыскала себе другого продюсера. Зная немного Маргаритин характер, такое развитие событий предположить нетрудно.

— Да что тут непонятного! — бескорыстно поделилась я своими соображениями с Павлом. — Хвост — это Маргарита, а собака — это Семен Маркович.

Эмме мое разъяснение не понравилось, она недовольно надула губы, а Быстров откровенно погрозил мне пальцем. Я обиженно замолчала.

— Ладно, разобрались, кто хвост, а кто собака... Ну и как же она им крутила? — заполнил образовавшуюся паузу Быстров.

— Как, как... — ответила Эмма. — Обычная история: у нее началась звездная болезнь, я бы даже сказала, в самой тяжелой форме. Почувствовала себя выдающейся певицей, а мы с Семой стали ей не нужны.

— Вы? — уточнил Быстров.

— Ну конечно, мы! — воскликнула Эмма. — Это же я ее нашла, и вообще это была моя идея: взять девицу с хорошенькой мордашкой и фигуркой и раскрутить ее, как сейчас говорят. Словом, Маргарита — наше детище от начала и до конца. Мы с Семой вложили в нее такие деньги... Поначалу, правда, все выглядело довольно радужно: она вела себя прилично, без взбрыков. Ну а когда вышел первый клип, мы поняли, что попали «в десятку». Ну, есть в этой дуре что-то такое, от чего мужики прямо на стенку лезут. Они уже не слушают, что она там поет, лишь бы только она трясла своими прелестями. Нам даже не пришлось придумывать ей имидж, поскольку она была уже готовая женщина-вамп.

Здесь я была с ней согласна!

— Ну, первым делом она, конечно, подалась во все тяжкие, скандалы пошли один за другим, а чего вы хотите от красотки с двумя извилинами? — Эмма Михайловна сказала это так, что я поняла: любая маломальская красотка, по ее авторитетному мнению, автоматически относится к разряду дебилок. — Да Бог с ним, в принципе, чем больше скандалов — тем лучше, все это подогревает интерес публики. Но когда она объявила, что больше не нуждается в наших услугах...

— Тогда и произошел скандал? — перебил ее Быстров.

— Тогда и произошел, — Эмма плеснула себе в

стакан коричневой жидкости из бутылки, — я ей высказала все, что о ней думала!

— И что дальше?

— А дальше... А что дальше? Сема прыгал перед ней на задних лапках, угождал, запретил мне к ней приближаться, боялся, что я ее чем-нибудь обижу. А эта дрянь, по-моему, уже сама не знала, что хочет. Ну вот и результат — она придумала это похищение. Инсценировка, самая настоящая инсценировка!

Я сидела как на иголках: эта усатая гусарша несла совершеннейшую чушь. Ничего себе инсценировка! Куча трупов, милиция на ушах, а мне грозит обвинение в убийстве!

Детектив Паша, кажется, был на моей стороне. По крайней мере, он высказал сомнение вслух:

— Так уж и инсценировка?

— А что же еще? — усмехнулась Эмма. — Я же говорю, что была у нее в тот вечер, когда она якобы пропала при этих самых загадочных обстоятельствах, часов около восьми. — При этих словах мне пришлось зажать рот рукой, чтобы не заорать благим матом. — Так вот, она преспокойненько собирала вещички и чувствовала себя великолепно, насколько я помню. Правда, моего прихода она совсем не ожидала, так что разозлилась страшно...

— Вы повздорили... — подхватил Быстров. — Дело даже дошло до рукопашной...

Эмма дернула костлявым плечом:

— Она первая начала... Это... это же... да ей только на базаре торговать! Звезда из подворотни! Но я ей тоже показала, где раки зимуют!

— Я думаю! — с готовностью поддакнул Бы-

стров. — И какие же потери понесла эта неблагодарная? Око за око? Или зуб за зуб?

Эмма Михайловна не разделяла его энтузиазма. Видно было, что воспоминания о потасовке с Маргаритой не доставляли ей большого удовольствия. Еще бы! Мне, слава Богу, не пришлось отведавать Маргаритиных оплеух, но я ни одной минуты не сомневалась в их увесистости.

— А до кровопролития дошло? — не унимался детектив Паша.

— У нее кровь пошла из носа, — нехотя призналась Эмма, — и она разъярилась, как пантера. Я думала, она меня убьет!

— Тяжело пришлось? — фальшиво посочувствовал Паша.

Но Эмма Михайловна, не уловившая в его тоне фальши, заключила глубокомысленно:

— Это называется: делай доброе дело! Вот вам типичный пример благодарности!

— Да, поучительная история, ничего не скажешь, — согласился Быстров и посмотрел на часы, — однако же хотелось бы все-таки увидеть Семена Марковича. А созвониться-то с ним можно?

— Сама целый день пытаюсь дозвониться, — ответила Эмма, — но его нигде нет, а сотовый не отвечает.

— Может, он у «глоков»? — не удержалась я и продемонстрировала свою осведомленность.

Эмма отреагировала на мою догадку в свойственной ей манере:

— Вот еще тоже бездельники! Сами ничего собой не представляют, а уже не хуже Маргариты нос задирают. Я ему говорю: не связывайся ты с ними. А он твердит свое: они, мол, ни на кого не

похожи, это новое слово в музыке. Тоже мне слово! Четыре грязных оборванца!

Под это брюзжание мы покинули гостеприимный дом Маргаритиногo продюсера.

В машине Быстров осведомился у меня:

— Ну что, поняла что-нибудь?

Я помотала головой и честно призналась:

— Кажется, сейчас я понимаю еще меньше, чем прежде.

Быстров вздохнул:

— Должен признаться, я тоже. Одно меня утешает: теперь, по крайней мере, все ясно насчет крови на твоей одежде...

Я в недоумении захлопала ресницами.

— Каким местом ты слушала? — удивился Быстров. — Разве непонятно? Твоя Маргарита подралась с усатой Эммой, и та ей разбила нос. Вот откуда кровь! Где была твоя одежда?

— На стуле, — пробормотала я оторопело.

— Все ясно, — оптимистично заключил он, — теоретически это могло выглядеть следующим образом: она села на стул, запрокинула голову, и кровь попала на твою одежду. Усекла?

Я тупо кивнула, а потом спохватилась. Господи, да о том ли речь? Лично у меня не было и тени сомнения в том, что Маргарита жива, а я, в свою очередь, не гожусь даже на роль ее гипотетической убийцы. Это какое воображение нужно иметь, чтобы такое представить! Дело ведь в другом, в том, что, пока мы лясы точим, ей угрожает смертельная опасность.

Я выложила свои соображения Паше-детективу с чувством и пафосом, а он в ответ покрутил пальцем у виска:

— Ну ты даешь! Это называется — приоритеты

поменялись. Надо полагать, мне приснилось, что кто-то совсем недавно сильно беспокоился за собственную жизнь?

— А я и за собственную беспокоюсь, — честно призналась я. Еще бы мне не беспокоиться, особенно при таких раскладах!

— И правильно делаешь, — одобрил Паша, — если сама о себе не позаботишься, никто не позаботится. Это только я такой добрый, и то не каждый день. А пока твоя Маргарита не нашлась, ты для Сомова и Шутова подозреваемый номер один, точнее, подозреваемая. Кстати, можешь радоваться: теперь твой номер второй. После Эммы Михайловны. И скажи за это спасибо дяде.

— Спасибо, дядя, — уныло поблагодарила я.

— Не слышу энтузиазма в голосе, — изрек он с ухмылкой и спросил сам себя: — А что дальше, интересно?

Мне бы тоже очень хотелось это знать, тем более что меня несколько не радовало и не вдохновляло известие о разбитом Маргаритином носе. Что в этом такого сенсационного? Да, Маргариту не похитили, точнее, не успели похитить, поскольку перепутали со мной, но кому от этого легче! По крайней мере, не мне. Мне все это известно со вчерашнего дня.

— Слушай, а про каких таких «глоков» ты там болтала? — снова прервал мои размышления Быстров.

Я посмотрела на него точно на последнего лоха и с удовольствием объявила, почти как конференсье на концерте:

— Рок-группа «Глокая куздра».

Это название произвело на него такое же неизгладимое впечатление, как и на меня в первый раз.

По-моему, он даже на какое-то мгновение потерял контроль над собой, из-за чего автомобиль чуть не вынесло на встречную полосу.

— Однако, — пробормотал он, резко взяв вправо, и недовольно покосился на меня, — создаешь аварийную ситуацию на дороге, — а потом недоверчиво уточнил: — Что, прямо так и называется?

— Прямо так, — подтвердила я, — и, между прочим, поют не хуже других.

Быстров немного помолчал, а потом заявил:

— Слушай, а поедем-ка к твоим «глокам», может, и правда Маркович у них?

При упоминании имени Маргаритино про-дюсера меня проняло женское любопытство. Я не удержалась от мучившего меня вопроса:

— Все-таки интересно, откуда ты его знаешь?

— Очень интересно? — покосился он.

— Очень, — бесхитростно подтвердила я.

— То-то и плохо, — поддел он меня, — в твоём положении полезнее знать как можно меньше. Женщинам вообще лишние знания противопоказаны. Взять хотя бы твою Маргариту... Судя по тому, что ты рассказала, она где-то раздобыла информацию, которая сильно усложняет ей жизнь. Я бы даже сказал, вредит здоровью.

Честно говоря, тут мне крыть было нечем. Что верно, то верно, Маргарита ввязалась в какую-то рискованную игру, в которой запуталась не она одна. Между прочим, я тоже по ее милости.

У «глоков» Хайкина не оказалось, чему, похоже, они были только рады. Во всяком случае, длинноволосик, пупок которого, как и в прошлый раз, нахально выглядывал из-под короткой полосатой футболки, поприветствовал меня тусклым «А, это

ты...», насчет же Маргаритиногo продюсера обмолвился не самым почтительным образом:

— Да не знаю я, где этот козел, и знать не желаю. Со вчерашнего дня не видел.

После чего захлопнул дверь и ушел, а до нас с Быстровым сразу же донеслись недовольные гитарные всхлипы.

— А! — махнул рукой Быстров. — Чего это я из штанов выпрыгиваю? Пусть Сомов с Шутовым дальше сами разбираются. Вот доставлю тебя в целости-сохранности...

Я опять вспомнила о Чанге, который, наверное, сейчас снова был в одиночестве.

Глава 22

ПУГОВИЦА ПРИГОДИЛАСЬ

У родного подъезда я чуть не вывернула шею в тщетной надежде узреть обещанную охрану. Не заметив ничего особенного, я высказала удивление Паше-детективу, на что тот откровенно заржал:

— Да вот же они. Видишь белую «шестерку»? Там сидят двое, у которых на лбу написано, что они из милиции. Впрочем, те, кого они поджидают, ненамного умнее, поскольку у них тоже все всегда написано на лбу.

Мне стало как-то нехорошо:

— А ты уверен, что правильно прочитал то, что у них на лбу? Вдруг ты что-нибудь перепутал?

Паша легкомысленно махнул рукой:

— Не бойсь, я эту азбуку знаю, начитался... Я тебе даже больше скажу: жди гостей.

— Да? — я затрепетала от скверных предчувствий.

— Кого-нибудь из этой сладкой парочки, то есть Сомова с Шутовым. Хуже, если они не с пустыми руками пожалуют, — пробормотал Быстров.

— А с чем?

— С чем, с чем, с ордером на арест, например... Ох, свалилась ты на мою голову, мало мне всего! Ладно, пошли, деваться-то все равно некуда.

Он как в воду смотрел. Не успели мы переступить порог квартиры, как в дверь позвонили.

— А, пожаловал! — приветствовал Павел звонок широчайшей улыбкой и обернулся ко мне. — Ну, что я тебе говорил?

Не понимаю, с чего бы такая радость? Можно подумать, что он был именинником, за накрытым столом нетерпеливо дожидавшимся подарков.

Я оставила их в прихожей, а сама направилась в комнату. Поискала взглядом Чанга: он спал в углу, свернувшись калачиком, и даже не отреагировал на мое появление. Такое его поведение свидетельствовало о том, что: А — он сыт, Б — все происходящее в моей квартире ему безумно надоело. Мне оставалось только ему позавидовать, ибо я, к сожалению, не могла так демонстративно дистанцироваться от действительности.

Шутов, не дожидаясь особого приглашения, по своему обыкновению расположился на моем многострадальном диване. Господи, кто на нем только не сидел за последние дни! Когда же они все окончательно уберутся из моей квартиры, чтобы я могла спокойно поспать?! Я уселась на стул и, закинув ногу на ногу, без тени смущения (если дело так пойдет и дальше, я окончательно избавлюсь от последних интеллигентских комплексов) стала

снимать сапоги. Быстров как подкошенный рухнул в кресло и посмотрел на часы.

— Что, торопишься? — вежливо осведомился Шутов. — Я бы на твоём месте не торопился.

— Да я и не тороплюсь, уже везде опоздал, — спокойно отреагировал Быстров, — хотя время тянуть тоже вроде бы ни к чему. Так что выкладывай, что вы там заготовили. По твоей торжественной физиономии вижу, что не с пустыми руками пожаловал.

— Кто же ходит в гости с пустыми руками? — Шутов не внял его рекомендациям и продолжал откровенно тянуть время.

— Что-то незаметно торта и шампанского, — поддел его Быстров.

Мне все это надоело до чертиков. Я сняла сапог и со злости зашвырнула его в тот самый угол, в котором мирно спал Чанг, точнее, делал вид, что мирно спит. Сапог плюхнулся прямо перед его носом. Он нервно вздрогнул, приоткрыл сонные глаза и снова погрузился в свою спасительную дрему. Счастливчик!

Я, однако, не ограничилась метанием сапога, присовокупила для пущей убедительности несколько слов, которые прозвучали следующим образом:

— Если здесь не начнут говорить нормально, я всех, к черту, повыгоняю. Какие торты, какое шампанское, когда Маргарита в опасности, и я тоже, между прочим! Если вы, конечно, ещё об этом не забыли.

Как ни странно, на Шутова моя импровизация произвела впечатление. По крайней мере, он перестал строить глазки Быстрову и переключился на меня:

— А мы, уважаемая Анна Николаевна, только о вас с вашей замечательной Маргаритой и думаем уже без малого неделю, по ночам не спим, можно сказать...

— На то и работа у вас такая, — резонно заметила я, блаженно вытягивая ноги. Плевать мне на всех, в конце концов, я пока что у себя дома.

— Да, работа, — угрюмо согласился Шутов, — так вот о работе... Мы проверили то самое экзотическое заведение, в котором, по вашим словам, вы в последний раз видели свою экстравагантную подругу. Как вы думаете, что мы там нашли?

Я так расслабилась, что перестала себя контролировать, и без раздумий ляпнула, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся:

— Два трупа.

Шутов так и взвился:

— Ага, так вы там были? О-о-очень интересно!

Быстров одарил меня красноречивым взглядом и удовлетворил профессиональную любознательность Шутова:

— Да вот... заглянули на минутку, но тоже опоздали. Кто-то опередил и нас, и вас. Такое случается довольно часто.

Шутов хитро прищурился:

— Ну, насчет нас я не сомневаюсь, а вот насчет вас...

Меня пробрало:

— Вы на что намекаете?

В ответ этот нахал, вольготно расположившийся на моем диване, заявил без обиняков:

— Да какие уж тут намеки! Сами посудите, уважаемая Анна Николаевна, у вас же на каждом шагу нестыковочки получаются. С одной стороны, вас все время похищают, а вы самым расчудесным

образом каждый раз спасаетесь. С другой, вы последняя, видевшая Маргариту Алмазову живой, и на вашей одежде, извините, обнаружены следы ее крови. А с третьей, все эти истории, мягко выражаясь, не очень логичные. Дом, в котором вас якобы держали и в котором вместо обещанных вами трех трупов почему-то обнаружили три вусмерть пьяных бомжа. Опять же ваша встреча с Маргаритой в пин-шоу выглядит довольно сомнительно. С чего бы ей, если она боится преследования, выставять себя на всеобщее обозрение?

— Ну, это мы уже слышали, — вспомнил свои священные адвокатские обязанности Паша-детектив, — что-нибудь новенькое можно?

— Можно, — невозмутимо пообещал Шутов, — еще один труп в вашу коллекцию...

— Почему это в нашу? — начал было Быстров и осекся. — Какой еще труп?

— Да совсем свеженький, прямо с пылу с жару, — продолжал интриговать Шутов. Мы с Быстровым смотрели на него, как кролики на удава.

— Ладно, не томи душу, — взмолился Паша-детектив.

— Продюсер нашей звезды приказал долго жить, — сообщил Шутов, и выражение у него при этом было такое, что трудно было угадать, какое чувство в нем преобладало: сожаления или удовлетворения.

— Вот так сюрприз! — обескураженно произнес Быстров. — Это, пожалуй, будет посильнее торта с шампанским. И давно его?..

— Я же сказал, свеженький... Между прочим, опять маленькая дырочка в голове и еще одна в районе сердца. Калибр 5,6. Вам это случайно ничего не говорит?

Мы с Быстровым добросовестно переглянулись. Не исключено, что в глазах Шутова мы при этом выглядели коварными заговорщиками, с помощью тайных знаков избирающими общую тактику по окончательному запутыванию следствия.

Слово взял специалист по рогам:

— А что это нам может говорить? Мы в первый раз об этом слышим. Кстати, его жена тоже ничего не знает, не мешало бы ей сообщить...

Шутов сразу принял стойку:

— Так ты и у жены Хайкина успел побывать? Приткий какой, посмотри!

— Будешь тут, — буркнул Быстров, — понятно теперь, почему его телефон не отвечает, — он вздохнул. — Между прочим, когда будете допрашивать его жену, поинтересуйтесь у нее обстоятельствами ее последней встречи с Маргаритой. Особенно тем, как они подрались...

— Подрались? Ты о чем? — пришла пора чесать затылок Шутову.

— Да о том, что мы с моей клиенткой, — он изобразил что-то вроде реверанса в мою сторону, — выяснили происхождение крови на одежде, оставленной в квартире Маргариты. На одежде моей клиентки, — подчеркнул он.

— Да слышали, слышали уже про твою клиентку, — поторопил Шутов, — ты поконкретнее, поконкретнее давай.

— Изволь. В тот самый вечер, когда покойный Хайкин поставил вас на уши по поводу пропажи нашей звездочки, моя клиентка была отнюдь не последней ее гостьей. Примерно часом позже ее посетила жена Хайкина, усатая дама, которую зовут Эмма Михайловна. У них была продолжительная беседа, в какой-то момент они исчерпали ар-

гументы, и дело дошло до рукопашной. Обе понесли потери. Эмма заработала фонарь под глазом, а сама в ответ заехала по носу своей противнице. — Быстров проявил свои недюжинные театральные способности, рассказывая эту леденящую душу историю. — Тебе по носу когда-нибудь давали?

Шутов, по-моему, немного растерялся и только поэтому пробормотал:

— Ну, было когда-то в детстве...

— Счастливчик, — порадовался за него шустрый Павел, — а вот мне, признаться, перепало совсем недавно. Так что бывает, когда дают по носу? То-то же, нос — очень хрупкий орган, сразу кровь фонтаном. Наша Маргарита, как оказалось, хоть и звезда, но вовсе не исключение из правил. И кровь в ее жилах не голубая, и носик у нее хотя и очень симпатичный, но вовсе не мраморный.

На бедного Шутова было жалко смотреть. Как и большинство женщин, я обладаю обостренным слухом, а потому могу слышать то, что не уловит самый чувствительный прибор. Так вот, клянусь, я услышала характерный звон, каковой обычно сопровождает процесс битья посуды и радужных надежд. Впрочем, в данном случае речь, конечно же, шла о крепкой версии, если изъясняться языком суровых профессионалов. Кстати, если дело пойдет так и дальше, не исключено, что я смогу причислить и себя к этой славной категории.

— Это что же получается? — пробормотал он растерянно. — Получается, что она и вправду...

— Вот именно, — радостно подхватил Быстров, — получается, что моя клиентка ничего не сочиняет, и пропавшая Маргарита жива-здорова, по крайней мере, именно так было вчера, когда она ее видела!

— Может, и трупов никаких нет? — не желал сдаваться лишенный красивой версии Шутов.

— Почему же? Трупы есть, — проявил великодушие специалист по рогам, — но это уж ваша забота с ними разобраться. Я понимаю, что соблазн велик, но все-таки настоятельно советую не вешать их на мою клиентку. Предупреждаю: я этого не потерплю.

— Да, твоей клиентке повезло, ничего не скажешь, — заметил Шутов недовольно, — какой защитник, прямо лев! — И добавил: — Между прочим, эту историю с носом еще нужно проверить.

— Какие проблемы, проверяй! — развел руками Быстров.

— А ты мне не приказывай! — разъярился Шутов.

Еще не хватало, чтобы они здесь сцепились!

— А я и не приказываю...

В комнате воцарилась минута сосредоточенной тишины. Похоже, Шутов усиленно шевелил извилинами, перерабатывая скопившуюся информацию.

— Анна Николаевна, я вас покидаю... Можете ничего не опасаться, за вашим домом и квартирой установлено наблюдение. Только я вас очень попрошу: не слишком рассчитывайте на этого балагура и, по возможности, никуда не выходите. — С этими словами Шутов наконец освободил мой диван.

Напоследок он, видимо, решил взять реванш. А как иначе расценить тот факт, что уже из прихожей он задумчиво бросил в пространство:

— Тех, из пип-шоу, похоже, убили из того же оружия, что и Хайкина. Калибр тот же...

Видели бы вы, что сделалось после этого сообщения с моим Пашей! Он весь пошел пятнами и сильно изменился с лица.

* * *

— Ну что, Анна Николаевна, я вас, пожалуй, тоже покину, — сказал Паша-детектив, поднимаясь с кресла, посмотрел на часы и присвистнул: — Времени-то, времени сколько потеряно!

Произошло это, как вы понимаете, несколько позже, уже после того, как он оправился от удара, нанесенного коварным противником.

Я обиженно поджала губы — конечно, что с меня возьмешь! — но вслух ничего не сказала.

— Ну, чего молчишь? — обронил Быстров. Понятно, он ждал, что я брошусь ему на шею и стану умолять не покидать меня, бедную.

Я пожала плечами:

— А что сказать?

— Ну ты точно экземпляр, — хохотнул он, — ни тебе спасибо, ни тебе до свиданья.

— Ну до свиданья...

— Могла бы хоть чаем угостить, что ли, — посоветовал Павел, видно, привыкший к другому обхождению.

Я тяжело вздохнула и поплелась на кухню.

— Могу помочь! — крикнул мне вслед специалист по рогам.

— Спасибо, обойдусь, — не очень приветливо отозвалась я.

На кухне я обнаружила тележку с продуктами, купленными накануне на оптовом рынке. Не стану напоминать, по какой причине я ее не распаковала, вы и сами знаете. Теперь ее содержимое было

разбросано по комнате, почти все пакеты разодраны, а гречневая крупа и рис усеивали пол. Ясно: здесь успел потрудиться Чанг. Ничего удивительного, голод вам не тетка.

Я сгребла все это безобразие в угол, поставила чайник на газ и села на табурет, сложив руки на кухонном столе. Что-то прохладное уткнулось мне в колени — Чанг, очнувшийся от своей спячки, пришел засвидетельствовать мне свое почтение. Следом материализовался Быстров, заметивший со смешком:

— А эта псина, оказывается, живая! А я уж думал, что он у тебя декоративный — лежит себе и ни на кого не реагирует!

— Просто ему все надоело, — вступилась я за Чанга, — так же, как и мне.

Ушлый Павел бегло осмотрел мою кухню, задержавшись взглядом на сваленных в углу продуктах, и поинтересовался:

— У тебя что, всегда такой порядок?

— Почти, — огрызнулась я, — по крайней мере, всякий раз, когда кому-нибудь вздумается меня похитить.

Видимо, Чанг уловил нотки недовольства и враждебности в моем тоне и решил за меня вступить, пару раз неуверенно твякнув. Правда, это получилось у него не очень убедительно, кроме того, он предпринял такую свою отчаянную вылазку, предварительно спрятавшись под стол. Вот уж на кого в трудную минуту рассчитывать особенно не приходилось. Можно сказать, он позорил весь собачий род.

Быстров сел на корточки и дружелюбно заглянул под стол:

— Приятель, а ты, оказывается, даже лаять умеешь. — А потом покосился на меня: — Что ты сделала с бедным псом? Первый раз вижу такого трусливого ротвейлера! Нет, женщинам нужно запретить держать собак, кроме разве что болонок. А то они навешают на них бантов и превратят в кошек.

Я разозлилась и медленно процедила сквозь зубы:

— Если на то пошло, это не мой пес, а Маргаритин, ясно?

Мой ответ не сбил его с толку. Он поднялся с колен и произнес со значением:

— Тогда я ничему не удивляюсь, от этой твоей Маргариты можно ожидать чего угодно.

Я промолчала, а что тут возразишь?

На плите закипел чайник. Я достала из шкафа чашки, те самые, из которых два дня назад я потчевала высокого американского гостя. Кстати, и на этот раз к чаю у меня ничего не было, кроме сахара, но комплексовать я не собиралась.

За чаем специалист по рогам продолжал перемывать белые Маргаритины косточки.

— И что, у тебя все подружки вроде этой самой Маргариты?

— Почему? — возразила я. — У меня очень разнообразные подружки, и среди них есть настоящие интеллектуалки...

— Терпеть не могу интеллектуалок, такие зануды, — замахал руками Паша, словно я его свата-ла. — Эти еще хуже твоей Маргариты.

— Ну, не знаю, — обиделась я, — в конце концов, могу я выбирать себе подруг по собственному вкусу?

— Довыбиралась! Вот ты мне скажи, если она твоя подруга, выбранная тобою же по собственному вкусу, можешь ты объяснить ее поведение или нет? — Пашин вопрос застал меня врасплох. Я задумалась. — То-то же, — удовлетворенно констатировал он, — а все потому, что его объяснить невозможно при всем желании. Недаром у Шутова тоска в глазах просто смертная. Ну нет в ее поступках никакой логики! Казалось бы, ей известно, что кто-то на нее охотится... Ладно, не хочет она по какой-то причине связываться с милицией и подается в бега... Ну, это еще хоть как-то можно понять... Но почему она опять же выбирает такой странный способ для того, чтобы скрыться? Выставляет себя на всеобщее обозрение? Нет, женская логика — вещь непостижимая!

Я попыталась вступить за Маргариту:

— Ну, положим... В конце концов, ее там никто не нашел, кроме меня. — Я потерла лоб ладонью. — А тот факт, что я ее нашла, наверное, стоит рассматривать как это... ну, исключение, только подтверждающее правило... Кроме того, она была в очках и парике. Сама удивляюсь, как я ее узнала при моих-то минус пяти!

Я снова задумалась. Быстров последовал моему примеру, предварительно отхлебнув чаю. Мы дружно молчали какое-то время, а потом он снова принялся за свое:

— Помнишь, я тебе говорил, что занимаюсь сейчас одним очень серьезным делом?

Я кивнула в знак подтверждения.

— Так вот, дело, конечно, сложное... Черт, я повторяюсь. В общем, один банкир путем финансовых махинаций ограбил собственный банк, его

посадили, потом выпустили под залог... И тут он опять исчез. Так вот, с этим пареньком все довольно просто: не хочет он в кутузку загреметь и с деньгами расставаться не хочет. Вернее, не хотел... Опять же за его аферой кто-то стоит, я даже догадываюсь, кто... Между прочим, в «Пьяной индейке» я высматривал одного человечка, который мог бы пролить свет на эту историю. Тогда я еще не знал, что моего дорогого президента уже прикончили.

— Да, банкиров теперь много бегают, — посоветовала я. — И убивают их часто...

— Ну их, может быть, и много, — не согласился со мной Быстров, — а такой, как мой, один. Он нагрел моих клиентов на такую сумму, что они щелкают зубами, как голодные волки. Обещали мне за его поимку очень солидные комиссионные. Но, насколько мне известно, господина Садовникова к этому моменту в живых уже нет.

Когда он произнес это имя, мне стало как-то не по себе. Точнее, сначала я даже не сообразила, что оно мне известно, но где-то внутри меня возникло смутное беспокойство. Знаете, как бывает: идешь по улице и видишь человека, который кажется вам знакомым. Кто такой, сразу и не вспомнишь. Случайный встречный давно скрылся за углом, а ты все ломаешь голову, словно от твоего прозрения зависит вся оставшаяся жизнь. Потом до тебя доходит: да это же сантехник из жэка, отвратный тип, однажды слупивший с тебя червонец за установку нового вентиля, который должен был заменить совершенно бесплатно! Спрашивается, стоило из-за такого последние мозги сушить? Ты мысленно плюешь и идешь себе дальше.

Ну вот и в этот раз со мной произошло что-то в таком роде. Банкир Садовников буквально вцепился в меня клещами. Сильно сомневаюсь, чтобы мы с ним могли быть представлены друг другу, скорее всего я о нем где-нибудь читала. Где? В библиотеке? Может, мне Любаня что-нибудь подсунула? Нет, нет и еще раз нет, он упоминался в той заметке на газетном клочке, найденном мною вместе с Маргаритиной пуговицей в доме, в котором меня держали во время второго похищения!

У Быстрова чутье несомненно наличествовало, ибо он сразу же впился в меня глазами и выпалил:

— Ты что-нибудь про это знаешь?

Мне даже жалко было его разочаровывать:

— Всего лишь читала заметку в газете... И то не полностью, потому что она была оборвана. Ну, в этом втором доме, где мы были с Мышкой, я нашла пуговицу от Маргаритиной кофточки и кусок газеты, а там как раз...

— Пуговицу от Маргаритиной кофточки? — повторил Быстров эхом и, вскочив с табурета, навис надо мной, как скала. — Почему я слышу это только сейчас? — Я заморгала. — Так почему ты не рассказала об этом раньше?

— Да потому что я совершенно обалдела от всего! А больше всего от того, что мой диван постоянно занят посторонними мужчинами! Стоит на полчаса отлучиться, нате вам — уже сидит какой-нибудь!

— Это не объяснение! — продолжал психовать специалист по рогам.

— Да я уже просто не соображаю, что к чему!

— А что тут не понимать?! Если там валялась пуговица твоей Маргариты, значит, и сама она там

была! Может, даже одновременно с вами! Вы дом осмотрели, прежде чем удрать?

— Ага, осмотрели! — Я оттягивалась, почти как Чанг, только что не из-под стола. — И отпечатки пальцев со всех дверных ручек сняли! Во-первых, на черта я им была бы нужна, если бы они уже нашли Маргариту, а во-вторых, — в этом месте я сделала паузу, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, он мне очень даже мог пригодиться в ближайшее время, — а во-вторых, Маргарита потеряла пуговицу еще две недели назад.

— Как это? — не понял Быстров.

Я воспользовалась моментом и сгоняла в комнату. Достала из шкафа Маргаритину кофту, после чего не без удовольствия в течение двух минут трясла ею перед носом Быстрова:

— Вот, видишь, пуговицы нет? Видишь? Так вот, Маргарита подарила мне эту кофту две недели назад и уже без пуговицы. А теперь...

Я сбегала в прихожую и извлекла свой главный вещдок из кармана пальто.

— Вот! Смотри: точно такая же, перламутровая! — Я приложила пуговицу к тому месту, где ей надлежало быть.

Быстров резко откинулся назад, отчетливо стукнувшись головой о стенку, и резюмировал:

— Да, пожалуй, это и в самом деле все только усложняет!

— А я тебе о чем толкую! Я когда Мышке покойному эту пуговицу показала, у него тоже физиономия вытянулась... Или... Нет, пожалуй, она у него вытянулась после того, как он заметку прочитал...

— Он читал заметку? — встрепнулся Быстров.

— Ну да, прочитал и сразу как-то забеспокоился... А может, мне это только показалось? А потом эти самые, ну, бандюги, все куда-то умчались... Ах, да, ну конечно! — Я стукнула себя ладонью по лбу. — Тот парень, которого мы с Мышкой связали, сказал, что по телевизору передали про мужика, найденного на свалке, и...

После этих слов Паша-детектив пришел в страшное возбуждение, вцепился руками в собственную шевелюру и с новой силой обрушился на меня с необоснованными обвинениями:

— И она все время молчала! Нет, я так больше не могу! Шутов насчет тебя прав, тысячу раз прав! Ну нет, ну нет...

Не знаю, как вам, а мне ужасно не нравится, когда на меня орут в собственном же доме. Поэтому я отвернулась и мысленно поклялась сама себе, что не произнесу больше ни слова.

Быстров бесновался еще минут пять, захлебываясь от возмущения и воздевая руки к потолку. При этом он пару раз задел светильник, подвешенный на длинном шнуре на манер лампы, и тот закачался, как маятник. Я сидела, мужественно сцепив зубы, хотя Пашино обращение с моим имуществом мне сильно не нравилось. Еще я не понимала, с чего он так переполошился.

Наконец он немного поостыл и изволил объяснить мне причину своей истерики. Начал он с вопроса:

— Ты хоть знаешь, кого прошлой ночью нашли на свалке?

Я только помотала головой, верная данной себе клятве молчать.

— Это же Садовникова нашли! Понимаешь, Садовникова!

Не считите меня бесчувственной, но я не могла взять в толк, из-за чего он так разволновался. В этой истории уже и без того столько трупов, что еще один вряд ли кого-нибудь сильно удивит. Меня, по крайней мере, уже не удивляет.

Быстров оперся о край стола и приблизил ко мне свое лицо с ошалелыми, как у мартовского кота, глазами:

— Да пойми ты, это значит, что за твоей Маргаритой охотятся люди, которые имеют непосредственное отношение к найденному на свалке в виде трупа банкиру Садовникову. Опять же... Говоришь, она рассказывала, что имеет компромат на очень большого человека?

— Ну да...

Быстров пожевал губами:

— А что, все может быть!

Выскочил из-за стола и помчался к прихожую. Если он собрался уходить, то выглядело это не очень вежливо. А впрочем, я так устала, что мне и самой сейчас не до реверансов.

У двери он задержался на полминуты и сказал:

— Сиди дома и никуда не высывайся!

Знаю, знаю, мог бы и не напоминать, что я теперь под домашним арестом.

Глава 23

МАРГАРИТА НАШЛАСЬ

Кажется, я проспала целую вечность или, по крайней мере, большую ее часть. Не знаю, что могло бы меня разбудить. Если только какое-нибудь

событие из того же ряда, что и всемирный потоп или извержение Везувия. Несмотря на ужасные события последних дней, мне ничего не снилось: ни Лысый, ни Маргарита, ни Мышка, ни даже Паша-детектив. Я просто лежала, накрывшись с головой, и даже в глубоком сне наслаждалась долгожданным покоем и одиночеством.

Когда я наконец разлепила глаза, будильник показывал половину третьего. Дня! Я потянулась, села на диване и, нацепив очки, огляделась. Никаких признаков постороннего присутствия не наблюдалось, чему я, как вы понимаете, не могла не порадоваться от души. Причем совершенно искренне. Только Чанг слонялся по квартире с потерянным видом, что, в общем-то, было несудивительно. Вот уже два дня им никто не занимался.

Я поправила очки и сказала ему как можно ласковее:

— Привет!

Если бы у Чанга был хвост, он бы им непременно завилял, а так он только взвизгнул, а потом, не справившись с переполнявшими его чувствами, бросился на меня и лизнул в нос своим прохладным шершавым языком.

— Ну что, будем завтракать?

Чанг взвизгнул еще раз, уже веселее. Я поднялась, сунула ноги в тапки и медленно пошлепала на кухню. Там тоже все было без изменений, если не считать того, что Чанг опять развез по полу продукты, купленные на мелкооптовом рынке, которые он уже успел накануне частично съесть, частично распотрошить. Значит, не такой уж он и голодный. В отличие от меня.

Яичница — самое надежное дело в таких случа-

ях. Но прежде чем приступить к ее приготовлению, я все-таки выглянула в окно: белая «шестерка» по-прежнему стояла у подъезда, а что было написано на лицах сидевших в ней, рассмотреть отсюда не представлялось возможным. Я поставила сковородку на газ, бросила на нее кусок масла, которое сразу же зашипело-зашкворчало, потом открыла холодильник, и тут произошло это самое порядком поднадоевшее мне «вдруг».

Итак, из прихожей донеслось подозрительное металлическое скрежетание, очень напоминающее методичную работу отмычки. В мою дверь опять кто-то ломился! Я отступила на пару шагов, так чтобы меня увидели не сразу, и решила, что в случае чего стану защищаться раскаленной сковородкой. А в самом крайнем случае прыгну на подоконник и стану орать дурным голосом.

Взломщики первым делом ринулись в комнату, и оттуда послышалось невнятное бормотание.

Башмаки загрохотали где-то совсем рядом, я мертвой хваткой вцепилась в деревянную ручку сковороды, приготовившись к самообороне... Слава Всевышнему, к радикальным мерам прибегать не пришлось, потому что из-за двери осторожно высунулась продувная физиономия непревзойденного специалиста по рогам.

— О Господи, — сказал он со вздохом, — а я уже думал...

Что такое он думал, я так и не услышала, но догадалась. Он боялся меня не найти или найти вместо меня мой хладный труп, довольно молодой, хотя и не очень красивый и, не исключено, обезображенный гримасой предсмертного ужаса.

Убедившись, что я вполне жива, он сделал круглые глаза и глупо сказал:

— Здрасьте!

— Здрасьте, — ответила я и только теперь сообразила, до чего же я по-идиотски выгляжу в ночной сорочке и со сковородкой наперевес. Вот что бывает, когда чувство самосохранения побеждает все остальные. В полной мере осознав это обстоятельство, я с грохотом уронила сковородку на плитку и рысью понеслась в ванную. Там я получила сомнительное удовольствие полюбоваться на свое отражение в зеркале, не добавившее мне оптимизма. Сам виноват, не будет в другой раз вваливаться без приглашения...

— Ань, ты меня извини, я думал... — виновато поскребся в запертую дверь Паша-детектив.

Я назло ему включила воду и принялась так тщательно чистить зубы, что меня впору было показывать в рекламе. Пусть теперь подождет, хам беспросветный!

Кое-как приведя себя в порядок и натянув поверх сорочки махровый халат, который обычно надеваю после купания, я села на край ванны и тупо уставилась в кафельную стену. Было от чего загрустить: кажется, по милости этого обалдуя я опять оставалась голодной. Ну это уж слишком, так долго и язву схлопотать! Просто все условия для этого: во-первых, крайне нерегулярное питание, во-вторых, нервная обстановка. А там только успевай на лекарства зарабатывать. О новой стиральной машине, во всяком случае, точно придется забыть. Кстати о работе, меня того и гляди уволят за прогулы!

— Анюта! — жалобно закусил под дверью Па-

вел. — Что делать со сковородкой-то? Уже подгорает...

Я и сама уже ощущала распространявшийся по квартире запах горящего масла. Ну и балбес, не может даже газ выключить!

Фурией вылетев из ванной, я завернула кран включенной конфорки, а заодно отметила, что за время моего отсутствия на кухне список действующих лиц несколько расширился. За счет Шутова. После чего с нескрываемой ненавистью посмотрела на него и как бы невзначай поинтересовалась:

— Ну что, где наручники?

— Какие еще наручники? — обалдели эти двое.

— Обыкновенные, с помощью которых усмиряют опасных рецидивистов.

— Но... — пробормотал Шутов, но я уже вошла в раж:

— А что тут удивительного? Вы же без конца ко мне вламываетесь без приглашения, допытываетесь... Разве у вас до сих пор нет доказательств, что я зверски убила Маргариту? Тогда вы из рук вон плохо работаете!

— Да успокойтесь вы, — буркнул Шутов, заметно покрасневший, — ваша подруга жива, а потому никто вас ни в чем не подозревает.

Как вы понимаете, у меня в запасе было еще немало «ласковых» слов в его адрес, но последнее сообщение несколько остудило мой пыл. Я запнулась, отмотала назад пленку вчерашних событий и спросила с робкой надеждой в голосе:

— Вы нашли Маргариту?

— Нашли, нашли, — миролюбиво подтвердил Шутов, — с вашей помощью и с помощью... этого

молодого человека. — Он без особенной сентиментальности во взоре покосился на специалиста по рогам.

Я опустилась на табурет и перевела дух:

— И где... где же она?

— Ну... пока в больнице, — Шутов предвосхитил мой следующий вопрос. — Да нет, вы не думайте, с ней ничего страшного, просто нервный шок. Но врачи говорят, уже завтра она может вернуться домой.

Я взглянула на Быстрова, тот прямо лучился от счастья. Я же все еще никак не могла поверить, что все кончилось. Только по этой причине я начала повторяться:

— Так... вы ее нашли?

Теперь уже Быстров добровольно взвалил на себя тяжкое бремя разъяснительной работы.

— Ну конечно, нашли. Это ты вчера подсказала мне, где ее искать. Ну, заметку о пропавшем банкире помнишь?

Я кивнула.

— Так вот, в нем, как оказалось, и причина, точнее, в деньгах, которые он прикарманил. У твоей Маргариты были с этим Садовниковым отношения определенного рода... Ну, в общем, кое-кто решил, что она может знать, куда он девался...

— Лысый? — вскрикнула я.

— Ну, Лысый был всего лишь исполнителем, а за ним стоял кое-кто покруче, так называемый очень большой человек... — Шутов не очень ласково зыркнул на Быстрова, и тот добавил: — Думаю, какое-то время он еще будет фигурировать исключительно под этим именем, даже несмотря на то, что сам он сейчас в морге. Уж очень серьезные

интересы тут затронуты. Да тебе, собственно, какая разница, кто он?

Тут он был прав, меня вполне устраивала формулировка «очень большой человек». Главное, что Маргарита теперь в безопасности, а меня никто не подозревает в ее убийстве.

Я кинула в сторону Шутова торжествующий взор:

— Ну что, теперь вы, надеюсь, убедились, что я не только не убийца, но и не городская сумасшедшая?

Тот смиренно развел руками:

— Ох, Анна Николаевна, да что вы в самом деле меня смущаете? Сами понимаете, работа у меня такая... И к тому же эта история с тремя трупами, превратившимися в трех живых бомжей... Это уже потом, когда они нашлись...

Я даже захлопала в ладоши:

— Так, значит, трупы все-таки были?!

— Ну да, — отозвался Быстров, — их закопали в лесу совсем неподалеку. Мой приятель лесник нашел.

Я немного порадовалась счастливому обретению пропавших трупов, как это ни кощунственно звучит, а потом осведомилась:

— И кто же, интересно, их закопал? Убийцы?

Мне стало даже как-то нехорошо от собственного предположения. Подумать только, убийцы были где-то совсем рядом, когда я мыкалась ночью по сугробам в поисках дороги.

— Да нет, не убийцы, — возразил Паша, — их закопали свои, понимая, что ты можешь вывести на этот дом милицию. Вот они и устроили спектакль с пьяными бомжами.

— А убили их, выходит, тоже свои? — подивилась я суровым нравам, царящим в преступной среде.

— Нет, убили их представители конкурирующей группировки. Ну, у них такое бывает. Налетели, замочили — волчьи законы. Это теперь товарищу Шутову лишняя головная боль разбираться, с кем и что именно они там не поделили. Работа у него такая... А по мне, например, чем чаще они друг в дружку палят, тем лучше, — сообщил сияющий Быстров.

Шутов не удержался и тихо добавил:

— По мне тоже.

Конечно, здесь, на моей кухне, вдали от вышестоящего начальства и широкой общественности, он мог себе позволить столь вольнолюбивые суждения. Во всех остальных случаях ему наверняка приходилось цитировать Уголовный кодекс.

Быстров тем временем развивал свою мысль:

— Сама видишь, в данном случае их разборки пришлись нам очень даже кстати. Мало того, что тремя негодями меньше стало, так еще и тебе благодаря этому удалось убежать. А так еще неизвестно, чем бы все закончилось. Кроме того, тот самый дом с бомжами... Этот дом принадлежал крупному чиновнику из областной администрации, фактическому владельцу «Бонд-банка», президент которого Садовников...

— Достаточно, — звонко хлопнул ладонью по столешнице Шутов.

Но я и так уже все поняла и продолжила вместо Быстрова:

— ...президент которого Садовников сбежал с украденными у акционеров деньгами... Очень боль-

шой человек, ну, этот чиновник стал его искать, а нашел только труп на свалке... Еще он искал Маргариту, потому что у нее был роман с банкиром и она могла что-нибудь знать. А я... я просто случайно попалась им под горячую руку. А деньги-то хоть вернули?

Паша-детектив усмехнулся:

— Ты что думаешь, что эти деньги у него в чемодане под кроватью? Деньги уже давно в каком-нибудь заграничном банке.

— В швейцарском? — вскрикнула я. Меня переполнял азарт прозрения.

— Да хоть бы и в швейцарском, — отмахнулся Быстров, — теперь до них в любом случае не добраться.

Мы помолчали. Не знаю, о чем думали Шутов с Быстровым, а я взгрустнула о печальной участи родного отечества, которое грабит каждый кому не лень. А оно потом от расстройства сдирает три шкуры с законопослушных граждан вроде меня, чтобы хоть как-то залатать дыры в карманах. А много ли с меня лично сдерешь?

Страхнув с себя меланхолию, я поинтересовалась участием Лысого.

Ответил мне Шутов:

— А вот что касается Лысого и прочих, то здесь нам понадобится ваша помощь. Вам придется принять участие в опознании. Правда, большинство из них были убиты при захвате. Так что собирайтесь, Анна Николаевна, поедem на опознание.

Я не стала долго ворчать и упрямыться, все-таки дело подходило к концу.

Теперь о Маргарите. Она вернулась домой на следующий день, бледная, притихшая и не очень похожая на саму себя. Мы с ней, против обыкновения, бросились в объятия друг другу и даже слегка всплакнули. Чанг в это время крутился у наших ног и радостно повизгивал.

Маргарита, потрясенная случившимся, была отзывчива и добродушна. Расчувствовавшись, она вознамерилась подарить мне чуть ли не весь свой гардероб. Можно сказать, я удержала ее от этого только невероятным усилием воли. Но пара симпатичных свитерков мне все же перепала. И все же самым главным моим приобретением была сама Маргарита, такая добрая, ласковая, домашняя, всяческими способами выражающая мне свою благоклонность. Я совершенно отказывалась верить, что это маленькое холодное сердце способно на настоящую привязанность, но выходило именно так.

Маргарита всхлипывала на моем плече, повторяя:

— Анютка, ты моя настоящая подружка, единственная, единственная...

Естественно, меня невозможно сильно распирало от счастья и гордости, а я демонстрировала свойственное тургеневским барышням великодушие:

— Да ладно тебе, да хватит... Ну ты бы на моем месте тоже сделала все возможное...

На сей счет, если уж положить руку на сердце, у меня имелись совершенно определенные сомнения, которые я как можно безжалостнее прогоняла прочь.

Излив энное количество слез, Маргарита поведала мне жуткую историю о том, как ее все-таки нашел Лысый, как ее избили и заперли и как она томила под замком и прощалась с жизнью, пока ее не освободил Шутов со товарищи.

Я не могла не воспользоваться подходящим случаем, чтобы не попенять ей на легкомыслие, в мягкой форме, разумеется:

— А все потому, что ты совершенно неразборчива в знакомствах... Если бы ты не встречалась с этим банкиром, ничего такого с тобой бы не произошло...

Маргарита снова ударилась в слезы:

— И тогда Хайкин остался бы в живых, и Мышка тоже...

Я снова стала ее утешать:

— Ну хватит, ты же не хотела... Ну не плачь, не плачь...

Потом мы устроили вечер добрых воспоминаний, в продолжение которого спасенная звезда то и дело шмыгала носом и убивалась по поводу ужасной участи своего продюсера. Видя такое ее раскаяние, я больше не допекала ее нравоучениями, хотя, конечно, она того стоила. Пришлось свести все к превратностям судьбы, не устающей подсовывать нам всякие бяки. Кстати, именно под этим соусом я и выдала историю с ботинком, просто так, чтобы отвлечь Маргариту от грустных мыслей.

Она и в самом деле перестала шмыгать носом и даже проявила интерес:

— И что ты сделала с этим башмаком?

— Да тут самое смешное... Его милиционеры увидели во время обыска и все удивлялись, почему

это в моей квартире один мужской ботинок. Кто-то даже назвал меня фетишисткой.

— Это еще что такое?

— Ну, решили, что я его храню как память о любимом мужчине...

— А-а, — протянула она, — а потом что?

— А потом его разодрал Чанг, и я выбросила его в мусор... Только там под стелькой была половинка стодолларовой купюры с написанными на ней цифрами.

— Ты ее тоже выбросила?

— Хотела, а потом сунула ее куда-то...

— Куда?

— Кажется, в книжный шкаф. А что?

Маргарита пожала плечами:

— Просто очень забавный случай. Половинка стодолларовой купюры под стелькой мужского ботинка, найденного на улице!

Я сочла своим долгом уточнить:

— Не просто так найденного, а на месте преступления...

— Преступления?

— Ну да, он же был на мертвеце, которого засунули в багажник «Жигулей». Я тогда даже на «02» звонила, но они мне не поверили.

— Прошу тебя, не говори мне больше о мертвецах!

И в самом деле, хорошо же я отвлекаю Маргариту от мрачных мыслей!

Я вскочила:

— Ладно, ты отдыхай, а мы с Чангом пойдем погуляем.

— А я пока посплю, — пробормотала Маргарита и громко зевнула.

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ОБЛАКО ДЛЯ ТУРГЕНЕВСКОЙ БАРЫШНИ

Мы гуляли с Чангом в скверике совсем как в старые добрые времена. Я подпирала спиной чахлую городскую березу, полный энергии Чанг бегал от дерева к дереву, ни одно не оставляя без внимания. Крупные снежинки медленно и торжественно падали сверху, покрывая свежие Чанговы отметины. Прохожих на улице почти не было, автомобили проезжали редко, я с удовольствием вдыхала чистый прохладный воздух и думала о том, что жизнь постепенно возвращается в привычное русло. И еще о том, что не такая уж она и тоскливая, моя жизнь... Ибо о головокружительных приключениях и острых ощущениях гораздо приятнее мечтать, а стоит с ними столкнуться в реальности, сразу начинаешь со слезой во взоре вспоминать прежнее спокойное и размеренное бытие. Между прочим, кто не верит, может проверить на себе. Если рискнет, конечно.

В общем, я наслаждалась вновь обретенным внутренним равновесием. Все стало на свои места. Авантюрная история получила логическое завершение, причем в лучших традициях жанра: порок наказан, справедливость восторжествовала. Гм-гм, насчет справедливости придется внести коррективы, она не то чтобы так уж однозначно восторжествовала, но все предпосылки к этому налицо. А главное — Маргарита, живая и здоровая, вернулась к многочисленным почитателям ее таланта, а заодно и к нам с Чангом. Я умилилась, вспомнив, как она рыдала на моем плече, повторяя: «Анюта,

подружка ты моя дорогая...», ну и так далее. Приятно думать, что не без моего непосредственного участия она наконец поняла, где истинные ценности, а где ложные. Думая так, я как бы росла в собственных глазах, а этот процесс, чтоб вы знали, обычно сопровождается очень приятными ощущениями. Если бы еще Чанг, время от времени подбегавший ко мне, не отвлекал меня от размышлений...

В общем, я провела в скверике не самые плохие минуты своей жизни, после чего, слегка продрогнув, решила, что было бы совсем неплохо вернуться домой, чтобы попить чайку у телевизора. Я позвала Чанга, и он немедленно явился на мой клич, видно, тоже проголодался. Вошли в дом, поднялись в лифте, я открыла дверь и... остолбенела! В квартире был жуткий кавардак, а ведь когда я ее покидала, она блистала образцово-показательным порядком. Но испугаться я не успела, потому что увидела Маргариту, сидящую на полу и перебирающую стопку старых журналов. Она была так увлечена своим занятием, что не обратила внимания на мое появление, и только визжание Чанга заставило ее поднять голову. Я встретила ее взгляд — неожиданно злой и раздраженный.

— Маргарита... — начала я, но она меня резко оборвала:

— Что рот раскрыла?

— Но...

Маргарита вскочила с колен и встала во весь рост: высокая, яркая, красивая. Крылья ее безупречного носа нервно трепетали, а знаменитые болатные огоньки в глазах разгорелись, как цыганские костры на ветру.

— Чего уставилась, блаженная идиотка?

— Ты что-то ищешь? — спросила я, чувствуя, как счастливое состояние внутреннего комфорта навечно покидает меня.

— Ищу, ищу... Где то, что было в ботинке?

— В ботинке? — Я лихорадочно соображала, зачем бы ей понадобилась эта дурацкая половинка стодолларовой купюры.

Маргарита разъярилась:

— Что ты повторяешь, как дебилка! Я тебя спрашиваю, где то, что лежало в ботинке, который ты подобрала на улице?

Конечно, мне было нисколько не жаль порванной купюры, тем более что на нее все равно ничего не купить, но такая постановка вопроса меня возмутила до глубины моей девичьей души. Сколько я настрадалась по милости Маргариты, а вместо благодарности услышала обидные политические клички «идиотка» и «дебилка». Любой бы на моем месте оскорбился!

— А можно узнать, зачем тебе это... ну, то, что было в ботинке?

— Не твое дело, — нагло заявила Маргарита и прикрикнула: — Долго я буду ждать!

Окрик задел меня за живое, и я решила проявить не свойственную мне прежде в отношениях с Маргаритой принципиальность:

— Ничего я тебе не дам, пока ты мне все не объяснишь!

С этими словами я демонстративно уселась на диван и, закинув ногу на ногу, приготовилась слушать Маргаритины объяснения, которых, впрочем, так и не дождалась. Ибо вместо того, чтобы поведать мне свою историю, она ни с того ни с

сего вцепилась мне в волосы. Я вскрикнула и невольно запрокинула голову, а Маргарита приблизилась ко мне свое красивое и хищное лицо и отчетливо произнесла:

— Быстро гони бумажку, иначе я тебе...

«Иначе что?» — подумала я и хотела было уже сказать вслух, но кто-то меня опередил.

— Иначе что? — раздалось за спиной.

Голос был какой-то знакомый. Я обернулась: у двери, картинно сложив руки на груди, стоял знаменитый «отмазчик», он же узкий специалист по рогам, он же Паша-детектив, он же Быстров. Сначала он улыбался, потом улыбка сползла с его лица, он как-то нервно дернулся и замер. Да, еще пробормотал:

— Спокойно, только спокойно...

— Вот именно! — с усмешкой подтвердила Маргарита.

После чего я повернула голову и от ужаса чуть не проглотила собственный язык. Маргарита держала в руке пистолет! Хоть и маленький, почти целиком скрывающийся в ее ладони, но вполне настоящий, по крайней мере, на мой непрофессиональный взгляд. Впрочем, судя по выражению лица Паши-детектива, у него тоже на этот счет если и были сомнения, то самые минимальные.

А Маргарита весьма убедительно повела пистолетом слева направо и твердо сказала:

— Первому, кто начнет геройствовать, достанется маленькая пулька калибра 5,6 миллиметра. Кстати, этого вполне достаточно, чтобы считать эту глупость последней в жизни.

— Кто бы сомневался! — отозвался Паша. —

Когда-то я знал пятерых, схлопотавших точно такие же пульки.

Пистолет в руке Маргариты чуть-чуть вздрогнул и остановил свой смертельный взгляд на разговорчивом детективе.

— А если не сомневаешься, то помалкивай, — пригрозила Маргарита, — и быстро сюда, садись на диван рядом с ней.

Быстров со вздохом последовал ее приказу и неохотно плюхнулся на диван, заодно поприветствовав меня:

— Добрый вечер!

В последнем я сильно сомневалась.

От Маргариты последовала следующая команда, предназначенная Быстрову:

— Что там у тебя в карманах? Быстро вытаскивай.

Он вывернул карманы, из правого вывалилась пачка «Орбита без сахара», из левого смятый носовой платок.

— Не густо, — заметила Маргарита, — что-то ты плохо подготовился, сыщик!

— Да, прокололся, — согласился он уныло, — бывает. Недооценил я вас, Маргарита Ивановна.

— Не ты один, — усмехнулась Маргарита.

— Это точно... — протянул Быстров.

Я наконец обрела дар речи и поинтересовалась у Маргариты дрожащим голосом:

— Маргарита, что ты делаешь? И вообще я не понимаю, что здесь происходит...

В ответ она молниеносно перевела зрачок пистолета на меня и хмыкнула:

— Что я делаю? Ничего особенного, всего лишь добиваюсь своей заветной цели.

— Цели? Какой?

Маргарита взревела, как милицейская сирена:

— О, как ты мне надоела! Быстро вставай с дивана и ищи купюру! Куда ты ее сунула, кретинка? Ты же сказала, что она в книжном шкафу под журналами!

— Да, она там лежала, — растерянно подтвердила я и посмотрела на разбросанное по полу содержимое книжного шкафа.

Маргарита пнула ногой книги и журналы и прошипела, как дикая кошка:

— Так почему я ее там не нашла?

— Не нашла? — повторила я, как заклинание.

Маргарита покрутила пистолетом в нескольких сантиметрах от моего носа и выпалила:

— Хватит изображать из себя окончательную идиотку. Быстро сюда бумажку, иначе я вас обоих прикончу.

Я снова потеряла дар речи, поэтому за меня вступился Паша:

— Слушай, чего ты от нее хочешь? Не видишь, что ли, она испугалась и от страха все забыла.

— Так пусть вспомнит!

— Если ты собираешься освежить ее память с помощью этой штуковины, то это бесполезно. Вряд ли она что-нибудь вспомнит.

Я поняла, что это был намек. Быстров предлагал мне тянуть время, и я воспользовалась его подсказкой. Прижала ладони к вискам, делая вид, что пытаюсь сосредоточиться. Потом пробормотала:

— Да... Кажется, я положила эту бумажку в шкаф, под журналы, но потом... я проверяла, на месте ли она, и могла ее куда-нибудь переложить...

— Куда? — заорала Маргарита, ее красивое лицо перекосилось от злости.

— Ну вот вы опять ее пугаете! — констатировал Паша. — Так она никогда не вспомнит, и вы не получите то, что вам нужно.

— А ты будешь очень рад? — огрызнулась Маргарита. — Как бы тебе не пришлось радоваться на том свете!

— Как Хайкину и Мышникову, например? Хотя сомнительно, чтобы они там сильно радовались.

Маргарита зыркнула на него, куснула пухлую нижнюю губу и еще крепче сжала в руке пистолет.

— Значит, ты и про это знаешь? — задумчиво проговорила она.

— Ага, — беззаботно подтвердил Быстров, — и про тех двоих из пип-шоу. И еще про банкира Садовникова.

— Да? — безо всякого выражения уточнила Маргарита.

— Одно не пойму, как это вы, Маргарита Ивановна, с ним так долухнулись: прикончили, не убедившись, что денежки в ваших руках?

Я сидела ни жива ни мертва и тихо соображала, что к чему. Если верить Быстрову, то Маргарита убила пятерых. Нет, не может быть! С другой стороны, в руках у нее пистолет, а это очень убедительный аргумент. И рука у нее, между прочим, не дрожала! А что, если она убьет заодно и нас с Быстрым? И это за все, что я для нее сделала! Нет, правильно мне говорили: подруг нужно выбирать тщательнее. Ладно, в следующий раз буду внимательнее, если, конечно, он будет — этот следующий раз.

— Маргарита, — прошептала я, — неужели же ты можешь...

— Могу, я все могу, — подтвердила она, — и лучше тебе не испытывать мое терпение. Где, где банкнота? Мне не до шуток, ты поняла?

— Где-то здесь, честное слово, где-то здесь была...

— Ищи! — прикрикнула Маргарита.

Я свалилась с дивана, рухнула на колени и стала ползать по полу и перебирать разбросанные книги и журналы. Куда, черт побери, и в самом деле подевалась эта разорванная стодолларовая купюра? Я же помню, что положила ее в шкаф! И пока я собирала пыль с полу подолом юбки, Маргарита стояла надо мной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Долго ты еще будешь копать?

— Да где-то здесь, где-то здесь... — Я судорожно перелистывала журнал.

А горе-детектив, сидевший на диване, тем временем разводил турусы на колесах, пытаясь уговорить Маргариту не делать опрометчивых поступков:

— Послушайте, Маргарита Ивановна, ну, получите вы эту рваную купюру, что это изменит? До денег вам при теперешних раскладах все равно не добраться.

— Заткнись, урод! — рявкнула Маргарита, которая, похоже, уже теряла контроль над собой.

Но Быстров не унимался:

— Я-то заткнусь, но разве от этого вам станет легче? Игра-то все равно проиграна.

— Как ты мне надоел, — прошипела Маргарита.

та, — ты что, пулю у меня выпрашиваешь? Хорошо, я тебя уважу и...

Она не успела договорить, потому что я вцепилась в ее правую шиколотку. Маргарита с грохотом и отчаянными ругательствами рухнула на пол, но того, на что я рассчитывала, не случилось. Несмотря на неожиданное падение, она продолжала сжимать в руке пистолет. Остальное произошло в мгновение ока: Быстров слетел с дивана и стал выкручивать ей руку. Раздался выстрел, Быстров, скривившись, схватился одной рукой за плечо, другой продолжая отнимать пистолет у коварной звезды шоу-бизнеса. Маргарита, сильная и упругая, изворачивалась и билась на полу, как акулий хвост... И еще неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы...

— Брось оружие! — раздался грозный окрик.

Я подняла глаза и увидела лейтенанта Шутова. В первый раз у меня появились основания радоваться его бесцеремонному визиту.

Что-то глухо упало на пол, и я поняла, что Маргарита выполнила его требование. Дальше все было, как в кино. На звездных Маргаритиных запястьях защелкнулись наручники. Откуда-то взялся врач, сразу же окруживший заботой и вниманием раненого Пашу. Тот морщился от боли, но, в общем-то, вел себя вполне пристойно и даже отпустил шуточку в адрес Шутова, озабоченного его здоровьем. Шуточка звучала так:

— Прощай, друг. А почему я не вижу скупой слезы, пробегающей по твоему мужественному лицу?

Тот ответил ему в тон:

— Еще успею нарыдаться на твоих похоронах...

Я отползла в сторону и прислонилась к стене. В этот момент на глаза мне попался уголок зеленоватой бумажки, который выглядывал из-под стопки бумаг. Это была та самая злополучная половинка стодолларовой банкноты.

* * *

А теперь, как вы понимаете, наступил момент все объяснить, тем более что и я сама наконец хоть что-то поняла. Но сначала я вас успокою: с Пашей-детективом ничего страшного не случилось, хотя кровожадная Маргарита и прострелила ему ключицу. Зато это обстоятельство позволило ему сделаться удивительно капризным и привередливым. Я каждый день таскалась к нему в больницу с фруктами и морсами. А он все поглощал с завидным аппетитом и жаловался на больничную скуку, несмотря на то что я снабжала его заодно и книжками из библиотеки. Слава Богу, на нем все заживало, как на собаке, а посему уже через две недели его выписали, и я избавилась от изнурительных обязанностей сиделки при умирающем. Зато он сам стал являться мне ежевечерне и часами просиживать на кухне, поглощая ведрами чай. У него обнаружились странные повадки и ужимки, которым трудно было найти удобоваримое объяснение. Такое ощущение, что он пытался развернуть передо мной невидимый павлиний хвост. К чему бы это, интересно?

Но хватит о нем. Я же обещала открыть все оставшиеся загадки. Тогда слушайте. Знаете, что за цифры были на банкноте, спрятанной под стелькой найденного мной мужского башмака, той

банкноте, которой так домогалась коварная Маргарита? Сядьте, если вы стоите, а если сидите, откиньтесь на спинку стула, чтобы не упасть: эти цифры представляли собой часть шифра от счета в швейцарском банке, где лежали те самые денежки, что прикарманил банкир Садовников, удачно ограбивший родной «Бонд-банк». Ограбил он его не самостоятельно, а с ведома одного из учредителей банка — «очень большого человека» из областной администрации, ну, того, что построил себе особнячок в заповеднике. Про этот особнячок вы, надеюсь, еще не забыли.

А теперь непосредственно о Маргарите. Так вот, Маргарита, с ее талантом окручивать мужчин, имела связь и с тем, и с другим. В ее характере было оставить с носом обоих, что она и проделала с присущими ей изобретательностью и безжалостностью. Так вот, она завлекла к себе бедолагу-банкира, который, буквально высунув язык, помчался на ее болотные огоньки, за что и поплатился. Впрочем, как выяснилось впоследствии, она слишком поторопилась его убить, а в результате осталась с трупом и половинкой банкноты с шифром. Где искать вторую половинку, она не знала, а тут еще проблема, куда деть труп. Тогда, чтобы вывезти покойника, она позвала на помощь Мышку, а тот, в свою очередь, тех двоих — охранника и кассира из пип-шоу. Кстати, им она наплела, что он сам ей угрожал. Между прочим, как раз сцену избавления от мертвого банкирского тела я невольно и подсмотрела, прогуливаясь с Чангом ни свет ни заря, и именно банкирский ботинок попал в мои руки.

Дальше — больше. Большой чиновник и Мар-

гаритин любовник по совместительству быстро сообразил, что банкир пропал не за здорово живешь. Ну вот, я дошла до самого ужасного. Когда меня по приказу «очень большого человека» затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении, вероломная Маргарита пронаблюдала эту процедуру из окна и быстро сообразила, как извлечь из сего печального для меня обстоятельства выгоду для себя. После известной потасовки с продюсерской женой, едва не нарушившей ее планы, она позвонила Семену Марковичу и измененным голосом сообщила о том, что якобы пала жертвой похищения. После чего спряталась у Мышки — уезжать из Москвы она не хотела, надеясь разгадать тайну шифра. Она так запуталась, что в конце концов не придумала ничего лучшего, чем устранить свидетелей одного за другим. Первым пал Мышка, догадавшийся, что бездыханное тело, вынесенное из Маргаритиной квартиры, принадлежало вовсе не сексуальному маньяку, а человеку, из-за которого милиция сбилась с ног. Потому-то он и решил встретиться с Быстрым, но не успел.

Остальное вы уже знаете. Ну разве что за исключением кое-каких подробностей. Например, о судьбе Чанга. Он теперь живет со мной и чувствует себя неплохо. Что касается Любаниного протеже — профессора, помещанного на барышнях с идеалами, то он вскорости уехал в свою Америку. Перед отъездом он посетил меня, чтобы заверить в лучших чувствах и сообщить, что всю оставшуюся жизнь он будет горд от одного факта близкого знакомства с настоящей тургеневской девушкой.

Ну вот и все. Точнее, почти все. Теперь я рас-

скажу вам самое главное. Однажды я, как обычно, возилась в фонде, укладывая книги в тележку, когда ко мне подбежала совершенно запыхавшаяся Любаниа с таким выражением лица, словно она только что наблюдала Кинг-Конга, пришедшего в нашу библиотеку за редким изданием.

— Ань, — прошептала она, — там... к тебе... там... Иди скорее, скорее... туда, туда... — Дыхание ее перехватило, и она только махнула рукой в сторону читального зала.

Я пошла посмотреть, что там стряслось, и остолбенела. Я увидела Небожителя в белом плаще, застенчиво переминавшегося с ноги на ногу. Заметив меня, он обрадовался, как ребенок, осветился трогательной беззащитной улыбкой и сказал:

— Ну наконец-то! А то я уже почти все библиотеки в Москве обошел!

Я почувствовала, как меня коснулось что-то нежное и пушистое. Мне ничего другого не оставалось — я легко взобралась на белое облако и беззаботно поплыла по небу, задевая макушкой звезды.

УЙТИ КРАСИВО

П О В Е С Т Ь

2874

AN 3491

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

Глава 1

Последнюю встречу с Ларисой Поздняков запомнил в мельчайших подробностях, что, впрочем, совершенно неудивительно: он привык собирать и бережно хранить в музее памяти все связанное с ней. Сначала раздался нервный, требовательный звонок в дверь, потом кто-то нетерпеливый для вящей убедительности еще пару раз глухо бухнул по дерматиону дверной обивки то ли кулаком, то ли и вовсе ногой. Задремавший под ровное бормотание телевизора Поздняков вздрогнул и посмотрел на настенные часы, стрелки которых уже вплотную подошлись к полуночи. Визитеры в подобное время — явление экстраординарное. Косолапо прошлепал стоптанными домашними туфлями через прихожую и сразу же щелкнул задвижкой замка, даже не попытавшись прежде поинтересоваться личностью незваного позднего гостя. В следующее мгновение в дверном проеме возникло нечто, совершенно поражающее воображение. Женщина в воздушном наряде из расписного шелка напоминала жар-птицу, заблудившуюся в трущобах.

— Добрый хозяин, — осведомилась жар-птица низким голосом с придыханием, — найдется ли у вас местечко, где бы уставшая путница смогла приклонить свою... свою пьяную голову?

За этой многообещающей тирадой последовал

прямо-таки вулканический взрыв задорного смеха на грани истерики, и в его неловкие объятия упала Лариса Кривцова собственной персоной. Сама она была совершенно невесомой, зато бутылка шампанского, горлышко которой она сжимала в руке, как повстанец древко знамени, больно ткнулась Позднякову под ребро.

Николай Степанович бережно отбуксировал драгоценную ношу в комнату, усадил на диван и наконец с тревогой заглянул в ее глаза, всегда удивлявшие его способностью по несколько раз на дню менять цвет. Сейчас они были непроницаемо черными, только где-то в самой глубине зрачка дрожал отраженный свет настольной лампы.

— Что-нибудь случилось? — осведомился он с тревогой.

В ответ она водрузила бутылку-флаг на журнальный столик:

— Что ты раскудахтался, как квочка, я просто-напросто гуляю.

— Квочки не кудахчут, — поправил он с улыбкой.

— Какая разница, — отмахнулась Лариса, — кудахчут или нет... Тоже мне специалист...

Позднякову и самому было глубоко наплевать на всех квочек на свете, главное — он видел Ларису, мог вдыхать аромат ее терпких духов — какого-то удивительного коктейля из запахов свежескошенной травы и талого снега, — а при желании даже прикоснуться к ее тонкой руке, выпроставшейся из рукава диковинного наряда. Откуда, интересно, она объявилась в таком виде?

Лариса не заставила себя ждать с объяснениями.

— Знаешь, я с одной модной премьеры... Скука

страшная, публика примелькавшаяся, обычный глупый междусобойчик с фуршетом.

— Там и нафуршетилась, — заметил Поздняков. До него уже доходили слухи о том, что Лариса в последнее время не отказывает себе в удовольствии расслабиться традиционным народным способом.

— Имею право, — отозвалась она. — Я женщина независимая и состоятельная. Со-сто-я-тель-ная, — повторила она по слогам и добавила с вызовом в голосе: — Могу я, в конце концов, отдохнуть после трудов праведных? Или нет?

— Имеешь, имеешь, — поспешно заверил Поздняков.

— Тогда тащи бокалы.

Поздняков со вздохом открыл стеклянную дверцу шкафа. Пить в такое время в его планы никак не входило, но отказать Ларисе было выше сил. В конце концов, она появлялась далеко не каждый день и даже не каждый год. Эта чудесная птичка залетала к нему настолько редко, что он торопился выполнить малейшее ее желание.

Он откупорил бутылку, разлил по бокалам искрящуюся жидкость и провозгласил дежурный тост:

— За встречу!

— Фи, какой скучный, — наморщила нос Лариса. — Тебе бы как раз и ходить на презентации с фуршетами, там все такие. И шампанское пить до сих пор не научился, — прокомментировала она, наблюдая, как он залпом опорожнил свой бокал, точно водку. — Шампанское пьют медленно, под неторопливую дружескую беседу. Вот я буду пить его вместе с твоим теплом.

Она поднесла свой бокал к губам, пригубила

шампанского и задумалась. Такое впечатление, что она была одновременно и рядом с ним, и где-то далеко. Поздняков исподтишка рассматривал ее. Как это ни печально, с ее лицом происходили отнюдь не волшебные изменения, пусть менее заметные и разрушительные, чем на его собственном лице, но все же... Если другие женщины после сорока оплывали, точно свечи под утро, Лариса, напротив, худела; заострившиеся черты ее лица стали жестче и отчетливее, она все больше и больше походила на постаревшего мальчика. Тем не менее он по-прежнему находил ее прекрасной, впрочем, могли ли он быть по отношению к ней объективным?

— Что. я сильно постарела? — спросила она неожиданно, глядя в сторону, и продолжала медленно потягивать шампанское.

— Что ты? Совсем нисколько, — поспешил он заверить ее.

— Понятно, понятно... Ты же смотришь на меня почти как на родственницу, а родственников любят, несмотря ни на что — склочный характер и бородавка на носу не в счет.

— У тебя же нет никакой бородавки, — недоуменно произнес Поздняков.

— Да я так, к примеру. — Лариса протянула руку к бутылке.

Поздняков опередил ее и снова наполнил шампанским ее бокал. Убеждать ее больше не пить он был не в силах.

— Хочешь узнать, с какой радости я пью? — Она зашуршала своим шелковым одеянием, поудобнее устраиваясь на диване. — Спешу сообщить: у меня все з-замечательно. Шлепаю по десять листов в месяц, хотя — здесь есть чем гордиться — в кило-

байтники я по-прежнему не тороплюсь записываться, пишу на клочках, можно сказать, на манжетах, а эту ужасную штуковину, в которой буквы прыгают, как чертики... ну, компьютер... покупать не собираюсь. Из-под этих дурацких кнопок ничего путного не выйдет. Во всяком случае, у меня... А может, это просто суеверие, боюсь исписаться. Мне почему-то кажется, пока я с грехом пополам выстукиваю на своей старенькой машинке единственный экземпляр с опечатками и исправлениями, удача меня не покинет. В общем, в любой работе должен оставаться момент романтики, иначе дело швах. Ужасно боюсь, что однажды начну сама себя цитировать... А вдруг я и вправду уже исписалась, как ты думаешь?

Ах, вот в чем дело, кажется, у нее творческий кризис. Поздняков слышал, что у писателей нечто подобное случается довольно часто.

— Ты же знаешь, что я всегда был без ума от твоих романов.

— Вот именно, — вздохнула она. — Ты всегда и во всем был ко мне не объективен.

Поздняков решил, что с ней что-то произошло, это однозначно, если использовать модное слово. Но выпытывать бесполезно. Захочет — сама скажет, не захочет — хоть иголки под ногти загоняй, — будет отделяться черным юмором. Уж кого-кого, а Ларису Кривцову он как-нибудь изучил.

— Скажи, Поздняков, ты тоже считаешь меня стервой?

А вот это уже нечто новенькое. Прежде, сколько он помнил, комплексом вины она не страдала!

— Почему это я должен считать тебя стервой? — осторожно поинтересовался Николай Степанович.

— Ну... тебе я тоже подлянок наделала достаточно. Ты что, забыл, что я тебя бросила?

— Ах, вот ты о чем! Все уже давно быльем поросло.

Она посмотрела на него с интересом:

— Ну ты святой или... или ты никогда меня не любил!

Поздняков рассмеялся.

— Вот уж женская логика, ничего не скажешь. Так кто же, в конце концов, кого бросил: ты меня или я тебя?

Рука, в которой она держала бокал, дрогнула, и шампанское пролилось на платье, но Лариса этого даже не заметила. Она и пришла к нему здорово навеселе, а теперь, когда она добавила шампанского на старые дрожжи, ее совсем развезло. Маленькая птичка под названием «нежность» села Позднякову на плечо и выпустила свои крохотные остренькие коготочки.

— Скажи мне все-таки, что с тобой происходит? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

— Со мной происходит, со мною происходит... — пробормотала она, роняя голову на грудь. — Наверное, я просто... Ты веришь, что каждому воздастся? — Лариса вскинула голову и посмотрела ему в глаза. — У меня такое чувство, что именно это со мной и происходит — мне воздается по заслугам. Я много грешила, много интриговала, воспринимала жизнь как игру. Стоит ли удивляться, что я в этой игре проиграла? Главное, главное... я и сама знала, что далеко не ангел. Конечно, я взбалмошная, резкая, но никогда не думала, что меня будут так ненавидеть...

— Кто тебя ненавидит? — воскликнул Поздняков.

— Все, все, кроме тебя. А я-то возомнила себя священной коровой, надо же! Прочитала пару хвалебных отзывов о себе, добилась высоких гонораров и решила, что перешла рубикон, за которым остались печали и неудачи, а впереди — только манна небесная. А она, между прочим, не бесплатная... Почему манна небесная для модной писательницы Ларисы Кривцовой? Ох, дорого!

Она говорила пылко и малопонятно, отчаянно жестикулируя и щедро расплескивая шампанское.

— А знаешь, какая самая главная моя глупость? Хочешь, скажу? Теперь уже можно.

Поздняков кивнул, осторожно придерживая ее руку с бокалом.

— Главная моя глупость... нет, ошибка в том, что я не осталась с тобой! — торжественно провозгласила она.

— Так в чем же дело, оставайся теперь, — предложил он скорее в шутку, понимая, что в ней скорее всего говорило выпитое вино, а не чувство. — Куда ты пойдешь, уже второй час ночи, — он мог бы добавить: и в таком состоянии — но пощадил ее самолюбие.

— Соблазняешь, старый сыщик? — погрозила она пальцем и добавила бесшабашно: — А, пожалуй, я и впрямь останусь. Торопиться мне некуда, дома, чай, не семеро по лавкам, а даже наоборот. — Тут она опять погрузилась. — Знаешь, сегодня я одна не засну. Чего доброго пойду искать приключений на свою грешную, пьяную голову, либо... либо...

— Вот и отлично, отлично! — подхватил Поздняков. — Если, конечно, моя компания тебя устроит... Развлечений, правда, особых обещать не

могу, зато предлагаю этот диван. Сейчас принесу свежее белье, — засуетился он.

Лариса его удержала, неожиданно крепко вцепившись в рукав его рубашки тоненькими пальчиками:

— Постой, постой...

Поздняков снова сел, а она положила свое маленькое, остренькое личико постаревшего мальчика ему на грудь и горячо задышала в лицо:

— Если со мной что-нибудь случится, если я внезапно умру, не оставляй этого так, не смирайся, как все, не успокаивайся, не останавливайся на паре скупых мужских слез и красной розе со сломанным стеблем... Постой, постой, дослушай до конца... Пожалуйста, не соглашайся с моей смертью, люби меня и дальше, иначе все бессмысленно...

Поздняков погладил ее жесткие от лака волосы. Лариса была тщательно причесана — волосок к волоску.

— Ну что еще за разговоры о смерти?

— Считаю, что я тебя наняла частным детективом на случай собственной неожиданной смерти, — хохотнула она, как всегда, непредсказуемая — разговоры о смерти сквозь смех? Но когда она подняла лицо, в глазах у нее стояли слезы.

Поздняков, порядком обеспокоенный, попытался ее успокоить, но Лариса неожиданно потеряла всякий интерес к теме собственной смерти.

— Хочу спать, — заявила она тоном капризного ребенка. — Могу я, кстати, принять душ?

— Разумеется. Тебя проводить?

— Вот еще, — усмехнулась Лариса, — как-нибудь сама дорогу найду. — Она встала и, пошатываясь, двинулась из комнаты, ступая по паркету

ногами, обтянутыми чулками, с маленькой изящной ступней.

Пока Лариса оставалась в ванной, Поздняков курил на кухне у приоткрытого окна. Если бы кто-нибудь спросил его, что он чувствовал, он бы только неопределенно пожал плечами. В одинокой жизни Николая Степановича Позднякова Лариса Кривцова была чем-то вроде стихии, как, например, зной или ураган, — явлением, не поддающимся корректировке. Сегодня свалилась точно снег на голову; завтра, подобно тому же снегу, растаяла в эфире недосыгаемости. Все, что он мог, это принимать ее необъяснимость со стойкостью истинно верующего.

Приняв душ, она буквально рухнула на диван и сразу же заснула. Поздняков посидел рядом с ней, послушал спокойное дыхание, поправил одеяло и решил, что, пожалуй, ему тоже пора на боковую. Когда он уже выключил настольную лампу, Лариса неожиданно сказала:

— Уходишь, старый сыщик? Неужели ты меня больше не хочешь?

Поздняков с полминуты тихо постоял и вышел из комнаты. То, что он испытывал к Ларисе, давно уже находилось за пределами всяческих страстей и желаний.

— Ну, беги, беги, заяц или кролик, — крикнула она ему вслед. — Тебе легко, ты всегда жил, не вылезая из собственной скорлупы. Небось даже не знаешь, что такое комплекс Сальери...

Утром Лариса выглядела вялой и была неразговорчивой, отказалась от завтрака; предложенную Поздняковым рюмку тоже не приняла, что принесло ему тихую тайную радость. Сухо попрощалась.

— Подожди, — сказал ей Поздняков, — сейчас

выгону из гаража машину и отвезу тебя куда скажешь.

— Не надо, — отмахнулась она, — я быстрее поймаю такси.

Громкий хлопок входной двери, усиленный сквозняком — душное июльское утро обещало нещадную жару к полудню, — и вот она была уже внизу, на асфальте, почти нереальная в своем обычном платье. Взвизгнули тормоза — остановился автомобиль, и все: Лариса словно и не переступала его порога.

— Ну что же, — Поздняков прогнал печаль мудрой улыбкой, — она еще как-нибудь заглянет на огонек.

О том, что она однажды останется здесь навсегда, он уже давно не мечтал.

* * *

Лариса Кривцова возникла в жизни Николая Степановича Позднякова двадцать пять лет назад — подумать только, какая цифра! Он только начинал работать следователем в Подмоскovie, а она и вовсе была зеленой студенточкой Литинститута. Знакомство состоялось в лучших традициях жанра. Молодому сыщику Позднякову начальство поручило разобраться в обстоятельствах гибели литературного критика Рунцевича, произошедшей в загородном Доме творчества писателей. Разбираться, правда, там было особенно не в чем — несчастный попросту свернул себе шею, неудачно выпав по пьяной лавочке с балкона своего номера на четвертом этаже, что и подтвердили многочисленные свидетели. А Лариса Кривцова, стройная двадцатилетняя девушка с трогательными ямочка-

ми на щеках, как раз и оказалась главной свидетельницей.

Поначалу их отношения трудно было назвать романтическими. Поздняков хорошо запомнил ее испуганной, шмыгающей покрасневшим носиком, в каком-то дурацком коротеньком халатике, выставляющем напоказ покрытые зябкими мурашками коленки. Он брал у нее показания на месте происшествия, в десяти шагах от распростертого на асфальтовой дорожке трупа. Девчонка-свидетельница ошалело таращила огромные глаза-блюдца на мертвеца и сбивчиво, дрожащим голоском отвечала на вопросы двадцатисемилетнего Николая Позднякова, который был уже достаточно тертым калачом, чтобы понимать, в каком качестве она весело проводила время в элитном заведении. Разумеется, ее захватил с собой кто-нибудь из маститых, чтобы не скучать в кругу себе подобных. Стоит ли говорить, что она вызывала у него не то чтобы антипатию, скорее — брезгливость. А потом родилось чувство, осеняющее его жизнь и теперь, спустя четверть века.

Он затем пару раз вызывал ее в свой кабинет в районном УВД, куда она являлась уже не в куцем халатике, а в хорошеньком платице, обнажавшем отнюдь не покрытые мурашками коленки, а стройные, длинные ножки. Белокурые волосы до плеч обрамляли ее чистое, как пасхальное яичко, свежее личико с поразительно ясными, ничем не замутненными глазами. Поздняков влюбился в Ларису огчаянно, до полного самоотречения, а ведь считал себя тогда вполне обстрелянным по женской части и даже слыл в кругу приятелей удачливым ходоком. Просто в те времена это была не женщи-

на, а сгусток космической энергии, именно космической, потому что ни одно земное существо или иная материальная субстанция не могли сочетать в себе столько разнополюсных и даже взаимоотталкивающих качеств. Впрочем, нечто космическое, как предполагал Поздняков, присутствовало в ней и до сих пор.

В конце концов дело о смерти гражданина Рунцевича Г. С. было закрыто за отсутствием состава преступления, а отношения Позднякова и Ларисы приобрели весьма недвусмысленный характер и зашли так далеко, что они даже подали заявление в загс. А дальше шилось белое платье, а счастливый жених добыл себе по заветному благу черный костюм-тройку импортного производства. Милицейское начальство грозилось вручить молодым сразу после регистрации ключи от отдельной квартиры, но вот незадача — вероломная невеста упорхнула чуть ли не из-под венца. Укатила в Сибирь с группой писателей в так называемую творческую командировку, уже постфактум прислала коротенькое невразумительное письмо, в котором именovala свое вероломство благоразумием, поскольку у них бы все равно ничего не получилось. С горя Поздняков пил целую неделю. Сначала он ее ненавидел, потом искал скрытые причины случившегося, вспоминал встречи и разговоры, стараясь вычислить то самое опрометчиво сказанное им слово, что отвратило от него Ларису. Потом, когда она вернулась в Москву, долго надоедал ей, подкарауливая у Литинститута. Она страдальчески морщила чистый лобик и говорила:

— Поздняков, милый, ну все, все. Пойми ты это наконец и живи своей жизнью.

Он же, в недавнем прошлом ходок и сердцеед,

пытался разгадать в ее ясных, радостных глазах какую-нибудь загадку.

А время шло себе и шло, Поздняков постепенно не то чтобы смирялся, скорее привыкал к своей боли, пытался, как мог, жить своей жизнью, издали продолжая следить за жизнью Ларисы, складывавшейся по всем внешним признакам более чем удачно. Очень скоро она вышла замуж за знаменитого легкоатлета — олимпийского чемпиона Михаила Ковтуна, широкая белозубая улыбка которого не сходила со страниц газет и с экранов телевизоров, вызывая у ревнивца Позднякова зубовой скрежет. Потом он увидел в книжном магазине ее первую, скромно изданную повесть. Лариса бесхитростно, как и в жизни, улыбалась с титульного листа. Под ее фотографией помещалось похвальное слово начинающему автору за подписью одного из маститых. Книжку Поздняков, конечно, купил, положив начало уже довольно обширной библиотеке, занимающей две полки в шкафу, где ныне собрано все, написанное известной писательницей Ларисой Кривцовой.

С легкоатлетом Лариса прожила лет пять. В хронологическом порядке это выглядело так: замужество, первая книжка, потом вторая, затем серьезная травма у Ковтуна — он повредил коленную чашечку и перестал участвовать в соревнованиях. Исчезла его победная олимпийская улыбка со страниц газет, пошли слухи о его страшных запоях и, наконец, об их с Ларисой разводе. Позднякова как раз перевели в Москву — его служебное рвение, которым он пытался заглушить сердечную боль, начальство заметило и оценило по заслугам. Но он даже смел тениить себя надеждами на возобновление отношений с Ларисой. Не очень-то та-

лантливо он организовал как бы случайную встречу с ней возле редакции какого-то журнала, в котором она регулярно печаталась. Лариса обрадовалась, кинулась ему на шею, зашебетала: «Поздняков, миленький!» Дала ему свой телефон, взяла с него обещание не пропадать (как будто он куда-то пропадал), но дальше звонков и редких чисто дружеских свиданий дело не пошло.

Когда Лариса вышла замуж во второй раз, в Позднякове ни с того ни с сего заговорило пресловутое чувство собственного достоинства, и он очертя голову женился. Из этого скороспелого брака, разумеется, ничего путного не вышло. Вроде бы и женщина была хорошая, порядочная, хозяйственная, избаловавшая его вареньями и соленьями, а ему все было что-то не так и не этак. Может, потому, что он с самого начала рассматривал свою семейную жизнь в качестве своего рода ответа Ларисе? В общем, вскорости у него с женой жизнь пошла наперекосяк, а последней каплей в этой чаше отчаяния оказалась случайно брошенная экономной благоверной, упорно копившей деньги на машину, фраза:

— И зачем ты столько денег на всякое барахло тратишь?

Несчастливая! Лучше бы она этого не произносила! Она осмелилась назвать барахлом очередной купленный Поздняковым Ларисин шедевр! Стоит ли уточнять, что последовало за опрометчиво сказанной фразой? Конечно же, развод!

А вот Лариса, в отличие от Позднякова, разрывать священные узы своего второго брака не торопилась. Ее новый суженый-ряженый опять же не сходил с телеэкранов, поскольку был популярным телеведущим. Его благополучная и смазливая

рожа действовала Позднякову на нервы нисколько не меньше, чем выставленный прежде на всеобщий обзор белозубый легкоатлет. Правда, очень скоро сведущие люди стали поговаривать, что «сладкая парочка» держится только на обоюдовыгодном соглашении и супруги вовсю крутят шашни за спиной друг у друга. Признаться, эти отнюдь не бесспорные сведения представлялись для Позднякова не слишком утешительными. Если бы она хотя бы крутила эти самые шашни с ним, а то с какими-то неизвестными ему счастливицами. С ним же она по-прежнему изредка перезванивалась. Тогда же Лариса взяла себе за моду приблизительно раз в год заявляться к нему без приглашения: поболтать о том о сем, посплетничать, поделиться воспоминаниями, не затрагивая провозглашенных ею табу. При этом она устанавливала между собой и Поздняковым невидимую дистанцию, при одном приближении к которой его словно бы ударило током. А он успел смириться настолько, что даже не пытался оспаривать ни табу, ни границ, довольствуясь уже тем, что мог иногда ее видеть, наблюдать происходящие в ней изменения и говорить с ней запросто на правах старого приятеля.

С телевизионщиком она также не ужилась, хотя они и протянули под одной крышей почти десять лет. Кто оказался инициатором развода, неизвестно, зато друзья семьи потом долго шептались, что отчаянная Лариса умудрилась каким-то чудесным образом обобрать своего далеко не бедного экс-супруга до нитки, оставив за собой и шикарную квартиру с евроремонтом в центре Москвы, и большую дачу в подмосковной Хохловке, и подземный гараж, и новенький «Ниссан». «Деньги — к деньгам», — говаривали доброжелатели,

намекая на Ларисины якобы астрономические гонорары за детективные романы, которые она выпекала едва ли не ежемесячно и которые у нее получались такими складными и захватывающими, что расхватывались благодарными читателями буквально с пылу с жару.

Последние два года она так и оставалась незамужней, как-то обмолвившись, что завязала с экспериментами на семейной ниве. Какую-то личную жизнь она, безусловно, вела, но это обстоятельство больше не беспокоило Позднякова в той степени, что прежде. В каком-то смысле их отношения и впрямь перешли в разряд вроде как бы родственных, а, как ни крути, это было все-таки лучше, чем ничего. Справедливости ради следует отметить, что Лариса вносила в их трогательную дружбу момент здорового меркантилизма: она частенько использовала любопытные случаи из его практики следователя для своих детективов. Он не возражал...

Странно было бы искать во внезапном Ларисином явлении накануне нечто сверхъестественное, если бы не эти странные разговоры о смерти и приступы несвойственного ей доселе самобичевания. Но Поздняков склонялся к тому, чтобы считать подобное поведение очередной фазой ее стремительного и необъяснимого развития. Или же — что выглядело много прозаичнее — признаком неумолимо надвигающейся старости.

Как бы то ни было, конец недели складывался для него вполне удачно. Во-первых, любая встреча с Ларисой всегда заряжала его радостью; во-вторых, к обеду за ним обещал заехать закадычный дружок, чтобы вместе отправиться на давно условленную и многократно обговоренную рыбалку.

Что ни говори, а в пенсионной жизни бывшего сыщика Николая Степановича Позднякова имелись свои привлекательные стороны и даже явные преимущества. Впрочем, пенсионером в полном смысле он еще не был, но следователем уже не работал — ушел по выслуге лет и стал юрисконсультом в одной частной фирме. А что ему еще оставалось — безутешному ветерану?

Не исключено, что он до сих пор довольствовался бы романтикой, наполняющей до краев жизнь следователя, если бы не тот трагический случай, о котором он старался не вспоминать. Это был один из первых прецедентов бытового терроризма с захватом в заложники детей и женщин. Один из уже проходивших у Позднякова уголовников продержал в течение суток на мушке обреза собственную семью. Поздняков вызвался сыграть роль благородного посредника — уж очень ему не хотелось, чтобы омоновцы при захвате расстреляли глупого парня. Результат — незадачливого террориста обезвредили без единого выстрела, а вот Поздняков успел-таки схватить свою пулю в бедро, да так неудачно, что полгода валялся по госпиталям и в конце концов заработал инвалидность.

Череду неторопливых воспоминаний прервал свисток вскипевшего чайника. Поздняков заварил кофе и посмотрел на часы: с минуты на минуту должен был подъехать его давний, закадычный приятель Лешка Дубов. Лешкой заместитель генерального директора крупного столичного завода Алексей Матвеевич Дубов оставался, пожалуй, только для Позднякова и своей собственной супруги, рассудительной и хлебосольной дамы, у которой имелся один-единственный недостаток — она выглядела заслуженной пенсионеркой, и ни-

какие косметические ухищрения не позволяли ей сбросить хотя бы годик. С Дубовым Поздняков знался уже лет тридцать, и познакомились они там же, в Подмоскovie, где оба начинали, один — сыщиком, другой — инженером. Кстати, именно Дубову в свое время поручалась почетная роль свидетеля на несостоявшейся свадьбе Позднякова и Ларисы, Лешке тогда тоже не пришлось покрасоваться в парадном костюме...

— Ты готов, что ли? — первым делом пробурчал Дубов с порога.

Поздняков послушно прихватил сумку, с вечера приготовленные удочки и резво, слегка прихрамывая на простреленную ногу, вышел из квартиры.

* * *

Рыбалка прошла на высшем уровне, поскольку приятели, как у них было принято всегда, не ставили себе целью наловить побольше лещей или плотвы, а всего лишь стремились отдохнуть на природе. Что для этого нужно? Костерок у реки, неторопливые мирные беседы о политике под бутылочку водки и наскоро сварганенную уху и полное отсутствие связи с внешним миром.

Домой возвращались в понедельник вечером — у Дубова был первый день законного отпуска, а Поздняков загодя отпросился у своего сверхлиберального начальства. Под тихо накрапывающим теплым дождиком Дубов, как обычно, осторожно вел машину, а Поздняков от нечего делать крутил ручку радиоприемника.

«...Это моя любовь, это моя любовь, что растекается в твоей крови, как доза героина», — надры-

вался в модном шлягере чувственный женский голос.

— Черт знает что! — проворчал Поздняков и стал искать в радиоэфире что-нибудь более вразумительное. Его усилия вознаградились четкими дикторскими интонациями:

«...Переговоры продолжаются. Сегодня стало известно о смерти популярной писательницы, автора ряда нашумевших романов, сорокапятилетней Ларисы Кривцовой. Предполагается, что она покончила жизнь самоубийством. В заключение выпуска — о погоде. В Москве и Московской области завтра по-прежнему сохранится теплая погода, температура двадцать три—двадцать пять градусов, местами возможны кратковременные дожди и грозы».

Глава 2

Гроб Ларисы был дорогой, лаковый, с двойной крышкой — такие Поздняков видел только по телевизору, когда показывали похороны кого-нибудь из сильных мира сего. А вот кладбище, на котором ей предстояло погрузиться в вечный сон без сновидений, оказалось отнюдь не привилегированным, а самым обычным. Место, правда, хорошее, тихое — неподалеку от ладной недавно выстроенной часовенки и в окружении десятка молодых сосенок, словно отделяющих ее последний приют от безмолвного пристанища почивших прежде и тех, кому еще только предстояло пуститься в скорбное, но неизбежное путешествие в потусторонний мир.

Поклонников таланта — кажется, теперь таких чаще именуют фанатами (и то и другое опре-

деление Поздняков одинаково на дух не переносил), — несмотря на удаленность кладбища, собралось немало. Многие из них держали в руках не только цветы, но и Ларисины книжки в красочных переплетах. В подобной обстановке они выглядели довольно нелепо. Отдельно, вокруг гроба, стояли близкие. Поздняков узнал из них только последнего из бывших Ларисиных мужей — Георгия Медникова в темных очках. Михаила Ковтуна он не заметил: тот либо не пришел на похороны, либо изменился настолько, что не поддавался идентификации. Публика у гроба была по всем признакам сплошь богемная. Некоторые лица казались Позднякову смутно знакомыми, но припомнить имен он не мог. Да и Бог с ними, какое ему дело до них, особенно теперь, когда он навсегда прощался с Ларисой.

Распоряжалась ритуальным действием высокая, худая старуха в коротком черном платье, выставляющем напоказ пожелтевшие жилистые ноги, — видимо, надела то, что имелось под рукой, не заботясь, как она будет выглядеть при большом стечении народа. По крайней мере, ее о чем-то тихо спрашивали молчаливые молодцы с лопатами, а она отрывисто им отвечала, поджав тонкие губы. Была ли она Ларисиной родственницей, Поздняков не знал. Он вообще только теперь сообразил, что Лариса никогда не рассказывала ему ни о своих родителях, ни о своем детстве, словно возникла из ниоткуда.

Прощальное слово произнес высокий седой мужчина, исполненный достоинства, с явными признаками породы. Надо отдать ему должное, надгробное слово было коротким, достаточно прочувствованным, но без лишней экзальтации. Едва он

произнес традиционное «земля пухом», старуха зыркнула в сторону молодцев, те немедленно выпустили из рук лопаты и взялись за веревки для спуска гроба в могилу.

Дальше все пошло по обычному сценарию: сначала по горсти земли на крышку гроба бросили стоящие у края могилы, потом молодцы споро заработали лопатами. Какое-то время комья еще стучали по лаковому дереву, потом звуки стали глухими, и очень скоро Ларису Кривцову отделил от живых холм земли с цветами поверху. Цветов и венков было так много, что Ларисин портрет утонул в их пестром ковре, виднелись только ее веселые отчаянные глаза. Поздняков повернулся и медленно пошел по аллее к выходу с кладбища.

— Пойдите, молодой человек, — внезапно раздался чей-то голос за спиной.

Николай Степанович удивленно оглянулся и поискал взглядом того, кто мог бы обращаться к нему столь необычным образом, если, конечно, обращение «молодой человек» относилось к нему.

В двух шагах позади он увидел того самого седовласого мужчину, что произносил надгробную речь.

— Я к вам обращаюсь, вы не ошиблись, — уточнил тот, на ходу прикуривая и прикрывая сигарету рукой. — Смотрите-ка, похоже, дождик начинается... Хорошая примета, если, конечно, в таком деле бывают хорошие приметы.

Дождь и правда начинался прямо-таки ни с чего: еще минуту назад на небе не было ни облачка!

— А ведь вы меня забыли, молодой человек, ай-ай-ай, — посетовал седовласый.

Присмотревшись к мужчине, Поздняков решил,

что его, пожалуй, уже следовало относить к категории стариков — под семьдесят ему, это уж точно.

— Понимаю, понимаю, — продолжал незнакомец, — мало ли в вашей практике было свидетелей? То ли дело я, мне ведь только однажды приходилось выступать в этой роли.

Поздняков попытался сосредоточиться, но в такой тяжелый день мозги напрочь отказывались ему повиноваться.

— Ну, не буду вас мучить, — объявил старик. — Надеюсь, моя фамилия что-то скажет вам. Я — Воскобойников.

Наконец-то в голове у Позднякова немного прояснилось. По крайней мере, фамилия Воскобойников точно была ему знакома. Стоп, стоп... Ну конечно, Воскобойников! У него еще, помнится, было какое-то странное имя.

— Гелий, Гелий...

— Андрианович, — услужливо подсказал старик.

Ну да, тот самый Воскобойников Гелий Андрианович. Писатель. Тоже проходил по делу выпавшего из окна Рунцевича. Кажется, уже тогда был среди маститых, хотя в последнее время Позднякову не попадалось его имя на книжных лотках. Впрочем, за это он не мог ручаться, ибо следил исключительно за творчеством Ларисы Кривцовой.

— А вот я вас сразу узнал, хотя и старше вас лет на двадцать, наверное, — похвастал Воскобойников. — Впрочем, вы теперь тоже...

— Далеко не молодой человек, — подхватил Поздняков. — Слава Богу, уже пятьдесят три.

— Да что вы говорите! Надо же! А ведь как будто вчера все было! Вы приехали тогда в наш Дом творчества такой юный, свежий, голубогла-

зый, такой, знаете ли, пышущий здоровьем... У меня все никак не получалось величать вас товарищем следователем, и я вас называл молодым человеком, а вы краснели и, кажется, сильно злились, хотя старались не подать виду. Да, время летит... Кстати, вы хромаете или мне показалось?

— Почти как в известной кинокомедии, — Поздняков хлопнул себя по бедру. — Бандитская пуля.

— Понимаю, понимаю, — кивнул Воскобойников и замолчал.

Какое-то время они молча шли по кладбищенской аллее, потом снова заговорил Воскобойников:

— Да... Грустно теперь будет на этом свете без Ларисы Петровны. Женщина она, конечно, была своеобразная, но писательский талант имела неоспоримый. Хотя, вы знаете, могла бы, конечно, использовать его более рационально. Впрочем, кто знает, кто знает...

Поздняков не поддержал тему. Во-первых, он еще не был готов говорить о Ларисе в прошедшем времени; во-вторых, легкий морозящий дождичек приятно освежал его лицо после жары, и ему вообще хотелось не произносить какие-то никчемные слова, а идти молча, вдыхая аромат хвои, и ни о чем не думать.

Но Воскобойников никак не отвязывался.

— Не понимаю, зачем она это сделала? — вздохнул он. — Сорок пять лет для писателя — детский возраст, еще жить да творить. И на тебе, взяла и покончила с собой, хотя, грешным делом, я теперь сопоставляю факты и нахожу, что звоночки к тому были уже давно...

— Вы в этом уверены? — вырвалось у Позднякова.

— В чем, простите?

— Ну, в том, что она покончила с собой?

Все, дамбу прорвало, Поздняков таки высказал, что было у него на уме и на языке с того самого момента, как он услышал жуткое сообщение по радио. Сомнение возникло у него сразу же и с каждой минутой все более укреплялось, хотя никаких особенных к тому оснований как будто не было. Он даже успел поговорить со следователем, который вел дело о Ларисиной смерти, и тот — впрочем, без особого желания и явно тяготясь расспросами — довольно подробно изложил все, что удалось выяснить.

А выяснить удалось следующее. Ларису нашли в понедельник утром на ее даче в Хохловке мертвой. Она лежала на диване в гостиной в роскошном вечернем платье, подле нее на полу стояли пустые бутылки из-под шампанского, рядом валялся пустой флакончик, в котором предположительно находилось сильнодействующее снотворное. Смерть произошла около полуночи. Результаты экспертизы еще нет, но, судя по всему, когда они станут известны, ничего нового не откроется и версия о самоубийстве полностью подтвердится. Что еще? Погибшая была в состоянии алкогольного опьянения, никаких следов насилия или борьбы не обнаружено (что, конечно же, опять же говорило в пользу версии самоубийства), как, впрочем, и предсмертной записки. В доме ничего не пропало, замки целы, а это опять-таки склоняло следствие идти по проторенной дорожке, в конце которой маячило удобное объяснение, уже чуть ли не читающееся между строк бесстрастного протокола: «А черт ее поймет, эту богему, у них же все не как у людей!» Да, следов насилия нет, а какие,

Господи Боже мой, могут быть следы насилия, когда она, судя по количеству выпитого, находилась в состоянии полной прострации?

Они уже вышли за ворота кладбища, а общительный Воскобойников все не спешил комментировать провокационный выпад Позднякова. Постепенно их догоняли остальные участники траурной церемонии. Дождь усиливался, и все торопились побыстрее усесться в машины и автобусы.

— Вы идете на поминки? — осведомился Воскобойников.

— Честно говоря, не собирался, — пожал плечами Поздняков. Теплые струйки дождя уже затекали ему за воротник. — А где они намечаются?

— Да там и будут, на даче в Хохловке. Отсюда по шоссе каких-то двадцать километров. Поедемте, непременно поедемте. Вам же ведь наверняка хочется посмотреть, где все произошло, тем более что... — Воскобойников оборвал фразу, и возникла многозначительная, прямо-таки театральная пауза.

Да уж, в чем, в чем, а в пронизательности старому писателю не откажешь. Поздняков уже решил про себя ехать в Хохловку. Оказавшись там, он, во-первых, получал возможность, не привлекая особого внимания, исподволь осмотреть дом, в котором умерла Лариса, во-вторых, приглядеться к ее ближайшему окружению, собравшемуся за поминальной трапезой.

Поздняков распахнул дверцу своей бежевой «шестерки» и посмотрел в зеркало заднего вида. Увидел, как Воскобойников плавно тронул с места пусть не суперновый, но вполне приличный «Фольксваген».

Дача Ларисы Кривцовой в Хохловке, элитном генеральском предместье Москвы, не имела ничего общего с привычными дачными постройками, которые неизменно возникают в воображении среднего обывателя при слове «дача» и которыми утыкано едва ли не все Подмосковье. Поздняков увидел довольно большой особняк из белого кирпича, впрочем, особенно не выделявшийся среди множества ему подобных.

«Неплохо живут у нас генералы», — мысленно прикинул про себя Поздняков, окидывая взглядом ухоженный, утопающий в зелени дачный поселок. Хотя удивляться следовало, наверное, лишь тому, что Лариса, которую он помнил девчонкой в куцем халатике, громко хлюпающей облупившимся носиком, стала, оказывается, на равных с генералами. Как, в сущности, мало он знал о ней, ведь она, позволявшая себе иногда снизойти до его, Позднякова, жизни, никогда не пускала его в свою. Да он и не рвался...

Дом был обнесен высокой каменной оградой, так что окна первого этажа и просторный двор оставались скрытыми от посторонних глаз. Гостиная, где нашли мертвую Ларису, находилась на первом этаже. Вряд ли кто-нибудь мог видеть с улицы, что происходило в доме той злополучной ночью.

Воскобойников поджидал Николая Степановича у открытой калитки и, похоже, всерьез решил его опекать. Поздняков не возражал: в конце концов, Воскобойников был единственным маломальски знакомым ему человеком в этой весьма пестрой и неординарной компании.

— Думаю, поминки будут как раз в гости-

ной, — объявил Воскобойников, пропуская Позднякова вперед. — Где стол был яств, там... — старик закашлялся.

Они пересекли просторный двор, в глубине которого Поздняков успел рассмотреть гараж и белую, увитую декоративными цветущими растениями беседку. Повсюду поддерживался идеальный порядок: кусты вдоль вымощенной брусчаткой дорожки аккуратно подстрижены, под окнами первого этажа разбиты клумбы.

«Лариса и подобная буржуазность — есть ли вещи более несовместимые? — подумал Поздняков. И тут же сам себе возразил: — Но разве не к этому она стремилась, сбежав прямо из-под венца от одного юного сыщика?»

Тогда, пожалуй, она достаточно хорошо знала, чего хотела. Разве Поздняков мог в обозримом будущем предложить ей хотя бы сотую часть этого богатства?

А вот и сам дом вблизи, как говорится, во всей красе. Тут тоже было на что посмотреть. Прежде всего — на террасу, расположенную на первом этаже с фасада, уставленную легкими белоснежными столиками, стульями и плетеными креслами; по этой причине она здорово смахивала на летнее кафе. Открытая дверь с цветными витражами вела с террасы в дом, откуда уже доносилось характерное звяканье посуды.

Едва Поздняков и Воскобойников переступили порог дома, их встретила женщина средних лет в строгом платье. На ее лице читалась профессиональная печаль. Такие деловитые и распорядительные дамы непременно возникают на всякого рода пышных похоронах — обычно готовят помни-

нальный стол, пока близкие усопшего провожают его на кладбище.

— Милости просим, помяните Ларису Петровну, — торопливо приветствовала женщина всех входящих в дом, указуя рукой, куда именно следует идти.

Пройдя в нужном направлении, Поздняков и Воскобойников оказались в просторной комнате: и стены, и ковры, и мебель, и камин, и даже элегантный рояль у огромного окна, выходящего на террасу, были выдержаны здесь в молочных тонах. Белизна интерьера резала глаза, и Поздняков невольно зажмурился.

— Что, впечатляет? — произнес с легкой усмешкой Воскобойников. — Да уж, что-что, а шикануть покойница любила.

— А рояль? — зачем-то спросил Поздняков шепотом. — Она что, разве играла на рояле?

— Да нет, — покачал головой Воскобойников, — рояль для антуража. Сколько помню, на его крышке всегда стоял бокал с шампанским или красным вином и лежала какая-нибудь рукопись. Такая, знаете ли, утонченная небрежность, точнее, художественная...

— Так это и есть гостиная?

— Да.

Поздняков покосился на белый пушистый диван, напоминавший большую породистую собаку, мирно дремлющую в тепле. Значит, именно на нем и нашли мертвую Ларису. Скорее всего эта трагическая сцена выглядела эффектно, если только смерть вообще увязывается с этим словом.

Между тем Ларисины близкие и знакомые уже вовсю рассаживались за длинным столом, перерезавшим комнату по диагонали и сильно диссони-

рующим с ее изысканной обстановкой. Присоединившиеся к остальным Поздняков и Воскобойников оказались как раз напротив бывшего мужа Ларисы, Георгия Медникова, и красивой рыжеволосой женщины под густой темной вуалью. По всей видимости, эти двое были достаточно хорошо знакомы, ибо вполголоса что-то обсуждали.

Поздняков чувствовал себя ужасно, в буквальном смысле не зная, что говорить и куда девать руки. К тому же он терпеть не мог поминок, находя редкостным идиотизмом обычай обильно есть и пить сразу после похорон. В таких случаях его почему-то не покидало ощущение, что по крайней мере половина пришедших проститься с дорогим покойником мечтает поскорее с ним покончить, чтобы с сознанием выполненного долга наконец уссесться за стол.

Воскобойников протянул руку к бутылке водки и подмигнул Позднякову: мол, будешь?

— Я же за рулем, — вспомнил Николай Степанович.

— За помин души выпить нужно, хотя бы пригубить, — наставительно изрек Воскобойников и, решительно опрокидывая свою рюмку, прибавил: — Ну, Лариса Петровна, пусть земля тебе будет пухом, красавица.

Поздняков тоже поднес свою рюмку ко рту и замер, увидев на камине Ларисин портрет в рамке. На снимке она была совсем юной, именно такой, какой он ее увидел впервые, — с беззвучным, радостным возгласом «Здрасьте!» в широко раскрытых, вечно меняющих цвет — от изумрудного до черного — глазах. Казалось, она смотрела с портрета исключительно на него, Позднякова, смотрела и звала... Он пригубил раздирающе горькой

водки и закашлялся, виновато прикрыв рот ладонью.

— А вы закусывайте, закусывайте. Отличная икорка, — участливо отозвался вовсю опекающий его Воскобойников.

Поздняков не стал есть икру, наколот на вилку маленький, словно бутафорский, огурчик, оказавшийся безвкусным, да еще отдающим одеколоном — явно импортный, из банки. Поздняков проглотил его и побыстрее плеснул в высокий стакан минералки из запотевшей бутылки.

Все закусывали молча, неторопливо, а женщина по правую руку от Медникова ничего не ела, так и сидела, не подняв вуали, зажав в длинных пальцах маленькую хрустальную рюмочку с водой.

— Наследница-то на угощение не поскупилась, — опять проговорил сбоку Воскобойников.

— Наследница?

— Ну да, у Ларисы ведь осталась одна-единственная наследница — сводная сестра, пожилая женщина, — пояснил Гелий Андрианович.

В этот момент дама под вуалью поставила рюмку на стол, так и не пригубив, и, поднеся ладони к лицу, нервно забормотала:

— Нет, я не могу, не могу... Как вспомню... Извините...

Она с грохотом отодвинула стул и, вскочив, застучала каблучками к выходу. Не прошло и минуты, как Поздняков увидел ее через окно уже со спины, торопливо удалявшуюся в сторону калитки.

В гостиной повисла напряженная тишина, разрядил которую Медников.

— Это Внолетта нашла Ларису мертвой, — объяснил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Слава Богу, трапеза не затянулась, в какой-то момент все как-то разом засобирались, заторопились. Поднялся из-за стола и Поздняков. Он уже намеревался ретироваться по-английски, но Воскобойников снова придержал его за локоть:

— Не торопитесь.

Поздняков удивленно взглянул на словоохотливого старика.

— Я живу здесь рядом, по соседству, так что мы могли бы с вами продолжить нашу беседу в спокойной обстановке.

Беседу? Да уж, что-что, а заинтриговать этот «инженер человеческих душ» умел. Поздняков решил, что от приглашения отказываться не стоит.

Прощались все на террасе, причем общий настрой незаметно перешел из траурного в непринужденный. Давно и хорошо знающие друг друга люди принялись как ни в чем не бывало обмениваться рукопожатиями, поцелуями и обещаниями непременно скоро встретиться. Медников схватил за пуговицу полного импозантного мужчину и принялся зудеть ему что-то на ухо. До Позднякова долетали отдельные слова, по которым можно было судить, что речь шла о его последнем телевизионном шоу.

Словоохотливый Воскобойников неожиданно умолк, бросая настороженные взгляды в дальний конец террасы. Поздняков посмотрел туда и увидел невысокого мужчину, невзрачного, в костюме цвета свежего асфальта (именно так всегда называла любимый серый цвет отечественной легкой промышленности Лариса). Мужчина был погружен в глубокую задумчивость.

— Смотри-ка, и этот тут, — пробормотал себе под нос Воскобойников.

— Что, еще один старый знакомый? — поинтересовался Поздняков.

— Не то чтобы... Он учился в Литинституте на одном курсе с Ларисой, потом уехал куда-то в Среднюю Азию. По-моему, так ни разу и не напечатался. Надо же, вот уж кого не ожидал увидеть.

* * *

Дача Воскобойникова оказалась поскромнее: без шикарной террасы, но с пресловутыми грядками с огурцами и морковкой.

— По выходным наезжает невестка и что-то пытается здесь вырастить, хотя, на мой взгляд, это совершенно бессмысленное занятие, — пробурчал Воскобойников, словно прочитав мысли Позднякова.

Он похлопал себя по карманам пиджака в поисках ключа от дома и прибавил:

— Вообще-то я здесь живу один — жена уже восемь лет как умерла, сын погиб в автомобильной аварии полтора года назад. Из родных только невестка и внук приезжают, не могу же я им запретить?

Позднякову не пришлось пользоваться методами индукции и дедукции, чтобы догадаться: со своей родней, во всяком случае, с невесткой, Воскобойников не очень-то ладит. А кроме того, у писателя извечная стариновская проблема — дефицит общения. Не исключено, что именно по этой причине он и пригласил Позднякова к себе.

— Ну-с, проходите, пожалуйста, — пригласил Гелий Андрианович, — не обращайтесь внимания на некоторый беспорядок. Ко мне обычно приходит убираться одна женщина из соседней деревни,

но у нее недавно родился внук, забот прибавилось, она ходит реже, а я, грешным делом, не очень приспособлен уют наводить.

Они вошли в просторную комнату, по-видимому, гостиную, уставленную непритязательной мебелью в стиле семидесятых. Воскобойников развел руками, как бы говоря своему гостю: «Почувствуйте разницу, здесь все по-простому».

Безусловно, внутреннее убранство дачи старого писателя заметно отличалось от белоснежной роскоши, которую они могли наблюдать в доме покойной Ларисы Кривцовой. Старый писатель незлобиво посетовал на житье-бытье:

— Видите, я не роскошествую. Снаружи дом все еще производит впечатление, зато внутри, конечно, все по старинке, я бы даже выразился точнее — по-стариковски. Да много ли мне надо? Сколько теперь осталось? Проходите, не стесняйтесь.

Воскобойников переложил стопку пожелтевших газет из уютного глубокого кресла на широкий деревянный подоконник, на котором при желании запросто можно было улечься и соснуть. Видимо, он хотел было предложить освобожденное таким образом кресло Позднякову, но, помешкав, лишь махнул рукой:

— А знаете что, Николай Степанович, пойдете-ка лучше в мой кабинет, у меня там поуютнее. Опять же обстановка рабочая, так сказать, располагает.

Поздняков не стал возражать.

Кабинет и впрямь выглядел уютнее, прежде всего из-за того, что был по крайней мере в три раза меньше гостиной. Вдоль стен стояли высокие стеллажи для книг, точно в библиотеке, у окна — ста-

рый двухтумбовый стол, кресло и пара стульев. Некоторый диссонанс в эту непритязательную, можно сказать спартанскую, атмосферу вносил компьютер.

— Вот решил модернизироваться на старости лет, — похвастал Воскобойников. — Скопил денег и купил. Боялся, что не освою. Вдруг, думаю, мозги совсем заизвестковались? Ан нет, есть, оказывается, еще порох в пороховницах — научился. Так что творю сейчас по-современному, управляюсь с байтами и килобайтами, — он коротко хохотнул. — Впрочем, не могу сказать, чтобы это отражалось на вдохновении... Вы садитесь, располагайтесь, кресло у меня специально предназначено для гостей, а моя, извините, старая задница от продолжительного сидения приобрела такую защитную мозоль, что предпочитает твердое. — Воскобойников опустил на стул.

Поздняков решил воспользоваться затронутой темой:

— А у Ларисы, гм, Петровны компьютера, насколько я знаю, не было.

— Нет, она принципиально не хотела им пользоваться, хотя, конечно, могла бы запросто купить. По-моему, у нее на этот счет был пункт — боялась, что творчество превратится в поденщину. Распространенное предубеждение, одним словом.

— А вы близко с ней общались? Я имею в виду — в последнее время?

— Ага, вот вы и приступили к допросу, — навострился Воскобойников.

Поздняков принялся неловко оправдываться. Ситуация и впрямь выглядела дурацкой: с одной стороны, он не мог заставить себя не предпринимать попыток выяснить обстоятельства Лариси-

ной смерти, но с другой — какие, собственно, он имел полномочия задавать кому бы то ни было вопросы?

— Да ладно, не смущайтесь, — махнул рукой неугомонный Гелий, — ведь я же сам напросился, не так ли? Видите ли, уважаемый Николай Степанович, по некоторым признакам, а точнее по некоторым вашим фразам, я догадался, что вы собираетесь проводить самостоятельное расследование. Я не ошибся?

— Слишком громко сказано, — усмехнулся Поздняков, — я ведь уже некоторым образом пенсионер, дело находится не в моем ведении... Сами понимаете, возможности мои ограничены.

— Ну, не прибедняйтесь, умная голова и проницательный ум всегда таковыми остаются, даже если их обладатель уходит на пенсию. И даже в том случае, когда его никто не уполномочивает проводить расследование. Что касается юноши-следователя, который меня уже допрашивал насчет Ларисы, то я о нем совсем невысокого мнения.

Выслушивая эту тираду, Поздняков потупился, делая вид, что внимательно изучает свои запылившиеся туфли — слова Воскобойникова в его адрес отдавали неприкрытой лестью. Интересно, зачем он так уж распинается?

— И почему вы столь невысокого мнения о нем? — поинтересовался Поздняков, все еще не поднимая головы. — Вы что, сомневаетесь, что это было самоубийство?

— Ловко, ловко, ничего не скажешь, поймали на слове, — улыбнулся Воскобойников, но тут же посуровел. — Да нет, я еще далек от того, чтобы делать столь серьезные выводы. И знаете, почему?

— Почему?

— Объясняю. Пусть мое мнение сугубо субъективное, но все же... Если это не самоубийство, то, значит, убийство, так? Допустим. Но для убийства нужны весьма основательные мотивы, вы согласны?

Поздняков кивнул — старый писака шпарил, точно по учебнику криминалистики.

— Вы надо мной не смейтесь, — продолжал Воскобойников, — я хоть и самоучка, но кое-что в этих делах соображаю. Итак, для убийства нужны серьезные мотивы, а где они — эти самые мотивы? Допустим, охота за наследством. Отбрасываем сразу без тени сомнений. Все движимое и недвижимое имущество Ларисы Кривцовой — заметим, немалое — с наибольшей степенью вероятности переходит ее сводной сестрице из Костромы, той самой долговязой старухе... ну, вы ее наверняка видели на кладбище. Трудно вообразить, как она могла организовать убийство, находясь в Костроме. Да и зачем? Ее саму на том свете уже ждут не дождутся. Впрочем, чисто гипотетически можно оставить ее в числе подозреваемых, ибо наследство — какой-никакой, а мотив, — Воскобойников перевел дух. Поздняков внимательно слушал его, не перебивая. — Идем дальше. Кто там еще? Ага, бывшие мужья. В принципе, и у того, и у другого были причины ее ненавидеть. Обоих она бросила, причем последний, Медников, после развода почему-то не стал претендовать на причитающуюся ему по закону часть общего имущества, оставив все Ларисе. Почему? Непонятно. Известно лишь одно: никогда он не был бессребреником, и копейка обычно мимо него не проплывала. Дача, которую вы сегодня имели возможность лицезреть, между прочим, вообще принадлежала Медникову

еще до женитьбы — досталась ему от отца-генерала. Однако и она, как видите, перешла в полную собственность Ларисы Петровны. Что касается спортсмена-неудачника, то этот вообще недвусмысленно выражал свои чувства, когда время от времени навещался в Хохловку.

— Ковтун бывал в Хохловке? — удивился Поздняков.

— Бывал, бывал. Не часто, конечно, может, раза три на моей памяти, но всегда производил своими неожиданными визитами шумный фурор. Лариса его и на порог не пускала, а он пьяный бегал по поселку и орал дурным голосом, что удавит стерву Лариску собственными руками. Впрочем, чего от него другого ждать? Совершенно опустившийся человек, приходил к бывшей жене занять денег на бутылку, а она без долгих разговоров хлопала дверью у него перед носом. Ну вот, уже тройка подозреваемых. Вам недостаточно?

— А кто еще? — спросил Поздняков.

— Пожалуйста. Последний любовник Ларисы, молодой парень. Слышал, что между ними произошел какой-то грандиозный скандал. Похоже, Лариса не могла смириться с тем, что ей он предпочел другую, более юную прелестницу. Да, ее, наверное, тоже следует взять на заметку. К тому же нельзя исключить, что красавец в свободное от общения с Ларисой время вполне мог приударить еще за десятком разнообразных куколок. Как видите, работы прибавляется. Опять же лучшая подруга Ларисы — модельерша Шихт. Она и обнаружила труп. Мало ли какие счеты возникают между женщинами: сплетни, интриги... В общем, подсчитывайте варианты, господин сыщик.

Поздняков уже раскусил затею Воскобойнико-

ва: старик попросту разыгрывал ситуацию, словно партию в шахматы, заодно демонстрируя собственную прозорливость. Только и оставалось подыгрывать ему.

— Думаю, следует еще кое-кого внести в этот список.

— Интересно, — оживился Воскобойников, — кого же?

— Вас.

На какую-то долю секунды Воскобойников растерялся, но самообладание и на этот раз его не подвело. Во всяком случае, поздняковский пас он отбил мастерски:

— Очень разумно, молодой человек. Действительно, меня тоже следует отнести к подозреваемым. Мотив найдется и у меня. Допустим, зависть. В последнее время госпожа Удача предпочитала посещать Ларису Кривцову и упорно обходила стороной обитель старого прозаика Гелия Воскобойникова. Но будем уж логичны до конца. Не думаю, чтобы я был замыкающим в списке. Вы, уважаемый Николай Степанович, начисто забыли о себе.

На этот раз Поздняков чуть не подпрыгнул в кресле.

— Поясняю, — между тем невозмутимо развивал свою мысль Воскобойников. — Если мне не изменяет моя старческая память, вы с Ларисой во времена оны тоже находились в близких отношениях, и тогда, к большому сожалению, она предпочла вам бронзовые мышцы Ковтуна.

— Примите мои аплодисменты, — не удержался от комплимента Поздняков и несколько раз хлопнул в ладоши. — Мастерская работа.

— Да ладно вам, — отмахнулся Воскобойников. — Всего лишь небольшая тренировка для за-

известковавшихся мозгов. А если серьезно, уж слишком много мотивов — верный признак того, что все они и выведенного яйца не стоят.

— Значит, самоубийство? Но для самоубийства тоже нужен мотив, не станете же вы против этого возражать, — рассудил Поздняков.

— Повторяюсь, не стану возражать, но, на мой взгляд, все говорит за это. Во-первых, как все было обставлено: свечи, шампанское, вечернее платье... Представление, разыгранное женщиной с воображением.

— Тогда почему она не оставила записки?

— Не исключено, что по большому счету она и не собиралась травиться, просто переборщила в игре. Это очень по-женски, а уж такая экзальтированная дама, как Лариса Петровна...

Поздняков заерзал в кресле: черт возьми, логично, в высшей степени логично, такой вариант он уже прокручивал. Если бы не это маленькое «но», которое всегда выпрыгивало из подсознания, как чертик из табакерки.

— Хорошо, красивая игра, но к ней тоже должен быть какой-то толчок?

— Если честно, — вздохнул Воскобойников, — то я думаю, что она себя попросту загнала. Писать десять авторских листов ежемесячно — это вам не пряники кушать. А главное — остановиться она не могла, здесь, как в шоу-бизнесе, нельзя сбавлять обороты: чуть-чуть замешкаешься, дашь себе передышку — твое место займет кто-нибудь более приткий. На разработанную жилу всегда найдутся желающие. А нащупать ее не так-то просто! Ведь как ни относишься к жанру детектива, авторов, в нем работающих, много, а имен, которые на слуху, — раз, два и обчелся. Она была гениальна тем, что

схватила момент: только читателю наскучили примитивные подражания американским боевикам, она выдала легкую и прозрачную женскую прозу. К тому же нельзя забывать, что основные читательницы — женщины, вот она им и потретила. Плохо, что сама в конце концов угодила в собственную ловушку. Сходить с дистанции и уступать дорогу другим она не желала, а жить в таком темпе... Отсюда и ее пристрастие к алкоголю, особенно проявившееся в последнее время. В принципе, эта трагедия — тема для диссертации о том, как для человека губителен его собственный успех. Или, если хотите, для добротного романа. Я бы сам за такой взялся, да силы уже не те, хватило бы духу старые задумки осуществить.

— Неужели все действительно так серьезно?

— Увы, — Воскобойников словно бы заглянул грустными глазами внутрь самого себя, — когда-то и я прошел через это. Я тоже познал успех, правда, еще в те времена, которые теперь принято называть застойными. Тогда книжки издавались по плану, и, по большому счету, бестселлеров ни от кого не требовалось, гонорар и без того был обеспечен, не то что сейчас. А я написал вещичку, которая понравилась народу, а потом, к сожалению, уже не смог удержаться на достигнутом уровне. Так бывает: сегодня пишешь бестселлер, завтра — элементарную халтуру. Но вам, вероятно, трудно меня понять, и мои доводы выглядят для вас дикостью и тарабарщиной. Вы просто счастливый человек, потому что ваша рука не срослась с пером и вы никогда не писали по десять авторских листов в месяц.

— Если то, что вы говорите, правда, — после

продолжительной паузы изрек Поздняков, — то вы лучше меня знали Ларису.

— Ах, молодой человек, достаточно уже того, что я хорошо знаю самого себя, — усмехнулся Воскобойников, и от этой усмешки на его породистом лице прибавилось морщин. — А с Ларисой, особенно в последний период, мы общались мало. Да у нее и не было времени для дружеских контактов при таком темпе жизни. Поверьте мне, она существовала где-то на пути между машинисткой, которая перепечатывала ее рукописи, и издательством. Все остальное, включая и других людей, наверное, рассматривалось ею в качестве объектов, способных каким-либо образом сделать этот путь короче или, напротив, удлинить. Не стоит романтизировать труд писателя, писатель — добровольный каторжник.

— Интересно, что она писала в последнее время? — Поздняков выглядел потрясенным. — Не знаете, у нее осталась какая-нибудь незавершенная рукопись?

— Она со мной на этот счет не делилась. Наверное, вам стоит спросить у следователя — он весь дом обшарил — или у Ларисиной сестры. Хотя ей, по-моему, на рукописи наплевать. Интересно, как она поступит с авторскими правами, ведь, по идее, они должны перейти к ней? — озадаченно произнес Воскобойников.

— А вы случайно не знаете, кто перепечатывал Ларисе ее рукописи? — неожиданно осенило Позднякова.

— Что?.. А, не знаю, — похоже, Геллий Андрианович уже порядком устал от разговора и начинал постепенно тяготиться обществом Позднякова. Во всяком случае, он уже открыто позевывал и по-

глядывал на часы. А у Позднякова осталось еще немало вопросов.

— Послушайте, Гелий Андрианович, раз уж вы оказали мне такую любезность...

— Валяйте, валяйте, — усмехнулся Воскобойников, — догадываюсь, к чему эти реверансы, — хотите знать, что я делал в воскресенье. Извольте, у меня секретов нет. Весь день я провел у реки: есть у меня, знаете ли, такая стариковская причуда шляться по живописным окрестностям. В семь, точнее — на электричке 19.47, я уехал в Москву, где пробыл до второй половины дня понедельника. Почему уехал на электричке? Да потому, что мой «Фольксваген» забарахлил во время предыдущего приезда, и я оставил его в своем московском гараже. Слава Богу, мой сосед по лестничной площадке, отличный автомеханик, выручил и на этот раз. Кажется, я все изложил самым подробным образом. Захотите подтверждений, милости прошу по моему московскому адресу. По крайней мере десяток человек подтвердит вам то, что я вам сообщил. Достаточно?

— Более чем, — отозвался Поздняков. — Кажется, теперь моя очередь давать показания, поскольку я тоже в вашем списке?

— Нет уж, увольте старика. Пожалуй, мне пора отдохнуть после тяжелого дня.

Воскобойников и правда заметно сдал прямо на глазах: лицо посерело и осунулось.

Позднякову ничего другого не оставалось, кроме как вежливо откланяться и спросить разрешения при необходимости еще раз прибегнуть к помощи Гелия Андриановича. Тот развел руками:

— Разумеется. К тому же не исключено, что я

еще что-нибудь вспомню. Все-таки сегодня такой день, что не трудно и запомнить.

Воскобойников проводил Позднякова до калитки, а тот, прежде чем попрощаться, задал ему все-таки мучивший его вопрос:

— Скажите-ка, Гелий Андрианович, а со следователем, который занимается Ларисиным делом, вы делились своими размышлениями?

— С этим юнцом? — Воскобойников весьма нелицеприятно отозвался о каком-никаком, но все же коллеге Позднякова. — Да зачем ему? Не будет он себе голову забивать моими теориями. Может, он и прав?

Поздняков вышел за ворота дачи Воскобойникова и набрал в легкие побольше свежего воздуха, настоящего на запахах листвы и цветов. Сел в машину, завел мотор, развернулся, бросив на прощание последний грустный взгляд на возвышавшийся за каменной оградой белый дом Ларисы. И подумал: кто знает, вдруг где-то там еще мечется и тоскует отчаянная и неприкаянная душа Ларисы?

Глава 3

Поздняков устроил-таки поминки по Ларисе, но позже — после того, как отогнал машину в гараж и выслушал очередные жалобы соседей снизу на то, что он их затопил. Эта дурацкая история тянулась уже больше года — с тех самых пор, как в квартиру под ним въехали новые жильцы. Похоже, у этих, новеньких, вселенские потопа были чем-то вроде навязчивой идеи, ибо претензии Позднякову они предъявляли с завидной регулярностью — ни разу, однако, не позволив ему собственными глазами убедиться в их достоверности. Вот и

сегодня они спешно захлопнули дверь перед его носом, едва только он заикнулся о желании посмотреть, как именно он залил нижнюю квартиру на этот раз. Самое смешное, что поначалу он переживал, принимал их жалобы близко к сердцу, даже прилежно облазил на животе ванную, тщательно проверяя трубы, — но, так и не обнаружив и намека на протечку, махнул рукой. Просто старался не попадаться на глаза мнительным соседям, но, к сожалению, сие удавалось не всегда.

Дома он достал из холодильника бутылку «Столичной», которую держал на случай неожиданных гостей, порубил, точно шашкой, крупными кусками колбасу, наполнил стопку и выдохнул:

— Прощай, Лариса Петровна...

На этот раз водка пошла заметно лучше, просто как по маслу. Он жадно откусил кусок колбасы и торопливо наполнил стопку вновь, торопясь поскорее дойти до кондиции. Странно, но постепенно увеличивающаяся концентрация алкоголя в крови отнюдь не способствовала желанному забвению. Мысли возвращались к событиям последних дней и к рассказу Воскобойникова.

«Значит, Лариса загнала сама себя?» В голове вертелась идиотская фраза: «Загнанных лошадей пристреливают... Кажется, так назывался фильм, который я не удосужился посмотреть. Может, в словах этого самого Гелия и было какое-то рациональное зерно». Поздняков резко обернулся и взглянул на верхние полки книжного шкафа, где глянцево отсвечивали корешки красочно изданных книг Ларисы Кривцовой. Безусловно, он предполагал, что за искрометной легкостью, с которой они читались, таился очень серьезный труд, но чтобы он мог привести к самоубийству...

Поздняков встал и, сильнее обычного прихрамывая на больную ногу — сказывались и усталость, и изрядная доза алкоголя, — подошел к шкафу и вынул из него первую попавшуюся книжку. Она раскрылась на середине, где в качестве закладки лежала вырезка из газеты с одним из Ларисных интервью. Газета была давняя, интервью называлось: «Женщина, которая творит».

Поздняков улегся на диван и принялся читать, при этом его не покидало ощущение, будто он делал это впервые. Корреспондентка по фамилии И. Ведерникова задавала на редкость скучные, трафаретные вопросы типа: «Ваши планы на будущее?», или «Что вы больше всего цените в людях?», или «Вы счастливый человек?» — на которые Лариса умудрялась давать интересные, нестандартные ответы.

Поздняков как будто слышал ее низкий грудной голос:

«Счастлива ли я? Да, я самый счастливый человек на свете, потому что могу жить, не обжигая ступни своих ног о грешную землю. Я как бы пребываю в своей выдуманной реальности, в которой есть все, что мне нужно. Нет ничего такого, чего бы я не могла вообразить. Ну какой реальный мужчина, скажите, способен сравниться с тем, кого я нарисую в воображении? Воображение — мощная сила, и тот, кто умеет с ним управляться, как с необъезженным скакуном, непременно обретет счастье».

Поздняков захлопнул книжку: где-то внутри его зазвучали совсем другие слова, которые он слышал недавно — и недели еще не прошло: «Никогда не думала, что меня будут так ненавидеть». И еще: «Считай, что я тебя наняла частным детек-

тивом на случай собственной неожиданной смерти». Он вздрогнул и, перевернувшись, уткнулся лицом в душную синтетическую обивку дивана, несколько раз в бессильной ярости зачем-то ударив по ней кулаком. Лариса, державшая его на коротком поводке при жизни, не отпускала его и теперь — после смерти. Он знал, что не успокоится, пока не будет точно знать, отравилась ли она по своей воле или ей все-таки кто-то помог. Какой бы она ни была в действительности, эта загадочная, как сфинкс, Лариса Кривцова, теперь он просто обязан раскрыть тайну ее смерти.

Поздняков вспомнил молодого сыщика, нехотя поделившегося с ним собранными по делу Ларисы фактами. Интересно, ломал ли он голову над ними, подобно Позднякову. Сомнительно — даже более чем. Судя по дежурному, скучному тону этого самого Геннадия Ругина, расследование представлялось ему сущей рутинной — не более. Подумаешь, взбалмошная дамочка наглоталась по пьяной лавочке снотворного! Для него, наверное, все просто. Конечно, следов взлома никаких, на бокале только отпечатки пальцев покойной. Ну что еще требуется, чтобы спокойно закрыть дело?

Нет, нет, нужно сосредоточиться и все обдумать. Поздняков сел и, обхватив голову руками, судорожно ее сжал, словно пытаясь таким образом заставить ее лучше соображать. «Могла Лариса наглотаться снотворного? Теоретически — да, но...» Внутренний Станиславский, сидящий внутри Позднякова, упрямо заявлял на это свое сакраментальное: «Не верю!» Сильные люди, к коим, вне сомнения, он смело причислял Ларису, так не поступают. Что теперь о ней ни говори, она была борцом, а борцы так просто не сдаются. Даже пья-

ные, полные смятения и недовольства собой, даже загнанные собственным творчеством.

«Что остается? Убийство? В пользу этой версии и неожиданные Ларисины признания о том, что ее кто-то ненавидит, и состояние, в котором она находилась в момент смерти. Справиться с пьяной женщиной проще простого, она могла даже не заметить, как в бокал ей что-то подмешали. Может, она даже не видела, как таинственный некто решил избавиться от нее тщательно подготовленным способом... Стоп, следовательно говорил, что замки были в порядке, но как же тогда милая дамочка Виолетта Шихт нашла мертвую Ларису, когда приехала на ее дачу в понедельник? Зачем она, кстати, пожаловала к ней?..» Голова просто пухла от неразрешимых вопросов.

«Ладно, — сказал себе Поздняков, — подумай еще и о другом. Возможен ли третий вариант, исключаящий два предыдущих? Возможен опять же теоретически. Несчастный случай, трагическое стечение обстоятельств. Она попросту переборщила и с алкоголем, и со снотворным, не ставя себе конкретной цели забыться вечным сном».

Из подсознания выплыла еще одна фраза, брошенная Ларисой вечером в пятницу, когда она была еще жива: «Почем манна небесная для модной писательницы Ларисы Кривцовой?» Черт, каким же он был идиотом, почему не расспросил ее, почему не заставил объяснить свои странные слова? «Дурак надутый, думал только о себе, в мечтах уже сидел на берегу речки с удочкой. А она, несомненно, что-то предчувствовала, и ее приход наверняка не был случайным. Возможно, она интуитивно искала защиты, поддержки. А страх одиночества? Ну конечно, она же недвусмысленно дала мне тогда

понять, что не хочет возвращаться к себе домой. Да, она боялась, она точно чего-то боялась».

Поздняков чувствовал, что сойдет с ума, если продолжит усиленную мыслительную деятельность. Скорее автоматически, нежели осознанно, он нажал на кнопку валявшегося рядом с ним на диване пульта дистанционного управления телевизором. Экран немедленно осветился, явив взору Николая Степановича огромную лестницу, по которой проворно и грациозно сбегал бывший Ларисин муж Георгий Медников в роскошном пиджаке горчичного цвета, с прической а-ля Элвис Пресли. Он растянул тонкие капризные губы, полуприкрытые кисточкой аккуратных усиков, в профессиональную улыбку и радостно изрек:

— Здравствуйте, здравствуйте, уважаемые и, не побоюсь этого слова, дорогие моему сердцу телезрители. Начинаем нашу замечательную, нашу обожаемую, нашу лучшую из лучших передач: «Зигзаг удачи».

Произнося это идиотское приветствие, он еще перемещался по лестнице, быстро перебирая ногами в модных зауженных брючках, на манер паука, инспектирующего свою паутину в поисках свеженькой мухи.

У Позднякова глаза полезли на лоб: как мог этот усиленно молодящийся хрен паясничать в такой день, сразу после похорон? Только потом он сообразил, что передача наверняка записана загодя, но прозрение не прибавило у него симпатии к очаровашке Медникову.

«Козел в пиджаке», — подумал Николай Степанович и с отвращением выключил телевизор.

Истерические крики и аплодисменты оборвались, но тут же, приглушенные, донеслись за сте-

ной, от соседей, которые тоже смотрели телевизор. Поздняков скривился и захлопнул раскрытое окно. Уж лучше сидеть в духоте, чем слушать брачные вопли орангутанга в африканских джунглях.

* * *

Следователь уголовного розыска Геннадий Ругин, высокий парень лет двадцати шести, со светлыми волосами, обильно сдобренными по новоявленной заморской моде гелем, смотрел на Позднякова с долготерпением психиатра, привыкшего к чудачествам и закидонам своих пациентов. Николай Степанович, ощущая нечто вроде озноба и слабости после бессонной, полной мучительных размышлений и кошмаров ночи, излагал накопившиеся в нем сомнения относительно загадочных обстоятельств смерти Ларисы Кривцовой. Молодой сыщик только меланхолично постукивал тщательно отточенным карандашом по полированной столешнице. Но вот Поздняков умолк, и следователю волей-неволей пришлось что-то произносить.

— Итак, вы... — Ругин заглянул в свои бумаги, — Николай Степанович, утверждаете, что покойная Кривцова предчувствовала свою смерть?

— Я бы сказал, что она боялась внезапной смерти.

— Понятно, — протянул следователь неопределенным тоном, — но, если я вас правильно понял, напрямую она не заявляла, что боится именно убийства, и не рассказывала, что ей кто-то угрожал.

— Нет, — покачал головой Поздняков. Действительно, так определенно Лариса не выражалась.

хотя теперь он был уверен: хотела сказать именно это.

— Что ж, тогда это только подтверждает версию самоубийства, — опять постучал карандашом по столу Ругин и добавил, точно выстрелил: — Вы знаете, что у нее был рак?

— Что?! — Поздняков невольно привстал со стула. — При вскрытии обнаружилось?

— Это явствует из показаний гражданки Шихт, близкой подруги покойной, — заявил следователь нарочито официальным тоном, в котором Позднякову послышалась скрытая издевка. — Кривцова незадолго до смерти узнала о болезни и поделилась печальной новостью с гражданкой Шихт. При этом она была сильно расстроена, плакала... Поэтому в ее предчувствии, я думаю, нет ничего сверхъестественного. Знаете, сколько людей с подобным диагнозом, не желая мучительной агонии, добровольно уходят из жизни? Когда, кстати, она высказывала вам свои опасения?

Поздняков почувствовал, что ни с того ни с сего краснеет, словно прыщавый подросток.

— Она заходила ко мне в пятницу вечером и... осталась ночевать... Она не очень хорошо себя чувствовала.

Ругин посмотрел на него с нескрываемым любопытством:

— То есть Кривцова была пьяна.

Язык с трудом ворочался у Позднякова во рту, точно каменный жернов:

— Ну не то чтобы уж так, скорее она была выпивши.

— Понятно, понятно, — неопределенно заметил следователь и подал ему лист бумаги. — В любом случае все совпадает, потому что именно в пят-

ницу она была в больнице, где и узнала о болезни. Потом заехала в Дом моделей Шихт. Ваш рассказ только подтверждает версию следствия. Запишите, пожалуйста, все, что вы мне рассказали. Вот вам ручка...

Поздняков, словно во сне, хлопнул себя по карману пиджака:

— Спасибо, я всегда ношу с собой это чудесное приспособление.

— Вы очень предусмотрительны, — одобрил его Ругин. — Присядьте к тому столу и все запишите. — Он указал на стол, вплотную придвинутый к пыльному окну, подоконник которого был завален кипами старых скоросшивателей.

В комнатке следственного отдела районного УВД вообще было чрезвычайно тесно. Кроме Ругина, здесь сидел еще один следователь, постарше, с бледным, одутловатым лицом. Он что-то читал, подперев голову рукой, и по лицу его было разлито выражение беспредельной скуки.

Поздняков сел к предложенному столу и принялся писать. Чем дольше он водил ручкой по бумаге, тем яснее понимал, насколько безнадежна его затея. Следователь Ругин не станет разбираться в особенностях психологии Ларисы Кривцовой. Закончив, он молча протянул исписанные страницы, а следователь, даже не просмотрев их для блезира, сунул в первый попавшийся скоросшиватель.

— Ну что же, если вспомните еще что-нибудь, приходите. — Его слова можно было понимать так, что Позднякову пора уматывать.

— И все-таки, — начал было Поздняков, — вы все равно должны проверить...

— Конечно, мы и проверяем, — Ругин не скры-

вал раздражения. — Например, мы уже проверили алиби у всех, с кем она близко общалась. Вы же специалист и знаете, что нужно подождать окончательного заключения экспертизы, а оно будет дней через десять, не раньше.

Это означало полный отбой.

— До свидания, — пробормотал Поздняков, направляясь к двери.

— Счастливо, — напутствовали его оба следователя в унисон.

Он вышел и задержался на минуту у двери, пытаясь прийти в себя после открытия, сделанного следователем Ругиным. Достал из кармана платок, чтобы вытереть выступивший на лбу пот, и услышал разговор за тонкой стенкой.

— Чего этому старому евнуху нужно? — спросил второй следователь, который все время что-то читал. — Разве дело еще не закрыто?

— Без пяти минут, — подтвердил Ругин, — остались кое-какие формальности. Вот придет заключение экспертизы — и можно закрывать. Надо побыстрее с ним кончать, а то столько «висяков»...

— Ну а этому что надо? — не унимался его приятель.

— Не могу же я его послать куда подальше? Он сам двадцать пять лет проработал на нашей собачьей должности, — пояснил Ругин.

— Видно, не сильно преуспел. Не иначе у него с твоей покойной писательницей был затяжной роман. Как говорится, седина в бороде, а бес в ребро...

За коротким диалогом уже последовали невнятное хихиканье и шелест бумаг, а Поздняков все еще стоял под дверью, будто прибитый гвоздями к полу. Мимо прошмыгнул чубастый рыжий

парень в милицейской форме с сержантскими погонами. Задержался, глянул на Позднякова внимательными серыми глазами:

— Гражданин, вам плохо?

— Где здесь туалет?

— По коридору до конца и налево. Проводить? — участливо осведомился сержант милиции.

— Спасибо, мне не так уж и плохо, просто у вас тут очень душно.

— Мягко сказано, — подтвердил сержант. — Хоть бы кондиционеры поставили, а то как в душегубке.

В туалете стойко пахло куревом и мочой, на подоконнике валялись дохлые мухи. Даже яркое и торжественное июльское солнце, бросающее свои лучи сквозь окно, наполовину замалеванное серой краской, не способно было разрядить обстановку казенного сиротства.

Поздняков опустил голову под кран, обреченно ожидая, когда наконец польется более-менее холодная вода, потом встряхнулся, как бездомная собака, и посмотрел на свое отражение в висящем над раковиной тусклом, старательно засиженном мухами зеркале. Ничего не скажешь, впечатляющее зрелище: физиономия пожилого мужика с плохо выбритым подбородком со следами свежих порезов и сильно выраженными носогубными складками, придающими общему малооптимистичному выражению изрядную долю вселенской скорби.

— Ну что уставился, старый свнух? — спросил свое отражение Поздняков и, не дождавшись ответа, плеснул в зеркало водой из-под крана.

Глава 4

У платиновой блондинки были такие длинные ноги, что, казалось, туловище, голова и прочие комплектующие прилагались к ним только для проформы. Во всяком случае, лицо ее, плоское, невыразительное, прямо-таки подталкивало к тому, чтобы взгляд непроизвольно соскальзывал вниз, к ее подножию.

— Так и сказать: Поздняков, и больше ничего? — недоуменно переспросила она. — Может, у вас визитка есть?

— Так и скажите, — подтвердил Поздняков, — ну, если хотите, прибавьте еще господин. Как, на ваш взгляд, господин Поздняков звучит неплохо?

Длинноногая блондинка не оценила его старомодного юмора, передернула плечиками и скрылась за дверью кабинета своей начальницы.

Она отсутствовала не больше минуты, тут же вернулась, причем несколько заинтригованная.

— Можете проходить, — пригласила она, окинув Позднякова взглядом сверху вниз.

— Благодарю вас, вы очень любезны, — отзывался Николай Степанович, как по писаному, сам удивляясь собственной галантности.

Длинноножка хмыкнула и шелкнула длинным ногтем по клавише стоявшего на ее секретарском столе компьютера. По дисплею немедленно побежали буковки, похожие на трудолюбивых муравьев.

Госпожа Шихт — а в данном случае это обращение само напрашивалось — уже не выглядела убитой горем, как накануне. Она сидела в большом, шикарно обставленном кабинете, являя собой типичный образчик американизированной деловой

женщины, счастливо перенесенный на щедро удобренную рыночными реформами российскую почву.

Виолетта Шихт тронула наманикюренными пальчиками оправу красивых очков и эффектно выбросила вперед нежную длань, покрытую загаром, по-видимому, средиземноморского происхождения.

— Садитесь, прошу вас.

Прежде чем воспользоваться вежливым приглашением, Позднякову пришлось преодолеть изрядное расстояние от двери до стола Виолетты Шихт, владелицы известного в Москве Дома моделей. Он шел в своем сереньком костюмчике, который купил по случаю еще во времена тотального дефицита, когда хватали все подряд, и который он не менял вовсе не потому, что не было денег. Просто он никогда не придавал значения одежде, но сейчас нутром чувствовал, как падал его рейтинг в глазах этой профессиональной жрицы моды.

— Слава Богу, что у меня хорошая зрительная память, а моя секретарша умеет подробно описывать незнакомых посетителей, которые представляются только по фамилии, иначе бы я вас ни за что не приняла. У нас скоро показ.

— У вас не секретарь, а прямо агент ФБР, — заметил Поздняков. — Так быстро и основательно описать человека с незапоминающейся внешностью...

— Ну почему уж так и с незапоминающейся? — возразила Виолетта Шихт. — Вы себя явно недооцениваете, поверьте мне, уж я-то знаю толк в том, что называется имиджем.

По тому, как это было сказано, Поздняков каким-то шестым чувством уловил: модельерша в курсе их с Ларисой давней истории, и не исключено,

что она показалась ей романтичной. Впрочем, такие дамочки вряд ли находят в жизни что-нибудь более занимательное, чем высосанные из пальца американские сериалы.

— Вы пришли поговорить со мной о Ларисе? — спросила она, сразу погрузнев.

Поздняков молча кивнул.

— Не возражаете, если я закурю? — Виолетта достала из ящика стола красивую коробку, похожую на пудреницу, и извлекла из нее длинную и тонкую, как ароматическая палочка, сигарету. — Можете тоже курить, — предложила она.

— Лучше не стоит, — покачал головой Поздняков, вспомнив о смятой пачке «Примы» в кармане пиджака.

— Понимаю, что вы руководствуетесь не праздным любопытством, — многозначительно протянула Шихт, — это хорошо, что вы так близко приняли к сердцу трагическую смерть Ларисы. Я знаю, она дорожила дружбой с вами, ценила ваше мнение, да и вообще очень хорошо к вам относилась...

И так далее. Поздняков позволил Виолетте беспрепятственно нести эту благообразную чушь, оставив себе возможность тем временем ее повнимательнее рассмотреть, пока она очень вдохновенно закатывала глаза. Дамочка она была очень даже недурственная: возраст — что-нибудь до сорока, черты лица правильные, выразительные, косметика — умеренная. Такие всегда нравятся мужчинам — такой итог подвел своему осмотру Поздняков, словно сам не относил себя к сильному полу. Впрочем, лично на него она впечатления не произвела. Позднякову сразу не понравились наигранная улыбка и характерная особенность в конце каждой фразы складывать губки бантиком.

Наконец она перешла к более-менее существенной части своего монолога:

— С Ларисой мы познакомились восемь лет назад... Где это было? Кажется, какая-то выставка... ну да, вы помните художника Коростылева? — Она прикусила нижнюю губу. — Видите, как проходит земная слава. Тогда при упоминании одного его имени вся Москва гудела, как растревоженный улей, а теперь морщат лбы, пытаюсь вспомнить, кто такой. Не удержался человек на вершине, скатился... Господи, о чем я? — спохватилась Шихт. — Так вот, мы встретились на выставке Коростылева. Как сейчас помню, все ходят, разглядывают полотна, многозначительно кивают головами. И тут появляется она — просто тихо входит в зал, а такое впечатление, что влетела шаровой молнией. Знаете, она умела приковывать к себе внимание, только что все смотрели на картины и вот уже уставились на нее. Кто-то сказал: «Это Лариса Кривцова, ну, та, что пишет дамские романы, жена этого красавчика, Медникова». Такое впечатление, что она тогда способствовала заслуженному триумфу Коростылева. Сразу по углам зашушукались: Лариса то, Лариса се... Сплетников среди творческой публики больше, чем среди рабочих.

— Верное наблюдение, — подтвердил Поздняков. С чем другим, а с этим трудно было не согласиться.

— Ну вот, — продолжила приободренная его замечанием Виолетта, — а меня такое тогда любопытство разобрало: что же это за Лариса такая? Я ведь только начинала, о таком кабинете и Доме моделей могла только мечтать. Клиенты тоже были так себе...

«И ты подумала, что тебе неплохо было бы завести такую клиентку, как Лариса Кривцова, — мысленно добавил Поздняков, — чтобы в следующий раз светские сплетники прибавляли к упомянутым дамским романам, мужу-красавчику и паре-тройке любовников: «Ах, она одевается у Виолетты Шихт. Как, вы еще не слышали о такой?»»

Поздняков таки взъелся на модельершу, сам не зная с чего. Может, на него так подействовал подслушанный за дверью разговор, в котором молодой нахал-следователь назвал его «старым евнухом»?

А Виолетта продолжила свое повествование:

— В общем, мы даже не заметили, как сблизились. Оказалось, что у нас много общего, похожие взгляды на жизнь, а главное, к чему скрывать, обе мы очень амбициозные женщины, так сказать, Дианы-охотницы. Все эти восемь лет я была и подругой, и, употребляя модное словечко, имиджмейкером Ларисы. Без ложной скромности хочу заметить, что тут уж я точно была ей немало полезной. У нее ведь была сложная фигура, небольшой рост, скажем так, непритязательный вкус, а когда я принялась за Ларису, старые знакомые просто ее не узнавали. В ней появилось столько шарма, изысканности — в придачу к природному обаянию, конечно, которое, поверьте мне, никакой стилист не привьет. Она могла очаровать кого угодно, а как — это уже загадка. Ей самой в пору было открывать какую-нибудь школу обаяния, уверена: ученики бы повалили валом.

— Вы в курсе, как в последнее время развивались ее дела на личном фронте? — перевел стрелку разговора Поздняков.

Она снова тронула пальчиками дужку очков.

— А разве это так важно? То есть я хотела сказать, какое теперь это может иметь значение?

— Кажется, вы уже заметили, что я расспрашиваю вас не из праздного любопытства, — напомнил Поздняков.

— Ну, если так, — она развела руками, — думаю, Лариса меня простит. В конце концов, мы же не сплетни собираем. Просто встретились те, кто знал ее лучше других.

«Ну давай, давай, раскачивайся», — про себя подбодрил ее Поздняков.

— Вы же понимаете, что ее личная жизнь была не совсем устроена, как и у большинства российских женщин. Это просто злой рок какой-то... Казалось бы, эффектная, известная в широких кругах женщина, обеспеченная — все завидуют, а мужчины, которого просит душа, нет, — цветисто откровенничала Шихт. — С первым мужем не сложилось, со вторым... Конечно, у нее были мужчины, с последним из них ей сильно не повезло. Это был один манекенщик, работал у меня, сейчас уже уволился, точнее, я его уволила, — Влад Ольшевский. Конечно, он моложе, ему тридцать лет, но получилось не очень красиво, когда он закрутил роман с этой пустышкой, — в голосе женщины Поздняков уловил искреннюю брезгливость, — с этой сопливой выскочкой, которая слишком много на себя берет. Была тут у меня такая Жанна Хрусталева, восходящая звездочка, ходила по подиуму так, словно она из чистого золота. В общем, получился скандал. Я даже не представляла, что Лариса относилась к этому мальчику настолько серьезно. Подумаешь, смазливая мордашка, гладкая кожа, а дальше что? Кто он и кто она?! Пото-

му-то я его и уволила, ведь мы с Ларисой были как сестры, я воспринимала ее боль как свою.

— И где они теперь? — поинтересовался Поздняков.

— Кто? — Виолетта широко распахнула глаза под стеклами очков.

— Ну... этот мальчик и, как вы сказали, со-
плячка?

Виолетта дернула плечиком.

— Честно говоря, их дальнейшая судьба меня мало интересует, особенно теперь. У Влада отличные внешние данные, — думаю, он устроился куда-нибудь через модельное агентство. Что касается девчонки, эта вообще далеко пойдет. Я бы ее так и так выгнала, потому что она... — Виолетта понизила голос: — Водит дружбу с мафией. У нее любовник чуть ли не какой-то крестный отец или что-то в этом роде. Можете себе представить, у меня одевается такая респектабельная публика, а тут...

«Смотря что понимать под респектабельной публикой, — подумал Поздняков. — По мне, так это и есть настоящая мафия».

— А когда вы видели Ларису в последний раз? — спросил он.

— В пятницу, — горестно вздохнула Шихт. — Это был ужасный день. Когда Лариса здесь появилась, когда она здесь появилась...

— Вы хотите сказать, что она приехала к вам сюда, в Дом моделей? В котором часу?

— Это было... Ну да, вскорости после полудня. Лариса вошла грустная — нет, не то слово, на ней просто лица не было. Села вот сюда, как раз на тот стул, на котором вы сейчас сидите, и рассказала мне эту ужасную вещь.

— Какую вещь?

— Как, разве вы не знаете? — поразилась Виолетта. — Разве она вам не сообщила?

— Я ничего не знаю, — сказал Поздняков, но его вранье было абсолютно невинным, поскольку о болезни ему рассказала не Лариса, а следователь Ругин.

— А ведь она сказала, что может поделиться этим только со мной и с вами, — прошептала Шихт, поднося к губам невесть откуда взявшийся кружевной платочек. — Хорошо, тогда знайте: как раз в пятницу она узнала, что у нее рак. Представьте, какой ужас? Она пришла ко мне прямо от врача — белая как мел. Впрочем, неудивительно.

— Где она обследовалась?

— Да в том-то и дело, что в обычной районной поликлинике. А там такие дубины стоеросовые, не могли сказать ей как-нибудь помягче, подипломатичнее, а то напрямую приговорили — рак у вас, заказывай венки, дорогая. Я никогда не понимала ее странной привычки пользоваться бесплатной медициной. Лично для меня это как пресловутый общепит. Я ей говорила: «Лариса, неужели при своих деньгах ты не можешь наблюдаться в какой-нибудь хорошей платной клинике, где с тебя пылинки сдувать будут? Неужели тебя привлекает перспектива сидеть в очереди с дряхлыми старухами, чтобы участковый эскулап, способный разве что больничный лист выписать, да и то с ошибками, объяснял тебе, как ставить горчичники?» А она мне в ответ знает что? В своем амплуа: «В платной клинике мне за мои деньги столько болячек найдут, что я буду на нее пахать всю оставшуюся жизнь». Ну вот... А тут у нее после очередной простуды вдруг кашель открылся, такой

глубокий, знаете, в общем, очень подозрительный. Она сначала не обращала внимания — по своему обыкновению. Потом ей со всех сторон стали говорить: «Лариса, проверься, Лариса, проверься». Она и проверилась. Ах, это ужасно, это ужасно!

На роскошном столе владелицы Дома моделей робко и деликатно звякнул телефон. Виолетта взглянула на часы.

— Ну вот, секретарша на обед ушла, и теперь на звонки отвечать мне. Не буду, не буду снимать трубку, я ведь тоже имею право на отдых, правда?

Она сняла очки и принялась вытирать платком подернутые влагой глаза, и тут заработал телефонный автоответчик, который для начала строго произнес:

— Извините, в данный момент никто не может подойти к телефону; оставьте, пожалуйста, ваше сообщение после сигнала.

Следом ворвался энергичный мужской голос:

— Ви, это я, твой великий и могучий Бобо! Жди меня сегодня, как и вчера, в одиннадцать. И, как и вчера, ты все забудешь в моих объятиях.

Автоответчик вырубился, а Виолетта густо покраснела.

— Глупость какая, похоже, кто-то перепутал номер телефона.

— Бывает. — дипломатично поддакнул Поздняков, глубоко уверенный, что неизвестный ему «великий и могучий Бобо» ничего не перепутал. Он тут же попытался вернуть раскрасневшуюся Виолетту на грешную землю. — Значит, в последний раз вы видели Ларису в пятницу в полдень?

— Ну да, — в тоне Виолетты впервые за весь разговор проскользнула нотка раздражения.

— А куда она отправилась вечером? Она случайно не говорила вам, что куда-то собирается?

— Ах, да, — вспомнила Шихт, — она собиралась пойти на премьерный показ в Доме кино, только не помню, на какой фильм... Я еще удивилась, подумала, как она пойдет в таком состоянии, но она сказала, что ей теперь нужно все время быть на людях. Вот и все.

Поздняков непроизвольно напрягся — беседа приближалась к кульминации.

— Понимаю, вам очень трудно об этом вспоминать, но все же... Постарайтесь подробнее рассказать мне о том злополучном понедельнике. Поверьте, для меня это очень, очень важно.

— Ну что ж, — Виолетта набрала в легкие воздуха, словно пловец перед длительным заплывом. — Тогда же, то есть в пятницу, Лариса пригласила меня на выходные к себе на дачу. Но я закрутилась, знаете, эта подготовка к показу... И потом, у людей, которые занимаются модельным бизнесом, выходные дни как раз самые горячие... Короче, я вырвалась только в понедельник, приехала в Хохловку около часу дня... — Она теперь говорила медленно, старательно восстанавливая в памяти последовательность трагических событий. — Калитка была открыта, в смысле — не заперта. Я прошла по дорожке к дому, позвонила в колокольчик — у Ларисы вместо звонка на даче колокольчик, это я подала ей идею. — никто не открывает. Позвонила еще раз... ну, потом решила заглянуть в окно и... увидела Ларису на диване. Я почему-то сразу поняла, что она мертва. Меня сразу как током ударило. Дальше... я побежала к ее соседу, писателю, ну, тому, что говорил прощаль-

ное слово на похоронах. Его дома не оказалось. Слава Богу, у меня был с собой сотовый телефон, я позвонила в «Скорую помощь» и милицию. Ну, приехали и те, и другие, врач констатировал смерть. Тут практически одновременно с ними подъехал Воскобойников. Нас сразу опросили, я рассказала — да что я, собственно, могла рассказать? Этот писатель тоже ничего не знал, накануне он не ночевал на даче, уезжал в город... В общем, все, нет Ларисы...

Виолетта умолкла. Поздняков нарушил затянувшуюся паузу:

— Дверь в дом, что же, ломали?

— Да нет. В милиции, оказывается, такие мастера, что любого взломщика за пояс заткнут. Один милиционер ключ подобрал и открыл, ничего не ломая.

— Значит, дверь не была закрыта на цепочку, — заметил Поздняков.

— Что? — не поняла Виолетта.

— Да это я так, не обращайтесь внимания, — отмахнулся Поздняков. — Скажите мне лучше, в каких отношениях Лариса была со своим мужем после развода?

Похоже, он слишком увлекся расспросами, ибо Виолетта своим хорошеньким носиком сразу уловила в воздухе запах жареного.

— А ведь все это неспроста? Вы что, подозреваете, что Ларису кто-то... Н-нет, не может быть.

— Вы же умная женщина, — польстил ей Поздняков, — и понимаете, что для подозрений должны быть основания. Пока что у меня их нет — значит, мы просто дружески беседуем. К тому же я всего лишь пенсионер, и за моими расспросами

ничего страшного нет, приглашения повесткой для дачи показаний не последует.

— Да, вы, может, и пенсионер, — опасливо протянула Виолетта, — но прежде, кажется, работали следователем, ведь так?

— Именно поэтому я не скажу и не сделаю ничего лишнего, — пообещал Поздняков.

Женщина подумала и предложила:

— В таком случае спрашивайте все у них самих: и у Медникова, и у Ковтуна. Ковтун вас тоже интересуется, я правильно поняла? Зачем я буду влезать в чужие отношения, тем более что это такая сфера — не разберешь, кто прав, кто виноват.

Ничего не скажешь — выкрутилась.

Виолетта снова посмотрела на часы и воскликнула:

— Ну вот, мой обеденный перерыв уже кончился, пора приниматься за работу.

— Большое вам спасибо, — сказал Поздняков, приподнимаясь со стула и незаметно разминая больную ногу. — Напоследок я хотел бы задать вам еще один вопрос, который наверняка никого не заденет. Лариса в последнее время работала над каким-то романом. Не знаете, она его закончила?

— Ну да, она писала роман, я даже приблизительно знаю его сюжет. В ее обычном стиле, она ведь по большому счету писала романы о любви, которые плавно переплетались с криминальной интригой. Уж в этом деле у нее точно было чувство меры. По-моему, на идею романа ее натолкнуло знакомство с модельным бизнесом, через меня, разумеется. В общем, там история юной девушки, желающей добиться удачи и стать знаменитой фотомodelью, которая ради достижения своей мечты

соглашается стать любовницей мафиози. Хотя, может, этот сюжет только еще был в ее планах, не стану утверждать.

Поздняков встрепнулся:

— Очень похоже на случай с этой девушкой, ну, с той, что работала у вас!

— Да нет, уверяю вас, — сказала Шихт, — это не более чем совпадение. По большому счету Лариса всегда брала свои сюжеты из головы, ей нужен был всего лишь небольшой толчок, своего рода озарение. Возможно, я как-то обмолвилась ей об этой нашей пигалице Хрусталевой, но остальное — все ее чистая, летящая фантазия. Больше я ничего не знаю. Возможно, знает женщина, которая обычно перепечатывала ее рукописи? Как ее зовут? Ах да, Евгения Ивановна, фамилии, к сожалению, не помню.

— А сестра Ларисы?

— Эта старая дева? — с презрением произнесла Виолетта. — Вот уж кому повезло! Такое наследство за здорово живешь! А авторские права? Она ведь ни одной Ларискиной книжки не прочитала! И рукопись, конечно, она искать не будет, зачем ей? Кстати, там у Ларисы в спальне висит пастель — подсолнухи в траве. Мне так она нравилась, и Лариса собиралась мне ее подарить. Эта бабка, конечно, теперь мне ее не отдаст, ну да ладно...

Поздняков наконец смог уверенно встать на свою покалеченную ногу и, уныло попрощавшись, поковылял к двери. У него было предчувствие, что он еще не однажды встретится с модной мадам. Нюх старой легавой подсказывал ему: Виолетта многое недоговаривала, практически почти все.

Платиновая длинноножка уже сидела на своем

вертящемся стульчике, заворуженно уставившись в экран дисплея.

— Успели отобедать? — поинтересовался Поздняков, дабы продемонстрировать свою осведомленность во внутренних делах храма моды.

Та кивнула, на долю секунды оторвавшись от экрана и вопросительно уставившись на Позднякова: чем могу еще служить?

Николай Степанович не стал ее томить.

— Минутное дельце, — пробормотал он, понизив голос, — подскажите-ка мне телефончики двух человечков. Уверен, у вас есть замечательный гросс-бух, в котором все аккуратненько записано.

Длинноножка продолжала вопросительно смотреть на него.

— Некие Ольшевский и Хрусталева.

— Они у нас больше не работают, — не моргнув глазом, выдала вышколенная секретарша.

— Но ведь телефончики-то остались, — занудствовал Поздняков, заранее уверенный в том, что длинноножка в ответ вежливо пошлет его подальше в лучших традициях образцово-показательного делопроизводства.

Но она только внимательно окинула взглядом его нелепую сутулую фигуру и после минутного раздумья достала из ящика стола записную книжку, провела ярко-оранжевым ногтем по буквам:

— Так, Ольшевский и Хрусталева...

И продиктовала номера телефонов, чему было только одно объяснение: она, вероятно, решила, что если уж сама Виолетта Шихт принимает этого замухрышку в дешевом костюме, то уж, наверное, он не с пальмы вчера свалился и что-нибудь собой

наверняка представляет. Купилась, бедненькая, купилась.

— Спасибо, вы очень любезны, — расплылся в абсолютно искренней улыбке Поздняков.

— Не за что, — отчеканила длинноножка и снова с головой погрузилась в мир байтов и килобайтов.

* * *

Теперь-то Поздняков мог наконец задымить своей вонючей «Примой». Он уселся на скамейке в сквере, привычно пристроил сигарету между передними зубами и полез в карман за спичками. В тот же самый момент почтенная матрона с пудельком, мирно дремавшая на другом конце скамьи, сорвалась со своего места, точно осенний листок, подхваченный порывом ветра, и, бормоча себе под нос что-то неразборчивое, но явно неодобрительное, засемила в противоположную сторону. Поздняков растерянно посмотрел ей вслед, хотел было даже догнать ее и извиниться, но, поразмыслив, решил, что так даже лучше. По крайней мере теперь он мог дымить в свое удовольствие, сколько пожелает.

Курить и размышлять — тем более что пищи для размышлений у него имелось предостаточно. «Итак, Шихт, безусловно, темнила — не врала, а просто-напросто что-то недоговаривала. Старая песня, обычная история при первом допросе. Впрочем, какой, к черту, допрос! Кто он, собственно, такой? Всего лишь пенсионер, от нечего делать ударившийся в самодеятельность. Ладно, некогда терять время на перебивание косточек самому

себе, думай лучше, думай», — так приободрил себя Поздняков.

«Шихт была неискренней хотя бы уже потому, что изображала неутешное горе, в то время как вчера, буквально через несколько часов после похорон своей лучшей подруги (если только это действительно так), пребывала в объятиях какого-то Бобо. Чго-то не вяжется с образом убитой горем подруги. Любопытно бы было заодно узнать, кто таков этот «великий и могучий Бобо». Кроме того, она усиленно дистанцировалась от нравов московской богемы. Тут стреляного воробья Позднякова не проведешь — она, похоже, была первостатейной сплетницей и интриганкой. Как ее только Лариса терпела, не очень-то это вязалось с образом той Ларисы Кривцовой, которую он двадцать пять лет не мог выбросить из памяти. Может, он все-таки ошибался на ее счет?

Ладно, дальше. Линия: Ольшевский — Хрусталева, этой сладкой парочкой нужно непременно заняться. Особенно девицей и особенно в том случае, если ее мафиозный покровитель отнюдь не плод разгоряченного воображения Виолетты Шихт. И еще, черт, как ност нога, районная поликлиника! Это уж первейшее дело, самое что ни на есть первейшее. Неужели Лариса и вправду смалодушничала, узнав о болезни? Не верилось. Позднякову не верилось, хотя в свете последних открытий... Так ли уж хорошо он знал Ларису, чтобы пытаться предсказать ее поведение? Главное не расслабляться, а действовать, действовать.

Поздняков старательно затушил окурок и выбросил в урну, все еще чувствуя на себе укоризненный взгляд хозяйки пуделька, и потопал к своей «шестерке», оставленной неподалеку от метро.

Глава 5

Найти районную поликлинику, к которой была прикреплена Лариса Кривцова, труда не составило, поскольку пресловутого института прописки пока что еще никто не отменял. Разве что слегка подновили терминологию, назвав штамп в паспорте регистрацией, но суть осталась та же. Все равно что переименовать публичный дом в «салон безопасного секса».

Стандартная бетонная коробка в три этажа с треснувшей по краю табличкой «Поликлиника № 47», облупившийся козырек, выщербленные ступеньки — родной до боли фасад отечественного «богоугодного» заведения. В регистратуре — старушка, колдующая с каким-то свертком за стеклянным окошком. На нетерпеливый призыв Позднякова она привычно огрызнулась:

— Вы что, не видите? Я занята!

Вымуштрованный родным сервисом, Поздняков безропотно проглотил язык.

Старушка-регистраторша не удовольствовалась окриком и принялась злобно ворчать:

— Всем срочно, всем немедленно... И чего шастают, чего им дома не сидится?

— А тебе что, старая карга, на пенсии не сидится? — многозначительно поинтересовался кто-то за спиной у Позднякова. Тот невольно втянул голову в плечи, приготовившись к очередному старушечьему визгу из-за стеклянной перегородки.

Однако, к его удивлению, старушка немедленно отложила свой сверток и прищандыбалась к окошечку.

— Что вам, гражданин? — спросила она, глядя

на Позднякова сквозь толстые стекла своих роговых окуляров.

Позднякову всего-то нужно было знать, какой врач обслуживает улицу Оранжерейную. Получив немедленный ответ, он, повернувшись, увидел того, кто назвал регистраторшу старой каргой. Им оказался гражданин пролетарской внешности, небрежно гоняющий огрызок спички из одного уголка рта в другой. С ним регистраторша была особенно вежлива:

— Пожалуйста, я вас слушаю.

«Прямо по Карнеги, — усмехнулся про себя Поздняков. — вот что значит правильный подход!» И он пошел искать тридцать пятый кабинет, в котором принимал доктор Руднев.

Слава Богу, у кабинета не было ни единой души: то ли все больные доктора Руднева скоропостижно выздоровели, то ли, что значительно хуже, он попросту отсутствовал. Поздняков постучал костяшками пальцев по двери и сразу же услышал приятный мужской баритон:

— Войдите!

Доктор Руднев оказался довольно молодым блондином весьма приятной наружности. Он посмотрел на часы.

— Вообще-то мое рабочее время уже кончилось, ну да ладно... Ваша фамилия? — спросил он и уже приготовился перебирать корешки лежащих на столе карточек.

— Моей карточки там нет, — объяснил Поздняков.

— Что, опять потеряли? — понимающе подхватил доктор. — Ладно, Бог с ней, с этой карточкой, на что жалуетесь?

Что ж, язык бы не повернулся назвать доктора

Руднева формалистом, и уже одним этим он стал сразу симпатичен Позднякову.

— Да я не насчет себя...

— Понятно, вы родственник, — кивнул доктор. — Да вы садитесь, садитесь. Так за кого вы беспокоитесь?

— Кривцова Лариса Петровна... — только начал Поздняков, а доктор Руднев мгновенно вспыхнул, как спичка.

— Господи, как хорошо, что вы пришли, — затараторил он, проводя крупной ладонью по лицу. — А то я сегодня с утра звоню ей — никто не отвечает, собирался уже ехать.

— Звонили? — удивился Поздняков.

— Ну да, тут у нас произошла дикая история, — пояснил доктор, — на моей памяти такое впервые. Понимаете, так вышло, — он замялся, с хрустом сжал пальцы рук, — в общем, у нас перепутали снимки...

Поздняков похолодел. Когда доктор продолжил свои объяснения, у него буквально волосы на голове зашевелились. Было от чего!

— Понимаете, этот снимок... ну, с метастазами в легких, в действительности не Ларисы Петровны, точнее, не ее грудной клетки, а совершенно другого человека, который действительно безнадежно болен раком, ему осталось жить месяца два-три... А у Ларисы Петровны, к счастью, ничего серьезного, если не принимать во внимание немного запущенный бронхит. Да что это вы так побледнели, вам что, плохо?

— Лариса Петровна в воскресенье умерла, — бесцветным голосом сообщил Поздняков. — Следствие склоняется к тому, что она покончила жизнь самоубийством.

— Что?! — обаятельный блондин в белом халате вскочил со стула и тут же рухнул на него снова — глухо и тяжело, как сноп.

— Какого черта! — простонал Поздняков. — Зачем вы ей наплели про рак? Даже если бы это была правда, неужели нельзя как-нибудь помягче, зачем же в лоб?

Молодой доктор, казалось, собирался разреваться в голос:

— Господи! Да я и не хотел ей ничего говорить, тем более что такой диагноз с ходу не ставят, нужны дополнительные анализы, консультации. А она, ну, Лариса Петровна, буквально вцепилась в этот несчастный снимок и говорит: «Я от вас не уйду, пока вы мне не скажете, что вы видите на снимке». Я и так, и этак выкручивался, но у нее мертвая хватка, а выдержка — не у каждого мужчины такая! В общем, в конце концов я ей сказал, что вижу метастазы. Она поблагодарила меня и ушла. А сегодня перед началом приема приходит ко мне рентгенолог — не может снимок какой-то найти... Тут мы с ним во всем разобрались. Ну, выяснили, что снимки перепутались.

— Перепутались? — воскликнул Поздняков. — У них что, приделаны ноги и они сами гуляют по коридорам куда вздумают?

— Нет, конечно, — буркнул доктор, — вероятно, это следует квалифицировать как служебную халатность... Если бы только можно было что-то изменить...

— Уж не хотите ли вы сказать, что это ваше чистосердечное признание вас извиняет? — начал вскипать Поздняков.

— Я сам себе этого никогда не прощу, — произнес молодой человек, глядя в сторону.

Позднякову стало искренне жаль парня, который не думал выкручиваться и оправдываться, а, напротив, похоже, брал на себя чужую вину.

— Ладно, — по-отечески обратился он к парню на «ты», — говоришь, твой рабочий день закончился? Пойдем-ка потолкуем где-нибудь в другом месте.

— Хорошо, — с юношеской горячностью подхватил доктор, — сейчас, я только сниму халат.

Они молча вышли из бетонной коробки поликлиники, вместе спустились по выщербленным ступенькам. Неожиданно доктор Руднев вострепнулся и со словами «одну минуточку» кинулся к высокой красивой брюнетке в розовом костюме, которая усаживалась в темно-синий «Мерседес». Но та змейкой нырнула в скрытое за тонированными стеклами нутро лимузина. Растерянный доктор замер, глядя вслед набирающему скорость автомобилью.

— Ваша девушка? — поинтересовался подошедший Поздняков.

— Что? — очнулся доктор. — Да нет, она у нас работала медсестрой, недавно уволилась.

— Красивые у вас медсестры, — заметил Поздняков как бы невзначай.

Молодой человек оставил его замечание без комментариев.

— Вы думаете, что она, ну, Лариса Петровна, покончила с собой из-за того, что я ей сказал? Тогда, тогда... может, мне сразу в милицию идти и все там рассказать? — неожиданно спросил доктор, в глазах его плескалась такая вседенская тоска, что Позднякову стало не по себе.

Николай Степанович отрицательно покачал головой. Действительно, что бы дало такое самопо-

жертвование, если исповедь доктора только в очередной раз (который по счету!) подтвердит полюбившуюся следователю Ругину версию о самоубийстве Ларисы Кривцовой?

— Нет, я все-таки пойду, — заупрямился доктор.

— Еще успеешь, — осадил его Поздняков. — К тому же следователь скорее всего и так к тебе пожалует снимать показания. — А сам про себя подумал: «Черта с два он пожалует — небось не сегодня-завтра закроет дело. Станет он себе забивать голову деталями и нюансами, когда ему и без того все ясно». То, что Лариса Кривцова вела божественный образ жизни, частенько выпивала, была эксцентрична и неуравновешенна, это в понимании таких, как следователь Ругин, — прямая дорожка к самоубийству.

Расстроенный доктор окончательно повесил нос, Поздняков понял, что он уже давно мысленно насушил сухарей и сложил их в узелок в ожидании, когда его препроводят в кутузку. Ну почему, черт побери, виноватым оказывался хороший и порядочный парень!

— Тебя как зовут-то? — спросил Поздняков, извлекая из своей помятой пачки «Примы» последнюю сигарету.

— Андрей, — обреченно произнес парень.

— А меня — Николай Степанович Поздняков, и я Ларисе Петровне никакой не родственник, просто друг, правда, со стажем. Двадцать пять лет — это стаж?

— Стаж, — произнес Андрей, не понимая, куда клонит этот странный дядька.

— Это хорошо, что ты так считаешь, — похвалил его Поздняков, думая о своем, и добавил: —

Слушай, тут где-нибудь поблизости есть подходящее заведение, а то совсем в горле пересохло?

— Кажется, за углом, — неуверенно сообщил Андрей, из чего Поздняков немедленно сделал вывод, что доктор Руднев подобные заведения не жаловал.

— Ну, Андрюша, веди. — сказал Поздняков, бросил окурок в траву за отсутствием поблизости урны и по-босаяки, чуть не по локоть, засунул руки в карманы порядком измятых брюк.

Андрюша, ничего не ответив, повел его вверх по переулку.

Заведение именовалось необычно, что называется, с фантазией, — «Муха». Правда, вся его оригинальность заключалась исключительно в незаурядном названии, остальное было вполне трафаретно: небольшое летнее кафе с несколькими столиками под старыми липами.

— Очень изысканно, — оценил антураж Поздняков, устраниваясь на пластиковом стуле.

Доктор только пожал плечами.

Не успели они усесться, как из жестяной будки кафе материализовалась женщина в кокетливом белом передничке. Но общепринятого «чего изво-лите» они не слышали, — близоруко щурясь, женщина объявила:

— Сегодня только цыплята.

— Пойдет, — кивнул Поздняков, — а водочки не найдется?

— «Смирновская»? «Абсолют»?

Поздняков поморщился.

— А чего-нибудь из довоенных запасов?

Официантка молча удалилась и через пару минут явилась с двумя тарелками коричневых, пересохших в духовке цыплят. Так же молча она снова

скрылась в жестяной будке и принесла на этот раз две рюмки и бутылку «Московской».

— По-моему, хозяйка этой таверны — сама любезность, — подмигнул Поздняков Андрею, когда неразговорчивая женщина удалилась.

— Да здесь обычно контингент посетителей специфический, — пояснил доктор, — потому что сравнительно дешево. Ничего, скорее всего их отсюда очень скоро вышибут. Место уж больно заманчивое, вроде бы и в стороне, но в то же время недалеко от центра. Построят здесь какой-нибудь магазин или, чего доброго, казино.

Поздняков разлил в рюмки водку: Андрею полную, себе — на два пальца.

— Несправедливо как-то получается, — невесело пошутил парень.

— Я за рулем, — объяснил Поздняков.

— А я, честно говоря, вообще не очень этим делом увлекаюсь, — покосился на бутылку доктор.

— Сегодня тебе можно, даже нужно — считай, что доктор прописал, — произнес Поздняков сочиненный на ходу каламбур.

— Ну, если доктор, — протянул Андрей и уточнил: — Пьем без тостов.

Поздняков заиграл желваками.

— Я с понедельника пью исключительно без тостов.

Доктор опорожнил свою рюмку, сморщился и захрустел пересошим цыпленком. Отодвинув тарелку, поинтересовался:

— Вы хромаете. Что с ногой?

— Бандитская пуля, — выдал свою дежурную шуточку Поздняков, но тут же поправился: — Не бойся, я не из крутых, я всего лишь инвалид-пенсиянер, сыщик, ушедший на заслуженный отдых.

От неожиданности доктор закашлялся.

— Не бойся, — успокоил его Николай Степанович, — я не собираюсь делать из тебя козла отпущения и могу объяснить — почему.

— Почему?

— Потому что я вообще не верю в самоубийство Ларисы Петровны Кривцовой.

Доктор Руднев вцепился в край пластикового стола, да так, что пальцы его посинели:

— Но... но как это понимать? Она ведь умерла?

— Просто я думаю, что это было преднамеренное убийство, — пояснил Поздняков, в задумчивости постукивая вилкой по ребристой рюмке. Звон получился нежный, мелодичный и печальный.

— Понимаю, понимаю, — пробормотал Руднев, зафиксировав свой перепуганный взгляд в какой-то запредельной точке. — Вы хотите сказать, что я, сообщив ей страшный диагноз, совершил преднамеренное убийство?

— Детективов в детстве много читал? — приподнял брови Поздняков. — Ни в чем таком я тебя не обвиняю, хотя, конечно, напорол ты порядочно. Просто даже чисто теоретически не могу предположить, что она могла наглотаться этих дурацких таблеток. Понимаешь, не могла, — Поздняков в сердцах стукнул кулаком по столу, отчего тарелки и вилки подпрыгнули, а встревоженная хозяйка выглянула из своей будки.

— Что-то рано вы начинаете, — заметила она на философский манер, — еще и полбутылки не выпили...

— Извините, — пробормотал Поздняков и убрал руки со стола.

— Господи, если бы так! — почти мечтательно

произнес доктор и спохватился: — То есть это, конечно, ужасно... Черт, ну и чушь я несу... Но вы меня понимаете, как ни ужасна смерть сама по себе, лучше все-таки думать, что твоей вины тут нет... Тем более... я вообще до сих пор не могу привыкнуть к тому, что люди, которых я знаю... Простите, кажется, я уже пьян, — он потер виски пальцами. — У меня вообще выдалась ужасная неделя — тяжелая, отвратительная. Во-первых, Лариса Петровна... А тут еще, надо же, такое фатальное совпадение. Еще один пациент, тоже, между прочим, писатель, может, помните, был такой известный роман «Черные облака»?

Поздняков отрицательно покачал головой, не понимая, к чему тот клонит.

— Вот у него, между прочим, обнаружился рак, неоперабельный, прогноз — проживет максимум месяц-полтора. Я совсем, совсем выбит из колеи, — рассказывал доктор, который, похоже, расслабился после первой же рюмки.

— Послушай, Андрей, — вернул его к главной теме Поздняков, — все же мне не совсем понятно, каким образом ты перепутал снимки? Неужели это так просто?

Парень сразу сник.

— Насколько я понимаю в вашей медицинской бюрократии, обычно всякими там бумажками, справками, анализами занимаются медсестры — правильно я говорю? — продолжал Поздняков. — Если так, то снимки должна была принести вам медсестра, она-то их скорее всего и перепутала. Я не ошибаюсь?

Доктор замер, по-прежнему не произнося ни слова.

— Ну ладно уже, хватит в молчанку играть. Я и

без тебя обо всем догадался. Это она впорхнула в «Мерседес», ну, та самая жгучая брюнетка мексиканского типа?

Андрей наконец поднял на Позднякова свои крупные голубые глаза.

— Вы наблюдательны, один взгляд — и даже национальность определили. Она и вправду наполовину латиноамериканка, ее отец — аргентинец, учился здесь, познакомился с матерью Лолиты — девушку зовут Лолита, — потом вернулся на родину. Вполне возможно, он даже не знает, что в России у него осталась красавица-дочка... В общем, она была моей медсестрой, а в понедельник уволилась. Сейчас ведь это просто: подал заявление — и никакой отработки, как раньше. Но она хорошая девушка, поверьте мне, и перепутала эти снимки случайно. А чего вы хотите? Девчонке двадцать лет, внешность киноактрисы, а зарплата — пособие по безработице больше, да и ту задерживают. Вы, наверное, сами знаете, сколько медикам платят.

— Она уволилась, когда выяснилось, что перепутала снимки?

— Да нет же, нет, говорю вам, — запальчиво произнес Андрей. — Это выяснилось только сегодня, а до сих пор никто и не знал!

— А сегодня что она делала в поликлинике?

Доктор пожал плечами.

— Наверное, пришла за расчетом, за трудовой книжкой...

— По-моему, она не пришла, а приехала, — поправил его Николай Степанович.

— Вот вы о чем... Она не такая, поверьте. Просто при ее внешности... В общем, вокруг всегда выются мужики, слетаются, как пчелы на варенье.

— Ты тоже выешься? — напрямую спросил Поздняков.

— Я... я не выюсь, просто я ее люблю и буду любить всегда, что бы она ни натворила!

— Ага, все-таки она может нечто «натворить». — Поздняков ухватился за слово, опрометчиво слетевшее с уст влюбленного доктора.

— Ничего такого она не натворила, — твердо заявил Руднев. — Во всем виноват я — и только я.

— Похвальное самопожертвование, — вздохнул Поздняков. — Если бы его еще кто-нибудь оценил. Знаете что, Андрюша, дайте-ка мне координаты этой вашей Лолиты, хотя бы телефончик. И не будьте партизаном, я ведь элементарно могу выяснить ее местожительство в вашем отделе кадров.

Но Андрюша все-таки решил остаться партизаном на допросе.

— Вот и выясняйте, — предложил он, откинувшись на спинку стула, — а я, чего бы вы там ни выяснили насчет Лолиты, целиком и полностью беру вину на себя.

— Ладно, договорились, — безропотно согласился Поздняков. — А теперь добавлю от души: благородный ты парень, но дурак...

А про себя уточнил: «Главное — очень похожий на меня, если, конечно, твою Лолиту можно сравнить с Ларисой».

* * *

Встретиться с Лолитой, пленившей благородного доктора Руднева, Позднякову в тот день не удалось, хотя адрес ее он добыл в поликлинике без особенных усилий. То, что Лолитой интересовал-

ся очередной мужик, никого не удивляло, а уж если он такой старый и потасканный, то это уж его личные проблемы.

Хуже, что самой Лолиты вечером не оказалось дома. Дверь ее квартиры открыла худая женщина средних лет с издерганным лицом и неприятным перманентом.

— Чего надо? — осведомилась она не слишком гостеприимно.

— Мне бы Лолиту, — объяснил Поздняков самым дружелюбным тоном.

— И ты туда же, старый козел? — осклабилась она, продемонстрировав отсутствие центральных зубов на верхней челюсти. — Вот уж действительно, куда конь с копытом, туда и...

— Моя фамилия Поздняков, — наперекор всему представился Николай Степанович.

— А хоть бы и Поздняков — все равно козел, — констатировала женщина.

— Ладно, пусть так, — не стал спорить старый сыщик. — Скажите лучше, где ваша дочь?

— А почему ты знаешь, что она моя дочь? — подозрительно осведомилась женщина.

Внизу кто-то открыл дверь в подъезд, и в то же мгновение в глубине квартиры из-за сквозняка захлопнулось окно, а до носа Позднякова донесся крепкий запах алкоголя: дама-то, оказывается, была крепко навеселе!

— Так откуда ты знаешь, что я ее мать? — повторила женщина. — Ты что, уже бывал здесь?

— Да нет, просто вы очень похожи, — беззастенчиво соврал Поздняков. В действительности у красотки, которую он видел на автостоянке у поликлиники днем, и у старой облезлой кошки, которую лицезрел в данный момент, было столько же

общего, сколько у луны — с паровозом. Видно, Лолита унаследовала свою экзотическую внешность исключительно от своего латиноамериканского папаши. — Ну так где она?

— Слава Богу, не имею понятия уже целую неделю, — радостно сообщила Лолитина мамаша. — И если дело пойдет так и дальше, то скорее всего вообще ее никогда больше не увижу.

— И как пойдет дело дальше? — вкрадчиво поинтересовался Поздняков.

— Эта идиотка, похоже, начала делать бизнес на своей смазливой роже.

— Как это понимать?

— А как хочешь, так и понимай, — отбрила Позднякова женщина. — Чего привязался, проваливай. Сомневаюсь, чтобы она стала связываться с такими, как ты. Старый, да и денег, наверное, не густо...

— Так вы даже не предполагаете, где она сейчас? — упорствовал Николай Степанович.

— А хрен ее знает. Она, видите ли, решила круто поменять свою жизнь, и в ее новой жизни ей уже не понадобится ни старая мать-пьяница, ни квартира, в которой все валится. Ладно, хлебнет счастливой жизни — назад прибежит, а я ее на порог не пушу. А то мать корми, учи... Чем, спрашивается, профессия медсестры ей не подходит? Думает: раз рожа гладкая, так всегда такой будет. Как бы не так, я сама была красотка — хоть куда, а что осталось?

Да, осталось немного, с этим трудно было спорить. Точнее — не осталось ничего. Поздняков развернулся и похромал вниз по лестнице.

Он уже спустился на целый этаж, когда рассерженная мать спохватилась:

— А чего ты хотел-то, эй, слышишь?

— Да так, — отозвался Поздняков, — просто привет передать.

— Ходят тут всякие со своими приветами, — проворчала женщина наверху и оглушительно хлопнула дверью.

Глава 6

Поздняков проснулся с головной болью, как с перепоя, хотя накануне ничего не пил, если не считать символических пяти капель с доктором. Утро было серенькое и безрадостное, сулившее нудный дождичек на весь день. По крайней мере такой прогноз предвещала сыщику больная нога, имеющая наглую привычку дергать и свербеть при малейшей перемене погоды в худшую сторону.

Он выпростал из-под одеяла свои худые, поросшие жесткими темными волосами ноги и уныло посмотрел на них. Сначала на здоровую — мельком, потом на больную — повнимательнее. Извилистый шов тянулся вдоль бедра и заканчивался в двух сантиметрах от коленной чашечки.

— Да, были когда-то и мы рысачами, — пробормотал Поздняков, пытаясь заглушить в себе острое чувство сиротства, которое безнадежно охватывает одинокого человека скучным, сереньким утром. Но это сиротство было особенным, к нему примешивалось мучительное ощущение утраты чего-то, пусть и не принадлежавшего ему в полной мере, но все равно необходимого, как воздух. Лариса, далекая и почти виртуальная, чаще возникающая между строк своих романов, нежели в его, реального Позднякова, реальной жизни, бросила его теперь уже окончательно и бесповоротно, ос-

тавив на съедение неизбежной старости, словно забытого в подворотне котенка.

Он встал и босиком прошлепал в ванную, умылся, побрился, привычно украсив подбородок парочкой свежих порезов. Поморщился, плеснув на них терпким лосьоном. День, каким бы он ни был серым и тоскливым, уже начался, и его надлежало наполнить хотя бы обманчивой видимостью смысла. Такой шанс у него оставался, во всяком случае, до тех пор, пока он не разберется, что же в действительности произошло душной июльской ночью в элитной Хохловке.

Яичница умиротворяюще шкворчала на сковороде, а Поздняков, наблюдая через кухонное окно привычную утреннюю суету, подводил итоги своего мини-расследования. Итоги малоутешительны. Несколько ниточек шли себе параллельно и вроде бы что-то сулили, но неуверенно и призрачно...

«Прежде всего где теперь искать эту мексиканистую Лолиту? Вопрос остается открытым. Как сделать поразговорчивее мадам Шихт? То же самое. Впрочем, с ней еще можно кое-что сделать, и желательно прямо сейчас».

Поздняков достал из кармана висящего на спинке стула пиджака бумажку с телефонами, благо-склонно, но опрометчиво записанными накануне для него длинноножкой из Дома моделей, и стал накручивать диск телефона. Несмотря на довольно раннее время, на другом конце провода немедленно взяли трубку.

— Слушаю, — отозвался приятный женский голос.

— Могу я поговорить с Жанной Хрусталевой?

— Вы уже говорите...

— Вас беспокоит некто Поздняков, — предста-

вился Николай Степанович. — Я по поручению известной вам особы, Виолетты Станиславовны Шихт...

— Чего ей надо? — в приятном голосе сразу прозвучали сердитые нотки.

— Это сугубо конфиденциальный разговор, — загадочно изрек Поздняков, — и требует личной встречи.

— Минутку, — сказала Хрусталева, и Поздняков понял, что она, прикрыв микрофон телефонной трубки рукой, с кем-то недолго посоветовалась. — Ладно, приезжайте, очень мне любопытно, что нужно этой стерве.

«Многообещающее начало», — подумал Поздняков. Быстро похватал со сковородки подсохшую яичницу и мигом проглотил. Натянул все тот же костюм, на ходу прикинув, что неплохо бы его уже наконец и погладить, и, выйдя из квартиры, двинулся в сторону гаража.

* * *

Предчувствия насчет многообещающего начала его не обманули: дверь ему открыл крепкий молодой человек с бритым затылком.

— Ты что, порученец? — осведомился он, бесцеремонно окидывая Позднякова взглядом профессионального мясника. — Ну проходи, проходи.

Сказано это было таким тоном, что даже полный идиот не осмелился бы пренебречь столь любезным приглашением.

Когда Поздняков уже близоручко осматривался в передней, парень крикнул в глубь квартиры:

— Котенок, он пришел. Как тебе его подать: в собственном соку или с гарниром?

— Боюсь, что я уже неудобоварим в любом виде, — заметил Поздняков.

— Смотри-ка, а он остроумный, — удивился бритоголовый «шкаф» и добавил: — Ладно, пошли. — И не очень-то вежливо подтолкнул сыщика в спину.

Жанна Хрусталева, бесспорно, была очень красивой девушкой. Высокая, с густыми белокурыми волосами и глазами цвета морской волны. Особенно эффектно она выглядела на фоне массивного пурпурного дивана, на котором сидела, картинно скрестив точеные ножки в лаковых туфлях на высоком каблуке.

— Ты его знаешь? — осведомился ее дружок, талантливо исполняющий роль гориллы-телохранителя, так и не предложив Позднякову присесть.

Красавица только покачала головой, ее пышные волосы, покрытые солидным слоем лака, при этом даже не шевельнулись. И тут Поздняков понял, кого она ему напоминала: большую и надменную куклу Барби. В таком случае ее дружка следовало считать дружком Барби — Кеном.

— Начинай, — сурово предложил ему парень.

— Сию минуту, — заверил его Поздняков и поискал взглядом, куда бы ему пристроить свою нещадно ноющую ногу. Высокий стул с изогнутой спинкой, стоящий у стены, вполне для этого подходил.

Парень уже начинал заметно раздражаться. Он здорово смахивал на молодого задиристого бычка: его крепкая шея побагровела, а глаза стали наливаться кровью. Поздняков невольно представил себя в роли стареющего тореро, рискующего в любой момент оказаться у него на рогах. Тянуть больше не следовало.

Поздняков откашлялся в кулак.

— Видите ли, то, что я сказал, будто действую по поручению Виолетты Шихт, не совсем соответствует истине. То есть она даже не подозревает, что я буду выступать от ее имени, она даже не хотела мне давать ваши координаты. Это во-первых... — Поздняков выдержал паузу, подобно провинциальному трагику. — А во-вторых, лучше бы нам все-таки поговорить с глазу на глаз. *

Парень готов был уже разразиться потоком проклятий, но девушка успела предупредить его словоизвержение:

— У нас нет секретов, будем говорить при нем.

— Хорошо, — безропотно согласился Поздняков. — Вы знали писательницу Ларису Кривцову?

Кукольная маска на лице девушки не дрогнула:

— Постольку поскольку, а что? Или теперь вы будете говорить, что пришли по ее поручению?

— Да что ты церемонишься с этим индюком! — взорвался парень. Ну совершенно он не умел себя вести. Надо же, такой молодой и такой нервный.

Жанна медленно повела в его сторону своими эмалевыми глазами, и тот нехотя успокоился, с недовольством предоставляя ей возможность действовать по собственному разумению.

— Так вы от Кривцовой? — предположила девушка.

— Некоторым образом, — пробормотал Поздняков и быстро добавил: — А вы разве не знаете, что она умерла?

Девушка посмотрела на него как на говорящего попугая:

— Первый раз слышу. А мне-то какое до этого дело?

— Она умерла при странных обстоятельствах, не исключено, что ее убили...

— Да он мент, — прозрел парень, — а я и смотрю: рожа-то у него протокольная! Ты на что намекаешь, ментяра?

— Я и не думаю намекать. Я все называю своими именами. Мне надо получить конкретные ответы на конкретные вопросы.

Девушка оставалась спокойной и неколебимой, как Гибралтарская скала.

— Не сомневаюсь, что его интересует та история, — сказала она, обращаясь к парню.

— Нет, я этой дуре все-таки ноги повыдергиваю и спички вставляю, — многозначительно пообещал разгневанный «Кен», и Поздняков понял, что он имел в виду Виолетту Шихт.

— Да ладно, не кипятись. Что особенного? — по-прежнему меланхолично заметила Жанна. — Сейчас я все ему объясню, и он от меня отстанет.

— Пренепременно отстану, — улыбнулся Поздняков. — Не такой уж я изверг, каким кажусь на первый взгляд.

Жанна усмехнулась, показывая, что убогая шуточка Позднякова принята благосклонно.

— Надеюсь, вас не затруднит вспомнить, когда вы видели Ларису Петровну в последний раз? — воспользовался благоприятным моментом Николай Степанович.

Фарфоровый лобик «Барби» слегка поморщился:

— Совсем недавно, кажется, на прошлой неделе. Точно, это было в Доме кино, на премьерном показе фильма какого-то режиссера, не запомнила, как его... Я иногда бываю на таких тусовках, при моей профессии это необходимо.

— В прошлую пятницу, — уточнил Поздняков.

— Ага, в пятницу, — согласилась девушка, — у меня вообще-то плохая память на числа, дни недели. Теперь так часто приходится мелькать в свете, что в голове все перемешалось. Ну вот, рассказываю дальше. Она, ваша Лариса, была в очередном платье от нашей общей знакомой, как всегда, навеселе и то и дело с кем-то сцеплялась.

— С кем конкретно? — немедленно сделал стойку Поздняков.

— Ну, с Медниковым, знаете, с телевидения, ее бывшим муженьком. Они мило улыбались, но, чувствовалось, говорили друг другу не слишком приятные вещи. В конце концов он не выдержал и отскочил от нее как ошпаренный. Потом она ко мне прицепилась в туалете. Не знаю, кто уж ей наплел про меня и Владика, этого дамского угодника для тех, кому за тридцать... — Тут она бросила красноречивый взгляд на своего красавчика, играющего бицепсами под светлым пиджаком. — Лично мне такие никогда не нравились, во всяком случае, я его у нее не отбивала. Я даже догадываюсь, что ей всю эту чушь напела распрекрасная Виолетта, которую я же, между прочим, однажды и застала в объятиях Ольшевского. В общем, я все Кривцовой и высказала.

— А она?

— Она? Самое интересное, что она расхохоталась, долго так смеялась. Я уже думала, что у нее по пьяной лавочке совсем крыша поехала, а она успокоилась и говорит: «Ну, этого и следовало ожидать, у меня сегодня день открытий».

— Так и сказала — «день открытий»?

— Ну да. А потом потрепала меня по плечу, сделала комплимент и потопала дальше. Я так поняла, что у нее на Владике свет клином не сошелся,

тут другое. По-моему, она всегда сама мужиков бросала, а тут какой-то пацан взял да и бросил ее. Вообще-то она была баба ничего, самостоятельная и с характером, только, наверное, немного старомодная. Что вы хотите, когда женщине уже под полтинник?

При слове «старомодная» Поздняков даже пожегился: вот уж какой Лариса никогда ему не казалась!

— А я даже несколько ее книжек прочитала, между прочим, — продолжала Жанна, — мне понравилось. Я вообще люблю, когда сюжет захватывающий.

Тут встрепенулся парень:

— Это та, что написала «Огненный поезд»?

— Ну да, — подтвердила девушка.

— Классная вещь, — поцокал он языком. — Даже не верится, что ее баба написала, — так круто.

— Да там же на обложке написано «Лариса Кривцова», — укоризненно заметила Жанна.

— А то я смотрел на обложку!

Ну и дела, да здесь, оказывается, клуб поклонников творчества Ларисы Кривцовой!

— Так ее что, пришили? — снова возник парень. — Жаль, она отлично сочиняла.

— Есть такое подозрение, — сказал Поздняков. — Кстати, что вы делали в прошлое воскресенье, особенно меня интересует время в районе полуночи.

— Ну ты загнул, друг, — удивился парень, — ишь куда клонишь. Ладно, так и быть, помни мою доброту. Мы были в клубе «Мустанг», и там любая собака тебе это подтвердит.

«Если бы я еще знал, где этот твой «Мустанг», —

подумал Поздняков. Впрочем, чутье ему подсказывало, что скорее всего так оно и было.

— И девушка там же? — на всякий случай уточнил он.

— Конечно. Мы с котенком ни на минуту не расстаемся.

Нога продолжала ныть, и Поздняков вытянул ее во всю длину.

— И что, Виолетта Шихт действительно вас выставила из Дома моделей?

— Как бы не так! — гневно дернула плечиком девушка. — Я сама от нее ушла, потому что получила более выгодное предложение.

— Конечно, — подтвердил парень. — Котенок скоро на всех обложках будет!

— А при каких обстоятельствах ушел из Дома моды Ольшевский?

— Какое мне до этого дело? — Жанна брезгливо наморщила хорошенький, слегка вздернутый носик. — Может, он тоже нашел что-нибудь по-привлекательнее. Виолетта, я вам скажу, стерва прижимистая, за копейку удавится, а он мальчик с большими запросами. Наверное, когда Кривцова перестала ему отстегивать бабки, он и подался куда-нибудь, где поденежнее.

— А вы думаете, что она ему давала деньги?

— Кривцова? — Жанна сделала из эмалевых глазок две горящие плоски. — Вот наивняк! Конечно! Ну, может быть, в прямом смысле не давала, но квартиру ему уж точно снимала — уютное любовное гнездышко на «Соколе». — Девушка перехватила вопросительный взгляд своего красавчика и немедленно добавила: — Нет, я там не была, но он сам рассказывал... Да, чуть не забыла, наш милый Владик мечтал стать звездой экрана и сильно

надеялся, что Кривцова договорится насчет него с каким-нибудь режиссером, когда будет сниматься фильм по ее новой книжке. Не знаю, то ли фильм не подворачивался, то ли она не хотела сделать ему протекцию... А может, режиссеры попались несговорчивые. Да он же бездарный, у него же ничего за душой, одна смазливая рожа. Типичный этот, как его... альфред.

— Альфонс, — поправил Поздняков.

— А-а-а, альфонс, альфред, какая разница? — махнула она холеной ручкой. — Только он девчонкам, ну, в смысле другим Виолеттиным манекенщицам, хвастал, что старуха сделает для него все, что он ни попросит.

— Он называл ее старухой? — переспросил Поздняков внезапно охрипшим голосом. Тот факт, что какой-то сопляк, обладающий всего лишь смазливой рожей, мог называть старухой Ларису, поверг его в ужас.

— Ну, может, и нет, но обычно они всегда так говорят. А незадолго до того, как поползли эти дурацкие сплетни насчет него и меня, он однажды пришел злой, как Джульбарс, и пожаловался Муське — она у нас демонстрирует свадебные платья, — что Кривцова использует его вместо какого-то лекарства.

Поздняков недоуменно приподнял брови.

— Ну, лекарства, лекарства, этого, как его, — Хрусталева пощелкала пальцами, — ну, гормонального препарата.

Крутой парень за поздняковской спиной заржал, как жеребец, завидевший кобылу, а Поздняков невольно улыбнулся: вот это уже было похоже на Ларису.

На этой оптимистической ноте можно было за-

канчивать разговор. Он еще на всякий случай поинтересовался у будущей фотомодели, королевы глянцевого обложки, не знакома ли ей девушка по имени Лолита. Получив отрицательный ответ, Поздняков поблагодарил ее за прием и, скривившись от резкой пульсирующей боли в ноге, поднялся со стула. В этот момент в кармане все еще продолжавшего ржать парня что-то запыкало, и он извлек на свет Божий сотовый телефон. Разговор, несмотря на скудное количество произнесенных слов, заслуживал внимания.

Сначала непродолжительное молчание, потом потрясенное:

— Замочили? Когда?

Вновь пауза, затем:

— Сколько, сколько? Он что, охренел?

Встревоженная красавица целиком сосредоточилась на переживаниях своего дружка, и Поздняков удалился по-английски, размышляя по пути, что, вполне вероятно, грандиозные планы Жанны завоевать в качестве фотомодели Олимп в ближайшее время не осуществляются. Тот, на кого она ошибочно рассчитывала, имел профессию, отнюдь не гарантирующую долгую жизнь и тихую старость в окружении любящих внуков.

* * *

— Ну кто там еще? — недовольно проворчал за дверью мужской голос, следом раздался громкий простуженный кашель.

Поздняков не стал представляться через дверь, а еще раз, сильнее, нажал на кнопку звонка. Отчаянная трель разнеслась по скрытой от его глаз квартире.

За дверью чертыхнулись и добавили:

— Открываю, открываю.

Дверь со скрипом отворилась, и взору Позднякова предстал Влад Ольшевский собственной персоной. В том, что это был именно он, сомневаться не приходилось. Его выдавала гладкая, ухоженная физиономия с явными признаками морального вырождения. По крайней мере именно так в представлении малопрогрессивного Позднякова выглядели извращенцы и морально-нравственные уроды. Ко всему прочему на манекенщике был красный шелковый халат, прямо-таки с бабьего плеча, и целая гирлянда всевозможных цепей и брелоков на безволосой груди.

С ним Поздняков церемониться особенно не стал и, отодвинув его плечом, без всякого приглашения прошел в квартиру.

— Что за дела? — возмутился за его спиной Ольшевский.

— Поговорить надо, — бросил Поздняков, окидывая взглядом просторную зашторенную комнату. Так это и есть то самое любовное гнездышко? Что ж, уютно, ничего не скажешь. А какие миленькие занавесочки на окнах!

Поздняков с размаху плюхнулся в кресло, ожидая, когда хозяин зашторенного обиталища придет в себя и обретет дар речи.

— Кто вы такой, черт побери? — опасливо осведомился Ольшевский, все еще оставаясь в прихожей. Видимо, на всякий случай он оставлял себе путь к отступлению.

«Да ты трусишка, приятель», — подумал Поздняков, не торопясь удовлетворить любопытство манекенщика.

— Что вам надо, в конце концов? — плаксивым тоном произнес Ольшевский.

— Несколько формальных вопросов, — продолжал интриговать его на всю катушку Поздняков, наслаждаясь вытянутой физиономией профессионального красавца. — Да успокойся ты, успокойся, это не больно.

— А с чего это мы вдруг на «ты»? — выкрикнул фальцетом Ольшевский.

— А чего ты там стоишь в углу, как провинившийся мальчик? — ответил вопросом на вопрос Поздняков. — Подойди поближе и убедишься, что я не кусаюсь, у меня и зубов-то почти не осталось.

Сверхфотогеничный Влад Ольшевский по-прежнему стоял у двери и недоуменно хлопал своими ресницами-опахалами. Чувствовалось, что в нем боролись два равновеликих чувства: страх и любопытство. Наконец он оглушительно чихнул.

— Вот что бывает, когда стоишь на сквозняке, — язвительно ввернул Поздняков.

Любопытство все-таки победило страх, и Ольшевский вошел в комнату, доверительно сообщив:

— Ужасно простужаться летом: хоть лечись, хоть не лечись — толку чуть. Завтра у меня съемка на телевидении, а нос красный, как помидор.

— Ничего, припудришь, — снисходительно заметил Николай Степанович.

— Вы так думаете? — серьезно спросил манекенщик и скосил взгляд в зеркало.

Ольшевский явно принимал своего неожиданного визитера за крутого, а Позднякову не хотелось его разочаровывать. Поздняков было уже открыл рот, как на журнальном столике возле тахты затрещал телефон.

Манекенщик, путаясь в полах халата, рысью бросился снимать трубку, точно опасался, что его опередит Поздняков. У того, впрочем, такая мысль мелькнула, но воспоминание о свербящей ноге ее совершенно перебило.

— Да, да, да, — троекратно выкрикнул в трубку Ольшевский и покосился через плечо на сыщика.

Поздняков немедленно наострил уши. Он видел только спину Ольшевского, но по интонации сразу понял, что тот разговаривал с женщиной, причем с женщиной, с которой у демонстратора гладкой рожи и модных пиджаков были постельно-деловые отношения.

— Ну конечно, конечно, крошка, — замурлыкал он с французским прононсом — результат насморка. — Я помню, помню... Когда же великий и могучий Бобо забывал о своей маленькой девочке?

Если бы не больная нога, Поздняков бы, наверное, сбавил «Камаринскую»: ключевая фраза была произнесена. Теперь понятно, кто вчера звонил Виолетте, вызвав девичий румянец на ее нордическом лице. Может, и теперь она ему звонила? А почему бы так прямо и не спросить?

Ольшевский больше не произнес ни слова, выслушивая свою собеседницу и время от времени чмокая воздух, изображая поцелуй. Позднякову это надоело.

— Передай привет Виолетте, — бросил он.

Ольшевский швырнул трубку и повернулся к незваному гостю:

— При чем тут Виолетта?

— Я просто подумал, что если уж ты провел с ней две предыдущие ночи, то сегодняшнюю сам Бог велел. Он, кажется, троицу любит.

— Вы что же, за мной следите? — удивился

Ольшевский. Однако красноречивый испепеляющий взгляд изобразить ему не удалось: он мучительно начал хватать ртом воздух, сморщился и громко чихнул. Один раз, другой...

— Разболелся ты, парень, не на шутку, — сочувственно заметил Поздняков. — На СПИД давно не проверялся?

От такого наглого обращения Ольшевский расчихался еще сильнее, тряхнул своими белокурыми, тщательно расчесанными на пробор волосами до плеч и гневно возопил:

— Да кто вы, в конце концов, такой? Приходите в мой дом без приглашения, подслушиваете мои телефонные разговоры, отпускаете дурацкие шуточки! Мне это уже надоело, понятно? Спрашивайте, что хотели, и проваливайтесь! У меня завтра съемка на телевидении, и мне еще нужно привести себя в порядок.

«Ой-ой-ой, как страшно, петушок расхрабрился!»

— Что у тебя было с Ларисой Петровной Кривцовой? Припомни-ка, только быстро, — миролюбивым тоном предложил Поздняков.

— С какой стати? — вспыхнул осмелевший Ольшевский. — Со следователем на эту тему я уже разговаривал, а вы не следователь, чтобы допытываться. Я вообще вот сейчас возьму и позвоню в милицию. Чего это вы тут ходите и вынюхиваете, все-таки речь идет о самоубийстве известной личности. Или предъявите документ, удостоверяющий, что вы представитель компетентных органов, или, извините, скатертью дорога.

Слова Ольшевского подействовали на Позднякова, словно сигнал трубы на кавалерийскую лошадь. Он приподнялся со стула, на мгновение

забыв о больной ноге, и самым зловещим тоном, на какой только был способен, пообещал:

— Сейчас я тебе предъявлю удостоверение, сейчас ты полюбишься на мои корочки, только не удивляйся потом, если твоя замечательная гладкая рожа сильно окривеет и ни на какие телевизионные съемки тебя больше не позовут!

Ольшевский побледнел и вжался спиной в стену. В принципе, ему ничего не стоило, учитывая хромоту Позднякова, выскочить за дверь и заорать дурным голосом на весь подъезд: «Караул! Убивают!» — но он почему-то так не поступил.

А Поздняков продолжал все в той же манере:

— Ну что уставился? Давай, давай рассказывай, что там у вас за дела получились с Кривцовой и Хрустальной и при чем здесь Виолетта, а то один хороший знакомый Жанночки интересуется, откуда, мол, сплетни поползли насчет тебя и его лапоньки. Он хотел было сам к тебе заглянуть, прихватив пару дружков, да некогда ему сейчас. Попросил меня попроведать тебя, когда буду в здешних краях. Вот я и нагрянул.

Ольшевский долго беззвучно шевелил губами, прежде чем у него прорезался голос:

— Черт! Так я и знал, так я и знал, что все кончится чем-нибудь подобным. А мне все это зачем? Хорошо, рассказываю, только для вашего... ну, приятеля Жанны, потому что следователю я рассказал немного по-другому. Но ей, Ларисе, теперь уже все равно, ведь так? В общем, у меня не было никаких отношений ни с той, ни с другой...

— То есть?!

Ольшевский шмыгнул носом:

— Ну не было у меня ничего ни с Кривцовой, ни с Жанной! Это все Виолетта. Не знаю, что она

там мудрила, но я же был от нее зависим. Говорила: приударь за Кривцовой — она женщина одинокая, с деньгами, со связями. Ну, я и приударил. Она пару раз взяла меня на какие-то презентации, где ей в качестве сопровождающего требовался эффектный мужчина, а дальше этого дело не пошло. Да, еще на даче я у нее однажды был. Все, кажется. А по Дому моделей и в определенных кругах пошли слухи, что Кривцова якобы от меня без ума, а я верчу-кручу ею, как хочу, но я, учтите, к этому руки не прилагал. Потом и того хлеще: будто я ее променял на Жанну Хрусталеву, и она, Кривцова, значит, рвет и мечет от ревности.

— А ты тем временем согревал одинокую постель самой Виолетты Шихт?

Ольшевский усмехнулся:

— Ну, не такая уж она была одинокая, эта самая постель, — не успевала даже остыть от предыдущего... Ну, был я с ней пару раз, а что вы хотите, если такая у меня работа?

— Сочувствую, профессия альфонса почти такая же тяжелая, как профессия шахтера, — притворно вздохнул Поздняков и уточнил: — Завтрашнюю съемку тебе Виолетта устроила?

Ольшевский надул было губки, но вовремя спохватился и не стал изображать бедную, но чистенькую гордость.

— Да, — подтвердил он, — Виолетта. У нее через неделю начинается тур по Европе — выходит, так сказать, на международный уровень. Добилась-таки своего, она такая упертая, если чего-то захочет, то непременно добьется. — В голосе манекенщика послышалась плохо скрытая зависть. — Ну, в общем, этому будет посвящена целая передача, и я в ней буду принимать участие.

— А что за разговор был насчет гормонов? — вспомнил Поздняков.

— Глупая история. Видимо, до Кривцовой, незадолго до смерти, дошли слухи про все эти дела. Она решила, что сплетни распускаю я, и заявила мне, что я ей не годюсь даже в качестве гормонального средства. Я точно не помню, но что-то в этом роде. Все, я сказал все! Приятель Жанны пусть успокоится. Я это рассказал исключительно для него, следовательно я изложил несколько по-иному, поскольку, сами понимаете, мне сейчас с Внолеттой ссориться невыгодно. Но вы же меня на суд вызывать не будете? И мстить из-за такого пустяка тоже несолидно. — Ольшевский отчаянно трусил, но старался держаться уверенно. Впрочем, не очень-то у него это получалось.

— На суд я тебя вызывать и вправду не собираюсь, — задумчиво произнес Поздняков. — Такие дела в суде не рассматривают, за них просто бьют по роже.

— Ну вот, опять! — плаксиво запричитал манекенщик, инстинктивно прикрывая лицо руками. — Неужели нельзя разобраться интеллигентно?

Поздняков постоял в раздумье и пошел прочь из квартиры, заметив напоследок:

— А все-таки по роже тебе дать следовало, только руки марать неохота.

Глава 7

Позднякову ужас как хотелось поскорее взять за гладкую холку эту сиамскую кошку Внолетту. Но что, собственно, он мог ей предъявить? Что она с какой-то, пока неизвестной ему, целью усердно сватала Ларису Ольшевскому? А дальше? Он

прямо-таки воочию видел, как она наставит на него свои немигающие глаза и томно произнесет:

— Даже если я и пыталась найти способ, как скрасить Ларисино одиночество, то что в этом плохого?

Да, да, именно так она скорее всего и заявит, и ему ничего не останется, кроме как заткнуться. Она просто заботливая подруга, а он старый заскорузлый пенъ. Есть еще вопросы? Нет? Тогда извините, я очень занята, у меня скоро просмотр и на носу международное турне.

В душе у Виолетты, безусловно, было темно, как в старом винном подвале, но это еще не основание, чтобы обвинять ее в том, что она каким-то образом способствовала Ларисиной смерти.

Поздняков сидел дома в своем любимом, изрядно потертом кресле и усиленно ворочал мозгами. Особенных результатов этой титанической работы пока не наблюдалось. Все было зыбко и неопределенно. То, что ему удалось узнать, могло быть и тщательно спланированной аферой, приведшей к смерти Ларисы Кривцовой, и трагическим стечением обстоятельств с тем же самым результатом. Действительно, даже если Виолетта Шихт и приложила руку к тому, чтобы искусственно раздутый вокруг Ларисы скандал стал достоянием гласности, что из того? Это могла быть всего лишь мелкая месть, дамская шпилька, сведение женских счетов. Что касается перепутанных рентгеновских снимков, то такое, наверное, случается в медицинских заведениях. И на все у них найдутся оправдания: низкая заработная плата, нехватка персонала. Хотя, конечно, стоило бы побеседовать с этой забывчивой медсестрой Лолитой. Другой вопрос — где ее теперь найти? Не уст-

раивать же ему с больной ногой наружное наблюдение за квартирой ее мамочки? Кстати о ноге. Сейчас она отдыхала, вытянутая на придвинутом к креслу табурете, и вроде бы даже не проявляла неприятных симптомов.

Раздался телефонный звонок, и Поздняков снял трубку.

— Да.

— Я говорю с Николаем Степановичем Поздняковым? — осторожно осведомился интеллигентный баритон.

— Я вас слушаю, — отозвался Поздняков.

— Очень хорошо, — непонятно чему обрадовался незнакомец. — Вы меня не узнаете, Николай Степанович? Это Гелий Воскобойников.

— Ах, да, конечно... Извините, не узнал. У вас что-нибудь случилось?

— Случилось то, что я кое-что вспомнил, не знаю уж, насколько важное, и, как обещал, звоню вам. Вчера, знаете ли, целый день ходил из угла в угол и соображал — вот и пришло в голову...

— Это касается смерти Ларисы Кривцовой?

— Да... — Воскобойников замялся. — Только не хотелось бы по телефону, во всяком случае, я так считаю. Я ведь человек старомодный.

Ну и прелюдия! Поздняков терпеть не мог таких длинных приготовлений.

— Так что, мне приехать? — уточнил он, чтобы не тянуть зря время.

— Если вам не трудно, конечно, и если это вас еще интересует. Я бы и сам приехал, да у меня машина опять забарахлила, тоже мне хваленое западное качество...

— Хорошо. — Поздняков взглянул на часы. — Думаю, что через час буду у вас.

— Ну уж вы не особенно торопитесь. Час-другой, я думаю, особенной роли при данных обстоятельствах не играют.

Поздняков положил трубку на рычаг и задумчиво посмотрел перед собой. Интересно, сулил ли этот звонок ему что-нибудь новое или Воскобойникову снова захотелось произнести пространную речь и ему не хватало доверчивого слушателя? Звучит как-то...

* * *

До Хохловки он не то чтобы гнал, но то и дело, бросая взгляд на спидометр, обнаруживал стрелку поблизости от цифры «сто» и, досадливо морщась, приподнимал ногу с педали акселератора. День понемногу распогодился, точнее сказать — как бы побелел: солнце, спрятанное за непроницаемой толщей облаков, не могло послать на грешную землю в полной мере свои лучи, довольствуясь чем-то вроде подсветки. На душе у Позднякова стало веселее, он терпеть не мог неопределенности в чем бы то ни было, в том числе и в погоде.

Воскобойников встретил его у калитки своей дачи — по-видимому, загодя следил за дорогой. Поздняков выбрался из автомобиля, с трудом подавляя в себе желание первым делом повнимательнее присмотреться к опустевшему дому Ларисы. Можно сказать, его прямо-таки разворачивало в ту сторону, точно флюгер порывом ветра.

— Ну здрасьте, здрасьте, — прокрихтел Воскобойников, одетый на этот раз более демократично: в хлопчатобумажные брюки, тенниску и ветровку.

Поздняков молча пожал его худую руку.

— Проходите, посидим на природе, — пригласил Воскобойников.

Поздняков послушно пошел на дачный участок, чувствуя затылком чей-то пристальный взгляд. Он невольно оглянулся, но не увидел ничего, кроме пустынного тротуара, соседнего забора и прикрытого деревьями фасада Ларисиного дома. Что ж, если считать окна дома его глазами, то, безусловно, можно найти объяснение и пристальному взгляду.

Они прошли в глубь дачного участка Воскобойникова, оказавшись возле деревянного столика и таких же скамеек в тени подрастающих пушистых сосенок.

— Мое любимое место, — пояснил Воскобойников, — в докомпьютерные времена всегда предпочитал здесь работать, на свежем воздухе...

Поздняков сел на скамейку и огляделся. Отсюда неплохо просматривался соседний участок, поскольку именно в этом месте бетонный забор обрывался, переходя в ограждение из металлической сетки. Правда, дом Ларисы оставался, по существу, вне наблюдения, поскольку отсюда видна была лишь его глухая стена.

Воскобойников обернулся, проследив за взглядом Позднякова:

— Вот-вот, это единственное место, с которого хоть что-то видно. Но когда я установил здесь скамейку, а это было очень давно, я, конечно, не собирался за кем-то подсматривать. Собственно, и Лариса здесь тогда не жила, а с покойным контр-адмиралом Медниковым мы были большими друзьями. Я запросто бывал у него в доме. Гошу, Георгия Медникова, знал еще вот таким. — Воскобойников красноречиво отмерил рукой от поросшей

травой земли чуть поменьше метра, демонстрируя, каким он знавал теперешнего телегероя, ежевечерне под гром аплодисментов сбегающего по ступенькам светящейся лестницы.

— Видите, какие совпадения бывают в жизни. Я всех их, и Георгия, и Ларису, знал по отдельности, а потом они как-то, совершенно без моего участия, сошлись в одной точке, и волею небес она оказалась Хохловкой. К тому времени, как Лариса здесь появилась, славные времена этой дачи уже миновали — после смерти Пелагеи Даниловны, матери Георгия. Славная была женщина, добрая, хлебосольная, а какие пироги пекла — пальчики оближешь! Дом всегда был полон гостей, звучали музыка, смех... Хоть и имела Пелагея Даниловна каких-нибудь несчастных два класса образования, но что это был за человек! — Воскобойников мечтательно закатил глаза. — Жаль только, когда Георгий подрос, стал ее немного стесняться. Молодежь, избалованная золотая молодежь, что они могут понимать в истинных ценностях жизни? Со временем, конечно, большинство из них все-таки благополучно умнеют, но поначалу способны воспринимать только внешнюю сторону вещей, а существо их остается для них скрытым...

Воскобойников, похоже, опять удалился в область туманных воспоминаний, цветистым и пространственным рассуждениям не было видно конца.

— Кажется, вы что-то собирались мне рассказать, — тактично напомнил Поздняков.

Воскобойников пару раз моргнул, точно воспоминания застилали ему глаза, взгляд его сразу поскучнел.

— Извините меня, старика, — вздохнул он, — у

меня все разговоры только о прошлом. А вы разве этим не страдаете?

Поздняков стал опасаться, что Гелия Андриановича опять занесет, на этот раз уже в другую сторону, но тот каким-то волшебным образом умудрился-таки сосредоточиться:

— Вот что я вспомнил... Я сидел на этой самой скамейке, читал «Огонек», и вдруг меня словно осенило. Весь тот день, ну, то воскресенье, последний день жизни Ларисы, точно заново прошел перед моими глазами. Я вспомнил утро, такое солнечное, ясное... Пришла женщина из соседней деревни, принесла молоко, она всегда здесь ходит... Я в тот день был опять без колес — мой иностранец сломался, паршивец, в очередной раз, да я ведь вам, кажется, уже об этом рассказывал... В общем, я пошел на реку — люблю посидеть на берегу и последить за игрой света на воде...

«Ну скорее, скорее», — мысленно подгонял своего собеседника Поздняков.

— ...Просидел там почти весь день и, когда возвращался обратно, заметил такси. Машина остановилась на повороте к Хохловке, из нее вышел молодой человек... Я не очень уверен, так как видел его только однажды в гостях у Ларисы, но мне показалось, что это был все-таки он...

— Манекенщик?! — воскликнул Поздняков.

Воскобойников молча и многозначительно кивнул головой.

Поздняков прикусил нижнюю губу: похоже, он недооценил мальчишку!

— В котором часу это было?

— Точно не скажу, на природе я редко смотрю на часы, но, думаю, после пяти вечера, ближе к шести. Он вышел из такси и пошел в сторону Хох-

ловки, но утверждать, что он направлялся именно к Ларисе, я, конечно, не могу, поскольку не видел, как он входил к ней на дачу. Извините, пешком угнаться за молодым человеком я уже не в состоянии.

— А как он выходил оттуда, вы видели?

— В том-то и дело, что нет. Я не видел ни как он входил, ни как выходил. Я просто видел, как он вышел из такси и направился в сторону Хохловки.

— Саму Ларису в тот день вы тоже не видели?

— Как же, рано утром, когда она только приехала, я ее видел, — сообщил Воскобойников. — Я как раз направлялся на реку, прихватив книжку, пару бутербродов, бутылку минеральной воды «Ессентуки № 17». — Он подробно перечислял свое снаряжение, словно Поздняков собирался заняться его жизнеописанием. — Выхожу за калитку, тут она и подъехала. Мы немного поговорили... Об этом я рассказывал следователю, но он, по-моему, пропустил мой рассказ мимо ушей.

— И о чем, если не секрет, вы разговаривали с Ларисой?

— Да какой же тут секрет! Обычные вещи: погода, колдобины на дорогах — у нас тут на въезде в поселок недавно раскопали дорогу, а потом присыпали землицей — на том дело и кончилось. Ночью на этой колдобине запросто можно без заднего моста остаться.

— Понятно, понятно, — кивнул Поздняков. В действительности ничего ему не было понятно. Что здесь делал в тот вечер Ольшевский, если, конечно, это был действительно он?

Тут Воскобойников выдал очередную порцию из заранее припасенных сенсаций:

— Ларису я видел только утром, но знаю, кто

еще ее видел в тот день уже после меня, не считая, конечно, манекенщика.

— Кто?!

Донельзя довольный собой Воскобойников торжественно провозгласил:

— Женщина, продающая молоко!

— Постойте-постойте, — встрепенулся Поздняков, — вы же сказали, что женщина приходила утром.

— Ну да, да, утром, только я ее не видел, она оставила молоко возле калитки и ушла. Я, честно говоря, вообще забыл про молоко, а к вечеру оно уже прокисло. Но это не важно. Она, как выяснилось позднее, в тот день и к Ларисе заходила. Лариса, правда, молока у нее никогда не брала, но молочница надеялась заполучить ее в клиентки. Вот и зашла.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Поздняков.

— Вчера она принесла мне молоко в очередной раз. Слово за слово, мы вспомнили о Ларисином самоубийстве — в деревне, оказывается, все про это знают, — она и скажи: «А я покойницу в тот день видела — она сидела в беседке и спорила с какой-то женщиной». И ту женщину мне описала...

— Вы сразу догадались, кто она? — спросил Поздняков.

— Что-что, а описать представительницу своего же пола женщины умеют. Вышло очень похоже на Виолетту Шихт, но это только мое предположение, как вы понимаете.

Воскобойников с торжествующим видом умолк. Кажется, он получал истинное удовольствие от игры в суперсыщика.

— А можно увидеть эту вашу молочницу в ближайшее время? — осведомился Поздняков.

— Думаю, да, — кивнул Воскобойников. — Вы же на колесах, можете прямо к ней подъехать. Деревня тут недалеко — каких-то три километра, не больше.

* * *

Деревня состояла всего из нескольких дворов и в обозримом будущем вообще, по-видимому, должна была исчезнуть. Со всех сторон ее зажали асфальтовыми дорожками и строящимися дачными коттеджами. Где деревенские жители только умудрялись пасти своих коров?

Воскобойников словно прочитал мысли Позднякова.

— Была когда-то большая деревня, а теперь, видите, что осталось? Ничего не поделаешь — ближе Подмосковье, всем хочется отхватить здесь лакомый кусочек землицы. А если есть деньги, это не проблема. Рынок есть рынок.

По тону Воскобойникова не было понятно, сожалел ли он о возникновении этого самого рынка или, напротив, приветствовал его.

Поздняков накатом пустил «шестерку» с пологой горки и поинтересовался:

— Где тормозить?

— Вон видите симпатичный домик с резными наличниками, нам как раз туда...

Домик был просто игрушечный: чистенький, свежевыкрашенный, напомнивший иллюстрацию к русской народной сказке, но самый что ни на есть настоящий. В палисаднике, разбитом под окнами с резными наличниками, цвели ромашки, из

конуры довольно дружелюбно выглядывал лохматый пес.

Когда Поздняков и Воскобойников, выбравшись из автомобиля, приблизились к деревянной калитке, пес пару раз глухо таякнул, но только для видимости, рассуждая, очевидно, следующим образом: раз меня здесь кормят — нужно прокорм как-то отрабатывать. На крылечке немедленно показалась женщина в пестром халате и привычно произнесла:

— Тихо, Черныш, тихо...

Черныш еще раз продемонстрировал желтые собачьи зубы, вывалил розовый язык и потерял всякий интерес к гостям.

— Раиса Ивановна, мы к вам на минуточку, — объявил Воскобойников, взявшись рукой за штатетину.

— Гелий Андрианович, это вы?

— Я, я, Раиса Ивановна. И не один, с одним знакомым...

— Проходите, не бойтесь: Черныш вас не тронет. Он только с виду такой грозный. — Хозяйка явно польстила своему стражу, который уже успел безмятежно задремать.

Через минуту они уже сидели в застекленной веранде. На столе перед ними красовалась трехлитровая банка молока. Женщина принесла еще пару чайных чашек.

— Угощайтесь, парное.

— Спасибо, с удовольствием, — сказал Воскобойников, и женщина наполнила одну чашку.

— А вы? — спросила она Позднякова.

— Спасибо, я не пью молока, — объяснил Поздняков.

— Ну и напрасно, — мягко пожурила его женщина. — Молоко — напиток жизни.

— Вам бы на телевидение, в рекламную службу, — усмехнулся Поздняков, — заткнули бы за пояс барышень с зимней свежестью во рту.

Женщина рассмеялась, сразу помолодев, и Поздняков решил, что ей чуть больше сорока. Стало быть, они с Ларисой были ровесницами, да только вели совсем разные жизни. Одна жила на земле и пила парное молоко, другая скользила на незримой грани вымысла и реальности и питалась иллюзиями и собственной фантазией. Покойная Лариса носила эксклюзивные наряды от модного модельера и могла позволить себе купить белый концертный рояль просто так, в тон мебели, а эта ходила за три километра с молоком, вставала чуть свет, чтобы подоить корову, а развлекалась тем, что смотрела вечером по телевизору какое-нибудь очередное ток-шоу. Лучики морщинок уже прочно обосновались в уголках ее круглых карих глаз и губ, покрытых кричаще-яркой помадой.

— А мы, Ранса Ивановна, приехали вас порасспросить, — сказал Воскобойников, успевший осушить чашку молока. — Расскажите-ка еще раз, если вам не трудно, то, что вы рассказывали мне утром. Ну, про то, как вы в воскресенье заходили на дачу к Ларисе Петровне Кривцовой, и про то, что вы там увидели.

Женщина сразу посерьезнела.

— Да что ж рассказывать? — Она характерным жестом провела ладонями по обтянутым пестрым ситцем бедрам. — Я ведь на минуточку всего и заглянула — спросила, не желает ли она молока. Она, правда, ни разу у меня молоко не брала, но я все же так, на всякий случай... — Женщина замолчала

и, шумно вздохнув, облизала языком свои накрашенные губы. — Сначала заглянула к Гелию Андриановичу, смотрю, дверь заперта, а машина во дворе стоит. Думаю, значит, где-то неподалеку — поставила молоко возле калитки...

— Вы немного перепутали, Раиса Ивановна. машина у меня в воскресенье в Москве была, вы ее в пятницу видели, — перебил женщину Воскобойников.

— Ах да! — Женщина задумалась. — Пожалуй, что так. Точно, машины не было, но остальное я помню хорошо.

В разговор вступил Поздняков:

— Да не волнуйтесь вы, Раиса Ивановна, я не из милиции, протокола составлять не собираюсь. Можете мне все как есть спокойно рассказывать.

— Да я не знаю, — она часто заморгала карими глазами, — там ведь ничего особенного не было. А что, разве она не ночью... умерла?

— Ночью. — подтвердил Поздняков. — Просто мы пытаемся восстановить весь тот день.

— Вы думаете, что ее кто-то тово? — в глазах Раисы Ивановны вспыхнул неподдельный интерес. Проснувшийся зверек любопытства требовал пищи, а задача Позднякова состояла в том, чтобы утолить этот голод, в то же время не сказав ничего лишнего.

— Думаю, что компетентные органы во всем разберутся, — туманно заметил Николай Степанович. — Я же лицо неофициальное, просто давний друг Ларисы Петровны, и пытаюсь понять, что могло ее толкнуть на столь отчаянный шаг.

— Ну раз так... — протянула она разочарованно, и жадные огоньки в ее глазах медленно погасли.

— Итак, вы зашли к Ларисе Кривцовой предложить ей молоко... — напомнил Поздняков.

— Ну, зашла, — начала женщина уже будничным голосом. — Точнее, не совсем зашла, заглянула скорее... Калитка была открыта, я спрашиваю: «Молочка не желаете?» А она сидела на террасе за столиком, подперев голову рукой. Лицо у нее было грустное. Рядом с ней стояла женщина в синем брючном костюме, в косынке, такая модная. Когда я, значит, спросила насчет молока, Лариса Петровна обернулась и сказала в расстройстве: «Ну кто там еще по мою душу?» Я опять про молоко, а она ответила совсем как вы: «Не пью молока». Ну я развернулась и пошла прочь. Вот и все.

— А женщину эту вы можете описать поподробнее?

— Которая в брючном костюме?

— Именно.

— Молодая, высокая, повыше Ларисы Петровны, я думаю, волосы каштановые, до плеч — из-под косынки видны были, — лицо не очень-то рассмотрела, она только разок повернулась ко мне... Да, на ней были черные очки.

— А может, вы что-нибудь слышали из их разговора?

Женщина наверняка что-то слышала, но, видимо, не решалась в этом признаться.

— Я специально не подслушивала, — сказала женщина и бесхитростно пояснила: — Откуда мне знать, что потом кому-нибудь понадобится... Но кое-что все-таки расслышала, — продолжала она после паузы. — Лариса Петровна после того, как сказала, что не пьет молока, произнесла странную фразу... Я ее запомнила, потому что подумала, что она ко мне относится. Она сказала: «Не слишком

ли рано слетаются стервятники?» А та, вторая, ответила: «Стыдно называть друзей стервятниками».

— Вы уверены? — переспросил Поздняков.

— Честное слово, — горячо заверила молочница. — Я лишнего никогда не скажу. Как говорится, за что купила...

Поздняков и Воскобойников одновременно улыбнулись.

— Вот все, что я знаю, — подвела итог Раиса Ивановна. — Я вам хоть чуть-чуть помогла? Жалко ее, Ларису Петровну, женщина совсем не старая, можно сказать, молодая, такая видная, с достатком. Казалось, чего ей не хватало? Может, болела чем?

Поздняков ничего не ответил, сцепил пальцы и громко хрустнул костяшками, как бы ставя точку в разговоре.

— А кого, интересно, она подразумевала под стервятниками, как вы думаете? — не унималась женщина. — Уж больно странные слова, я бы даже сказала, подозрительные, — заявила она, понизив голос. — А правда, что теперь все ее имущество достанется той худой старухе? Надо же, вот кому подвалило! А зачем ей все это добро, когда она уже сама одной ногой... — Тут хозяйка дома осеклась.

— Ну что ж, Раиса Ивановна, большое вам спасибо, — сказал Поздняков. — Если вспомните еще что-нибудь, сообщите Гелию Андриановичу, когда с молоком в Хохловку придете.

— Конечно, конечно, — торопливо заверила женщина, — я теперь все время буду про это думать.

«Ну вот еще один Шерлок Холмс появился к уже имеющемуся в лице Гелия Воскобойникова!» — подумал Поздняков.

— Пожалуй, нам пора, Гелий Андрианович? — обернулся он к своему добровольному помощнику.

— Ну, пора так пора, — засуетился тот. — Прощайте, уважаемая Раиса Ивановна, спасибо за молочко. Оно у вас отменное.

— Пейте, пейте на здоровье. А завтра свеженького-то приносить?

— Всенепременно, всенепременно, — подтвердил Воскобойников, сходя со ступенек крыльца.

Флегматичный Черныш выбрался из конуры и помахал им хвостом, как закадычным приятелям. За домом замычала корова, впервые напомнив о себе.

— Доить пора, — пояснила женщина, снимая с натянутой во дворе веревки кусок выстиранной марли.

— Где вы ее здесь пасете, свою буренку? — не удержался от вопроса Поздняков.

— Ой, не говорите! — всплеснула руками женщина. — Один луг всего и остался, и за него война идет не на жизнь, а на смерть. Если застроят — все, будем сидеть здесь, как в скворечнике. Ох, и надоели эти дачники... — Она снова осеклась, взглянув на Воскобойникова. — Нет, против хохловских мы ничего не имеем, они уж давно здесь и никому не мешают, а эти, новые, прямо со всех сторон обложили!

Высказав накипевшее, молочница проводила их до калитки. Поздняков и Воскобойников сели в машину, и «шестерка» медленно двинулась в обратный путь.

— Хорошая, работающая женщина, — заметил Воскобойников, когда они перевалили через бугор и маленькая деревня с игрушечным домиком

молочницы осталась позади. — Настоящая труженица, на таких Россия только и держится.

Поздняков покосился на своего восторженно-го попутчика.

— Что, думаете, я сильно переборщил? — продолжал Воскобойников. — Нет, так оно и есть. Подумать только, что когда-то мы, чтобы встретиться с подобными людьми, ездили в творческие командировки за тысячу верст, а теперь они рядом, но никто их не замечает. До того ли, когда все спешат схватить, урвать кусок пожирнее?

— Так уж и все?

— А вы думаете иначе, молодой человек? — усмехнулся Воскобойников.

— Я как-то вообще не склонен к обобщениям.

— Понятно, такие мелочи вас не интересуют, — печально заключил Гелий Андрианович.

— По крайней мере сегодня мне не до них.

Поздняков высадил Воскобойникова у его дачи, вышел сам и, пройдя немного вперед, остановился напротив дома Ларисы Кривцовой. Опустевший особняк неприступной крепостью белел за высокой оградой, словно жил своей жизнью, в которую не собирался допускать посторонних. Где-то там, в его чреве, были белый диван, белые кресла, белый рояль, одинокое и грустное белое царство.

Поздняков подергал запертую калитку и за чем-то нажал на звонок. Никто не отзывался.

— Да там никого нет.

Поздняков рассеянно обернулся и снова уперся взглядом в худощавую фигуру Воскобойникова, который, оказывается, стоял у него за спиной. Поздняков даже поежился — он терпеть не мог соглядатаев.

— Старуха в Москве, а может, уже отчалила в

Кострому. В право наследства она только через полгода вступит, если, конечно, доживет.

Поздняков пожал Воскобойникову руку и вернулся к своей запыленной «шестерке».

— Николай Степанович, а вы знаете, что следователь настроен закрыть дело? — крикнул вдогонку Гелий Андрианович, похоже, заготовивший этот сюрприз, так сказать, на десерт.

— Догадываюсь, — мрачно отозвался Поздняков.

Глава 8

Черт его дернул соблазниться разливным пивом! Ностальгия по давнему прошлому сработала. Хотя тут, как говорится, с какой стороны смотреть. Не притормози он возле амбразуры в жестяной будке, облюбованной бомжами и пенсионерами, наверняка избежал бы последующих неприятностей. Но зато не сделал бы потрясающих открытий.

Металлическая палатка с небольшим окошком, через которое выдавалось дешевое разливное пиво, этаким последний социалистический оазис в рыночной пустыне, располагалась неподалеку от поздняковского дома, в нескольких сотнях метров. Обычно он спокойно проезжал мимо, разве что бросив рассеянный взгляд на забулдыг, смакующих желтую бурду. А тут его словно кто-то за кадык дернул, так захотелось этой дешевой кислятины. Нелепое желание овладело им, и он припарковал машину у обочины. Двинулся к амбразуре, из которой, как только он протянул туда несколько мятых бумажек, немедленно высунулась рука, плюхнувшая на мокрый прилавок кружку с пивом. Жадно

прильнув к ней, Поздняков успел сделать пару глотков и подумать, принадлежала ли рука, протянувшая ему кружку пива, существу одушевленному или же была частью какой-то невидимой машины. И тут ему явилось видение.

На противоположной стороне улицы из пыльного марева выплыла стройная женская фигура в оранжевом платье с двумя большими разрезами — спереди и сзади, — как будто специально предназначенными для нескромных мужских взглядов. Поздняков еще шумно втягивал в себя пиво, покрываясь испариной, а его мыслительный аппарат уже был занят идентификацией экзотической незнакомки. Она здорово кого-то ему напоминала, и в ту секунду, когда он все-таки сообразил, кого именно, он, поставив кружку на прилавок, заковылял к своей «шестерке». Краем глаза еще успел заметить, что к оставленной кружке тут же потянулась поросшая черной растительностью рука с замысловатой наколкой — потребление пива здесь было безотходным.

Поздняков медленно ехал по улице, не теряя из виду высокую и стройную прелестницу в оранжевом, красиво и уверенно вышагивающую по тротуару. Мужские взоры, полные желания, скрещивались над ней, словно шпаги, а она, не обращая на них ни малейшего внимания, торопилась к какой-то ей одной известной цели. Впрочем, куда направлялась Лолита — а это была именно она, — выяснилось очень скоро. Девушка торопливо засеменила вниз по ступенькам в метро, и сквозняк, исходящий из глубины подземки, жадно подхватил ее густые темные кудри.

Поздняков, чертыхаясь, почти на ходу выпрыгнул из машины, захлопнул дверцу и, забыв о боль-

ной ноге, вприпрыжку помчался вдогонку за ней. К счастью для сыщика и к несчастью для Лолиты, ее высокий рост, яркая внешность и экстравагантный наряд не позволили ей затеряться в толпе спешащих домой с работы обывателей. Они обтекали ее серой, безликой массой. Пожалуй, доктору Рудневу было от чего сойти с ума!

Девушка пересекала вдоль вестибюль станции, и Позднякову даже показалось, что она собирается, поднявшись по эскалатору, выйти на противоположной стороне. Станный поступок, но попробуй пойми, что на уме у красивых молодых особ. Неожиданно Лолита резко повернулась и стремительно вошла в вагон поезда, направляющегося к центру. Поздняков едва поспел за ней, и ему пришлось напрячься, разжимая резиновые пружинки дверей. Шумно дыша, он упал на сиденье, почем зря ругая вероломную Лолиту, которая своими повадками напоминала агента 007, уходящего от «наружки».

Чертова девчонка как ни в чем не бывало стояла в трех метрах от него и, взявшись за поручень, задумчиво следила за собственным отражением в темном стекле вагона. Позднякову был хорошо виден ее тонкий, отнюдь не славянский профиль, надменная линия крупного чувственного рта и большие цыганские серьги в ушах. Каждый раз, когда вагон покачивало на перегонах, ее красивая головка с густыми черными волосами, словно нехотя, слегка откидывалась назад.

Она столь же неожиданно выпорхнула из вагона, но Поздняков, уже готовый к ее штучкам, сорвался с места, точно спринтер с низкого старта. Он позволил ей идти в пяти шагах впереди, замедляя шаг, когда она ни с того ни с сего принималась

что-то разыскивать в сумочке. Он проводил ее до выхода из метро, поднялся вместе с ней на улицу, где ему в лицо неожиданно ударило яркое солнце, сумевшее таки к концу дня пробить толщу облаков. В первое мгновение сыщик зажмурился, но поспешил поскорее проморгаться, чтобы не упустить из виду коварную Лолиту.

Лолита пересекла улицу под красноречивыми взглядами владельцев автомобилей, выстроившихся на светофоре, остановилась на минуту у витрины парфюмерного магазина, понюхала розы, что продавались на улице, и свернула в переулок, в котором сам Поздняков был не далее чем вчера. Такое совпадение показалось ему подозрительным. А Лолита, будто задавшись целью интриговать его и дальше, подошла к знакомому ему Дому моделей Виолетты Шихт. Решительно толкнула рукой стеклянную дверь. Если Лолита пожаловала сюда, чтобы заказать что-нибудь сногшибательное «от кутюр», то это следовало бы расценивать в качестве злой иронии судьбы, издевки над сыщиком-пенсионером.

— Любопытно, очень любопытно, — пробормотал себе под нос Поздняков, соображая, как ему поступить дальше.

Можно было, конечно, последовать за Лолитой, но в таком случае он мгновенно бы лишился маневра, поскольку охранник на входе, который его, несомненно, запомнил, наверняка немедленно поставит в известность начальницу о его появлении на ее суверенной территории. Поздняков решил подождать, когда девушка выйдет, и проследить за ней дальше. А по возможности и побеседовать с ней. Поэтому он купил газету и устроился под пестрым зонтиком летнего кафе, откуда

он мог видеть всю улицу, вход в Дом моделей и даже его застекленное фойе. Выгодное преимущество — все равно что наблюдать за пристрелянным плацдармом с господствующих высот.

Он успел разглядеть, как Лолита пересекла стильный вестибюль Дома моделей, уставленный кадками с искусственной растительностью, и скрылась. Последнее, что он увидел, — стройные загорелые ножки, мелькнувшие в рискованном разрезе апельсинового платья, когда девушка поднималась по мраморной лестнице.

Отсутствовала она около получаса, не оставив ему ничего более увлекательного, кроме как созерцать неспешную жизнь раскормленных городских голубей, лениво фланирующих по асфальту в поисках съестного. Зато окончание ее визита в Дом моделей ознаменовалось громкими возгласами в вестибюле.

— Чтоб вы все здесь провалились! Нет, чтобы ваша шарашка погорела вместе со всем барахлом! — выкрикнул высокий женский голос.

Позднякову показалось, что гневную тираду выдала Лолита.

А какая-то другая женщина спокойно, но с изрядной долей брезгливости произнесла:

— Сергей Иванович, проводите, пожалуйста, посетительницу к выходу, а то как бы она не заблудилась.

Поздняков узнал голос Виолетты Шихт, хотя увидеть ее ему не представилось возможным. Она стояла на лестнице, и в поле зрения сыщика попадали только ее лаковые туфли.

Охранник подхватил под локоть упирающуюся девушку и потащил к стеклянной двери. Делал он это с рвением омоновца, разгоняющего несанкци-

онированный старушечий рынок возле метро. Позднякову стало даже жаль мексиканистку Лолиту. Оказавшись за дверью, она крепенько выругалась, но не слишком складно, и Николаю Степановичу стало ясно: к ненормативной лексике девушка обращалась в крайне редких случаях. Потом пару раз стукнула каблуком по стеклянной двери и, понурившись, поплелась по улице. Поздняков оставил газету и, втянув голову в плечи, пошел за Лолитой.

А та, похоже, брела в никуда, то ускоряя шаг, то замедляя, то вообще замирая на месте, точно впадая в необъяснимый транс. Идти за ней было одно мучение. Наконец она, видимо, приняла какое-то решение и заторопилась. Ускорение, как оказалось, ей придал троллейбус, затормозивший на ближайшей остановке. Пыхтящий Поздняков, проклиная и резвую Лолиту, и свою больную ногу, опять с трудом запрыгнул в последний момент на подножку троллейбуса.

Народу в салоне было раз, два и обчелся, но девушка не выказала ни малейшего подозрения по поводу его присутствия. То ли она не отличалась наблюдательностью, то ли настолько ушла в свои проблемы, что не обращала внимания уже ни на кого. Она села на сиденье на солнечной стороне салона, хотя хватало мест и в теньке, и уставилась в пыльное окно с отрешенным, потерянным выражением на лице. Так они проехали три или четыре остановки, после чего Лолита вышла из троллейбуса, словно в прострации. Поздняков безмолвно проследовал за ней, как верный пес за хозяйкой.

Это был престижный район тихого центра с тенистыми скверами и башнями шестнадцатизэтажек из розового кирпича. Девушка двинулась к

ближайшей и вошла в подъезд. Когда Поздняков вошел следом, Лолита уже уносилась наверх в кабине скоростного лифта. Сыщику пришлось подождать несколько секунд, прежде чем на табло лифта высветилась цифра девять. Итак, он выяснил, куда устремилась Лолита. Уж не решила ли она заглянуть на минутку к подружке? Чтобы выяснить это, нужно было немного подождать, после чего попытаться определить номер квартиры.

Поздняков вышел из дома и сел на скамейку в тени липы. В воздухе висела душная, звенящая тишина. Несмотря на вечернее время, даже малыши не лепили кулички в песочнице, спасаясь от зноя за кирпичными стенами квартир. Сыщик откинулся на спинку скамейки и прикрыл усталые глаза. Что удивительно, он даже неожиданно для самого себя задремал и, не исключено, всерьез бы заснул, если бы не громко выстрелившая в тишине дверь подъезда. Поздняков разлепил веки и увидел Лолиту, стоящую возле дома, теперь уже с чемоданом в руке, из-под крышки которого торчало какое-то тряпье. Она постояла так с полминуты, вздохнула, положила чемодан на ступеньки, раскрыла и стала аккуратно его укладывать. Где-то наверху взвизгнула балконная дверь, и громом с ясных небес раздался женский крик:

— Давай вали отсюда, сучка подзаборная! Благодарнн Бога, что еще легко отделалась!

Поздняков поднял голову и увидел на балконе девятого этажа женщину в зеленом халате. Она выкрикнула еще пару слов и скрылась с балкона.

Лолита тем временем кончила собирать свои вещички и, глядя под ноги, пошла прочь от башни-шестнадцатэтажки. Когда она поравнялась со скамейкой, на которой сидел Поздняков, он

рассмотрел на ее смуглом лице свежую царапину. Что ни говори, а бывшей медсестре сегодня явно не везло! Причем по-крупному.

Чемодан, очевидно, был весьма увесистым, потому что девушка брела, заметно согнувшись под его тяжестью. Пройдя метров триста, она как подкошенная рухнула на скамейку в сквере. Поздняков, наблюдая за ней, устроился неподалеку. Какое-то время Лолита сидела, тупо уставившись в пространство перед собой, потом со сдавленным стоном сильно стукнула ладонью по деревянным брускам скамейки. Поднесла к губам ушибленную руку и заплакала.

— Ну почему, почему у одних все хорошо, а у других все плохо? Ну почему, почему? — расслышал Николай Степанович произносимые ею слова, прерываемые рыданиями. — Ну что это за neprухa такая!

Поздняков понял, что наступил момент для его выхода на сцену. Он подошел, устроился на той же скамейке и как можно участливее спросил:

— У вас что-нибудь случилось?

Девушка замолчала и настороженно посмотрела на Позднякова:

— А вам-то что?

— Не могу видеть, когда такие хорошенькие девушки плачут без видимых причин, — пояснил он и, словно только что увидел, добавил: — Да у вас кровь на щеке!

Девушка провела ладонью по лицу, поморщилась и мрачно сказала:

— Вот стерва!

Потом открыла сумочку, извлекла из нее пудреницу и, придирчиво посмотревшись в зеркальце, повторила с еще большим чувством:

— Вот стерва!

— Вас кто-то обидел? — снова встрял со своей притворной участливостью Поздняков.

Лолита покосилась на него с сомнением, точно прикидывая, стоит ли удостаивать этого старого козла своей откровенностью, и нехотя разлепила свои чувственные губки:

— Одна стерва вцепилась в меня своими когтями, как кошка... Тварь, гнусная тварь. Так бы ее и убила!

— Может, вам обратиться в милицию? — продолжал исполнять роль участливого лоха Поздняков.

Судя по всему, это была одна из немногих ролей, в которой он мог претендовать на жидкие аплодисменты, ибо девушка его не только не послала подальше, а, грустно улыбнувшись, ответила:

— Какая милиция, дядя? Меня там засмеют. Кто же идет в милицию, когда законная жена выцарапывает зенки любовнице?

Заботливый лох, поселившийся внутри Позднякова, даже не нашелся, как откомментировать подобную откровенность, а девушка, вытирая платочком кровь со щеки, сказала:

— Черт знает, что за жизнь такая. Все надеешься: вот-вот тебе повезет — да не тут-то было. В очередной раз покупаешься на красивый фантик, разворачиваешь, а вместо конфетки формованный кусочек дерьма. Он мне сказал, что бросил жену, я и развесила уши. — подумаешь, на «Мерседесе» пару раз покатал, дипломат! А эта стерва, дипломатова жена, ругается, как сапожник! Да еще дерется! А я, дура, раскатала губишки, из дому ушла, работу бросила... А, ладно, работу так и так пришлось бы бросать!

— Что, богато живешь, что можно и не работать? — словно невзначай поинтересовался Поздняков.

— Хрена с два, — равнодушно бросила девушка. — Просто меня, может быть, и так бы выперли. А так я ушла по собственному желанию. Трудовая книжка на руки — и вперед с песнями!

— Выперли? И за что бы тебя выперли, такую симпатичную?

Девушка посмотрела на него так, будто намеревалась своим взглядом просверлить ему дырку на лбу размером с пятикопеечную монету.

— Может, я и симпатичная, только ты зато больно любопытный. Топал бы ты, дядя, отсюда, у меня и так неприятностей хватает.

— Не исключено, что в скором времени будет еще больше, — загадочно пообещал Поздняков, испытующе глядя ей прямо в глаза.

— Что? — Лолита закашлялась, подавившись глотком воздуха. — Да кто ты такой, чтобы мне угрожать?

— Никто тебе не угрожает, — заметил Поздняков. — Просто надо бы разобраться, что к чему.

Девушка отпрянула и покрепче вцепилась в ручку своего чемодана, точно он собирался его отнять, и перешла на «вы»:

— Я вас не понимаю, куда это вы клоните?

— Сильно меня интересует, за что тебя могли погнать с работы, — безмятежно пояснил сыщик.

— Почему? — Она даже побледнела, хотя при ее смуглой коже это было не столь заметно.

— А я экстрасенс, — бесхитростно поведал Поздняков. — Хочешь, с трех попыток угадаю, за что?

— Ну, — согласилась она с недоверием в голосе.

— Вариант первый, — бодро начал он, — ты поругалась с начальством!

Она отрицательно покачала головой, все еще глядя на него заторможенным взглядом.

— Ну, тогда... тогда ты нахамила пациенту! — торжественно заявил Николай Степанович.

— Нет, — твердо сказала девушка, по-прежнему бледная и настороженная.

— Ну хорошо, — Поздняков поубавил патетики, которая ему самому порядком надоела, — *ты просто перепутала рентгеновские снимки.*

Девушка приоткрыла рот и часто задышала.

— Откуда... откуда вы про это...

— Что, угадал? — осведомился сыщик. — Могу и дальше угадывать, если хочешь. Например, могу угадать, что сделала ты это не случайно, а специально. И додумалась не сама, тебя кто-то хорошо попросил. Правду я говорю?

— Вы были в поликлинике? — спросила девушка. — Но откуда вы узнали, где меня искать? Даже мать не знала, где я!

— Признаться, твою матушку я видел вчера. Она выглядела очень расстроенной.

— Представляю, — отозвалась Лолита без всякого намека на дочернюю почтительность. — Это же абсолютно никчемная женщина, ни на что не годная! У нее был шанс только однажды, в молодости, но она им не воспользовалась. Черт с ней, но могла бы, кажется, и обо мне подумать! Да куда там, не для того ей голова была дадена!

— Похоже, вы с ней не очень-то ладите?

Девушка задумчиво посмотрела вдаль и процедила:

— Она испортила мне всю жизнь. У меня отец живет в Аргентине, богатый человек. Он меня ис-

кал, а она все скрыла — скрыла, потому что, видите ли, боялась меня потерять. Я хотела сама его найти, думала, что поеду в тур по Европе, а оттуда как-нибудь доберусь до Аргентины. — Бедняжка имела весьма скудные познания в географии! — Да только ничего не вышло.

— В туристический тур? — уточнил Поздняков.

— Еще чего, откуда у меня... — девушка осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

— Рассказывай, рассказывай все, — предложил Поздняков, доставая из кармана сигареты.

— С какой стати?! — взорвалась Лолита. — И не подумаю!

— А напрасно, — печально заметил Николай Степанович. — Подумать бы не мешало. Я, по крайней мере, выясняю твою историю в процессе дружеской беседы, а найдутся такие, что захотят с тобой общаться по душам в казенном кабинете и с составлением протокола. Поняла?

— Вы так думаете? — Лолита, видимо, взвешивала свои шансы. Увы, выбор у нее был небогатый.

— Уверен, — подтвердил Поздняков. — А если расскажешь все мне, может, до этого дело и не дойдет.

— Ну вот, так и знала, что вляпаюсь, — призналась девушка и попросила: — Закурить дайте. Да хрен с ним, что без фильтра, думаете, я только «Мальборо» курю? Ага, сильно разбежишься на зарплату медсестры... Вляналась, дура, так мне и надо! — посетовала она на саму себя и доверительно сообщила: — Я ведь как думала? Пока суть да дело, я уже в Аргентине буду... у папочки моего.

— Ладно, давай рассказывай про снимки, — поторопил ее Поздняков.

— А что рассказывать? — Она закурила и шумно затаилась. — Снимки поменять — пара пустяков, за ними никакого контроля. А обязанность медсестры — их принести в кабинет. Ну, бумажки с результатами анализов, рентгеновские снимки... В общем, когда она ко мне пришла, эта гадина, — Лолита сжала кулаки, — я сначала над ней просто посмеялась — подумала: больная какая-то. У нас сроду таких выкрутасов не было, чтобы кому-то понадобилось снимки подменить. А потом посмотрела, на каком она авто подкатила, да и одета она... В общем, купилась я на то, что она возьмет меня к себе моделью и я поеду в турне по Европе. Я подумала, надо же, как просто: пока еще мой симпатягунчик — ну тот, жена которого меня поцарапала, — дозреет, а здесь такая возможность. Раз — и сразу в Аргентине!

Поздняков больше не мог терпеть такой непробиваемой дремучести:

— Да Аргентина же не в Европе, а в Южной Америке!

— Да? — Она посмотрела на него с удивлением. — Какая теперь разница, если я все равно туда никогда не попаду.

— Резонно, — усмехнулся сыщик. — Значит, Виолетта Станиславовна выставила тебя, не выполнив своего обещания?

— Выставила. — Девушка печально вздохнула, ее глаза-маслины заволокла предательская влага. — Как будто ничего и не обещала! Сказала, что ей наплевать на мои угрозы...

— Ты ей угрожала?

— Ну, не то чтобы... — вяло произнесла Лолита. — Ну, пообещала, что расскажу, как она меня уговаривала поменять эти снимки, а она только

рассмеялась мне в лицо. Говорит: «Кому ты расскажешь? Кому нужны твои признания? А меня это совершенно не колышет, я тут абсолютно ни при чем. За свою халатность будешь отвечать сама!» Еще сказала, что я ей на подиуме не нужна, потому что ничего не умею, а смазливых дурочек у нее и без меня хватает. Мол, в трубу она вылетит, если будет всяких пигалиц по Европам катать. Это я-то пигалица, да у меня, между прочим, стандарты Наоми Кэмпбелл! Да еще натравила на меня свою дворняжку — я имею в виду охранника. Он прямо вцепился мне в локоть. — При одном упоминании о недавней обиде девушка страдальчески скривила пухлые губки. — Вот посмотрите, синяк остался.

Лиловый синяк и в самом деле красовался на красивой Лолитиной руке, чуть-чуть повыше локтевого сустава.

— Неплохо для одного дня, — покачал головой Поздняков, — и синяк, и расцарапанная щека! — А про себя подумал: «Поделом тебе, может, поумнеешь».

— И каблук качается, — жалобно добавила девушка и вытянула вперед загорелую ногу в коричневых босоножках, сплошь состоящих из узеньких кожаных ремешков. — Я напоследок так ногой по двери двинула, жалко, что стекло не вылетело, — метительно присовокупила она. — Ладно, я, наверное, так поступлю... Мне эту Шихт в одиночку не одолеть, пойду-ка я к той, чьи снимки она заставила меня поменять. Представляете, женщина здорова, а ей по милости этой дамочки объявили, что у нее рак!

— Но и по твоей милости тоже, — заметил Поздняков.

Лолита потеряла синяк на локте.

— А что я могла? Я жертва обстоятельств! Я попала в безвыходное положение! Вам бы предложили за просто так поехать в Европу!

Поздняков почувствовал, как где-то внутри у него громко и протяжно лопнула сильно натянутая струна.

— Что ты могла? — взорвался он. — Ах ты, маленькая гадина! Ты хоть представляешь, что натворила? Как у нее все просто: нагадила — повинилась, опять нагадила — опять повинилась. И, главное, всегда найдутся оправдания: то аргентинский папочка, то никудышная мать, то турне по Европе, то какие-то там стандарты! Навесили тебе сегодня, да, видно, мало. Добавить, что ли?

Девушка замерла, широко открыв миндалевидные глаза, а Поздняков продолжал говорить, уже плохо контролируя себя, а потому путаясь в словах:

— Женщина, которой ты подсунула чужой снимок, умерла... Уже скоро неделя, как умерла! И не исключено, что именно твоя детская шалость стоила ей жизни! Когда я уверюсь в этом окончательно, я вас всех сотру в порошок, поняла!

— Как это... умерла? — пролепетала Лолита. — Она же была здорова.

— Хотел бы я посмотреть на тебя после того, как тебе объявят подобный диагноз! Может, ты бы вышла от врача и попала бы под первый же трамвай при своих хваленых стандартах!

— Она что... попала под трамвай?

— Нет, она выпила целую упаковку снотворного! — Черт знает, зачем он ей это сказал?

— Ну вляпалась, точно вляпалась, — заголосила Лолита. Кажется, ее куриных мозгов все-таки

хватило, чтобы осмыслить ситуацию. — Все из-за этой Виолетты, чтоб она провалилась! Откуда только она взялась на мою несчастную голову? — И тут ее словно осенило: — Стойте, да ведь это она и хотела сжить со свету эту бабу, а теперь, когда дело выгорело, хочет все свалить на меня! Ну разве это справедливо?

— Ладно, — прервал поток ее причитаний Поздняков, — ты можешь помочь и мне, и себе, если будешь послушной девочкой.

Лолита преданно посмотрела на него, на ее экзотической физиономии застыло немое внимание.

— Так может случиться, что мне понадобится твоя помощь, и ты мне ее окажешь.

— Какая помощь? — переспросила она завороченно.

— Ничего сверхъестественного. Просто, если я тебя попрошу, ты подтвердишь в присутствии Виолетты Шихт то, что мне сейчас сказала. Впрочем, скорее всего обойдется и без очной ставки.

— Да я... я ей глаза выцарапаю! — выпалила Лолита.

— Вот этого, я думаю, не потребуется, — возразил Поздняков. — Скажи-ка мне еще одну вещь... Знаешь ли ты некоего Влада Ольшевского?

Она сосредоточенно задумалась, вероятно, перебирая в памяти многочисленных своих кавалеров, и отрицательно покачала головой:

— В первый раз слышу.

— А Жанну Хрусталеву?

— Кто такая? — Лицо Лолиты по-прежнему выражало недоумение.

Сыщик посмотрел на часы: шансов засгать Виолетту Шихт на своем рабочем месте оставалось

немного, особенно если учесть, что он остался без автомобиля, который теперь сиротливо дожидался хозяина у четвертой по счету станции метро, а до ближайшей станции еще нужно добираться на троллейбусе.

Девушка продолжала шмыгать носом.

— Ну, куда теперь? — поинтересовался он. — Домой? — И тут он вспомнил о докторе Руднев. — А то есть один врач, который просто мечтает взять на себя вину за твои проделки...

Лолита слабо улыбнулась:

— Вот дурачок! Нет, пойду домой. Зачем морочить голову хорошему человеку?

Наконец-то первая здравая мысль за весь вечер!

Глава 9

В вестибюле Дома моделей Виолетты Шихт было тихо и сумрачно. Из-за обилия искусственных пальм и олеандров этот предбанник храма моды напрашивался на сравнение со слегка окультуренными джунглями. Не хватало только какой-нибудь обезьяны. Неужто Виолетте никто не подал такой идеи? Зато этот недостаток успешно восполнил немедленно возникший охранник из некоего тайного убежища, едва только Поздняков ступил на первую ступеньку мраморной лестницы.

— Извините, но Дом моделей уже закрыт, приходите завтра, — с дежурной приветливостью известил неусыпный страж.

— А я по личному делу к Виолетте Станиславовне, — безмятежно сообщил сыщик.

— Все равно, приходите завтра, — упорствовал охранник, безусловно, его узнавший. Не потому

ли он его и не допускал к лучезарному начальству, что успел получить соответствующие инструкции?

— Скажите хотя бы, она здесь? — продолжал настаивать Николай Степанович.

У секьюрити, похоже, были неограниченные запасы терпения, но и желание следовать инструкциям, ибо не так давно он вышвырнул Лолиту на улицу без долгих раздумий:

— Я не знаю. Лучше вам все-таки прийти завтра.

— А можно, я здесь подожду? — стал валять дурака Поздняков. — Посижу в кресле и подожду?

— Не положено, — тоскливым голосом произнес охранник и замер, прислушиваясь к тому, что происходило наверху. А там хлопнула дверь, и следом застучали торопливые каблучки. Стук каблучков приближался.

— Ну идите же, идите, — взмолился охранник и схватил Позднякова за рукав.

— Что, прошляпил? — издевательски осклабился Поздняков и, обернувшись, посмотрел на лестницу: Виолетта Шихт собственной персоной эффектно и величественно ступала со ступеньки на ступеньку. Ни дать ни взять Клеопатра Египетская и царица Савская в одном лице!

— Что здесь происходит? — осведомилась она тоном, приличествующим вышеперечисленным особам.

— Да вот, — заканючил охранник, — я говорю. приходите завтра, а... — он замялся, подыскивая Позднякову подходящее определение. Ничего лучшего, чем «товарищ», он не подобрал. Не тянул, эх, не тянул старый служака Поздняков на обращение «господин». — А этот товарищ не слушает.

Виолетта соорудила на лице гримаску, в ее понимании символизирующую крайнюю степень удивления:

— Николай Степанович, это вы? Так поздно? Что-нибудь случилось?

Она стояла на середине лестницы, словно раздумывая, спускаться ли ей вниз или же вернуться.

— Случилось, — подтвердил Поздняков без утайки. — Открылись новые обстоятельства, которые нужно поскорее обсудить.

— Такая срочность? — произнесла Шихт с тоской в голосе. — А я безумно устала, вы даже не можете себе представить — как. Просто с ног валюсь. Сегодня пришлось просмотреть столько эскизов, присутствовать на стольких примерках... Мы тут все выдохлись перед предстоящим турне...

— И все-таки нам нужно срочно поговорить, — настаивал Николай Степанович.

Она развела руками — что с вами поделаешь? И, повернувшись, пошла вверх по лестнице.

Охранник, до сих пор державший Позднякова за рукав, раскрыл рот от удивления и расцепил пальцы. Поздняков красноречиво посмотрел на него и неторопливо последовал за мерно покачивающей бедрами Виолеттой.

Наверху она достала из сумочки ключ и пожаловалась:

— Голова прямо раскалывается, столько событий за последние дни!

Открыла дверь своего кабинета и, полсекунды помедлив, сказала:

— Секретаршу я уже отпустила, так что кофе вас не угощу.

— Да ладно, переживу, — успокоил ее Поздняков.

Виолетта Шихт пересекла приемную и вошла в свой кабинет. Двигалась она замедленно, как кошка, выслеживающая зазевавшегося воробья, но в плавности ее движений ощущалось напряжение и тягостное ожидание неприятностей. Она положила сумочку на стол, вежливо предложила Позднякову присесть и спросила:

— Собираетесь огорошить меня своей информацией?

— Уже начинаю, — отозвался сыщик. — Итак, я знаю, что вы зачем-то устроили подмену рентгеновских снимков в поликлинике, в результате чего Ларисе поставили ошибочный диагноз. Теперь меня одолевает любопытство, с какой целью вы это сделали. Боюсь, пока ваши мотивы выглядят ужасающе, выглядят, как стремление подтолкнуть Ларису к самоубийству, а это практически то же самое, что и убийство.

Лицо Виолетты Шихт покрылось красными пятнами.

— Что вы такое говорите! Вы хоть понимаете, в чем вы меня обвиняете? В убийстве лучшей подруги, человека, которого я боготворила!

— Да ладно вам, Виолетта Станиславовна, — скучным тоном оборвал Поздняков ее излияния, — со мной ваша патетика не пройдет. Между прочим, девушка по имени Лолита сидит сейчас на лавочке неподалеку отсюда, и я могу в любой момент представить ее пред ваши ясные очи, которые она, кстати, обещала вам выцарапать. Не бойтесь, я этого не допущу.

Виолетта по-прежнему пребывала в состоянии мраморного изваяния.

— Этого вам мало? — удивился Поздняков. — Тогда продолжим. В последний раз вы видели Ла-

рису Петровну Кривцову не в пятницу, как вы мне сообщили вчера, а в воскресенье.

Виолетту не так легко было купить за рубль двадцать.

— Ну и что? — заявила она холодно. — Даже если и так, что это меняет? Я могла и забыть.

— Забыть, когда вы в последний раз видели лучшую подругу и человека, которого вы боготворили? — театрально всплеснул руками Поздняков.

Виолетта выказала признаки озлобленности:

— Послушайте, милейший, я никак не пойму, куда это вы клоните? У меня тоже есть информация, знаете какая? Ларисино дело закрывают. Можете успокоиться и спокойно наслаждаться отдыхом на заслуженной пенсии.

Выпустила-таки яд!

— Ах, какие мы осведомленные! — с уважением заметил Поздняков. — Ни с какого бока не подъедешь. Так, что ли?

— Я устала, понимаете, я устала, и мне необходимо отдохнуть, — Виолетта протянула руку к сумочке.

— Пойдете отдыхать, но сначала расскажете, как вы со своим мальчиком Вадиком довели Ларису до самоубийства, если, конечно, это действительно было самоубийство. А у меня есть все основания сомневаться. Особенно после того, как я узнал, что Ольшевский тоже навещался в Хохловку в воскресенье вечером и никто не видел, чтобы он ее покидал!

Вот этого Виолетта не знала! По крайней мере, ее удивление выглядело на редкость натуральным:

— Ольшевский был у Ларисы?!

— А что, разве этот визит не был между вами согласован, как все остальное?

— Все остальное? — переспросила она. — Что, например?

Поздняков не собирался долго играть с ней в кошки-мышки — не тот человек.

— Не далее как сегодня утром я имел приватную беседу с Ольшевским, и он рассказал мне много любопытного.

— Да? — Она задумчиво уставилась ему в переносицу. — Что же вы у него не спросили, что он делал у Ларисы? Если, конечно, он действительно был у нее. Насколько я понимаю, у вас нет свидетеля, подтверждающего сей факт, у вас есть свидетель, который видел Ольшевского в Хохловке, но ведь это не одно и то же. Хотя... не все ли мне равно, я тут ни при чем.

Модельерша демонстрировала хладнокровие, которому мог бы позавидовать любой боец невидимого фронта, и логики ей было не занимать. От нее исходила такая незыблемая уверенность, что для пробивания ее обороны впору было применять что-нибудь покрепче аргументов и фактов. Как назло, ничего другого у Позднякова под рукой не имелось.

Он невольно подался вперед, словно собирался сокрушить ее всей тяжестью своего тела, и отчеканил:

— Я уверен, что сценарий этой смертельной игры сочинили именно вы.

Тут она тоже на несколько секунд потеряла самообладание, обхватила стол руками, точно боялась, что эта дубовая громадина внезапно взмоет под потолок, сощурила свои продолговатые зеленые глаза, раздула ноздри, от чего еще более стала походить на разъяренную кошку.

— Может, вы тогда хотя бы объясните, зачем я

это сделала? Ну зачем, по-вашему, я стала бы убивать Ларису и как я это осуществила технически, если в ту ночь я находилась не в Хохловке, а в Москве?

Поздняков вонзил в нее тяжелый взгляд:

— Зачем — я пока не знаю, хотя, припоминая характер Ларисы, могу предположить, что у вас с ней никогда не было той безоблачной дружбы, о которой вы многократно говорили. Лариса вообще не была способна на такие взаимоотношения, какие вы расписывали, потому что всегда была слишком занята сама собой. Сосуществовать с кем-либо на равных она вообще не умела — она или уходила, если не могла с кем-то справиться, или подчиняла его себе. И вы это прекрасно знаете. Так что ваша дружба — выдумка. Скорее у вас были деловые отношения, основанные на взаимной выгоде: вы шили ей экстравагантные наряды, она своей эпатажной известностью способствовала расцвету вашего бизнеса. Вы же сами вчера обмолвились, что, пока вы не познакомились с Ларисой, завидные клиенты отнюдь не валили к вам валом...

Виолетта усмехнулась:

— Сейчас видно, что вы совершенный профан в модельном бизнесе, как, думаю, и во многом другом. Но даже если согласиться с тем, что вы мне только что наплели, зачем бы мне тогда убивать курочку, которая несла золотые яйца?

— Уверен, что к тому времени она уже перестала их нести. Вы окрепли, встали на ноги, собрались в вояж по Европам...

— Ну и что? Опять у вас ничего не вяжется. Допустим, я получила от Ларисы все, что хотела, тем более зачем мне ее убивать? Пока что ваша несус-

разная гипотеза основывается на бреде юной идиотки, которой я отказала в работе, и на моем знакомстве с Ольшевским.

— Очень близком знакомстве, — ввернул Поздняков.

— Ого! — кошачьи глаза Виолетты Шихт вспыхнули на мгновение недобрым желтым огнем и тут же погасли.

— После похорон Ларисы вы утешались в объятиях «великого и могучего Бобо», как любит себя называть Ольшевский.

Она помолчала, по всей вероятности прикидывая, как далеко она может зайти в своей откровенности. Наконец приняла решение:

— Допустим, он мой любовник. Разве это запрещено?

Поздняков пожал плечами:

— Конечно, нет. В вашей логике нет изъянов, если не считать того, что она совершенно разрушает ваш образ преданной и любящей подруги. А поскольку образ этот разрушен, у меня нет никаких моральных препятствий, чтобы не строить свои версии. Вот одна, которая выглядит, в моем понимании, наиболее убедительно. Вы подводили Ларису к идее самоубийства исподволь и методично, постепенно окружая ее атмосферой безысходности. Прежде всего эта история с Ольшевским. Сначала вы убеждали Ларису, что он от нее без ума, и в то же время распускали слухи о том, что Лариса увлеклась этим мальчиком, а он поменял ее на молоденькую Жанну Хрусталеву. До Ларисы, конечно, долетали обрывки сплетен, и она недоумевала, откуда они пошли, если на самом деле никаких таких отношений у нее с Ольшевским не было. Да, она устроила Ольшевскому скандал, но

не из-за Хрустальной — она просто догадывалась, что к слухам приложил руку именно он.

— Вы хотите сказать, что Ларису могли вывести из равновесия какие-то дурацкие светские сплетни? — усмехнулась Шихт. — В таком случае вы сами себе противоречите. То, по-вашему, Лариса какой-то кремень, то субтильная барышня, падающая в обморок из-за сплетен, запущенных злыми языками. Да знали ли вы ее так хорошо, как уверяете?

— Умный ход, — Поздняков склонил голову набок и стал похож на большую умную птицу. В глубине души он испытывал от словесной дуэли с Виолеттой удовольствие, словно от хорошей игры с сильным партнером в теннис. Когда-то в молодости он довольно резво бегал с ракеткой за мячиком, так что знал о теннисе не понаслышке. В любом случае он поспешил отбить мастерски поданный косой удар. — Да, на сплетни Ларисе было наплевать, но до тех пор, пока она выглядела вероломной и бросающей мужчин. При ее самолюбии ей, вероятно, было тяжело слышать, как за ее спиной смакуют, как некий сопливый мальчишка смог вскружить голову заносчивой Ларисе Кривцовой.

— Это всего лишь эмоции, — поспешила выпустить коготки Виолетта Шихт.

— Я еще не все сказал, — повысил голос Поздняков. — Вы решили усилить эффект и подстроили фокус с рентгеновскими снимками. Когда вы узнали, что Лариса решила обследоваться, то быстро вычислили вероятного сообщника, точнее сообщницу, очень эффектную девушку по имени Лолита. Чтобы уговорить ее, особых усилий не потребовалось. Пришлось пообещать немного — всего лишь взять ее к себе моделью. Девчонка оказа-

лась редкой дурочкой, и долго уламывать ее не пришлось.

— Вы так в ней уверены? А если это просто ее месть за то, что я отказалась взять ее к себе на работу? Возможно также, что она и в самом деле перепутала снимки, но только без какого-либо моего участия, а теперь решила все свалить на меня, чтобы убить двух зайцев: и с себя вину снять, и мне насолить.

Поздняков оставил ее комментарии без внимания.

— Но вы, уважаемая Виолетта Станиславовна, прокололись гораздо раньше, когда я всего этого еще не знал. Знаете как? Вы поведали душещипательную историю о том, как Лариса пришла к вам из поликлиники в слезах и рассказала о постигшей ее страшной болезни. Нет, Лариса не могла так поступить. Уверен, она не только не рыдала на вашей груди, но даже и не была у вас в тот день, а следовательно, и ничего вам не рассказывала. Тогда откуда вы могли узнать о поставленном ей диагнозе? Понятное дело, вы же сами все так ловко организовали!

— Надеюсь, теперь вы сказали все? — спросила жрица моды, живописно закидывая ногу на ногу. Она расстегнула свою сумочку, достала сигареты и закурила.

— Остались кое-какие детали. Например, мне не совсем понятно, зачем вы пожаловали к Ларисе в воскресенье утром. Я знаю, что разговор у вас был нелицеприятный. Что касается Ольшевского, то вы вполне могли предоставить ему роль киллера. Ведь Лариса той ночью была пьяна, и напоить ее снотворным большого труда не составило. Она скорее всего даже не поняла, что именно она пьет.

— Ловко вы накрутили. — Виолетта выпустила изо рта идеальное кольцо дыма и проследила взглядом за его полетом. — Но чего вы добиваетесь, никак не пойму? Давайте посмотрим на вещи трезво. И что мы увидим? Увидим, что Ларисино дело закрывается, что вы всего-навсего заслуженный пенсионер по ранению и ваши умопостроения никто не станет выслушивать.

— Это ваше последнее слово? — спросил Поздняков. — Ладно, я пошел.

— Что вы собираетесь делать? — встрепелась Виолетта, от неожиданности роняя пепел с сигареты на свое роскошное одеяние.

— Собираюсь проверить ваши предположения. Если вы окажетесь правы, я пришлю вам бутылку коньяка. Если я, вы — мне.

Виолетта Шихт вздрогнула и медленно произнесла:

— Постойте, давайте попробуем с вами договориться.

— Договориться?

Она нервно покусала губы.

— Ну, да, да, вы не ослышались. Вы же знаете, что через неделю у меня очень важная поездка, на которую я все поставила, и мне сейчас совершенно не нужны всякие неприятности, вроде подписки о невыезде. Сколько вы хотите за молчание?

— Я не беру денег у женщин по принципиальным соображениям. Вам бы следовало не покуситься на Лолиту, если у вас такой увесистый кошелек.

— А что, может, еще не поздно? — цинично заметила Виолетта. — Может, и правда дать ей денег — пусть подавится.

— Поздно. Я записал ее откровения на кассету, — безбожно соврал Поздняков.

Виолетта оказалась неприятно поражена — даже больше, чем он рассчитывал:

— И кассета, конечно, в надежном месте? А наш разговор вы случайно не записываете?

Поздняков неопределенно пожал плечами. В действительности в глубине души он сожалел, что не привык использовать в работе достижения науки и техники, привычно обходясь собственным серым веществом.

— Вы не оставляете мне выбора, — констатировала Виолетта, — но учтите, я не только не убивала Ларису, но даже не собиралась подталкивать ее к самоубийству. Все, что я хотела, — это вернуть ее, потому что в последнее время наши отношения сильно испортились без каких-либо видимых причин. Я думала, что, оказавшись в тяжелом положении, она наконец поймет, что нельзя плевать в колодец, из которого еще придется пить. — Шихт закурила следующую сигарету. — К тому же она потребовала назад деньги.

— Деньги? Какие деньги? — насторожился Поздняков.

— Ну, она вложила в Дом моделей значительную сумму, а потом в одночасье потребовала ее вернуть. Но не могу же я взять деньги из дела, особенно сейчас, когда предстоит осуществить такой грандиозный проект! Я и в воскресенье к ней приехала, чтобы поговорить по душам, но она была непреклонна. У меня даже закралась мысль, что я переборщила. Она не стала мягче, не оценила дружбы, наоборот... Она даже выразилась так странно, что собралась подводить итоги... К тому же накануне, как оказалось, она имела разговор с этой

пустышкой Хрусталевой. В общем, она была настроена против меня, и я ничего не смогла с этим поделать.

— А Ольшевский?

— Что Ольшевский? Я понятия не имею, с какой стати он околачивался в Хохловке. Спрашивайте об этом его, я за него не отвечаю. Теперь, наконец, я могу отдохнуть?

Поздняков посмотрел в ее лицо, привыкшее к ежедневному уходу и тщательному макияжу. Теперь оно ничего не выражало, кроме скуки и усталости.

* * *

Родную «шестерку», оставленную впопыхах у метро в процессе преследования резвой Лолиты, Поздняков, к удивлению своему, на прежнем месте не обнаружил. Не было ее — и все, как сквозь землю провалилась, да и только!

«Господи, да неужто кто-то позарился на мою задрипанную колымагу?» — подумал сыщик.

Положение было до такой степени дурацкое, что он не мог с ходу сообразить, что же ему предпринять. Он уже представлял себе, как смешно будет выглядеть в ближайшем отделении милиции со своим заявлением о пропаже «драгоценного» авто. Смешнее не придумаешь: пока хромой сыщик в пылу самостоятельного расследования преследовал молоденькую девчонку, его собственный автомобиль исчез в неизвестном направлении.

Поздняков для верности пару раз прошелся по тротуару туда и обратно, почесал затылок...

— Эй, — окликнул его кто-то, — случайно не машину свою ищите?

На него из киоска с прохладительными напитками смотрела женщина средних лет с огромными серьгами-кольцами в ушах, делающими ее похожей на цыганку, пожелавшую ни с того ни с сего стать блондинкой.

Поздняков кивнул.

— Так ее эти... эвакуаторы увезли. Собрали тут все машины и увезли. Теперь она где-нибудь у них на стоянке. Говорят, что это незаконно! Черта с два, делают что хотят. С ними гаишники были, через них теперь и ищите, — посоветовала киоскерша.

Как говорится, хрен редьки не слаще. Поздняков слышал об этих штучках с эвакуацией автомобилей, оставленных в неположенном месте, и понимал, что вызволение «шестерки» из плена, каким бы он ни был незаконным, займет у него не менее суток. Такую роскошь сейчас он себе позволить не мог, но и остаться без машины с его хромой ногой значило поставить крест на скором выяснении истинных обстоятельств смерти Ларисы Кривцовой.

У него оставался один вариант. Он спустился в метро, купил там жетон для таксофона и позвонил Лешке Дубову, в сущности, надеясь на чудо, поскольку тот, как и всякий солидный начальник, был просто неуловим.

Слава Богу, трубка отозвалась по-комсомольски задорным Лешкиным голосом:

— Дубов слушает!

Поздняков готов был расцеловать залапанную трубку таксофона, еще хранящую следы чужого дыхания.

— Дубов, выручай! — От радости Поздняков выдал фальцетом петуха. — У меня эвакуаторы уг-

нали машину, возиться с этим времени пока нет, а дел невпроворот. Может, найдешь мне какую-нибудь развалюху, у тебя же на заводе целый автопарк.

— Автопарк-то — автопарком... — неопределенно промолвил Дубов. — Знаешь что, бери лучше мою «Вольво», по крайней мере, если вляпаться на ней в какую-нибудь историю, мне меньше хлопот будет. А то знаю я тебя, старого бродягу.

— А не жалко? — ехидно поинтересовался Николай Степанович.

— Жалко, конечно, — признался Дубов и философски добавил: — Будем считать это изживанием собственнических чувств.

— Я смотрю, ты так настроен, что только обрадуешься, если я твою иностранку где-нибудь грохну, — усмехнулся Поздняков.

— Ладно, не слишком-то хабриись, а то передумаю. — И Дубов дал отбой.

Поздняков довольно потер руки.

Глава 10

К дому на «Соколе», в котором проживал Влад Ольшевский, Поздняков на этот раз подъехал с помпой — на новом синем «Вольво» Дубова. Тот проявил недюжинное самообладание и выдержку в борьбе с пресловутым чувством собственника. Ни один мускул не дрогнул на его некрасивом, но мужественном лице. Расставаясь со своей сияющей красавицей, он только и сказал:

— Не слишком гоняй, лихач, две утраты одновременно — автомобиля и закадычного приятеля — мне не пережить.

Поздняков оценил мрачный юмор Дубова и пообещал:

— Буду ездить со скоростью велосипеда.

Дубов махнул рукой, очевидно, мысленно прощаясь навек с дорогой иномаркой и размышляя, что важнее в жизни: дружба или респектабельность.

Выруливая на стоянку перед домом Ольшевского, Поздняков сбросил газ, наслаждаясь послушанием автомобиля, тихо крадущегося на минимальной скорости, подобно умному и сильному животному. Дав себе слово, что, разговаривая с Ольшевским, он будет стоять у окна, не спуская глаз с оставленной машины, Поздняков припарковался, вышел, тщательно запер дверцу, заодно проверив остальные. Он и к подъезду шел оглядываясь, точно покидал не автомобиль, а любимую женщину, желая продлить печальный миг расставания.

Как назло, лифт в доме не работал. То ли с утра его уже успели сломать, то ли просто отключали на ночь, рассуждая на известный манер: нормальные люди в это время должны давно сидеть дома, а гуляки дотопают на своих двоих — в другой раз наука им будет. Поздняков, чертыхаясь, поплелся вверх, подволакивая ногу и от нечего делать представляя себя обмороженным альпинистом, штурмующим Эверест. Что ни говори, а шестой этаж.

Прежде чем позвонить в дверь нужной квартиры, он бросил тревожный взгляд в окно лестничной площадки: породистая иностранка скромно и преданно стояла внизу, благородно демонстрируя свои идеальные формы в свете тусклого фонаря.

На звонок никто не ответил — больше того, Поздняков, сколько ни напрягал слух, так и не

смог услышать ни малейшего шороха или какого-либо иного намека на присутствие в квартире живых существ. Поздняков нажал на звонок еще раз, третий, холодея от мысли, что он может надолго потерять след Ольшевского — вдруг тот испугался и подался в бега? На всякий случай подергал рукой дверь, и та, тихо скрипнув, медленно подалась вовнутрь. Это обстоятельство не понравилось Позднякову еще больше, чем отсутствие всякой реакции на его звонки.

Поздняков боком протиснулся в образовавшуюся щель и, стараясь ничего не задеть, медленно двинулся вперед. Беззвучно войти у него не получилось, потому что в прихожей он едва не растянулся, споткнувшись о брошенные на полу туфли.

«Не хватало только для полного счастья вторую ногу сломать», — подумал он, прогоняя неприятные предчувствия.

У бывшего следователя Николая Степановича Позднякова имелся какой-никакой опыт вторжений в такие незапертые квартиры. Как правило, ничего хорошего они не обещали, наоборот, массу неприятных сюрпризов, вроде остывших трупов.

В комнате кто-то сидел на стуле, но в сумраке нельзя было разобрать, кто именно. Сыщик пошарил рукой по стене, нащупал выключатель и врубил свет — такой яркий, что сам от неожиданности вздрогнул.

На стуле сидел Ольшевский в красном халате. Лицо его невозможно было рассмотреть из-за надетого ему на голову целлофанового пакета, успевшего изрядно запотеть. Отметив, что манекенщик привязан к стулу веревкой, Поздняков первым делом бросился освобождать несчастного от пакета.

Утреннего красавчика было не узнать. Теперь его лицо представляло собой сплошной огромный кровоподтек. Глаза его глубоко запали, рот широко раскрылся в немом призыве о помощи. То ли Поздняков разминулся буквально в минуту с теми, кто так вдохновенно разукрасил манекенщика, то ли пакет был надет на него неплотно, то ли Ольшевский оказался удивительно живучим. Судорожно глотнув воздух, несчастный приоткрыл совершенно бессмысленные глаза и надсадно закашлялся. Из рта у Ольшевского потекла пена, как из огнетушителя, грудь его ходила ходуном.

Развязав манекенщика, Поздняков, изрядно поднатужившись, потащил его на тахту. Парень оказался тяжелым. Сыщик распахнул окна, впус- тив в комнату свежий вечерний воздух, а с ним — и шорох листьев. Похлопал Ольшевского по щекам, подумывая, а не вызвать ли для верности «Скорую». К счастью, парень начал постепенно розо- веть, по крайней мере в тех местах, где у него не было синяков, потом взгляд его стал более осмыс- ленным и сосредоточился на Позднякове. Сыщик прочитал в нем мучительное узнавание.

— Ну что, получше стало? — осведомился он, усаживаясь на край тахты рядом с Ольшевским.

В ответ тот снова закашлялся, но теперь уже не так надсадно.

— Ты, случайно, не делал себе ингаляцию от насморка? — поинтересовался Поздняков, рас- сматривая веревки, брошенные на пол. Они были плотными, синтетическими, и от них на голых руках Ольшевского остались ярко-красные полосы.

Манекенщик не был готов к тому, чтобы оце- нить тонкий поздняковский юмор. Он закатил гла-

за и, повернувшись на бок и подтянув ноги к животу, застыл в позе эмбриона.

Поздняков, взяв его за руку, посчитал пульс и, оставшись довольным своим подсчетом, оставил спасенного бедолагу отдыхать. Сам же двинулся на кухню, чтобы сварганить Ольшевскому чего-нибудь взбадривающего. Нашел в холодильнике початую бутылку коньяка, извлек зубами затычку. В очередной раз выглянул в окно, с радостью зафиксировав, что дубовская «Вольво» на прежнем месте. Теперь можно было спокойно заняться избитым манекенщиком.

Вернувшись в комнату, он застал Ольшевского лежа изучающим свое отражение в маленьком зеркальце. Выражение лица у него было такое, словно он сожалел о собственном спасении.

— Накрылась съемка! — воскликнул он со стоном.

— Благодарю Бога, что сам не накрылся, — философски заметил Поздняков, водружая на стол коньяк.

— Вы-то тут какого черта делаете? — плаксиво спросил Ольшевский, отворачиваясь к стене.

— Вот те раз, не слышу благодарности в голосе. Если бы я немного припозднился или перенес свой визит на завтра — а такая мысль у меня, признаться, была, — пошел бы ты на корм червям как миленький.

Похоже, такая перспектива манекенщика не устраивала. Он вздрогнул и нервно засучил ножонками.

— Кто тебя так отделал?

— Послушайте, — Ольшевский резко повернулся, — вам-то какое до всего этого дело? Что вы все ходите и вынюхиваете? С тех пор как вы воз-

никли, у меня сплошные неприятности. Ишь прикидывается, что он ни при чем. Оставьте, оставьте меня в покое! — у парня явно начиналась истерика.

Поздняков плеснул в стакан коньяка, наполнив его почти до краев.

— На, это тебя немного успокоит, — предложил он манекенщику.

Тот покосился на стакан через плечо, наконец взял и, морщась, точно коньяк застревал у него в горле, стал медленно, в растяжку, пить.

Снова вспомнив про «Вольво», сыщик решил присесть на подоконник, чтобы не выпускать машину из виду.

— Ну так кто тебя отделал? — повторил Поздняков, когда стакан в руках Ольшевского благополучно опустошился.

— Кто, кто? Ваши! — огрызнулся манекенщик. — А еще обещал, что, если все расскажу, меня никто не тронет. Как же, не тронули! Налетели как шакалы, избили, все выпрашивали, в каких отношениях я был с Хрустальной, чтоб сй... — произнес последнее слово, он осекся и с испугом посмотрел на Позднякова.

Николай Степанович подумал, что недооценил он крутого дружка юной прелестницы Жанны Хрустальной. Тот не утерпел и устроил разборки с ее мнимым экс-любовником. Горячий парень, однако, точно, не сносить ему головы.

— Я тут ни при чем, — объяснил он Ольшевскому, — хотя догадываюсь, кто тебя обработал. Что ж, когда имеешь дело с красивыми женщинами, всегда рискуешь, что тебе кто-нибудь начистит твою собственную физиономию.

— У меня же завтра съемка, — снова заканючил манекенщик.

— Радуйся, что не похороны, — подбодрил его сыщик.

Ольшевский какое-то время лежал молча на тахте, видимо, усиленно ворочая своими пережившими изрядную встряску мозгами. Тяжелая мыслительная работа выразилась в неоригинальном вопросе:

— Кто вы такой?

— Я-то? Будем считать, частный детектив. Читал когда-нибудь книжки про частных детективов?

Ольшевский выкатил на него свои болезненные глаза, испещренные сеточкой лопнувших сосудов.

— И чего вам опять от меня надо?

— Да все того же: правды — и ничего, кроме правды. Надеюсь, это не слишком много?

— Какой еще правды? — тоскливо вздохнул Ольшевский.

Позднякову надоела эта скучная и неостроумная игра в непонимание, к тому же отнимающая время.

— Говори быстро, зачем ты приезжал в Хохловку в прошлое воскресенье, и я от тебя отстану.

— Я? В Хохловку? — Похоже, Ольшевский не умел отвечать на вопросы, прежде не переспросив.

— Ну ты, ты, в Хохловку, — подтвердил Поздняков. — И не пытайся выдумывать сказки, тебя там видели.

— Как болит голова! — занял манекенщик. — Я почти ничего не соображаю... Завтра съемка, Боже мой, завтра съемка... Я так хотел, я так ее до-

бивался — и все, все коту под хвост! — Ольшевский заскрипел зубами.

Поздняков опять плеснул ему в стакан:

— Пей, сейчас у тебя все прояснится.

— Мне нужна «Скорая помощь», вдруг у меня что-нибудь сломано? — Ольшевский дотронулся до переносицы и охнул. — Вдруг у меня нос сломан, что я тогда делать буду?

Поздняков от нетерпения стукнул кулаком по подоконнику.

— Слушай меня внимательно: «Скорая помощь» будет тебе только после того, как ты все честно и откровенно мне расскажешь. Что касается твоего драгоценного римского носа, то ты им давно рисковал, во всяком случае, с того момента, когда стал его совать в чужие дела.

— В какие еще чужие? — заерзал Ольшевский. — Ну что я такого сделал? Ну был я у Кривцовой, был. Приехал, кстати, прощения у нее просить за это... недоразумение.

— В котором часу? — насторожился Поздняков.

— Не помню, часов в шесть, наверно. Приехал на такси.

— А почему не стал подъезжать к дому, а вышел на въезде в поселок?

Манекенщик пожал плечами:

— А черт его знает... Хотя, если честно, просто не хотел привлекать к себе внимания. От нее, ну, от Ларисы Петровны, всего можно было ожидать. Она могла и не пустить. Или, например, что-нибудь сказать такое... В общем, я решил потихонечку-полегонечку...

— Обратно тоже потихонечку-полегонечку?

— Оттуда я дошел пешком до станции и сел на электричку.

— Интересно, во сколько это было? — полюбопытствовал Поздняков.

Ольшевский неожиданно воодушевился, глаза его лихорадочно заблестели.

— Вот здесь вы меня не поймаете, здесь у меня чистое алиби, как у вас принято говорить. Я точно помню, что вернулся в Москву на электричке 19.47. Народу на платформе было мало, зато у меня сохранился билет. Вот только нужно найти рубашку, она у меня в ванной, отложена для стирки. Найти?

— Ладно, потом, — махнул рукой Поздняков, сообразив, что у него есть другой способ проверить сказанное Ольшевским. — Лучше вспомни: ты случайно не видел тогда на платформе Воскобойникова? Ты ведь знаешь Воскобойникова, это сосед Ларисы Кривцовой по даче?

— Писатель, что ли? — уточнил манекенщик. — Знаю я его, но на платформе тогда не видел. Может, просто не заметил... В стороне от касс, под деревьями, скамейки стоят; так вот, если он там сидел, я вполне мог его и не увидеть.

Такое объяснение выглядело в глазах Позднякова вполне убедительным, особенно при наличии билета, который, пожалуй, стоило поискать.

— Хорошо, а зачем ты все-таки тогда приехал к Ларисе Петровне?

— Я же говорю — извиниться, — уныло выдохнул Ольшевский. — Наконец стало известно, что меня берут участвовать в телешоу, и я испугался, как бы она со зла не вмешалась и все дело не испортила. Ей это ничего не стоило — ее бывший муж на телевидении работает и, насколько я знаю, далеко не последняя спица в колеснице... Ну, при-

хожу, она меня впустила. Честно говоря, она была уже здорово под мухой...

— Она была одна?

— По крайней мере я никого там не видел. Мы разговаривали в гостиной... Честно говоря, она выглядела так, словно кого-то ждала: в вечернем платье из бархата, хотя прическа растрепанная. Извините, я всегда обращаю внимание на такие детали. У нее там есть белый рояль, так вот он был весь уставлен бутылками. Целая батарея: шампанское, коньяк, виски. По-моему, она пила все подряд... Ну, я ей все рассказал об этой неприятной истории, затеянной Виолеттой. Думал, для нее это будет неожиданностью. Представьте, оказывается, она уже все знала! Сказала, что еще не родился человек, который мог бы ее переиграть. Язык у нее заплетался, но голова, представьте себе, работала четко.

— Это все? — спросил Поздняков. — Тогда я пойду поищу твою рубашку, инвалид.

— Пойдите-ка, — неожиданно окликнул его манекенщик, — я чуть не забыл самое главное. Пока мы с Кривцовой разговаривали, ей позвонил ее бывший муж... Медников.

— Откуда ты знаешь, что это был именно он?

— Понял по разговору. Она что-то такое сказала... Ага, она спросила его: «Как там твой «Зигзаг удачи»?» Это его шоу называется «Зигзаг удачи»! В общем, судя по ее ответам, он напрашивался к ней в гости. Она сказала: «Ну вот, я понадобилась еще одной крысе». А потом согласилась его принять, но не позднее девяти вечера. Заявила, что собирается лечь спать пораньше.

Позднякову только и оставалось мысленно констатировать, что дело, обрастающее новыми по-

дробностями, как дно старой шхуны — ракушками, становится все более и более запутанным.

— Может, теперь вы вызовете мне «Скорую помощь»? — опять захныкала жертва собственного легкомыслия.

— Сделай это сам, — предложил Поздняков. — Язык тебе, кажется, не повредили.

Он нашел рубашку, о которой шла речь. Она действительно лежала в корзине для белья. Обнаруженный в кармашке билет Поздняков на всякий случай прихватил с собой.

* * *

Чай почему-то отдавал дымом и напоминал по вкусу компот из сухофруктов. К тому же он успел основательно остыть за то время, пока Поздняков, стоя на балконе, бездумно рассматривал усыпанное звездами небо. Теперь, уныло размешивая ложечкой сахар на дне чашки, он пытался сосредоточиться на событиях уходящего в небытие дня, который выдался на редкость длинным и насыщенным. Что ж, информации к размышлению поступило много, но вся она пока что скорее подтверждала версию официального следствия, нежели опровергала ее. Как тогда сказал старый Воскобойников? При таком количестве потенциальных убийц само подозрение в убийстве представляется абсурдным? Нет, он выразился как-то по-другому, но смысл тот же. Впрочем, он же вольно или невольно вывел его на Виолетту Шихт и Ольшевского. По крайней мере, не прими Воскобойников на себя миссию добровольного помощника Позднякова, когда бы он еще узнал, что владелица Дома моделей и манекеншик были у Ларисы в день се

смерти. Теперь на горизонте замаячила и респектабельная фигура Георгия Медникова, если, конечно, Ольшевский после крепкой взбучки чего-нибудь не перепутал.

Медников в роли убийцы? А вероятный мотив — месть за то, что бывшая жена его обобрала? Что-то уж больно мудрено. Проще, наверное, было вчинить имущественный иск через суд, хотя кто заберется в голову убийцы и прочитает его мысли? А Виолетта? Как быть с ней? Вот на ком в любом случае лежит по крайней мере пятьдесят процентов вины в Ларисиной смерти, если, конечно, вину вообще можно делить. Пожалуй, все же это порочная практика — умозрительная дележка ни к чему путному не приведет. Разве что подтолкнет к расхожему определению, которое любят употреблять в подобных случаях, — «трагическое стечение обстоятельств». И при следующем Ларисином переиздании в предисловии редактора будет указано, что Лариса Кривцова стала жертвой трагического стечения обстоятельств, так часто говорят о самоубийцах.

В прихожей зазвонил телефон. Поздняков, так и не допив остывший чай, медленно побрел брать трубку. Звонил Дубов, видимо, так и не сумевший до конца преодолеть в себе пресловутое чувство собственника. Еще бы, чего захотел — за какие-то полдня справиться с тем, что человечество холило и лелеяло в себе на протяжении многих тысячелетий.

— Как дела? — спросил он с притворным оптимизмом. — Тачку мою еще не грохнул?

— Валерьянку пить не пробовал? — осведомился в ответ Поздняков с дружеской подковыркой.

— Ну ты и мерзавец! — хохотнул Дубов. — Уж и

сказать ему ничего нельзя. — Он еще раз довольно глупо хохотнул и, не прощаясь, бросил трубку.

Поздняков собрался было ему перезвонить, но передумал. Вместо этого подошел к книжному шкафу и задумчиво посмотрел на поблескивающие в полумраке — свет горел только в прихожей — корешки Ларисиных книг. Они стояли в той последовательности, в какой выходили в свет, и он с завязанными глазами мог перечислить их названия. Последняя, купленная Поздняковым с уличного лотка каких-то два месяца назад, называлась не совсем обычно для детектива — «Две ипостаси». На взгляд Николая Степановича, она здорово отличалась от всего написанного Ларисой Кривцовой прежде. Чем? Как показалось Позднякову, в ней Лариса шла не от интриги, подчиняющей себе и логику событий, и характеры действующих лиц, а, напротив, от личности главной героини, которая определяла ход повествования. Может, кто-нибудь иной нипочем бы не уловил этого тонкого различия, но только не он. В романе чувствовался надлом, потребность излить наболевшее, а все перипетии захватывающего сюжета служили только поводом для того, чтобы осуществить эту подспудную идею. Героиня Ларисы, как обычно, попадала в невероятные ситуации, хитрила, изворачивалась, отпускала шуточки, влюблялась и обманывалась, но как будто делала все это через силу. В любую минуту была готова сказать: «Ну что вы все от меня хотите? Я не супермен, я всего лишь женщина. Сколько я должна еще совершить подвигов и сумасбродств, чтобы вы поняли это? Я всего лишь женщина, которая устала бесконечно балансировать между трагедией и фарсом и забавлять вас обманчивой иллюзией легкости».

Поздняков снял книгу с полки и задумчиво взвесил ее на ладони, словно намереваясь определить, сколько в ней правды, а сколько вымысла. А вдруг, мелькнуло у него, Воскобойников, говоривший о том, что Лариса сама себя загнала в стремлении за призрачным успехом, был прав? Тогда ее смерть — плата за амбиции и опять же укладывается в ту самую версию, что определяется скучными словами «трагическое стечение обстоятельств».

Поздняков вернул книгу на полку и внезапно почувствовал такую усталость и тяжесть во всем теле, словно ему на спину навесили мешок с булыжниками. Он рухнул на диван и забылся мгновенным сном, совсем как в юности после любовного свидания. Ему приснилась молодая Лариса, и она почему-то была сильно похожа на Лолиту, вдобавок предлагала Позднякову погадать по руке.

Глава 11

Солнце ударило по глазам первым утренним залпом. Поздняков со стоном повернулся на бок и взглянул на будильник. Восемь часов! Однако! Самое ужасное, что ощущения бодрости не было и не предвиделось. «Возраст, вот что значит возраст», — подумал Николай Степанович. Не стоит резво гнать лошадей по дороге с ярмарки. Спустив ноги с дивана, он опять их критически осмотрел, отметив, что со вчерашнего дня они не изменились, по крайней мере в лучшую сторону. Почему-то на память пришел сослуживец по прежней работе — его ровесник, закрутивший роман с молодой, сильной и довольно хищной девкой. Этакий почетный трофей последней охоты. Если, конечно, упустить из виду тот факт, что оружие в неверных

и изрядно ослабевших руках пожилого охотника уже заметно дрожало, и дело запросто грозило обернуться самострелом. Но кураж еще струился по жилам, а желанная добыча находилась так близко и косила в сторону преследователя и умоляющим, и манящим глазом... Наблюдать со стороны отчаянные маневры старого ходока было забавно и грустно. Увы-увы, старость, безжалостная кошка на мягких лапах, подбиралась тихо, незаметно и выпускала свои острые когти в самый неподходящий момент. Еще вчера ты кажешься себе суперменом, а сегодня поутру из зеркала на тебя смотрит какая-то незнакомая рожа с мешками под глазами и дряблыми щеками, которую к тому же несколько не украшает густой загар.

Сам Поздняков еще никогда не чувствовал себя таким постаревшим. Такое ощущение, что Лариса, уходя, захватила с собой последние остатки его молодости. Только и не хватало распустить сопли и начать себя жалеть. Бедный, бедный старый сыщик. Внезапно ему пришло на ум, что Лариса, наверное, тоже рассматривала по утрам свое отражение в зеркале, и, не исключено, мысли у нее возникали очень похожие на его теперешние. А ведь женщины стареют мучительнее мужчин, ибо слишком долго не могут смириться с очевидностью неизбежного. А как, интересно, стареют умные и привыкшие к победам женщины? Вот где невидимые миру слезы! Трагедия, скрытая от равнодушия жизни под толстым слоем макияжа! А когда все это вместе: надвигающаяся старость, болезнь, предательство, творческий кризис? Такая адская смесь способна сбить с ног даже супермена... Черт, сам того не желая, он продолжал лить воду на мель-

ницу под названием «Трагическое стечение обстоятельств»!

Поздняков кое-как взбодрился с помощью ударной дозы кофе, поелозил помазком и бритвой по своей помятой физиономии и, решительно отринув философский раздрай, продолжил начатое с методичностью старой девы.

Следующим в его условном списке значился Георгий Медников, яркий и благополучный шоумен, по крайней мере таким он виделся с экрана телевизора. Николай Степанович подвинул к себе телефон и позвонил на телевидение.

— Студия, — ответил ему бесцветный голос.

— Могу я поговорить с Георгием Константиновичем Медниковым? — осведомился сыщик.

На другом конце провода несколько замялись:

— Вы по какому вопросу?

Пока Поздняков соображал, как бы ему позизящнее выразиться, голос в трубке сам позаботился о подсказке:

— Вы что, спонсор?

Попробуй тут не соври, когда тебя к этому просто-напросто подталкивают. Поздняков решил не разочаровывать невидимого собеседника:

— Да, я спонсор...

— Одну минуту, — в трубке что-то зашуршало, и уже в следующее мгновение прорезался взволнованный баритон: — Медников слушает. С кем я говорю?

— Вы говорите с Поздняковым.

— Поздняков, Поздняков... — Медников, похоже, мучительно соображал. — Вы из «Геммы»?

— Я не из «Геммы», я детектив. — Это была единственная короткая формулировка, более-менее соответствующая истине.

— Частный? — уточнил Медников. — Надо полагать, это связано с самоубийством Ларисы. Позвольте все же полюбопытствовать, кто же вас нанял?

— Лариса Петровна Кривцова.

— Это на нее похоже, — нисколько не удивился Медников. — Но учтите: я очень занят. Сейчас я записываю очередную передачу, а завтра утром улетаю в Штаты.

— Разговор срочный, — многозначительно заметил Поздняков.

Медников помолчал, потом сказал в сторону: «Нет, камеру в тот угол». Опять помолчал и наконец произнес:

— Если вас устроит, я закажу вам пропуск, и мы поговорим прямо в студии в перерывах... Черт, я так занят, просто разрываюсь на куски...

— Меня устроит, — поспешно согласился Поздняков.

Медников тяжело и обреченно вздохнул в трубку:

— Тогда так... Сейчас моя ассистентка запишет ваши данные и закажет вам пропуск, а я, извините, убегаю...

Новая волна шорохов, невнятных бормотаний, разрежаемых отдаленными звуками музыки, а затем снова бесцветный голос:

— Назовите ваши паспортные данные.

Поздняков старательно продиктовал свои фамилию, имя и отчество.

Прежде чем положить трубку, ассистентка добавила:

— Пропуск получите в бюро пропусков, потом оттуда же позвоните нам, вас кто-нибудь проводит...

— Вы очень любезны, — произнес на прощание Поздняков.

Потом он печально посмотрел на свой костюм, скромно пристроившийся на спинке стула, вооружился утюгом и пару раз прошелся им по жеванным брючинам. В принципе эту процедуру следовало бы считать сугубо ритуальной, поскольку Поздняков отнюдь не приобрел вид лондонского денди. Он, как и прежде, за версту выглядел старым сыщиком на пенсии. Дубовскую иностранку «Вольво» должно было тошнить от одного его вида.

* * *

Пропуск на имя Позднякова Николая Степановича был выписан ему немедленно после предъявления паспорта. Поздняков сунул бумажку в нагрудный карман пиджака и позвонил в студию Медникова с прикрученного к стене бюро пропусков оранжевого телефонного аппарата. Опять отозвался бесцветный голос:

— Подойдите к центральному входу, я сейчас за вами спущусь.

Поздняков прошел через стеклянные двери, показав пропуск милиционеру на входе, и остановился в просторном вестибюле, в котором было так много зеркал, что Николаю Степановичу волей-неволей то и дело приходилось наткаться взглядом на собственную нескладную фигуру. И это при том, что повсюду сновали женщины, красивые и поджарые, как породистые борзые, да еще и в самых умопомрачительных нарядах.

— Вы Поздняков?

Перед ним стояла высокая девица в черном костюме с белой отделкой и рассматривала его с ин-

тересом юного натуралиста, зашедшего на бабушкином огороде редкостную бабочку.

Поздняков утвердительно кивнул.

— Пойдемте. — Она молниеносно развернулась на месте — прямо как супермен в одноименном фильме.

Девушка принялась энергично разрезать своим крепким телом насыщенный статическим электричеством воздух телецентра, а Поздняков послушно поковылял за ней. Они поднялись на лифте, где, между прочим, какой-то бойкий молодой человек попытался потискать поздняковскую Ариадну, спросив заодно:

— Что, опять запись?

Та только завела глаза и покачалась на каблучках. Двери лифта распахнулись, они вышли и двинулись по бесконечному коридору. Несколько раз поворачивали то влево, то вправо. В какой-то момент Поздняков почувствовал себя в лабиринте, но, слава Богу, подвига Ивана Сусанина ассистентка Медникова повторять не стала.

Они оказались в просторном помещении, уставленном рядами кресел и залитом светом многочисленных юпитеров. Перед небольшой сценой расположились около сотни человек.

— Присядьте здесь, — распорядилась девушка, указуя на свободное место в третьем ряду от сцены.

Поздняков безропотно подчинился. Девушка, исполнив роль сопровождающей, немедленно исчезла.

Сыщик решил оглядеться. С некоторым удивлением он вдруг узнал знаменитую лестницу, по которой, перебирая своими паучьими ногами, ежевечерне сбегал Георгий Медников. Вблизи она выглядела совсем не так эффектно, как на экране.

Что ж, приходится признать, телевидение создает иллюзии почище волоокого Дэвида Копперфилда! На сцене скучали музыканты оркестра.

— Здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие друзья!

Это был сам Георгий Медников во всей своей зрелой красе удачливого плейбоя.

Публика в зале довольно жидко зааплодировала. Сидящий рядом с Поздняковым паренек с кульком хрустящего картофеля в руках меланхолично объяснил заторможенность зрителей в студии:

— Это уже за сегодня его пятое «здравствуйте». Если бы я знал, как делают эти передачи, ни за что бы смотреть их не стал.

— Это еще что, — усмехнулся Поздняков, — если бы ты видел, как колбасу делают, ни за что не стал бы ее есть.

Паренек недоверчиво блеснул на него голубыми глазами и еще крепче сжал в руках свой хрустящий кулек. Тут же обернувшаяся со второго ряда породная дама метнула в него неприязненный взгляд. Дама, бесспорно, была из многочисленного племени фанаток, и ей предстояло состариться на одном из студийных стульев. Медников между тем не удовлетворился и пятым по счету «здравствуйте». Правда, надо отдать ему должное, все-таки окончательно остановился на шестом. Как только его лаковые штиблеты достигли подножия лестницы, успевший задремать оркестр громко заиграл, вызвав в публике нервное воодушевление. Аплодисменты стали дружнее; паренек, зарекшийся смотреть телепередачи, перестал хрустеть картофелем.

Медников занял место за столом и радостно принялся сыпать анекдотами с бородой, делая между

ними паузы, специально предназначенные для безудержного смеха. Потом, когда инженеры будут монтировать передачу, паузы заполнят дружным хохотом, а «дорогие телесмотрители» вечером, сидя у телевизоров, будут гадать, что за идиоты были в студии, если их развеселили такие доисторические остроты.

— А вот и наш первый гость! — возвестил Медников, словно петушок перекрывая неистовую медь не на шутку разошедшегося оркестра.

Через сцену, ссутулившись и завесив лицо занавесом непрочесанных длинных волос, проскользнул длинный худой тип в вылинявших джинсах и засаленном кожаном жилете.

— Это человек очень, очень редкой, но благородной профессии, — обрадовал публику Медников. — Прошу вас, приветствуйте: клипмейкер Нил Браткин.

Публика взвилась, по рядам пробежал невнятный ропот:

— А кто такой клипмейкер?

Тем временем Медников в обычной манере интервьюировал гостя. Вопросы, заранее подготовленные, сыпались как из рога изобилия и разнообразием не отличались. Обязательный журналистский набор, демонстрирующий добротную работу ассистентов ведущего, успевших к моменту съемки перелопатить солидный объем печатной продукции и выудить оттуда биографические данные очередной жертвы и кое-какие сплетни, а также снабдить все это комментариями в стиле «легкий стиб».

Нил Браткин, непринужденно откинувшись на спинку стула и закинув длинную, в башмаке на толстенной подошве, ногу на другую, отвечал в

меру собственного остроумия. Зрители не очень дружно смеялись. Медников и его гость беседовали около получаса, и под конец всем, даже парню с жареным картофелем, стало понятно, кто такой клипмейкер. Когда Медников исчерпал свой добротный опросник, Нил Браткин был отпущен восвояси. Оркестр выдал по этому поводу попури на тему модных шлягеров и затих. Медников собрал свои бумажки и скрылся за сценой в том же направлении, что и его длинноволосый гость. По зрительским рядам пронесся недовольный стон.

— Бураковская задерживается, — пояснил парень с картофелем.

— Кто такая Бураковская? — осведомился Поздняков.

Парень отчаянно завращал голубыми глазами.

— Алена Бураковская, она должна исполнить свою песню «Любовь — как доза героина».

«Где-то я уже что-то такое слышал», — подумал Поздняков. В этот момент на сцене появилась ассистентка Медникова, та, что долго водила его по телецентру, и подала знак сыщику подойти. Поздняков кое-как выбрался на сцену, то и дело наступая на чьи-то ноги, и под недоуменно-зависливые взгляды двинулся за девицей туда, где исчезли Нил Браткин и Георгий Медников.

Изнанка парадной сцены имела вид офиса средней руки. Медников сидел за столом, рассеянно нажимая на кнопки клавиатуры компьютера, подавшись вперед, а девица, как две капли воды похожая на ту, что сопровождала Николая Степановича в походах по телецентру, тихо и монотонно повторяла одно и то же:

— Вот здесь, вот здесь должна быть музыкальная отбивка, тут у нас будут «колокольчики».

Медников морщился, словно она наступала ему на ногу.

— Мне не нравится, получается какой-то колхоз...

Заметив Позднякова, он повернулся на своем крутящемся стуле, всадил в Николая Степановича короткий оценивающий взгляд и сказал:

— Сейчас мы с вами поговорим. У нас образовалась пауза, артистка задерживается. Пойдемте со мной.

Медников поднялся, отдал своим помощникам несколько кратких, непонятных несведущему человеку распоряжений и вывел Позднякова через маленькую, неприметную дверцу в узкий коридор, по которому сыщику уже посчастливилось блуждать прежде. На этот раз они никуда не поворачивали, а зашли в небольшой тупичок. Медников отпер дверь, и они оказались в маленькой комнатке, перегородженной поперек двумя столами.

— Садитесь, где вам удобнее, — предложил шоумен и бросил рассеянный взгляд в окно. На лице его крупными буквами была написана непроходимая скука. Поскучав, он спросил:

— А что, разве Ларисино дело не закрывают? Я слышал...

— Здесь от меня ровным счетом ничего не зависит, потому что я занимаюсь им независимо от того, к каким выводам придет официальное следствие.

Медников забарабанил пальцем по крышке стола.

— Вы сказали, что вас наняла Лариса. Конечно, на свете нет такой экстравагантной выходки, на которую она не была способна, и все же... Ведь

это ее предложение нельзя принимать всерьез, не так ли? Мы ведь с вами понимаем...

— Есть обстоятельства, которые следует выяснить в любом случае, — снова перебил его Поздняков.

— Ну что ж, ну что ж, — надул щеки Медников. — Но ведь вы занимаетесь самодеятельностью, насколько я понимаю. А потому формально я могу и не отвечать на ваши вопросы.

— Разумеется, — согласился Поздняков. — Просто, если вы решите воспользоваться вашим формальным правом, я воспользуюсь своим: передам официальному следствию то, что мне удалось разузнать до сих пор. И немедленно.

Медников заметно погрузтел, хотя по-прежнему не скрывал своего намерения торговаться до последнего, давая понять, что его разговорчивость будет зависеть от того, что именно удалось разузнать Позднякову.

А тот не стал его томить.

— Я знаю, что вы приезжали в Хохловку в воскресенье вечером.

— На этот крючок вы и собираетесь меня поймать? — уточнил Медников.

Поздняков молча развел руками, давая своему собеседнику возможность определиться самостоятельно.

— Хорошо, я буду с вами откровенен, — наконец решил Медников. — Кстати, я вас припоминаю — вы были на похоронах... Я буду с вами откровенен, если вы пообещаете мне конфиденциальность. Из моего рассказа вы используете только то, что будет действительно представлять интерес для вашего... вашего следствия.

— Да мне, собственно, ничего более и не требуется.

— Вам, может быть, — загадочно заявил Медников, — а мне как раз требуется больше. Нельзя вырывать отдельное слово из контекста. Вот я вам скажу: «Да, я действительно был у Ларисы Кривцовой в тот ужасный день, накануне ее самоубийства». По-вашему, я скажу все? Отнюдь нет. Все это началось больше пятнадцати лет назад, когда я в первый раз увидел Ларису. Может, вам это будет неинтересно, но я буду рассказывать по порядку.

— Почему же, мне интересно, — глухо отозвался Поздняков. Медников даже не догадывался, до какой степени ему было интересно все, что так или иначе имело отношение к Ларисе.

— Вы курите? — осведомился Медников.

— Курю.

— Тогда смолите со мной, — Медников достал из кармана красочную пачку импортных сигарет, предложил гостю и закурил первым.

Поздняков последовал его примеру. Сигареты оказались так себе, слабенькие.

Медников нервно затянулся.

— Мы познакомились с ней здесь, на телевидении. Я тогда только начинал по-настоящему работать, совсем незадолго перед этим закончил университет. И вот в нашей молодежной редакции появляется такое странное существо — юное дарование по имени Лариса Кривцова. Я потом узнал, что не такая уж она на тот момент была и юная — все-таки на четыре года старше меня, — но этого нельзя было заметить даже искушенным глазом. Все чувствовали, что у нее внутри буквально кипело от идей. Мы записывали какую-то юбилейную

передачу, в которой речь шла о том, какая замечательная наша молодежь. Среди героев, как водится, были шахтеры, колхозники, космонавты, всякие там ударники комтруда. И вдруг среди них молодая писательница Лариса Кривцова, которая эпатировала публику уже тогда. В общем, мне, как говорится, выпала честь задать ей несколько дежурных вопросов. Ну, знаете, как водится: ваши творческие планы и в том же духе. Она ответила в свойственной ей насмешливой манере, и ее в конце концов из передачи вырезали. Потом она призналась мне, что очень удивилась, если бы ее оставили. Странно, но я почувствовал себя как будто бы ей обязанным, словно в том, что ее вырезали, была моя вина. В общем, как только у меня появилась возможность, я опять позвал ее на передачу. Она пришла, записалась, а потом мы долго сидели и болтали просто так, Бог знает о чем, и у меня было такое чувство, что я знаю ее тысячу лет. Прежде чем уйти, она взяла меня за руку и попросила: «Скажи, что будешь ждать меня всегда». Я, естественно, поддакнул, она засмеялась. «А теперь, — добавила она, — скажи, что я идиотка, навечно застрявшая в босоногом детстве». Я так и остался сидеть с открытым ртом. Мог ли я забыть такую женщину?

Медников обернулся к окну, судорожно сглотнул застрявший в горле комок и продолжал:

— А потом, представьте, она использовала эти самые слова, вложив их в уста одной из своих стержневых героинь. Она вообще довольно часто практиковала такие фокусы, потому что ни к чему и ни к кому не относилась серьезно. Показательно, как она поступила со своим предыдущим мужем Ков-

туном. Вы его должны помнить: легкоатлет, олимпийский чемпион. Она его бросила, как только он перестал выступать из-за травмы. Все, вышел в тираж, прощай, Мишаня. Лично я не стал дожидаться, когда она так же поступит со мной... Она вообще никого и никогда не любила, была холодна, как мраморное изваяние, и никакой Пигмалион не мог бы вдохнуть в нее жизнь.

Поздняков слушал Медникова внимательно, не перебивая, с удивлением понимая, что в том говорит давняя и искренняя обида.

— Конечно, под конец нашей супружеской жизни мы страшно ругались, стычки случались и потом, после развода. Я называл ее удавихой. Черт, ужасно осознать, что потратил лучшие пятнадцать лет жизни на женщину, которая ни минуты тебя не любила. Однажды она это спокойноенько подтвердила. Сказала: а кто ты такой, чтобы я по тебе сохла? Я, дескать, за всю жизнь любила одного-единственного и потому сбежала от него из-под венца. Но я думаю, что это она сказала, чтобы позлить меня, не было у нее такого романтического возлюбленного. Не было, и все! Ничего у нее не было за душой, кроме желания выдавать эти строчки и страницы! Ходячая пишущая машинка!

Поздняков уставился на Медникова, пытаясь понять, был ли в его словах тайный смысл. Догадывался ли он, от какого романтического возлюбленного Лариса сбежала прямо из-под венца? Похоже, что нет.

— В ту пятницу, на премьере, вы тоже поссорились? — спросил он, только чтобы заполнить паузу.

— А, мы постоянно ссорились, — махнул рукой Медников. — Но это вовсе не значит, что я что-то

там против нее замышлял. У меня ничего подобного никогда и в мыслях не было.

«Вот к чему ты, оказывается, клонишь, — подумал Поздняков. — Хоть она была и стервой, я против нее ничего не имел!»

— И все-таки зачем вы приезжали к ней в то злополучное воскресенье?

— А, черт! — Медников извлек из пачки еще одну сигарету. — Была у нас одна затяжная тяжба. Я просил, чтобы она мне кое-что вернула, и она это наконец сделала. Не знаю уж, чем она в тот момент руководствовалась. Смело надеяться, в ней возобладал здравый смысл.

— И что же она вам вернула?

— Я буду с вами откровенен, но попрошу взамен, чтобы это осталось между нами, тем более что к самоубийству Ларисы мне не имеет ровным счетом никакого отношения. Речь идет о листке бумаги, паршивом листке бумаги, который оставался у Ларисы и который мог не то чтобы испортить мне жизнь, но, скажем так, несколько ее осложнить.

— Компромат? — осведомился Поздняков насмешливо.

Медников не уловил иронии.

— Ну уж это, пожалуй, слишком громко сказано: компромат! Просто, как бы поточнее выразиться, я не хотел, чтобы одна глупая история была предана огласке.

— Какая история? — насторожился Поздняков.

— Да идиотская история! — взвился Медников. — Господи, каких только глупостей не наделалась в юности.

— А поконкретнее?

Чувствовалось, что Медникову очень не хотелось вдаваться в детали. Наконец он с большим трудом собрался с духом:

— Было такое дело, уже давно, еще до перестройки... В общем, у меня возник конфликт с руководителем программы, и я... я написал письмо, которое... ну, не знаю, как сказать...

— Вы написали анонимку? — догадался Поздняков.

От напряжения Медников вспотел сильнее, чем в беспощадном свете юпитеров.

— Ну да, да, анонимку, если хотите, — произнес он раздраженно. — Только не стоит горячиться с оценками... Я бы посоветовал вам сделать поправку на время — тогда все было по-другому...

— Очень интересно звучит: поправка на время...

— Ладно, думайте что хотите. Да, руководителя программы сняли, про мою роль в этом деле никто не знал... И тут Лариса нашла черновик — я, как полный идиот, его не сжег. Что тут поднялось! Она стала меня прямо-таки поедом есть.

— Это случилось еще до вашего развода?

— Да, незадолго до развода, — нехотя подтвердил Медников. — Черт ее дернул заняться разборкой хлама на чердаке.

— И что потом?

— А то, что она затыкала мне этой бумажкой рот всякий раз, как я его открывал. Она меня ею размазывала, у меня был постоянный стресс по этому поводу. Она держала меня постоянно в напряжении.

— Поэтому при разводе вы все оставили Ларисе?

— Не совсем так, я просто не захотел затевать скандала, но в некоторой степени...

— Из-за этого черновика вы ссорились в прошлую пятницу на премьере?

— У нас там как-то началось по обычному сценарию: одно за другим, одно за другим...

— И все-таки она отдала вам этот черновик?

Медников вздохнул.

— Отдала, что меня даже удивило. Я тогда, после нашей очередной ссоры в пятницу, просто не находил себе места. Нет, не потому что я чего-то боялся. Если быть до конца откровенным, я уже смирился с тем, что она когда-нибудь предаст эту бумагу огласке. Я просто устал, безумно устал. Вот я ей и позвонил в воскресенье, чтобы все обсудить раз и навсегда. Она мне ответила: хорошо, приезжай, только не очень поздно. Я приехал... Она была здорово подшофе — в последнее время она сильно этим увлекалась, — но приняла меня на удивление спокойно. Во всяком случае, не стала по своему обыкновению сразу навешивать на меня ярлыки. Мне даже показалось, что в ней произошел какой-то перелом, хотя, с чем это связано, не имею представления. Предложила мне выпить, я отказывался — все-таки был за рулем. Потом все-таки выпил немного шампанского. Мы поговорили о каких-то пустяках... Да, безусловно, она к тому времени уже приняла решение, я так теперь думаю... Проскочила какая-то загадочная фраза: «Что я ни сделаю, все равно останусь для вас сволочью». Точно, она именно так сказала...

— Так она отдала вам черновик? — напомнил Поздняков.

— В том-то и дело, хотя я о нем даже не заик-

нулся. То есть я собирался с ней об этом поговорить, но еще не успел даже намекнуть. А она вышла из гостиной и через минуту вернулась со злополучной бумажкой. «На, — говорит, — помни мою доброту». Честно вам скажу: я даже не очень-то обрадовался — так она меня успела вымотать раньше. Я ее поблагодарил, сел в машину и уехал.

— Как долго вы пробыли у Ларисы?

— Ну, приехал я около девяти вечера, пробыл минут сорок, самое большее — час. Уже к одиннадцати был дома. Точно! Я как раз застал конец своей передачи по телевизору. Кстати, кто это такой глазастый меня разглядел у Ларисы? Старый лис Воскобойников, что ли?

Поздняков не стал его особенно интриговать:

— В тот момент, когда вы договаривались по телефону, она была не одна.

— Даже так? — приподнял брови Медников. — Да, между прочим, похоже, я в тот вечер тоже не был у нее последним визитером.

— Что вы хотите этим сказать?

— Возвращаясь от Ларисы, я видел Ковтуна...

Поздняков от удивления даже привстал со стула.

— Вы в этом уверены?

— В том, что я его видел? — Медников затянулся и выпустил стайку аккуратненьких колечек дыма. — В этом я уверен на все сто, как и в том, что я вас сейчас вижу перед собой. Конечно, я не стану утверждать, что он направлялся именно к Ларисе, но, с другой стороны, к кому он еще мог пожаловать в Хохловку?

— Расскажите-ка об этом поподробнее, — попросил Поздняков.

Медников пожал плечами, как бы говоря: а что особенно рассказывать. Потом все-таки поведал:

— Когда я выехал от Ларисы, было еще довольно светло, сейчас ведь темнеет поздно. Отъехал довольно прилично... Да, точно, самое любопытное, что я видел Ковтуна в районе Волчков — это поселок километрах в пяти от Хохловки. Значит, он шел не от платформы. Вопрос — откуда, не от самой же Москвы топал пешком? Короче, еду я себе, смотрю, что за рожа такая знакомая, а это Мишаня Ковтун собственной персоной бредет по обочине в обычном своем состоянии. Короче, полутруп. Собственно, в другой кондиции я его никогда и не видел. Как-то мне попалась его фотография в пору его расцвета — совершенно другое лицо. Он опустил окончательно и бесповоротно...

Медников хотел сказать еще что-то, но его прервало какое-то странное треньканье, раздававшееся где-то совсем рядом. Медников сунул руку в карман и вытащил пластмассовый брусочек сотового телефона, приподнял крышку и раздраженно произнес:

— Слушаю!

Похоже, в студии, которую они покинули, за время их беседы произошли некие изменения, о которых Медникова спешили уведомить.

— Ах, она все-таки изволила явиться? — ехидным тоном осведомился шоумен. — Могла бы уже не приходить, я бы запросто нашел кого-нибудь пообязательнее... Сначала напрашиваются, а потом начинают фокусы устраивать... Тоже мне Мадонна уездная! Ах, она в пробку попала! Ничего, ничего, теперь пусть она меня подождет.

Медников решительно прервал разговор по те-

лефону и пожаловался Позднякову, точно единомышленнику:

— Господи, как мне надоели эти фифы, эти восходящие звезды, которых с каждым днем становится все больше и больше. Выучит такая бледная немочь два притопа, два прихлопа и начинает изображать из себя поп-идола. А ты вынужден их звать, потому что они, кстати, совершенно непонятно почему, нравятся публике...

Медников взгрустнул, того и гляди заплачет в манишку, жалуясь на тяжелую участь телеведущего, вынужденного иметь дело с необязательными и бесталанными кумирами бестолковых зрителей.

— Еще один вопрос, — вернул его к главной теме Поздняков. — Как вы думаете, Ковтун был очень зол на Ларису?

Медников заметно удивился:

— Да что там у него можно разобрать. Он же полностью деградировал и не мог думать больше ни о чем, кроме бутылки. Зол, не зол — так вопрос вообще не стоял. Он мог быть на нее зол, когда она не давала ему денег на выпивку, только в одном случае.

— Вы случайно не знаете, где его можно найти?

— Спросите что-нибудь полегче. Это же полностью разрушенная личность, шляется по занюханым пивнушкам, где ему еще по старой памяти налиют. Когда-то Лариса мне говорила, что он пропил свою квартиру, а зимует вроде бы у своей тетки где-то в Новых Черемушках, она живет там в «хрущобе». Впрочем, там сейчас, по-моему, идет бурное строительство, не исключено, что тетке предоставили новую квартиру.

— Может, тогда вы знаете, как связаться с женщиной, которая перепечатывала ее рукописи?

— Ну, это без проблем. — Медников достал из верхнего ящика стола записную книжку и переписал из нее на листок семь цифр. — Вот ее телефон. Сазонова Евгения Ивановна, очень исполнительная и интеллигентная женщина.

Медников не стал любопытствовать, зачем она понадобилась Позднякову. Опять затренькал его сотовый, и он ответил раздраженно:

— Ну иду, иду уже.

Направился к выходу, задержался у двери и спросил:

— Черт, неужели же все достанется этой старухе?

— Какой старухе? — не понял Поздняков.

— Ну, сводной сестрице Ларисы... Что ни говорите, а она и здесь мне подкузьмила. — Он обреченно махнул рукой.

— А меня кто-нибудь проводит? — спохватился Поздняков. — Один я из ваших лабиринтов не выберусь.

— Пойдемте в студию, оттуда вас проводит Нелли, ну, та девушка, что вас встречала.

Нелли слегка замешкалась, и Поздняков еще успел получить удовольствие от музыкального номера Алены Бураковской, выступавшей вместе с двумя здоровенными неграми. Она не просто пела, но еще и пританцовывала, причем движения ее смотрелись, на взгляд Позднякова, достаточно странно. Какие-то нелепые ужимки и дерганья — будто ей срочно приспичило, но она, мужественно преодолевая настоящую физиологическую потребность, продолжала веселить зрителей из чувства

долга. Ее чернокожие подтанцовщики в точности повторяли за ней ее замысловатые и на первый взгляд подозрительные па.

Поздняков уже послушно следовал за Нелли, а ему вдогонку неслись душераздирающие слова шлягера:

— «Это моя любовь, это моя любовь, что растекается в твоей крови, как доза героина- а-а-а...»

Глава 12

Поздняков пилил на дубовской красавице «Вольво» по Ломоносовскому проспекту, то и дело останавливаясь на светофорах. При этом каждый раз по левому борту от него также кланялась, тормозя на красный свет, маленькая зеленая «Ока». На одном из перекрестков он рассмотрел, что за рулем «Оки» сидела шатенка лет тридцати и бросала в его сторону весьма красноречивые взгляды. Это так поразило сыщика, что он даже прибавил газу. Когда «Ока» осталась позади, он дал себе труд поразмыслить, по какому поводу ему строила глазки неизвестная автолюбительница.

«Бедняга Дубов, — решил Поздняков, — поди, тоже подвергается ежедневному испытанию на прочность. Желание пересесть с какой-нибудь «Оки» на «Вольво» наверняка не покидает хорошеньких эмансипе, вкушивших однажды комфорт иномарки».

Искать Ковтуна в Черемушках было все равно что иголку — в стоге сена. Конечно, Поздняков мог бы воспользоваться старыми связями, позвонить на прежнюю работу с просьбой выяснить теперешнее место жительства бывшего олимпийского чемпиона, но решил оставить этот вариант в

качестве последнего шанса. Почему? А черт его знает! В нем словно проснулся ребяческий азарт, заставляющий действовать вопреки скучному здравому смыслу. Кажется, точно так же в подобных обстоятельствах поступали герои романов Ларисы Кривцовой, и читатели от этого, что называется, балдели. Впрочем, все это было словоблудие, просто Поздняков догадывался, что так или иначе разыщет адрес той самой тетушки, которая племянника давно на порог не пускает и слышать о нем не хочет.

В Черемушках он не был лет десять. В последний раз, вероятно, в те далекие времена, когда он еще состоял в законном, но заранее обреченном браке. Жена вытащила его на день рождения школьной подруги. Помнится, это было поздней промозглой осенью, они жутко продрогли, разыскивая нужный дом, и даже слегка поругались, потому что бывшая супруга, как обычно, все перепутала. К тому же мероприятие оказалось скучным, поскольку подруга жены, будучи старой девицей со стажем, собрала у себя таких же товарок, кои вели себя, как престарелые учительницы, по ошибке забредшие на нудистский пляж. Хором они заморочили Позднякова до такой степени, что он напился до свинского состояния, и посрамленная жена, которая вывезла его в свет, чтобы похвастать перед незамужними весталками удачным браком, была вынуждена в буквальном смысле загружать дорогого супруга в такси. При этом воспоминании где-то в глубине заскорузлой поздняковской души нехотя закопошился червячок вины. В сущности, она была не такой уж плохой бабой, его бывшая жена, просто ей здорово не повезло в жизни, а

главным образом с ним. Она терпеливо вила семейное гнездышко, приносила в клювике теплые носки и модные галстуки для Позднякова, а он этого упорно не ценил, потому что на уме у него была Лариса, всегда одна Лариса.

«Интересно, где она теперь?» — подумал он о бывшей супруге. В этих его раздумьях не было ни тоски, ни сожаления, скорее запоздалое прозрение.

Он мысленно пожелал ей много-много счастья, заслуженного неиссякаемым желанием любви и тепла, этим бессмертным двигателем вечной женственности. Узнать бы, удалось ли ей в конце концов свить свое гнездышко, или судьба, однажды подло подсунувшая ей Позднякова, продолжила играть с ней злые шуточки. Решив в итоге, что все у нее сложилось, поскольку думать иначе не хотелось, он опять надолго захлопнул книгу ностальгических воспоминаний и перешел к суровой действительности.

Кое-какой план у него имелся, и состоял он в том, чтобы разыскать где-нибудь поблизости питейный шалман, поскольку очень сомнительно, чтобы опустившийся Ковтун мог позволить себе выпивку в цивильном заведении. Увы, поиски успехом не увенчались, точнее — удалось обнаружить одно более-менее подходящее местечко, а именно подворотню позади небольшого гастронома. Там тусовались несколько личностей неопределенного возраста и что-то живо обсуждали за бутылкой жидкости неизвестного происхождения. Судя по отдельным долетавшим до Позднякова репликам, разговор их было трудно назвать высокоинтеллектуальной беседой.

Завидев Позднякова, личности замолчали и как по команде на него уставились. В их блуждающих взорах без особого труда читалась подозрительность. Николай Степанович знал по старому опыту, что такого рода индивидуумы всегда безошибочно вычисляют, с кем имеют дело. Вот и сейчас они безошибочно на них определили в нем мента, хоть и бывшего: стойкие запахи долго не выветриваются. И как только они это осознали, так сразу дружно заскучили, и вроде бы у них у всех срочно нашлись дела.

При таких раскладах у Позднякова оставался единственный аргумент, которым он не преминул воспользоваться. При виде пятидесятитысячной бумажки забулдыги переглянулись, в них все еще шла борьба, в которой, разумеется, должен был победить трезвый, если так можно выразиться, расчет. А состоял он в делении поздняковской суммы на стоимость самой дешевой выпивки в гастрономе. Судя по тому, как быстро прояснились у них физиономии, результат деления их удовлетворил. Тот, что стоял ближе, даже протянул к Позднякову руку, причем чувствовалось, что чисто рефлексивно.

Поздняков быстро зажал купюру в ладони, на всякий случай бросив мимолетный взгляд назад, прикидывая варианты отхода, — с таким контингентом никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Впрочем, будущие компаньоны не проявляли признаков агрессии, просто стояли и смотрели на него. Может, они еще не до конца отождествляли его с заветной бумажкой? Пришлось рассеять их сомнения.

— Ну что, видели? — поинтересовался Поздняков самым садиетским образом.

Тут вперед выступил самый красноречивый и спросил:

— Че надо?

— Человечка одного разыскать.

Забулдыги переглянулись. Поздняков не стал их томить:

— Ковтун здесь бывает, бывший спортсмен?

Внутренняя борьба продолжилась, и Поздняков снова продемонстрировал свою приманку. Самый разговорчивый сглотнул слюну и изрек неопределенное:

— Ну...

— Что «ну»? — вежливо стал уточнять Поздняков.

Тот сплюнул и попытался отвести замороженный взгляд от купюры. В этот момент вдруг заговорил маленький, с подбитым глазом, от которого Поздняков меньше всего ожидал откровенности: уж больно хитрованская у него была рожа.

— Спортсмен здесь давно не появлялся, — сказал он достаточно внятно. — Его тетка погнала, стерва. Он теперь возле Ярославского ошивается — вроде там ему наливают, а то сядет на электричку и поедет к своей бывшей.

Надо было отдать должное хитровану, он был неплохо осведомлен о нынешней жизни олимпийского рекордсмена. Следовало этим воспользоваться.

— И часто он так катается на электричке?

— Не знаю, — пожал плечами посвященный. — Может, съездил пару раз, он же мне не докладывает.

— А все-таки откуда ты знаешь? — спросил Поздняков.

— На него какие-то крутые ребята там, на Ярославском, наехали, вроде ему там что-то поручили охранять, а он прошляпил. Тогда к ней и рванул — деньги просить.

— Дала? — осведомился сыщик.

— А это уж вы у него спрашивайте, — хитро блеснул маленькими глазками мужичок, а Поздняков про себя подумал, что фингал на его физиономии появился не случайно.

Он сунул ему в карман смятую бумажку и поторопился к машине. Нужно было успеть до того, как они рассмотрят, что он дал им вместо пятидесяти тысяч всего пять. Хотя на большее они и не наговорили.

* * *

Околовокзальную суету можно сравнить разве что с жизнью большого муравейника. Только в данном случае не нужно быть исследователем, вооруженным микроскопом, чтобы уловить в этом поистине броуновском движении характерные тенденции и даже закономерности. Во всяком случае, Поздняков профессиональным глазом сразу определил несколько центров тяготения, вокруг которых кучковались разнообразные и весьма колоритные личности. У одних были бегающие глазки, резкие движения и независимый вид. Они подходили друг к другу и перебрасывались несколькими словами, иногда быстро пожимали руки и расходились. Другие, наоборот, двигались замедленно, словно во сне, глубоко засунув руки в карманы и без конца оглядываясь. Но все они, вместе с разре-

жающими эту компанию бомжами и попрошайками, отнюдь не производили впечатление случайных здесь людей. Напротив, казались подогнанными винтиками хорошо отрегулированного механизма.

В тени у стены, на куске картона, сидела молодая женщина с ярко выраженными восточными чертами лица, но светлыми волосами. Она держала на коленях ребенка, девочку лет пяти, которая спала, приоткрыв рот. Точно так же дети спали и у попрошайек в метро. Поздняков нередко ловил себя на желании подойти и растормошить спящих деток, а потом заглянуть им в глаза. Безусловно, матери, или кто они там были им, чем-то их накачивали, но кому до этого было дело?

Поздняков хотел было внедриться в один из центров вокзального муравейника, чтобы поинтересоваться, где в этот час может ошиваться Ковтун: вокзал-то все-таки большой. В этот момент внимание сыщика привлекло подозрительное сборище возле низких и длинных, как лабаз, ручных камер хранения на привокзальном пятачке. Мало ли что может происходить на вокзале, но Поздняков неожиданно обнаружил в себе какое-то странное и необъяснимое волнение. Захлопнув дверцу «Вольво», он медленно двинулся в сторону группы людей, удрученно рассматривающих что-то лежащее на асфальте. Несколько бомжей, пара транзитных пассажиров с чемоданами на тележках и вокзальный рабочий — вот и все, кто стоял в почетном карауле над покорителем олимпийских высот Михаилом Ковтуном. В том, что труп, лежащий в позе эмбриона, с поджатыми к животу коленями, принадлежал именно экс-чемпиону, Поздняков не сомневался, хотя и узнал его с большим

трудом. Да, безусловно, это был сильно постаревший и опустившийся симпатяга-парень с обложки «Огонька» двадцатилетней давности. Николай Степанович, пожалуй, еще и сейчас вспомнил бы пару его незамысловатых фраз из пространныго интервью в том же самом номере журнала. И журналисту тогда он, наверное, представлялся везучим до невозможности, таким избранником фортуны. Пожалуй, он им и был. По крайней мере первый билет, вытасченный им в лотерее судьбы, оказался выигрышным, в отличие от второго, но назад-то не положишь.

— Разойтись! — раздался призыв, сильно отдающий молодецкой удалейю.

— Труповозка приехала, — тихо произнес стоящий слева от Позднякова бомж, невысокий старичок с широким деревенским лицом, одетый в заношенный камуфляж. — Ну, покедова, Чемпион, — печально вздохнул он.

Два крепких парня в черных халатах и резиновых перчатках обменялись незамысловатым матерком и, подхватив покойника за ноги и за руки, швырнули его на тележку носильщиков: Голова трупа запрокинулась, и Поздняков отчетливо рассмотрел на лице Ковтуна несколько ссадин и кровоподтеков.

Бомж в камуфляже снова сокрушенно вздохнул:

— С ночи лежит — не убирают, а ведь железный ящик рядом.

— Какой еще железный ящик? — спросил Поздняков.

— Да сарай, в который складывают всех вок-

зальных покойников, — охотно пояснил ему разговорчивый собеседник.

Тележка с мертвецом двинулась в самый конец вокзальных лабазов. Михаил Ковтун, бывший олимпийский чемпион и бывший муж известной писательницы, отправился в свой последний путь в сопровождении крутолобых парней, которые никогда не узнают, кого они так бесцеремонно шмякнули на грязную тележку. Впрочем, что бы это изменило?

Бомж с внешностью состарившегося деревенского балагура махнул рукой и озвучил поздняковскую мысль:

— Вот кинули, как дохлую собаку... А какой человек был! Чемпион, рекордсмен, золотые медали для страны добывал!

— Хорошо его знал? — невзначай осведомился Николай Степанович.

— Знал немного, — ответил старик, и Поздняков уловил в его слегка изменившейся интонации холодок. Значит, следовало его, что называется, стимулировать. Выбор в этом смысле у него имелся, хотя и небольшой.

— Помянуть бы надо усопшего... — закинул он крючок на пробу.

Бомж в камуфляже отреагировал незамедлительно.

— А чего и не помянуть хорошего человека. — Бомж осклабился в некоем подобии вежливой улыбки, однако его маленькие, близко посаженные глазки оставались холодными, как никелированные гайки.

Спустя пятнадцать минут они уже сидели на вокзальных задворках. Бомж, уютно устроивший-

ся на заднем сиденье дубовской «Вольво», наполнял салон стойкими запахами бездомной и неприбранной старости, от которых не избавляло даже то обстоятельство, что Поздняков предусмотрительно распахнул все двери автомобиля. Знал бы Дубов, какие пассажиры будут сидеть в его холерной иномарке!

Там же, на заднем сиденье, лежали бутылка водки и полбатона завернутой в бумагу колбасы. Поздняков порылся в бардачке и нашел там пирамидку вложенных друг в дружку пластмассовых стаканов. Отделил один и подал старику. Тот, уже всюю освоившись, скручивал винт с заветной бутылки беленькой.

— А себе? — спросил он участливо.

Поздняков красноречиво коснулся ладонью ба-
ранки:

— Я не могу, за рулем...

— Жалко, — посетовал бомж, скорее всего испытывающий диаметрально противоположные чувства. В конце концов, ему же больше достанется.

— А колбаски? — дед цапнул упакованный батон, оставив на бумаге следы грязных пальцев.

— Ешь сам, я сыт. Только порезать нечем.

— Ничего, и так управлюсь, — заверил его бомж, хотя на этот счет у Позднякова были кое-какие сомнения: до сих пор он не успел разглядеть во рту бедолаги ни единого зуба.

А дед, словно задавшись целью его переубедить, отломил кусок колбасы, просунул его в рот, крепко зажал между деснами и смачно зачмокал языком.

— Давно бомжуешь? — поинтересовался Николай Степанович.

— Давно. — Дед проглотил кусок колбасы, не прожевывая. — Третий год.

— А чего так? Родных, что ли, нет? — Поздняков признавал полную бессмысленность подобных расспросов, но ничего не мог с собой поделать.

— Дочка есть, где-то тут, в Москве. Хотел ее искать, а потом плюнул. Зачем я ей?

— А своего жилья никогда не было?

— Было, — дед прищелкнул языком, — племяш обобрал, стервец... Я сам из Рязанской области, деревня Лески, может, слышал? У нас там теперь много московских дач, рыбалка отличная...

— Я так и подумал, что ты из деревни. И что же, ты все время на вокзале?

— Да считай, что все, — бомж аккуратно наполнил водкой пластмассовый стаканчик, блеснул своими никелированными глазками. — Ну, за упокой души Чемпиона. Пусть земля ему будет пухом, — он выпил залпом. — Не знаешь, где бомжей хоронят? Я бы съездил посмотреть, где лежать буду.

Поздняков не знал, где хоронят бомжей, но предполагал, что дед из деревни Лески наверняка будет лежать по соседству с экс-чемпионом Ковтуном.

«Что-то я сегодня очень сентиментально настроен», — подумал Николай Степанович, а вслух спросил:

— Его, кажется, били?

Дед как раз во второй раз наполнял пластмассовый стаканчик, рука его немного дрогнула, и несколько капель водки пролилось на дорожную обив-

ку сиденья. Впрочем, потом ее все равно не мешало бы как следует продезинфицировать.

— Да приложили пару раз, но не сильно, — дипломатично отвечал бомж, которому деревенская совесть, видно, не позволяла врать напрадную.

— Тогда помер он отчего?

— Выпил чего-то, целый день его рвало, даже с кровью. Приложили его уже давно... А помер из-за какой-то дряни — уж не знаю, чего он принял. Просил врача вызвать, да разве к бомжу «Скорая» приедет? Под утро затих...

— А били его за что? За чем-то он недоглядел?

Было заметно, что поздняяковская осведомленность престарелому бомжу не понравилась. Он насторожился, но продолжал проявлять лояльность по отношению к странному типу, угощающему забулдыг водкой, да еще в иномарке.

— Я точно не знаю, — прошамкал он без особого энтузиазма. — Вроде че-то там уперли... Вроде Чемпиона попросили присмотреть за каким-то барахлом, и это барахло свистнули.

— И он потом искал деньги, чтобы расплатиться? — продолжал наседавать сыщик.

Такая любознательность бывшему жителю деревни Лески Рязанской губернии уж точно не импонировала. Можно было догадываться, почему: деду не хотелось выходить за рамки неписаных вокзальных законов, очень схожих с теми, что царили в местах «не столь отдаленных». В то же время бутылка водки представляла какой-никакой контраргумент.

— Как будто искал, — буркнул бомж. А на его лице было написано: отпусти ты мою душу на по-

каяние. — Я в это, честно, не вникал — зачем мне? Посуди, я здесь живу, к чему мне лишние неприятности? Я не знаю, зачем ты меня расспрашиваешь насчет Чемпиона, только ни к чему все это. Никто его не убивал, ну, поколотили малость. Если бы не выпил какой-то дряни, живой был бы...

Поздняков посмотрел на старика почти сочувственно, хотя и заметил довольно жестко:

— Да ладно тебе впаривать, все я знаю. Отметели его какие-нибудь торгаши из ларьков. Собственно, меня это мало волнует, рано или поздно он и должен был так закончить. Меня другое интересует: он ездил к своей бывшей жене просить деньги или нет?

Бомж чуть не подавился колбасой.

— А ты че, ейный мужик?

— Я просто любознательный гражданин, — отрекомендовался Поздняков с запозданием. — Ты меня сегодня видишь, а завтра — уже нет, послезавтра — тоже, и так до бесконечности. Ваши вокзальные дела мне до фонаря, меня волнует одно: ездил он к своей бывшей жене или нет? И если ездил, то когда?

Дедок с трудом оторвался от изрядно сократившегося в размерах батона колбасы, жалостливо посмотрел на Позднякова. В его взгляде нетрудно было прочесть: а я так тебе верил!

— Вспомни, и я от тебя отстану, — клятвенно пообещал сыщик.

Бомж судорожно прижал колбасный отгрызок к замасленному вороту своего ветхого камуфляжа, его замурзанная деревенская физиономия выражала воистину титаническую мыслительную деятельность. Наконец он изрек:

— По-моему, он к ней ездил, я не знаю, где она живет, но, кажется, нужно ехать электричкой...

— И когда? — уточнил Поздняков. Впрочем, узнать точный день он почти и не надеялся. Вряд ли такие опустившиеся типы ориентируются в днях недели.

Тем не менее дедок довольно бодро заявил:

— В прошлое воскресенье он сел на электричку под вечер, это я точно помню. Сказал: поеду проведать свою женушку. А вернулся на другой день... в общем, на вокзале он появился только к обеду...

— А почему ты так уверен, что он ездил в воскресенье? Может, он ездил в субботу?

— Еще бы я не помнил! — стоял на своем дед. — Как раз в тот день я тут встретил одного земляка, мы с ним поговорили... В общем, точно это было в воскресенье.

Внезапно Позднякова осенило:

— А избили Чемпиона уже после его поездки?

Бомж сразу погрузился, потому что говорить об избиснии ему откровенно не хотелось.

— Ты только скажи, когда его избили: до поездки или после...

— После...

— Точно?

Дед только молча заелозил на шикарнейшей обшивке сиденья. Он уже не таясь тяготился компанией Позднякова.

— Ну спасибо, ты мне здорово помог, — поблагодарил его Поздняков.

Старик заметно повеселел.

— А се я прихвачу? — он кивнул на недопитую бутылку. — За упокой души...

— Бери, конечно.

Долго уговаривать его не пришлось. Дед в мгновение ока выветрился из машины вместе с бутылкой и остатками колбасы, чего нельзя было сказать о его специфическом запахе.

Глава 13

Поздняков мчался в Хохловку, рассуждая про себя:

«Интересно получается! Ковтун и в самом деле ездил к Ларисе и вернулся только на следующий день. Деньги настолько были ему нужны, что и теоретически, и практически он мог ее убить. Допустим, он попросил у нее нужную сумму, а она его отшила в свойственной ей манере — он разозлился... Только вернулся-то он без денег, вот что удивительно. Если бы он отдал долг, его бы не избили, а может, что тоже нельзя исключить, и не убили. Что-то здесь опять не складывается... Медников ведь говорил, что увидел его, когда он пешком топал в районе поселка Волчки, от которого до Хохловки еще километров пять. Почему же он не доехал на электричке прямо до Хохловки?»

Внутренний компьютер выдавал три варианта ответов. Во-первых, электричка могла не останавливаться в Хохловке. Во-вторых, его высадили контролеры, как безбилетника. В-третьих, будучи с большого бодуна, он попросту перепутал станции, ведь эти подмосковные дачные поселки и вправду сильно похожи. Оставалось только убедиться в правильности своих умозаключений. Как, впрочем, и в том, что Ковтун в конце концов достиг-таки желанной цели.

Все еще пребывающий в глубокой задумчивос-

ти Поздняков механически покрутил ручку приемника на панельной доске. Последовала немедленная реакция.

«Это моя любовь, это моя любовь, что растекается в твоей крови, как доза героина-а-а...» — истошно заголосило радио.

— Да заткнись ты! — произнес вслух Поздняков и, присовокупив к вышесказанному пару крепких словечек, поспешно выключил приемник.

Указатель с надписью «Волчки» выпрыгнул из-за небольшого пригорка, следом промелькнул переезд со шлагбаумом, приземистый магазинчик и, наконец, сам поселок — ряд аккуратных деревянных домиков, выстроившихся вдоль шоссе, как новобранцы перед старшиной. Даже на небольшой скорости Поздняков через каких-то пять минут увидел аналогичный указатель уже перечеркнутым. Пришлось развернуться.

Он притормозил у крайнего домика. Прикинул, что бы предпринять, и не придумал ничего лучшего, чем подрулить к магазинчику. Должен же кто-нибудь хоть за спичками туда прийти. (Сам поселок выглядел удивительно безлюдным.) У магазина, как назло, тоже не было ни одной живой души. Николай Степанович посмотрел на часы и двинулся осматривать торговую точку. Там ему опять не повезло: кроме продавщицы, возлежащей пышной грудью на прилавке, и заунывно жужжащих мух, никого больше не наблюдалось.

Завидев потенциального покупателя, труженица прилавка встряхнулась, как караульный при подходе начальства, и устремила на Позднякова свои томные коровьи глаза, в которых плескалась мечта о непьющем рыцаре. Самый задрипанный

мужичок в возрасте от восемнадцати до семидесяти безошибочно узнал бы в ней разведенную, но полную сил и всяческих желаний деревенскую красавицу.

Поздняков понял, что ему придется что-нибудь купить, и принялся лихорадочно соображать, сколько денег осталось у него в кармане после сегодняшних трат. По всему выходило, что больше чем на бутылку минералки не наберется.

— У вас есть минеральная вода? — поинтересовался он.

Продавщица расплылась от счастья.

— Конечно. Вам какую? Боржоми, «Ессентуки»? У нас еще импортная есть...

— Боржоми, если вас не затруднит.

— Конечно, не затруднит. А хотите я вам холодненькой дам, она у меня с утра в холодильнике стоит.

— Если вас не затруднит. — отозвался Поздняков.

— Открыть?

Предупредительность продавщицы из поселка Волчки не знала границ: на прилавке появился еще и стакан.

Выпить в такую жару холодного боржоми и в самом деле было бы приятно, а продавщица смотрела на него, как на представителя Виндзорской династии.

— Вы у нас проездом? — Она бросила взгляд за окно, где Позднякова терпеливо дожидалась его покладистая иностранка.

— Да, — подтвердил Поздняков. — ищу, знаете ли, своего приятеля. Знаю, что он был здесь в прошлое воскресенье.

— Неужто пропал? — всплеснула руками продавщица.

— Вроде того. Может, вы его видели? — Поздняков, как мог, описал внешность Ковтуна.

Женщина, похоже, удивилась, что у вполне приличного на первый взгляд покупателя такие приятели, но вида не подала:

— Нет, я его не видела. Вот баба Маня идет — может, она видела.

Поздняков обернулся: в магазин входила бодрая бабуля, одетая в спортивный костюм, словно собралась принять участие в марш-броске.

— Баб Мань! — громко окликнула ее продавщица. — Тебе в воскресенье такой товарищ не попадался? — И она довольно подробно повторила описание Ковтуна со слов Позднякова.

— Этот пьянчуга, что ли? — отозвалась баба Маня. — Был тут, перебаламутил весь поселок, чтоб сго... Почитай, целую ночь из-за него не спали.

— Не спали? Почему? — заинтересовался Поздняков.

— Да он же, паразит, свалился в канаву как раз напротив нас... Васька, сосед, бежит: возле вас человека сбили! Мы давай звонить в милицию да в «Скорую». «Скорая» только через час приехала, вот, считай, сколько мы в окошки выглядывали. Врачица вышла, посмотрела на него да чуть не по матушке нас обложила. Грозилась: будете за ложный вызов отвечать. Он, оказывается, пьяный был вуемерть, а мы решили, что мертвый. Потом участковый прибыл... Так до часу ночи и колготились, чтоб ему провалиться. А ему что? Так и проснал до утра в канаве. Потом встал, отряхнулся и пошел. Теперь таких даже милиция не забирает!

— Неужели так всю ночь проспал в канаве? — притворно удивился Поздняков.

— А то? — со злостью отозвалась старуха. — Ему что, пьяному, не все ли равно, где валяться, а добрым людям столько беспокойства! — Бабка выплеснула скопившуюся злость и перешла к заботам о хлебе насущном. — Слушай, Людмила, тебе масло подсолнечное завезли?

— Нет, баб Мань, обещали, да что-то не везут.

— Ну ладно, заставлю Тольку в Хохловку сгонять. Целый день носится на мотоцикле, а родной бабке масла не привезет. Взвесь мне тогда граммов триста карамелек к чаю, да я пойду.

Продавщица Люда взвесила бабке карамели в бумажный кулек, и та заторопилась к выходу.

— Ну вот, жив ваш приятель, — сказала продавщица, когда они остались одни в магазине. — Долго жить будет, если его за покойника приняли. Можете за него не переживать.

Странно, что Ковтун легкомысленно пренебрег шансом, уготованным ему судьбой. А как еще иначе объяснишь то, что с ним случилось прошлой ночью?

Поздняков попрощался с приветливой продавщицей, которая выглядела несколько разочарованной. И в самом деле, наверное, ужасно видеть, как мимо твоих окон проносятся чужие принцы, хотя уж к кому, кому, а к этой категории Поздняков склонен был относить себя в самую последнюю очередь.

Разумеется, он не удержался от того, чтобы не завернуть в Хохловку. Черт его знает зачем! Что он, собственно, собирался там увидеть? Однако же увидел. У Лариссиной дачи стоял громадный

трейлер, и люди в рабочей одежде загружали в его нутро какие-то коробки и узлы, которые выносили из дома. Все их действия бдительно контролировала высокая старуха в черном, та самая, что, кажется, была сводной Ларисиной сестрой из Костромы. Все ясно, она вплотную вступала в права наследства, и дюжие молодцы отправляли в Кострому Ларисино барахло, в том числе и нажитое генералом Медниковым. И ничего тут не попишешь.

Поздняков припарковался у обочины и стал наблюдать за погрузкой. Когда работяги поволокли огромный бронзовый торшер, даже видавшего виды Позднякова проняло — уж слишком эта сцена напоминала откровенное мародерство. Он выбрался из автомобиля, подошел к старухе, застывшей у калитки черным изваянием, и вкрадчиво поинтересовался:

— Переезжаете?

Старуха повернула в его сторону сердитую желчную физиономию и произнесла с вызовом:

— Я вас не знаю.

— Моя фамилия Поздняков, я старый друг Ларисы Петровны, — представился сыщик.

— Что-то больно много было у нее друзей, — неодобрительно заметила старуха, не спуская бдительного взгляда с очередного тюка на плечах грузчика.

— Не думаю, что это так уж плохо, — зачем-то ляпнул Поздняков и тут же прикусил язык. Большую глупость трудно было сморозить.

В ответ старуха уставилась на него с такой злостью, что у сыщика стало совсем нехорошо на душе.

— Шел бы ты, мил-человек, своей дорогой, — действительно порекомендовала она.

Поздняков смешался, как подросток, застигнутый курящим в школьном туалете, ну не умел он поддерживать светские беседы с желчными старухами!

— Я только хотел спросить, — заторопился он, — не нашлась ли ее последняя рукопись?

— Ничего не знаю и знать не хочу, — огрызнулась старуха. — А все, что знала, уже рассказала следователю... Надоели вы мне с этой рукописью! Хватит того, что из издательства целый день звонят, уже голову проломили!

Поздняков понял, что злоупотреблять терпением возникшей из неизвестности Ларисиной сестрицы — без пользы, а потому вежливо попрощался.

— Все ходят и ходят... — напутствовала она ему в спину.

Обратная дорога заняла у него вдвое больше времени из-за вечерних пробок. Заторы у светофоров Поздняков коротал за размышлениями о превратностях судьбы. Теперь уже было ясно, что Ковтун не только не убивал Ларису, но даже ее и не видел и что (чем черт не шутит!), если бы он тогда все-таки добрался до Хохловки, возможно, она бы и не умерла. Впрочем, стоило ли теперь строить подобные предположения?

А что оставалось Позднякову делать? Согласиться с мнением официального следствия? Забыть о фокусах Внолетты Шихт, которая расстаралась больше других, подталкивая Ларису к ужасному шагу? Вот только покажутся ли его доводы убедительными следователю Ругину? Не закусит ли он

удила при одной мысли, что какой-то старый ма-разматик ставит под сомнение его компетентность. Поздняков решил, что к следователю Ругину он пойдет только тогда, когда будет уверен в своих выводах на все сто.

Подруливая к гаражу, он твердо решил сразу позвонить машинистке, которая перепечатывала Ларисины рукописи. Судьба последней из них по-прежнему была в тумане.

* * *

Свет в подъезде горел только на первом этаже, а также на лестничной площадке пятого, поэтому Поздняков пробирался наверх на ощупь. Впрочем, не так уж было и темно, но в углах таились чернильные тени. Такая же тень темнела и у его двери, и не просто темнела, но и как-то подозрительно шевелилась. Позднякову это совсем не понравилось. Он замер на лестнице и позволил своим глазам привыкнуть к полумраку. Вскороости он отчетливо рассмотрел полусогнутую фигуру человека, сосредоточенно трудившегося над замками его двери. Неведомый взломщик настолько увлекся, что даже не услышал его шагов. Впрочем, возможно, он не был профессионалом. Так или иначе Поздняков впервые в жизни наблюдал, как некий наглец ломится в его квартиру. Любопытно, что ему там понадобилось.

Неизвестно, сколько бы продолжалось это форменное безобразие, если бы за дверью противоположной квартиры внезапно не раздался чей-то голос:

— В гостях хорошо, а дома лучше.

Открылась дверь, и на лестничную площадку

выкатилась маленькая толстушка. Поздняков ее смутно припоминал — кажется, она жила в их же подъезде и носила большой и плоский берет, напоминающий блин. Свет из соседской квартиры выхватил из мрака фигуру у поздняковской двери — здоровенного мужика в джинсах и синей футболке. Он сначала замер, втянув голову в плечи, а потом, резко развернувшись, понесся вниз по лестнице прямо на Позднякова. То ли он не узнал Позднякова в полумраке, то ли был охвачен страхом, но в глазах его, уставившихся на сыщика, можно было прочесть лишь желание смыться, и как можно скорее. В несколько прыжков он преодолел разделяющее их расстояние, но времени вполне хватило для того, чтобы Поздняков его узнал. Это был охранник из Дома моделей Виолетты Шихт, тот самый, что вчера бесцеремонно выставил за стеклянную дверь несчастную Лолиту, а потом достаточно долго держал за рукав самого Позднякова, не желая допускать его к начальнице.

Пока охранник скакал по ступенькам, как заяц, Поздняков предусмотрительно выставил вперед здоровую ногу. Незадачливый взломщик споткнулся и крепенько врезался в стену. Поднявшись, он занял боевую позицию, выставив вперед огромные кулачищи. Ничуть не оробев, Поздняков изловчился и успел пару раз съездить ему по уху и навесить фонарь под глаз. Но светлее от этого не стало. Вконец ошалевший охранник заметался, как воробей, залетевший в форточку. А наверху пришла в себя толстушка в берете и заорала дурным голосом:

— Человека убивают! Вызовите милицию!

Горе-взломщик с расширившимися от ужаса

глазами двинулся на Позднякова, да так неловко, что умудрился наступить на его больную ногу. Этого Поздняков стерпеть не мог и, матерясь, ударил его под зад здоровым коленом, благодаря чему получивший ускорение тип в мгновение ока оказался на пролет ниже и уже оттуда, топая толстенными подошвами ботинок, рванулся к выходу. И тут же на улице отчаянно взревел мотор.

Поздняков сидел на ступеньках, продолжая шепотом материться, а толстушка наверху все еще орала. Скоро к ней присоединились выскочившие из своих квартир соседи. Притемненные лестничные площадки осветились — повсюду пооткрывались двери.

— Что, что там случилось? — неслоь со всех сторон.

Поздняков, припадая на больную ногу, побрел наверх.

— На вас напали? — донимали его соседи.

— Я просто споткнулся в темноте, — объяснил Поздняков и незаметно извлек из замочной скважины двери родной квартиры связку ключей, которую с перепугу забыл неудавшийся взломщик. За дверью трезвонил телефон, но, пока Николай Степанович открывал дверь, успел успокоиться.

— Ну как же так, я же сама видела потасовку, — недовольно пропищала за его спиной толстушка в берете.

Поздняков вошел в квартиру и захлопнул за собой дверь, а соседи все еще обсуждали происшествие. Телефон позвонил снова, и сыщик поднял трубку.

— Слушаю.

На другом конце провода молчали и взволнованно дышали.

Поздняков сопоставил факты и рискнул — впрочем, что он терял?

— Виолетта Станиславовна, если вы беспокоитесь за своего охранника, то я его уже отпустил...

Он не успел договорить — трубка отозвалась частыми гудками. Конечно, он мог и ошибиться, но уж больно подозрительным было явно возбужденное дыхание на другом конце провода. Хотя, конечно, не совсем понятно, с какой целью пытался проникнуть в его квартиру секьюрити Виолетты. Впрочем... Поздняков громко рассмеялся — впервые за последнюю неделю. До него дошло, что понадобилось Виолетте — кассета, на которую он якобы записал их последний разговор! Бедная женщина, так попасться на примитивный блеф! А с другой стороны, жаль, что такой кассетки у него нет.

Посетовав на собственную техническую отсталость, Поздняков снова подвинул к себе телефонный аппарат, закрыв глаза на тот факт, что время для звонков достаточно позднее. Он звонил машинистке, которая на протяжении двадцати лет перепечатывала рукописи Ларисы Кривцовой.

Ответил ему ребенок.

— Могу я поговорить с Евгенией Ивановной? — спросил сыщик.

— Бабушка, это тебя, — выкрикнул детский голос на другом конце провода, и все смолкло.

Довольно долго никто больше не брал трубку, и Поздняков начал опасаться, что о ней попросту забыли. Наконец послышались шорохи, а потом усталый голос произнес:

— Я вас слушаю.

— Евгения Ивановна?

— Евгения Ивановна, — подтвердила та без особого энтузиазма и задала встречный вопрос: — А с кем я говорю?

— Моя фамилия Поздняков, я старый друг покойной Ларисы Петровны Кривцовой... Извините за поздний звонок, но мне нужно кое-что уточнить. — Поздняков бесславно барахтался в обтекаемых формулировках, но врать ему не хотелось.

Впрочем, машинистка сама пошла ему навстречу:

— Вы, наверное, интересуетесь последней рукописью Ларисы Петровны?

— Да, да, — обрадовался Николай Степанович.

— Но у меня ее нет. Из издательства мне тоже звонили, я им то же самое ответила. Видите ли, Лариса Петровна должна была привезти мне черновик как раз на этой неделе, но произошло это ужасное, это ужасное...

— А не могла она отдать еще кому-нибудь?

— Если для перепечатки, то вряд ли, — объяснила Евгения Ивановна. — В ее черновиках могла разобраться только я. У нее всегда было столько исправлений, не говоря уже о том, что ее почерк тоже, как говорится, оставляет желать...

— Вы хотите сказать, что это был трудночитаемый текст? — не унимался Поздняков.

— Пожалуй, так. Кроме того, я всегда набирала большой объем — двенадцать-пятнадцать листов, а срок — два-три дня. Сидела по нашей старой дружбе с утра до вечера. Лариса Петровна, пусть земля ей будет пухом, всегда тянула до последнего, по несколько раз переделывала свои романы,

так что едва успевала сдавать рукописи в издательство к нужному сроку, но опаздывать тоже не любила.

Поздняков спросил еще, какое издательство интересовалось судьбой последней рукописи Ларисы Кривцовой, и попрощался с машинисткой.

Нога все еще отчаянно саднила, настроение приближалось к нулевой отметке, во рту целый день ничего не было, кроме утреннего чая и боржоми, которого он отведал в Волчках, но есть тем не менее не хотелось. День выдался трудным и суматошным, а результаты по-прежнему только вырисовывались. А уж чего стоили полученные впечатления, особенно смерть Ковтуна! Как бы Поздняков ни относился к бывшему легкоатлету, такого конца тот не заслужил. Перед его глазами все еще стояла жуткая картинка: скрюченное мертвое тело на грязной тележке. Черт побери, если там, наверху, кто-то действительно распоряжался человеческими судьбами, то на этот раз он явно переборщил. Поздняков искал и не мог найти в самом себе успокоения, как и в день Ларисиной смерти.

В конце концов он принял душ, выпил чаю и устроился на диване. Сон никак не приходил, ворочаться он не мог, боясь растревожить продолжающую ныть ногу, а потому лежал с открытыми глазами, тупо уставившись в потолок. Из памяти всплыла его последняя встреча с Ларисой. Он вспомнил, что она спала на этом самом диване, и заскрипел зубами. Потом не выдержал и повернулся на бок; от этого опрометчивого движения нога засвербела с новой силой, и он взвыл, как волк, глядя теперь на равнодушный диск полной луны, зависший над крышей соседней девятиэтажки.

Глава 14

Издательство «Карат» он искал довольно долго, интуитивно предполагая увидеть нечто фундаментальное с аршинными буквами на крыше, издали извещающими общественность, что именно здесь совершаются таинства книгоиздания. В действительности издательство помещалось в небольшом флигельке без каких-либо опознавательных знаков, но с переговорным устройством в бронированной двери. За стеклом окна, рядом с входом, сидел молодой охранник в милицейской форме и откровенно спал, уронив кудлатую голову на стол. Поздняков подошел к окну и поскребся в стекло, точно возвращающийся за полночь гуляка. Охранник отреагировал, почти как знаменитая собачка Павлова, повинующаяся условному рефлексу, — нажал на кнопку, управляющую дверью, и лишь потом раскрыл глаза.

— Где тут у вас начальство? — спросил у него вошедший Поздняков, с любопытством озираясь по сторонам. Перед ним был небольшой коридор с несколькими плотно закрытыми дверями, из-за которых не доносилось ни звука. Неудивительно, что охранника в такой обстановке сморил здоровый сон.

— У нас тут только главный редактор, — объяснил секьюрити, готовый снова впасть в спячку сразу после того, как только от него отстанут. — По коридору и направо.

Поздняков пошел по коридору, свернул направо и уткнулся в белую дверь, ничем не отличающуюся от остальных, повернул круглую ручку и оказался в небольшой комнате, в которой не было ничего, кроме стола и пары стульев. Даже пресло-

в этого негоряемого сейфа не наблюдалось. Зато у сидящего за столом молодого человека в клетчатом пиджаке вид был такой, словно он только и делал, что дожидался прихода Позднякова. По крайней мере на лице у него не появилось и тени удивления по поводу его внезапного появления. Он первым поздоровался и предложил посетителю присесть.

Пока Поздняков соображал, как бы половчее начать нужный ему разговор, главный редактор его опередил.

— Вы наш автор? — поинтересовался он участливо. — Я что, вам сегодня назначил встречу?

— Да нет, я скорее, так сказать, благодарный читатель, — объяснил Поздняков, — но пришел с вами поговорить как раз об одном вашем авторе.

Главный редактор ничуть не удивился этим его словам, только посмотрел на Позднякова повнимательнее. Может, он впервые в жизни видел благодарного читателя той литературы, которая выходила в свет при его непосредственном участии.

— И что за автор вас интересует?

— Лариса Кривцова.

— Это как-то связано с ее безвременной кончиной? Вы из компетентных органов?

— Почти.

Такое объяснение главного редактора не удовлетворило, и Позднякову пришлось пуститься в пространные объяснения:

— Я и в самом деле когда-то работал в этих, как вы их называете, компетентных органах, но с некоторых пор на пенсии по инвалидности. — Для пущей убедительности он похлопал себя по боль-

ной ноге. — Но дело даже не в этом, а в том, что я давний друг Ларисы Петровны.

Возможно, ему пришлось бы еще многое объяснять, если бы не зазвонил сотовый телефон, лежащий на столе редактора. Тот немедленно отозвался и с кем-то приветливо заговорил:

— А, здравствуйте, здравствуйте, хорошо, что вы мне позвонили, я сам вам звонить собирался... Да, прочитал, прочитал и получил истинное удовольствие. Почти до утра не спал — не мог оторваться. Уверен, что книга будет иметь успех.

Он помолчал, выслушивая звонившего, потом опять заговорил с горячностью:

— Недельки через две, Гелий Андрианович, я думаю, уже можно будет подписать договор. Но вы не беспокойтесь, я вас дополнительно извещу. До свидания, всего хорошего.

Главный редактор захлопнул крышку телефона, положил его на стол и обратил свой бесстрастный взор на Позднякова, которого так и подмывало спросить, не с Воскобойниковым ли тот только что разговаривал.

Главный редактор для видимости повозился с бумагами на столе и наконец изрек:

— Не понимаю, с какой стати я должен с вами откровенничать?

— Полагаю, что вам наверняка хочется заполучить ее последнюю рукопись, а я мог бы вам в этом помочь.

У молодого человека в клетчатом пиджаке в глазах загорелись огоньки интереса:

— Каким образом, если не секрет?

— Мне ли вам рассказывать? — усмехнулся Поздняков. — Ведь через ваши руки прошло столько

детективных романов, что частные детективы не должны вызывать у вас удивления.

Главный редактор задумался и после минутной паузы осведомился:

— Ну и что же конкретно вас интересует?

— Совсем немного, и не думаю, что это представляет особенную тайну. Значит, Лариса Петровна и в самом деле должна была представить вам свою новую рукопись?

— Да.

— Но рукопись до вас так и не дошла?

Главный редактор только развел руками.

— А могла она попросту ее не написать или, допустим, передать в другое издательство?

Главный редактор покачал головой:

— Исключено. Она подписала с нами договор, в соответствии с которым у нас было, фигурально выражаясь, право первой ночи на все ее романы. Что касается ваших сомнений... Нет, я уверен, что рукопись была готова, по крайней мере на восемьдесят процентов, потому что недели две назад мы с Ларисой Петровной беседовали по телефону. Я ее торопил, поскольку сроки поджимали, и она обещала их выдержать. Она была очень обязательным человеком и ни разу нас не подводила.

— А нет ли у вас каких-нибудь предположений относительно того, куда могла пропасть рукопись?

Главный редактор снова развел руками.

— Честно говоря, это для меня загадка. Мы связывались с сестрой покойной Ларисы Петровны и с ее машинисткой, но, к сожалению, они знают не больше нашего.

— Еще один вопрос... Вы только что разговари-

вали с Гелием Андриановичем Воскобойниковым, если я не ошибаюсь?

Редактор приподнял брови:

— Допустим... Несколько дней назад Гелий Андрианович принес в наше издательство очень неплохой роман, точнее даже — очень хороший роман. Многие считали, что он окончательно исписался. Оказалось, что это далеко не так.

— Тогда это все, — Поздняков встал со стула. — Не смею больше отнимать у вас время.

Главный редактор вдруг ни с того ни с сего проявил признаки беспокойства:

— Значит, вы тоже интересуетесь этой рукописью? Тогда позвольте вам напомнить, что мы имеем на нее все права...

— Можете считать, что я действую и в ваших интересах, — заверил его Поздняков.

* * *

Поздняков забрался в «Вольво» и уронил голову на баранку. Не много ли он всем обещал: разобраться в причинах смерти Ларисы, найти ее последнюю рукопись... Прямо не инвалид-пенсионер, а маг и чародей какой-то, так и до бесплатной раздачи слонов дойти недолго.

— Ну и куда теперь? — спросил он сам себя.

Можно было бы, конечно, поехать в Дом моделей и полюбоваться на свежий фонарь под глазом охранника. Послушать, что на этот раз станет сочинять Виолетта, если бы не какая-то странная и необъяснимая уверенность: разгадка головоломки была хоть и рядом, но не там, не у Виолетты.

Он уже собирался повернуть ключ в замке зажигания, когда его кольнуло в груди. Он попытал-

ся разобраться в своих ощущениях и понял, что толчком к ним послужило что-то извне. Опять огляделся по сторонам и не увидел ничего нового. С крыльца дома, в котором помещался «Карат», медленно спускался человек, показавшийся ему знакомым. Пожилой мужчина ставил ноги на ступеньки так, словно предварительно их нащупывал. У него был вид хронического неудачника, а уж в таких вещах Поздняков разбирался.

Мужчина остановился на углу, достал из картонной папки стопку бумаг и бросил их в урну, потом подумал-подумал и швырнул туда же и папку. Закончив эту операцию, он потер ладонь о ладонь, точно стряхивая с них приставшую пыль.

«Где я его видел? — начал мучительно соображать сыщик. — Я его точно видел и совсем недавно, но где?»

Человек медленно пошел по тенистой аллее вдоль домов — видимо, направлялся к метро. Малыш, игравший у подъезда, выпустил из рук большой разноцветный мяч, который покатился прямо под ноги привлечшего внимание Позднякова незнакомца. Тот застыл в нелепой позе, да так и остался стоять на одной ноге, как журавль, пока ребенок спешил к своему мячу. Потом, когда дорога оказалась свободной, он пошел дальше все той же развинченной походкой.

«Да ведь я видел его на похоронах!» — осенило Позднякова. Мужчина уже успел удалиться метров на двести. Припомнить его фамилию сыщику так и не удалось, зато он успел извлечь из памяти остальную информацию, выданную ему Воскобойниковым. Итак, незнакомец, кажется, учился с Ларисой в Литинституте.

Поздняков завел двигатель и медленно поехал следом за мужчиной. Когда они поравнялись, Николай Степанович притормозил; приоткрыв дверцу, высунулся из машины и предложил:

— Садитесь, подвезу.

Мужчина медленно повернулся и удивленно посмотрел на Позднякова:

— Вы... мне?

— Вам, вам, — подтвердил Поздняков.

Тот продолжал сомневаться:

— Вы меня ни с кем не перепутали? Здесь же до метро рукой подать.

— Кажется, мы с вами знакомы, правда, заочно, — продолжал его интриговать Поздняков.

— Знакомы?

— Я видел вас на похоронах Ларисы Кривцовой...

— Но я вас что-то не помню. — Мужчина неопределенно взмахнул рукой и чуть-чуть покачнулся вперед.

— Мне вас представили заочно.

— Кто?

— Воскобойников, — Поздняков заметил, что при упоминании этой фамилии мужчина напрягся.

— Да что мы так разговариваем? Садитесь, если не торопитесь, — повторил сыщик свое приглашение.

Мужчина, поколебавшись, сел на переднее сиденье, рядом с Поздняковым.

— Куда мне вас отвезти? — осведомился Поздняков, нажимая на газ.

— Я никуда не спешу, — ответил мужчина. — Это был последний адрес, теперь я совершенно свободен. По крайней мере до завтра... — И пояснил: — Завтра у меня самолет.

— Уже устаете? — спросил Поздняков, чтобы как-то поддержать завязавшийся диалог.

— А что еще делать? — последовал слишком тяжкий вздох. — Все, что можно, я уже сделал. Ничего путного из этого не вышло. Да ладно, что ж теперь...

Поздняков внимательнее присмотрелся к своему собеседнику, который выглядел далеко не блестяще. Костюмчик вроде поздняковского, только еще более мятый и лоснящийся; сильно поношенные, потерявшие всякую форму башмаки. Что касается его лица, то оно было под стать экипировке, если можно так сказать, до предела изношенным и очень нервным. Даже когда он молчал, его губы продолжали шевелиться, точно по инерции. Неожиданно Поздняков вспомнил его фамилию — Серебрянский, слишком звучную для такого невзрачного человека. Такую бы какому-нибудь преуспевающему «новому русскому».

— Вы Серебрянский?

— Вениамин Сергеевич, — подсказал мужчина. — А вас как звать-величать?

Поздняков, продолжая следить за дорогой, протянул правую руку:

— Поздняков Николай Степанович.

— Тоже были на похоронах, значит. Вы знали Ларису? — поинтересовался Серебрянский.

— Да, я ее старинный друг.

— Неужели более старинный, чем я? — в первый раз в тусклых глазах Серебрянского промелькнуло любопытство.

— Вы, кажется, вместе учились?

— Было такое дело — больше двадцати лет назад. Только я ее старше, к моменту поступления

уже отслужил в армии, поработал на великих стройках. В общем, прошел университеты. А еще успел тиснуться в нескольких журналах, меня охотно печатали... Вот, мол, молодой рабочий парень, который все успевает: и магистраль в тайге прокладывать, и героические будни описывать. А Лариса пришла в институт со школьной скамьи — очень редкий случай. Она тогда сочиняла такие стихи, что мэтры приходили просто в трепет...

— Лариса? Стихи?

— Что, удивлены? Да, Лариса когда-то писала очень хорошие стихи, но быстро поняла, что время чистой поэзии невосвратно ушло, и, как говорится, переквалифицировалась. Не знаю, может быть, она потом и жалела...

Поздняков наконец заметил, что он уже второй раз сворачивает в один и тот же переулок:

— Веннамин Сергеевич, как вы относитесь к тому, чтобы где-нибудь посидеть?

Серебрянский развел руками:

— Я вам уже сказал, что спешить мне некуда. До моего самолета осталось, — он посмотрел на часы, — еще тридцать шесть часов и сорок две минуты. Достаточно времени, чтобы и посидеть.

— Какая точность, — усмехнулся Поздняков, выруливая к знакомому ему кафе, в котором, если, конечно, ему не изменяла память, не раздевали клиентов до трусов. — У вас несомненные математические способности.

— Хотите сказать, что мне надо было поступать в физтех, а не в Литературный? — лукаво отозвался Серебрянский. Лицо его осветилось глубоко застенчивым светом, и Поздняков вдруг увидел, каким он был двадцать пять лет назад — легким на по-

дьем, улыбчивым парнем, который одним лишь взглядом оставлял автографы на нежных девичьих сердцах.

В кафе они заказали бутылку водки и легкую закуску. Поздняков сразу предупредил, что составит Серебрянскому компанию лишь символически, поскольку за рулем.

— Тогда помянем Ларису Петровну, — предложил Серебрянский и поднес рюмку к губам.

Поздняков выглядел бы последней сволочью, если бы не пригубил свою.

— А вы когда видели Ларису в последний раз? — спросил он Серебрянского.

— В этот приезд я ее не видел — в смысле живой. Случайно узнал о ее смерти в издательстве... ну, и таким вот образом попал на похороны. А так... В последний раз мы с Ларисой виделись пятнадцать лет назад. Тогда я проездом был в Москве, позвонил ей, и мы встретились в Центре. Целый день ходили по Москве, вспоминали студенческие годы... Она была молодая, красивая, смеялась, собиралась замуж во второй раз. Такой я ее и запомнил. Черт побери, даже не верится, что она могла это сделать с собой. Хотя пятнадцать лет — достаточно большой срок, человек может сильно измениться...

— Значит, по-вашему, она не была похожа на самоубийцу? — Поздняков радовался уже тому, что встретил еще одного человека, который был хоть сколько-нибудь с ним солидарен.

— По крайней мере та Лариса, которую я знал раньше, уж точно никогда бы не наложила на себя руки. Уж слишком она любила жизнь. Хотя выражение «любить жизнь», пожалуй, в данном случае

трафаретная фраза. Впрочем, что я вам рассказываю, вы же сами ее знали. Кстати, вы-то как с ней познакомились?

— Это не секрет. Мы познакомились с Ларисой при не очень романтических обстоятельствах. Я вел одно дело, по которому она проходила свидетельницей, — ответил Поздняков, все еще зажимая в ладони рюмку с недопитой водкой.

— Бьюсь об заклад, что вы имеете в виду несчастный случай с литературным критиком Рунцевичем в Доме творчества. — Серебрянский пристально посмотрел на сыщика.

— Вы разве тоже там были?

— Нет, меня там не было, я знаю об этом от самой Ларисы. Она тогда сильно переживала. Дело ведь, кажется, закрыли?

— Да, закрыли, — подтвердил Поздняков. — Кажется, то же самое в ближайшее время произойдет и с делом Ларисы.

Серебрянский махнул вторую рюмку, поковырял вилкой в тарелке, губы его при этом продолжали беззвучно шевелиться. Наконец он глухо произнес:

— Я бы сказал, что это символичное совпадение.

Поздняков понял, что в этой короткой фразе было два смысла: один — поверхностный, другой — значительно более глубокий.

— Она вам много рассказывала? — спросил Поздняков, испытывая неожиданно дурные предчувствия.

— Тогда у нас вообще не было тайн.

Поздняков вскинул брови:

— Не было тайн?

— Не было тайн, как, впрочем, и того, о чем вы только что подумали. Наши отношения были исключительно дружеские. Хотя некоторые считают, что между мужчиной и женщиной такое невозможно. Я, кстати, знаю и вашу с ней историю. Поверьте, мне очень жаль, что у вас все так вышло. Но что делать, думаю, у вас бы все равно ничего не получилось. Не потому, что вы были слишком разными, просто она уж очень серьезно к вам относилась и приписывала слишком много достоинств. Да и способ вашего знакомства... Думаю, что в конце концов именно это обстоятельство все и испортило.

Поздняков понял, что Серебрянский недоговаривает что-то очень важное и делает это не то чтобы намеренно, скорее по привычке.

— Чем же были так ужасны эти обстоятельства? — Поздняков с трудом ворочал языком в пересохшем рту.

Кажется, чаши весов, которые незаметно раскачивал Серебрянский, обрели равновесие.

— Ну как же, все-таки смерть человека... — неопределенно отвечивал он.

У Позднякова кончилось терпение:

— Да ладно вам темнить, говорите уж то, что вертится у вас на языке.

— Вы уверены, что этого хотите?

— Уверен, я абсолютно уверен, — заявил Поздняков, внутри которого все буквально клокотало.

— Учтите: вы сами этого хотели, — многозначительно предупредил Серебрянский. — Но я вам уже говорил, что знаю все со слов Ларисы, так что головой ручаться не могу. Так вот, Лариса рассказала мне под большим секретом, что Рунцевич во-

все не вывалился по пьяной лавочке из окна, то есть он сделал это не самостоятельно — ему помогли...

Поздняков почувствовал, как внутри его все напряглось. Такое ощущение, что его нервы одним рывком намотали на кулак, — кажется, он даже услышал характерный звук разрыва. Не такое это простое дело узнать, что двадцать пять лет назад ты свалял образцового дурака. Голос куда-то пропал, и, прежде чем удалось что-то произнести, ему пришлось долго откашливаться.

— Вы понимаете, насколько серьезно то, что вы мне сейчас говорите?

— Смею заметить, я вас об этом предупреждал, — напомнил Серебрянский.

— Я не забыл, — Поздняков упрямо гнул свою линию. — Обещаю больше вас не перебивать. Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— Дальше так дальше, — смиренно вздохнул Серебрянский и неожиданно слегка подался вперед, — только это довольно длинная история. По крайней мере началась она не в пансионате, там она подошла к логическому концу, если можно так выразиться. А началась она даже не на нашей с Ларисой памяти, мы с ней просто подключились к давно отработанному сценарию. — Он помолчал, продолжая шевелить губами, и вдруг спросил: — Вы когда-нибудь слышали о литературных неграх?

— Что?!

— Литературные негры — явление довольно распространенное в писательских кругах. По крайней мере было распространенным в те годы, о которых идет речь. Услугами таковых пользовались некоторые маститые авторы и даже те, кого счита-

ли живыми классиками. Схема, кстати, довольно незамысловатая: возле известных писателей всегда крутились начинающие, в том числе и студенты Литинститута вроде нас с Ларисой. — Он горько усмехнулся: — У автомобилистов принято называть начинающих водителей «чайниками», не так ли? Это остроумное наименование распространяется и на жаждущих признания молодых авторов. Поверьте, самолюбия в них меньше, чем у прочих смертных, они готовы внимать так называемым классикам с утра до вечера и вывернуться наизнанку, лишь бы только увидеть свою фамилию на блестящей, пахнувшей типографской краской обложке. Нет такой жертвы, на которую ради этого вожаемого мгновения не пойдет «литературный чайник»! Так вот, двадцать пять лет назад мы с Ларисой были самыми настоящими «чайниками», закипающими от честолюбия и нетерпения. Неудивительно, что мы почти без колебаний согласились перейти в категорию литературных негров, да что нам еще оставалось? Ведь в те времена можно было даже не мечтать пробиться самостоятельно. А здесь, по крайней мере, было какое-то подобие джентльменского соглашения по принципу: отработасшь положенный срок на чьих-то «плантациях» — получишь путевку в самостоятельную литературную жизнь, то бишь протекцию.

— Вы вместе с Ларисой заключили такое джентльменское соглашение? — прошептал Поздняков.

— Истинно так, — Серебрянский кивнул головой. — Только в моем случае соглашение, как бы вам сказать, имело более конкретный характер. У Ларисы, в силу известной специфики, все ока-

залось сложнее... Ну, знаете ли, красивая молодая девушка, которая смотрит тебе в рот и полностью от тебя зависит, а тебе уже под полтинник и жена у тебя желчная мегера, хотя и генеральская дочь... В общем, Ларисе пришлось отдуваться на двух фронтах: на литературном и, мягко выражаясь, на личном. Собственно, только поэтому она тогда и оказалась в пансионате в роли свидетельницы несчастного случая, который в действительности таковым не был.

— Она была там со своим любовником? — Поздняков неожиданно обнаружил в себе почти олимпийское спокойствие. Словно речь шла не о той Ларисе, которая тогда же дарила свою любовь ему, еще молодому и полному щенячьего восторга.

— Думаю, что в данном случае такие выражения звучат слишком громко. — Серебрянский болезненно скривил свои живущие отдельной жизнью подвижные губы. — Какая была из нее любовница? Так, девочка с распахнутыми глазами, которая к тому же пахала, как папа Карло, на этого стареющего литературного мэтра с повадками плейбоя. В советском варианте, разумеется. Уж поверьте, я это хорошо знаю. Мы ведь его лучшую книжку, за которую он халнул Государственную премию, написали с Ларисой буквально в четыре руки. Многие, кстати, об этом догадывались, но тогда такие вещи никого особенно не шокировали, почти как сегодня дедовщина в армии. Во всяком случае, мы хотя бы не драили толчки до блеска... И потом, нужно быть объективным до конца, нас же никто не принуждал, мы пахали на лауреата сугубо добровольно. Правда, был один человек, а именно тот самый Рунцевич, который вздумал бросить

вызов собственному стаду. Он где-то обмолвился: мол, это уж слишком, когда литературные премии зарабатывают таким постыдным образом. А потом они с лауреатом встретились в Доме творчества и крепко поругались на той же самой почве. Вроде бы Рунцевич даже пригрозил нашему лауреату вывести его на чистую воду. Думаю, блефовал, так как это было совершенно невозможно. Только себе хуже сделал — обеспечил несчастный случай. Лариса была свидетельницей этому, но... Впрочем, дальше вы все знаете, что я вам рассказываю.

— Она все видела и знала, что это убийство, — с трудом произнес Поздняков, — но дала такие показания, какие требовались, чтобы смерть Рунцевича предстала в виде несчастного случая. — Ему было безумно больно сознавать, что она его тогда обманула, оставила в дураках молодого неопытного следователя. Врала, глядя на него кристально честными глазами...

Серебрянский внимательно посмотрел на Позднякова, потом отвернулся, забарабанил пальцами по столу, уставившись в окно, за которым разносился некий размеренный шум, точно на пляже. За стойкой бара засипел заигранной пленкой магнитофон, выдал маловразумительный речитатив и в конце концов разразился навязчивым припевом:

«Это моя любовь, это моя любовь, что растекается в твоей крови, как доза героина-а-а...»

Более подходящий аккомпанемент к переживаемому Поздняковым моменту трудно было себе представить. Он залпом допил до дна рюмку, которая поначалу планировалась в качестве чисто символической.

Серебрянский понимающе улыбнулся и сказал:

— Все-таки на вашем месте я не стал бы это драматизировать, тем более через столько лет. И еще... Хотя Ларисе теперь, наверное, уже все равно, но не судите ее по тем законам, по которым судите себя. Не то чтобы они на нее не распространялись... Просто вам никогда не побывать в ее шкуре, а изнутри, уверяю вас, это выглядит совсем по-другому. Конечно, она переживала, даже казнилась, но что она могла? Допустим, вы тогда даже раскрутили бы это дело, но, знаете, чем бы все закончилось? Ваша карьера на том бы и оборвалась, а первая Ларисина книжка вышла бы лет на десять позже. Что касается самого убийцы, то он бы не почувствовал даже комариного укуса, поскольку его тестем был не кто иной, как замминистра внутренних дел. Надеюсь, расклады вам ясны? Думаю, что ваши с Ларисой отношения тогда не сложились по той же самой причине: она слишком ясно понимала, что эта тайна их разъест, как негашеная известь.

Слова, произносимые Серебрянским, невозможно было осмыслить сразу, а потому их приходилось укладывать в запасники души чуть ли не штабелями. Тем не менее Поздняков кое-как сообразил с некоторым удивлением: да ведь он до сих пор даже не попытался узнать, а кто же все-таки двадцать пять лет назад сбросил с балкона Рунцевича.

— Ну и кто это сделал? — разлепил он пересохшие губы.

— Что сделал? — не понял Серебрянский.

— Убил Рунцевича!

Серебрянский заерзал на стуле. Похоже, он не собирался выходить за рамки дозированной откровенности.

— К чему все это, если даже срок давности прошел... — промолвил он, опуская взгляд.

Поздняков пригвоздил его к стулу тяжелым взглядом и прошипел:

— Какой законник! Теперь это касается лично меня, а я срока давности не признаю!

На физиономии Серебрянского было написано одно: ну и влип!

— Ладно, — сказал он, заметно побледнев, — только учтите, что я сам ничего не видел, просто слышал от Ларисы, а она уже ничего не может ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Я жду, — нетерпеливо напомнил Поздняков.

— Сейчас, сейчас, — пообещал Серебрянский, видимо, копивший в себе решимость, — это сделал Воскобойников. Гелий Андрианович Воскобойников, который, кажется, нас и познакомил заочно. Потом он все-таки составил Ларисе протекцию и даже, по-моему, написал предисловие для ее первой книжки. А когда она пошла в гору и без его помощи, насколько я знаю, их отношения сильно испортились. Думаю, она так и не смогла простить ему тех жертв, которые ей пришлось принести по его милости.

«Воскобойников, Воскобойников! Неужели правда?» — подумал Поздняков. Но почему он должен был так запросто верить этому возникшему из ниоткуда Серебрянскому? В конце концов, еще неизвестно, что тот сам делал в прошлое воскресенье, теоретически он тоже мог нанести визит Ларисе, а теперь талантливо вешает ему лапшу на уши. Ведь

сегодня, когда уже не было Ларисы, его история получалась такой складной! Воскобойников одним взмахом волшебной палочки превращался в такого киношного суперзлодея, на которого можно списать все трупы. Очень правдоподобно и достаточно убедительно!

— Ну а вы сами в каких отношениях были с Ларисой в последнее время? — словно невзначай поинтересовался Поздняков. — Вы ведь тоже, судя по всему, многого не простили Воскобойникову...

Серебрянский невольно отпрянул.

— Вы... вы на что намекаете? Вы хотите сказать, что я... Да, я зол на Воскобойникова, даже скажу вам больше: я его ненавижу, потому что он испортил мне жизнь. Он развратил меня не меньше, чем Ларису, с которой спал. После той, написанной в четыре руки, книжки, за которую он схватил премию, я умер как писатель, понимаете, умер! Я много раз брался за очередную нетленку, но ничего путного так и не написал. Рабский труд на литературных плантациях Воскобойникова меня полностью выхолостил. Сначала я запил по-черному, потом решил, что вдохновение ко мне вернется, если затеряюсь в какой-нибудь глубинке. Приятель, работавший в Средней Азии на раскопках, зазвал меня к себе, я приехал — да так и остался. Правда, мне это не помогло.

Серебрянский замолчал, делая вид, что наблюдает за юной парочкой за соседним столиком. Продолжил он через пару минут:

— В этот раз я приехал в Москву не просто так. Еще раньше с одним знакомым я заслал сразу в несколько издательств свою новую рукопись. Не сказать, чтобы я на нее уж очень рассчитывал, но

она не казалась мне совсем безнадежной. К сожалению, ее не приняли нигде, хотя в разных местах — по разным причинам. «Карат» был моей последней надеждой, которая тоже не сбылась.

При этих словах перед глазами Позднякова возникла совсем недавняя картинка: стопка бумаги, а следом за ней картонная папка, летящие в урну. Выходит, тогда Серебрянский выбрасывал итог последних лет собственной жизни.

— И что теперь? — спросил он Серебрянского с невольным сочувствием.

— Да ничего. — Тот, словно после утомительного марафона, устало откинулся на спинку стула. Пожалуй, это и в самом деле был марафон — вот так, походя, перелистать страницы судьбы. — Просто возьму и все забуду, выброшу из головы, что когда-то мечтал написать роман века. И мне сразу станет так легко, что я взлечу, как шарик, который накачали гелием. Стоит отпустить веревочку... — Он прикусил нижнюю губу. — Как говорят в таких случаях: следствие закончено, забудьте. Простите за невольный каламбур, я имею в виду только себя. Просто нужно окончательно отдать ту книжку, которую мы написали с Ларисой за Воскобойников-ва, автору, фамилия которого стоит на титульном листе. Вот и все.

— Как она называется? — осведомился Поздняков, хотя был заранее уверен в том, что название ему ничего не скажет. Он не был поклонником творчества Гелня Воскобойникова, и стать таковым в свете последних событий ему уже не грозило.

— «Черные облака».

По спине Позднякова пробежали мурашки —

совершенно непонятно, с чего бы. Да, кажется, недавно он уже слышал это название, ну и что из того? «Черные облака» — дурацкое название, не более того. Тогда почему на душе стало так тревожно и холодно, как было всегда, когда он подбирался к какой-то тайне...

— Мы написали этот роман за какой-то месяц — по тем временам настоящий рекорд. Тогда ведь никто и слыхом не слыхивал о писателях-килобайтниках, вот и мы с Ларисой грохотали по ночам на бестолковой машинке марки «Москва»... — Слова доносились до Позднякова словно сквозь толщу лет, через толщу тех самых двадцати пяти лет, которые он прожил без Ларисы, а мог бы и с ней.

— ...Мы поделили с ней действующих лиц, у нее были женские, у меня — мужские... Мы не писали, мы играли, мы плескались в собственном таланте, как дети в ручье... — бубнил Серебрянский, мечтательно закрыв глаза, но Поздняков его больше не слушал, потому что его раздирало позднее прозрение.

Он вспомнил, кто первым произнес это название «Черные облака», — доктор Руднев, глупо влюбленный в красивую пустышку Лолиту. Он тогда сказал, что Ларисе Кривцовой страшный диагноз поставили по ошибке, а вот одному известному писателю, к сожалению, точно. Он, кажется, спросил: «Не читали «Черные облака»?» Доктор Руднев, наверное, в детстве зачитал до дыр этот роман. К черту доктора Руднева! Неужели все так просто, до безобразия просто? Как он мог забыть про комплекс Сальери, черт его дери!

Поздняков вскочил настолько резко, что стул

под ним с грохотом упал на пол. Серебрянский прервал поток бессвязных воспоминаний и удивленно посмотрел на него. Юная парочка за соседним столиком с испугом уставилась на него. Бармен за стойкой выключил заедающий магнитофон. Но Поздняков всего этого уже не увидел...

Глава 15

Если бы не этот дурацкий «СААБ», ни с того ни с сего подрезавший его слева! За рулем его сидела дебелая бабенка с рыжей гривой. Результатом этой романтической встречи явились два нескромных «поцелуя»: один он поставил «СААБу» в правую заднюю дверь, второй заработал сам от потрепанного не в одной автомобильной переделке облезлого «Москвича». Ко всему прочему у рыжей идиотки из «СААБа» оказался сотовый телефон, и она вызвала автоинспектора, — видимо, в надежде возместить за счет Позднякова непомерный ущерб.

Пока молодой и до странности неуверенный в себе гаишник выслушивал причитания владелицы «СААБа», Поздняков, чертыхаясь в душе, обошел дубовскую «Вольво», обнаружив пару вмятин на бампере. Не слишком удрученный водила «Москвича» производил впечатление бывалого аварийщика. А кончился весь этот дорожный инцидент совершенно ничем. В том смысле, что автоинспектор, несмотря на визги лихой шоферки, в конце концов разобрался, что к чему. Сам же Поздняков качать права не стал — ему попросту было не до того. В общем, стороны расстались при своих интересах, хотя и через добрых сорок минут, каждая из которых ценилась сыщиком в данный момент

на вес золота. Стоять вот так на шоссе в десяти километрах от Хохловки, зная, что там его ждет последний узелок почти распутанной ниточки.

Подъехав к даче Воскобойникова, Поздняков, еще недавно кипевший благородным гневом из-за дурацкой задержки на шоссе, минут десять посидел в машине, собираясь с мыслями. Белый дом Ларисы приветливо и празднично проглядывал сквозь зеленое кружево буйной летней растительности. Даже намертво запертая калитка не могла испортить разлитого в воздухе благолепия. Он почувствовал чей-то пристальный взгляд и резко повернул голову: Воскобойников стоял у своего забора в хлопчатобумажных штанах рабочего покроя, светлой тенниске и старорежимной шляпе из рисовой соломки. Типичный дачник, хоть пиши картину «Прошлым летом в Хохловке». Поздняков даже пожалел, что не обладает талантом художника.

— Здравствуйте, молодой человек, — поприветствовал его Воскобойников, шутливо приподнимая шляпу над яйцевидным черепом, покрытым скудной растительностью цвета давней седины с рыжеватым оттенком. — Честно говоря, я вас сегодня не ждал. Собирался идти на речку, так что вы меня застали чудом.

— Да я, честно говоря, к вам сегодня и не собирался. — Поздняков вышел из машины и потер ладонью затылок.

— Не собиралесь? — переспросил Воскобойников, метнув на сыщика короткий и цепкий взгляд, и тут же сменил тему: — Ба, на каком вы нынче красавце! Ван? — Поздняков не успел ничего ответить, а он уже выражал сочувствие: — А вот эти

вмятины портят все впечатление, жаль. Кто это вас так?

— Машина не моя, приятеля. Поцеловался, когда к вам торопился.

— Торопились? — снова тот же настороженный взгляд. — И что за срочность вас гнала?

Поздняков изобразил такую приветливую улыбку, что едва не вывернулся наизнанку. И зачем — главное?

— Я присхал вам сообщить, что нашел последнюю рукопись Ларисы.

— Да? — Воскобойников не выказал особого удивления. — А я-то грешным делом подумал, что ее и не было. Так где же вы ее нашли, если не секрет, конечно?

— В издательстве «Карат», — ответил Поздняков, не спуская взгляда с худошавого лица Воскобойникова.

— Ах вот что, — вздохнул тот. — Выходит, она успела ее сдать.

— Да нет, она как раз не успела, это сделали за нее...

Воскобойников посмотрел вверх, на солнце, продолжающее валиться к горизонту, поправил свою шляпу и сказал:

— Похоже, на сегодня речка отменяется. Что же мы стоим на солнцепеке? Заходите, посидим в тенечке и спокойно поговорим.

— Если хотите, можем поговорить и возле речки, — предложил Поздняков, — какая разница?

— Нет-нет, — возразил Воскобойников, — там у меня священное место, которое я не хотел бы осквернять суетными разговорами.

— Суетными? Писатель называет разговоры о

литературных произведениях суетными? В первый раз такое слышу!

— Не цепляйтесь к словам, молодой человек, — с явно притворным недовольством продолжал Воскобойников, — сначала доживите до моих лет. На пороге в вечность все суета, в том числе и рукописи, даже гениальные.

В принципе, Воскобойников произносил правильные вещи, но насколько он был искренен — предстояло выяснить. Пока что Поздняков послушно за ним проследовал, чтобы спокойно поговорить в теньке, который обнаружился все там же, на границе с бывшими Ларисиными владениями, где стояли деревянный стол и скамейки.

— Угощайтесь, — предложил Воскобойников, указуя на большую керамическую миску посреди стола, доверху наполненную красной смородиной.

— Спасибо, — Поздняков подхватил несколько тоненьких веточек, унизанных маленькими красными бусинками — ни дать ни взять серийная женская бижутерия. Проглотил пару ягод и скривил лицо.

— Не любите кисленькое, — вкрадчиво заметил Воскобойников. — Я, честно говоря, тоже не особенно их жалую, больше люблюсь. Варенье же варить некому... Тут у меня хватает всякой полезной растительности, одних яблонь десяток. Но я не расчетливый хозяин, скорее наивный эстет. Смотрю, восхищаюсь. Странно думать, что уйдешь из жизни и больше никогда не увидишь этакой красоты. Эти красные нежные россыпи останутся, а тебя уже не будет...

— С чего вы сегодня о смерти, Гелий Андрианович?

— А Бог его знает, возрастное, наверное. — Тут Воскобойников спохватился: — Да ведь вы, кажется, собирались мне рассказать, каким образом обнаружилась рукопись Ларисы Петровны? В издательстве, поди, обрадовались, она ведь у них наверняка в плане.

— Там еще не знают, что она нашлась, — обронил Поздняков, прислушиваясь к пению птиц в ближних кустах. — Ох, и идиллия тут у вас, Гелий Андрианович!

— То есть как это не знают? — удивился Воскобойников. — Вы же сами сказали, что рукопись нашли в «Карате». Тогда как они могут не знать?

Поздняков лег грудью на теплую деревянную столешницу, приятно расслабился и изрек безо всякого пафоса:

— Да будет вам, Гелий Андрианович, все вы прекрасно знаете.

Воскобойников явно был намерен торговаться до конца базара, но не сбавлять ни рубля:

— Позвольте, откуда же мне знать, если вы сами, похоже, еще не до конца с этим разобрались. То говорите, что рукопись в «Карате», то сами себе противоречите, заявляя, что там о ней и слыхом не слыхивали...

— Ну хорошо, объясню подробнее, — согласился Поздняков, — рукопись там совершенно под другой фамилией.

— Это что же, плагиат? — поразился Воскобойников.

— Намного хуже, Гелий Андрианович, — кража. Впрочем, тот, кто ее совершил, делает это не впе-

рвые и, вполне возможно, думает совсем по-другому. Но мы сейчас его об этом спросим. Скажите, Гелий Андрианович, вы считаете нормальным выдавать за свои произведения, написанные другими?

Воскобойников не растерялся, самообладания ему было не занимать:

— Вы считаете, что я украл рукопись Ларисы Петровны, так я понимаю? Тогда позвольте полюбопытствовать, какие у вас имеются на то доказательства? Может, вам их предъявили в издательстве?

— Я знаю, что в начале этой недели вы принесли в «Карат» свою рукопись.

— И что из этого следует? Вам кажется странным, что лауреат Государственной премии Гелий Воскобойников еще что-то пишет?

— Вы сами сказали о Государственной премии, — вспыхнул Поздняков, — а раз вы заикнулись о ней, я вам напомню одну историю, с ней связанную. А именно то, как был написан бестселлер под названием «Черные облака». Над ним ведь трудились одна девушка и один молодой человек...

— Насчет девушки, может, и так, я всегда кого-нибудь нанимал, чтобы перепечатать рукопись, а вот молодого человека что-то не припомню. — Воскобойников просто издевался над старым сыщиком.

— Я имею в виду Ларису Кривцову и некоего Серебрянского, из которого, как вы недавно вполне справедливо заметили, так и не получилось писателя. Ведь это они написали «Черные облака», которыми некоторые зачитываются до сих пор.

— Не вы ли случаем? — усмехнулся Воскобойников. С этого гуся вода сливалась, не успев замочить перьев.

— Я не читал, к сожалению, — признался Поздняков. И пообещал: — Теперь непременно прочту.

— Приятно будет иметь вас в рядах своих поклонников, товарищ следователь, — Воскобойников откровенно играл на нервах Позднякова, причем отнюдь не безуспешно.

Поздняков вдруг отчетливо вспомнил то время, когда Воскобойников величал его «товарищем следователем» без издевки, во всяком случае, откровенной. Он тогда приехал давать показания на новехонькой «Волге», в костюме с иголки, лошечный, преуспевающий, знающий себе цену, которая исчислялась в цифре со многими нулями. Поздняков невольно покраснел, увидев себя молодым, неопытным, с руками, вымазанными чернилами. Почему-то у него тогда хронически текли авторучки. Если бы он пачкал только ладони, а то ведь столько пиджаков испортил. Черт с ними, с пиджаками...

Как вальяжно и как уверенно тогда вел себя Воскобойников, как быстро заметил смущение Позднякова и тут же разжаловал из «товарища следователя» в «молодого человека». На вопросы отвечал неторопливо, с чувством собственного достоинства. Всем своим видом давал понять, что из кожи лезет, стараясь помочь в расследовании обстоятельств несчастного случая с Рунцевичем. Еще и приговаривал непрестанно: «Ах какая печальная история»... Услужливая память подсунула Позднякову следующую картинку: Лариса с честными распахнутыми глазами рассказывает то же

самое, что и Воскобойников, только в других выражениях.

Поздняков стряхнул с себя воспоминания и сосредоточился на происходящем. Ничего, в общем, не происходило. Воскобойников не собирался каяться и посыпать себе голову пеплом. Сидел напротив Позднякова, спокойный и невозмутимый и даже немного торжественный, как именинник в ожидании подарков.

— А ведь я знаю, откуда ветер дует, — заметил он. — Вы имели беседу с Серебрянским. Напрасно вы приняли близко к сердцу его слова, он ведь почему-то видит во мне первопричину всех своих неудач, а злость — это такое увеличительное стекло, через которое все кажется таким огромным и устрашающим... В общем, я бы на вашем месте ему не верил.

— А я почему-то склонен верить скорее ему, чем вам.

— Почему такое неравноправие? — усмехнулся Воскобойников. — Представляю себе, что он вам наговорил, а ведь ссылался, поди, на Ларису, которая уже никому ничего не расскажет. К сожалению.

— Ой ли? — покачал головой Поздняков. — Лучше расскажите, как вы заставили ее лжесвидетельствовать!

— В каком смысле? — осведомился Воскобойников. Похоже, что-то в его обороне все-таки дрогнуло. Он судорожно схватил пригоршню смородины и стал совершенно механически ее поглощать.

— Лжесвидетельствовать по делу о смерти Рунцевича, — невозмутимо пояснил Поздняков, — который в действительности устал с балкона не само-

стоятельно, его просто-напросто оттуда столкнули.

— Да что вы говорите! — всплеснул руками Воскобойников. — Может, вы еще скажете, кто тот злодей?

— Вы, — просто ответил Поздняков.

— Понятно, понятно, а позвольте полюбопытствовать, зачем мне это понадобилось? Если не секрет, конечно.

— Не секрет. — Игра в прятки уже начинала забавлять Позднякова. — Мы это с вами уже обсуждали. После того как вы присвоили труд Кривцовой и Серебрянского, Рунцевич собирался вас разоблачить.

— Ах вот как! Складно у вас получается, — одобрил сыщика Воскобойников.

Поздняков встал со скамейки и прошелся, чтобы размять затекшие ноги, потом остановился под молоденькой сосенкой и продолжил начатую игру.

— Потом, когда у вас с Ларисой пошел разлад, вы жили под постоянной угрозой разоблачения, — сказал он.

Воскобойников громко расхохотался:

— Двадцать пять лет жить под угрозой разоблачения, не многовато ли? Кстати, и ваш разоблачительный зуд не запоздал ли? Я что-то слышал про срок давности... А откуда вы узнали, что именно я столкнул Рунцевича? Небось Серебрянский надумил? Так ведь его при этом не было, спешу вам сообщить. Он, если мне не изменяет память, находился очень далеко от Москвы, кажется, в Сибири.

— Вот у кого складно, так это у вас, — похвалил Поздняков. — И срок давности у вас кстати, и

смерть Ларисы тоже. Ваша правда, не присутствовал Серебрянский при убийстве Рунцевича. Что толку, если он ссылается на слова покойной Ларисы, теперь им грош цена. И все-таки я попытаюсь восстановить истинную картину.

— Валяйте, любопытно будет послушать, — милостиво разрешил Воскобойников.

— Вот и слушайте спокойно. Итак, Ларису вы не то чтобы боялись, а как бы опасались. Не потому что она была такой уж правдолюбкой, просто она была непредсказуемой. К тому же, добившись успеха, она вас возненавидела лютой ненавистью, поскольку поняла, как долго вы безнаказанно питались ее соками. Наверное, она вас часто дразнила, уж что-что, а интриговать она умела. Может, звонила по телефону в дни всенародных праздников или посылала открытки. А в конце концов еще и поселилась рядом, в доме вашего старого закадычного друга. — От Позднякова не ускользнуло, что Воскобойников слегка поежился. — Что ж, эта талантливая стервочка умела отравлять вам жизнь. Лично я не сомневаюсь. Думаю, она издевалась над вами со вкусом и удовольствием. Она размазывала вас, уничтожала и тем самым отыгрывалась за те унижения, что ей пришлось по вашей милости пережить в юности. Правда, не уверен, чтобы их можно было каким-либо образом компенсировать. Вы оба так до конца и остались каждый при своих: уважаемый лауреат Гелий Андрианович с угрозой разоблачения и известная, популярная Лариса Кривцова с чувством гадливости и постоянным, настоящим желанием каким-либо образом от этого чувства избавиться. Только шансы ваши были не равны, потому что время работа-

ло только на вас. В конце концов наступил день, когда вы даже заговорили о сроке давности, а вот ей легче не становилось. Не исключено, что, даже раздавая автографы, она думала: «Какая же я все-таки дрянь».

— Между прочим, если она так думала, то была весьма недалеко от истины, — подхватил Воскобойников, недовольно шурясь. Тень от молодых сосенок постепенно становилась не такой густой. — Вы ведь знали ее только с парадной, так сказать, глянцевої стороны, а мне посчастливилось знать ее со всех сторон, — Воскобойников заметил, как Поздняков после его последней фразы смачно сплюнул в траву, и поспешил развить тему: — Не скажу, чтобы все в ней было столь уж отвратительно, поначалу эту деревенскую девчонку довольно приятно было потискать. Кстати, не делайте такие ужасные глаза, я се не соблазнял и не совращал с пути истинного, для ее тогдашних двадцати она соображала в этих делах не меньше моего. За сексуальный опыт, конечно, не ручаюсь, но то, что мораль у нее хромала на обе ноги, — это уж точно. Такое впечатление, будто в своей провинции, прежде чем отправляться на покорение первопрестольной, она прошла ускоренный курс молодой искательницы успеха. Короче, мозги у нее были настроены на то, что в погоне за удачей дозволено все. В этом смысле она опередила свое время, ибо подобные взгляды, столь распространенные среди молодежи нынче, тогда были достаточно редким явлением. Особенно когда они не только не скрывались, а даже афишировались... О, да вам мои откровения, я вижу, не очень нравятся! Ишь как желваками-то заработали. Что я

могу сделать? Что было, то было, как говорится: из песни слова не выкинешь.

Поздняков подошел ближе к подрастающей сосенке, и ее хвоя нежно дотронулась до его щеки, это прикосновение было похоже на массаж. А запах, усиленный жарой, вызывал воспоминания об отдыхе на море, где-нибудь в Сочи, где сейчас благоухало точно так же. Черт его знает, сколько времени он уже не валялся на теплом песочке и не плескался в изумрудной воде. А с Ларисой они собирались поехать в Крым сразу после свадьбы... Он повернулся к Воскобойникову.

— Все понятно, она была стервой, и поэтому вы ее в конце концов убили...

Воскобойников сухо рассмеялся, словно рассыпал горсть гороха.

— Ну и фантазии у вас, молодой человек! С чего бы я стал ее убивать? По-вашему, я терпел двадцать пять лет, чтобы ее убить? Это еще зачем? Растягивал предвкушение удовольствия, что ли?

— Вы убили ее, чтобы забрать рукопись, ту самую, что сейчас лежит в издательстве «Карат» под вашей фамилией.

— Что за чушь! Для бывшего следователя вы не слишком логично рассуждаете, уважаемый Николай Степанович. Ну, допустим, я действительно ее убил из-за рукописи. Тогда зачем бы я тут же побежал с ней в издательство, я бы, наверное, выждал какое-то время, а уж потом... Вы что, мало фильмов смотрели про ограбления банков? Забыли, что преступники всегда прячут добычу на длительный срок. А уж когда страсти улягутся, когда полицейские в безуспешных поисках сотрут подошвы, они выныривают где-нибудь на Средизем-

номорском побережье загорелые, в гавайских рубашках и начинают сорить денежками направо и налево, попивать дорогое виски в обществе длинноногих красавиц.

Поздняков вернулся к столу, опустился на скамейку и заглянул в глаза Воскобойникову:

— Конечно, так было бы надежнее. Думаю, выжди вы и впрямь месячишко-другой, все бы запуталось окончательно, и я бы, пожалуй, так и остался с пустыми подозрениями и сомнениями. Но ваша, Гелий Андрианович, беда в том, что вы не можете ждать. Вы совсем не можете ждать, Гелий Андрианович...

Руки Воскобойникова суетливо забегали по столешнице, будто он пытался разгладить морщинки на невидимой скатерти.

— Очень странно... Почему это я не могу ждать? Честное слово, вы меня интригуете.

Он даже попробовал саркастически рассмеяться, но на этот раз у него не получилось даже рассыпи гороха.

— Вы не можете ждать, потому что дни ваши сочтены, Гелий Андрианович. Звучит банально, но это так. Нет у вас времени. Я знаю, что у вас рак.

Воскобойников побледнел так, словно услышал о своей болезни впервые, голова его склонилась набок и затряслась, лицо приняло почти бессмысленное выражение. Поздняков даже начал опасаться, что с ним случится обморок. Но Воскобойников довольно быстро взял себя в руки.

— Так, значит, вы знаете и об этом... Что ж, похвальная осведомленность.

Больше он ничего не сказал, и Поздняков по-

чувствовал, что у старого писаки попросту иссякла воля к сопротивлению.

— Не возражаете, если я продолжу?

Воскобойников так ушел в себя и свое горе, что не сразу понял вопроса, а когда наконец до него дошел его смысл, лишь устало кивнул. Мол, делайте что хотите.

— Итак, вы не только не имели времени на ожидание... Собственно, сама болезнь, точнее — ваша осведомленность о ней, и подтолкнула вас к новому преступлению. Не знаю, правда, каким его считать по счету: вторым или третьим. Склоняюсь к мысли, что все-таки третьим, потому что бессознательное присвоение чужого труда и таланта — тоже преступление. В общем, вы решили устроить на прощание салют из всех орудий. Вы знали о Ларисиной манере писать на чем ни попадя, урывками, буквально между делом, легко и без видимых усилий, и это вас раздражало. А еще сильнее раздражало сознание того, что вы ее больше не в силах принудить делать вам царские подарки в виде написанных за вас романов.

В то утро, я думаю, когда вы столкнулись у ворот, разговор у вас был не о погоде и не о машинах, как вы утверждали, разговор был совсем о другом. Она в очередной раз напомнила вам о той давней истории, о том, как вы убили Рунцевича. Вы обменялись привычными любезностями и разошлись. Весь день вы наблюдали за происходящим на ее даче, обратили внимание на ее раздражение и взвинченность, частые визиты к ней. Возможно, слышали и ее разговор на повышенных тонах с Виолеттой Шихт, свидетельницей которого невольной стала и молочница. Кстати, то,

как вы помогали моему следствию, — тема для отдельного разговора. Именно вы вывели меня на молочницу, вы самым счастливым образом видели, как Ольшевский приехал в Хохловку... Однако вернемся к злополучному воскресенью, когда вы поняли, что лучшего случая вам уже не представится. Вы знали, в каком состоянии Лариса, удостовериться в этом было несложно. Достаточно было пару раз позвонить ей и тут же бросить трубку — уже по одному ее ответу можно было догадаться, что она уже хорошо приложилась к бутылке. Дальше — дело техники. Намешать в стакан пьяной женщине лошадиную дозу снотворного, думаю, было для вас нетрудно. А уж прихватить с собой рукопись, скорее всего валявшуюся на диване или рояле... Потом вы ее быстренько набрали на компьютере и снесли в издательство. А всему причина то, что вы не хотели умирать писателем, о котором забыли все, включая благодарных читателей. Вы хотели уйти красиво, устроив напоследок фурор своим неожиданным бестселлером, чтобы все заговорили: «А ведь старик Воскобойников, оказывается, вовсе не исписался, а даже наоборот, жаль только, что болезнь его скосила». Никто из ваших почитателей так и не догадался бы, что страшная болезнь сразила вас уже давно, задолго до рака. Я даже знаю, как она называется...

— Как? — Воскобойников смотрел на свои мертво сцепившиеся руки.

— Комплекс Сальери.

— Неплохо звучит, — заметил Воскобойников равнодушным тоном. — Вам бы самому попробовать себя на писательской стезе, так у вас все складно получается.

— Что вы! Складно получалось у вас, — возразил Поздняков, — а я всего-навсего летописец, правда, отнюдь не беспристрастно излагающий ваше грешное и запутанное житие. А излагать, поверьте, есть что. Даже если оставить за скобками сами преступления. Чего стоит та лекция, что вы мне прочитали после похорон Ларисы о мотивах убийства, о Ларисинем окружении, о кризисе, который она переживала. Все так тонко, со знанием дела, а главное, так ненавязчиво! Вы никого не обвиняли, вы даже себя занесли в список предполагаемых убийц, как и меня, кстати. Да еще и свели все это дело к однозначному выводу: при таком количестве подозреваемых искать убийцу практически безнадежно. Но одновременно незаметно навели меня на вполне определенный след. Вы усиленно, хоть не напрямую, конечно, рекомендовали мне заняться Виолеттой. Причем чутье вас не подвело, Виолетта натворила много гадостей, она однозначно подлая по натуре баба. Не исключено, что на ней вообще пробы негде ставить. В одном она не виновата — не она убила Ларису.

Воскобойников и не пытался возражать. Он сидел, уткнувшись взглядом в стол, постепенно склоняясь все ниже и ниже, точно под тяжестью предъявляемых ему обвинений. Поздняков и не собирался его щадить.

— А ваше замечательное алиби, в которое поверил следователь Ругин. Вы уехали в Москву электричкой, поскольку ваш старый «Фольксваген» был в очередном ремонте, но почему-то уезжавший в то же время из Хохловки Ольшевский не видел вас на платформе. Но это мелочь. Важнее другое — случайная реплика молочницы, заметив-

шей стоящий во дворе автомобиль, который, по вашей версии, находился в этот момент в вашем же московском гараже. Вы поправили женщину, и она засомневалась, заявив, что видела ваш «Фольксваген» накануне, и я тогда, к сожалению, не придал этому значения. И только узнав о вашем замечательном комплексе, я расставил все точки над «и». Имея под рукой машину, вы, конечно, приехали в Москву, показались соседям, которые с удовольствием подтвердили впоследствии ваше алиби следователю Ругину. Около полуночи вернулись в Хохловку, приготовили для Ларисы смертельную смесь и уже к двум часам ночи посапывали в постели своей московской квартиры. В понедельник вы прибыли в Хохловку на своем волшебным образом отремонтированном автомобиле и с болью в сердце узнали о самоубийстве Ларисы Кривцовой. Почти идеальное преступление.

Воскобойников оторвал голову от столешницы, бросил на Позднякова отчаянный взгляд затравленного зверя и начал бормотать — сначала себе под нос, а потом все громче и громче:

— Господин правдолюбец захотел истины в последней инстанции — так получай, получай свою истину... Если хочешь знать, то это я тогда напустил на тебя Ларису, чтобы она задурила тебе голову. Она специально с тобой кокетничала, изображала горячую любовь, даже пообещала замуж за тебя выйти, а потом показала кукиш. Это был спектакль... Она вообще была неплохая актриса, ничего не скажешь, талантами ее Бог не обидел... Только не того человека он одарил своими талантами. У нее ведь все было за деньги, все на потребу... Комплекс Сальери... Да, писала она с моцартов-

ской легкостью, но что писала? Большею частью самое дешевое чтиво. Вот Серебрянский выдохся, и поделом ему: люди без принципов не должны иметь талантов, они должны быть серыми, как мышки...

Воскобойников сжал кулаки и затрясся в приступе бессильной ярости:

— Как я ее ненавидел, как я ее ненавидел. Она отравляла мне жизнь с методичностью старой де-вы, но вовсе не тем, о чем вы говорили... Что такое Рунцевич — слизняк, не больше. Чтобы я мучился из-за того, что его раздавил? Да это абсурд! Она бы никогда не пошла на разоблачение, что бы ей это дало? Ну, допустим, меня бы даже посадили, большого срока бы все равно не дали и наверняка быстро освободили по амнистии. Зато она бы лишилась возможности изо дня в день капать мне на мозги. А знаете, как она это делала? Она говорила: «А, это ты, старый бездарный старикашка, ты еще не подох? Ну, что ты там написал или уже алфавит забыл?» Можете себе представить, каково мне было слышать такое? Когда она выпила мое снадобье, я был вне себя от счастья и ни минуты не жалею о том, что я сделал! И вы, вы, чем вы можете мне угрожать? Тюрьмой, смертью? Да я и без вас не сегодня-завтра отправлюсь к праотцам, и вы останетесь в полном одиночестве, господин правдолюбец. Я не доставляю вам удовольствия лицедреть Гелия Воскобойникова на скамье подсудимых — слышите, не доставляю!

Во время этого монолога Воскобойников так размахивал кулаками, что опрокинул миску со смородиной, и рассыпанные ярко-красные ягоды заблестели в траве, как капельки крови. Поздняя-

ков подобрал под стол вытянутую вперед больную ногу, чтобы ненароком на них не наступить.

— Вам повезло, Гелий Андрианович, — сказал он. — В вашем случае правосудие и в самом деле, похоже, бессильно. Но я сделаю все, чтобы вернуть украденные вами книги их истинным авторам. Можете в этом не сомневаться.

Он встал и медленно пошел прочь. Здесь ему больше делать было нечего.

Глава 16

Ну все, теперь можно было расслабиться. Впрочем, если бы... Первос, что пришло Позднякову на ум, едва он протер глаза, — помятый бампер дубовской «Вольво». Вероятно, следовало как можно скорее дозвониться до Дубова и чистосердечно повиниться, но ужасно не хотелось. Мелькнула мысль: а не попробовать ли самому устранить следы злополучного «поцелуя»? Он перебрал в памяти знакомых автослесарей, но так ни на ком и не остановился. В конце концов Поздняков легкомысленно пренебрег многовековой народной мудростью и отложил решение этой проблемы на вечер, в глубине души рассчитывая, что к тому времени все как-нибудь само собой рассосется.

Ему показался странным тот факт, что Дубов до сих пор не звонил и не интересовался судьбой своей тачки. Может, и в самом деле окончательно изжил в себе собственника? В таком случае стоило ему позавидовать, так как он имел основание гордиться победой над собой, в отличие от Позднякова, который чувствовал себя последней свиньей.

— Ладно, — сказал он себе наконец, — муки совести временно откладываются.

Затем вскипятил чайник, позавтракал тем, что завалялось в холодильнике, а завалялось там, прямо скажем, немного, и стал одеваться. На этот раз он делал это тщательнее обычного: выкопал из залежей давно не востребованного белья белую рубашку, извлек из шкафа костюм, который надевал в исключительных случаях. Настояла на его покупке бывшая супруга, безуспешно пытавшаяся сделать из него человека, которого не стыдно было бы вывести в люди. Тщетные надежды!

Приобретя более-менее приличный, с общепринятой точки зрения, вид, он спустился вниз, сел в горемычную дубовскую «Вольво» и покатил в сторону Кольцевой. По пути притормозил у небольшого рынка и купил крупную породистую красную розу на длинной горделивой ножке. Положил ее на заднее сиденье и поехал дальше. На следующем светофоре, когда он скользнул взглядом по нетерпеливо томящемуся рядом светлому «Мерседесу», неожиданно увидел за его стеклом Виолетту в лиловом одеянии. Она целеустремленно смотрела вперед, крепко сжав тонкие губы. Виолетта медленно повернула голову и вздрогнула, увидев Позднякова. Наклонилась к сидящему за рулем мужчине, которого сыщик не успел рассмотреть. Едва вспыхнул зеленый свет, «Мерседес» сорвался с места и резко ушел вперед. Виолетта явно не горела желанием снова видеть Позднякова, да он особенно и не настаивал на общении. Сегодня он ехал на кладбище.

Цветы и венки на могиле Ларисы Кривцовой увяли и пожухли, ленты с традиционными надпи-

сями намокли после недавнего дождя, и теперь уже ничего нельзя было прочесть на них. Но портрет под стеклом, утонувший в увядших цветах, был чист, и с него на Позднякова смотрело безмятежное лицо с лукавством в глазах и улыбкой, затаившейся в уголках пухлого по-детски рта.

— Ну, привет, — сказал Поздняков и застыл напротив портрета с розой в руках. Подумал-подумал, что бы такое еще сказать, и добавил совсем уж невразумительное: — Я пришел.

Невразумительное — потому что, если она могла что-то чувствовать, то и так знала о его приходе, а если нет — то говорить вслух глупо. Стоит ли так далеко ехать, чтобы беседовать с самим собой.

Он долго всматривался в портрет, словно пытаясь понять, в какой форме вести дальнейший диалог. Наконец решился и изрек:

— Я разобрался, в чем мог, так что...

Он замолчал, ибо не знал, какой смысл вложить в туманное «так что». Так что спи спокойно? Будучи человеком, прошедшим традиционную школу комсомольского воспитания, он представлял собой заурядную смесь атеиста с язычником и не очень хорошо представлял себе, как душа, подобная Ларисинной, могла найти покой даже за последним пределом. Слишком уж многого она хотела, чтобы довольствоваться вечным покоем. Ей мало было успеха и признания, мало безграничной власти над судьбами своих героев и счастливой возможности в любой момент излить скопившееся в душе, вложив его в уста какому-нибудь из персонажей. Все мало, мало, мало... Она пыталась превратить свою жизнь в миф, а потому невольно принималась управлять реальными людьми, почти

как вымышленными. Теперь-то Поздняков знал, почему у них ничего не получилось, — потому что она хотела от него вечной любви — вечной, не смотря ни на что. А так любят только издали. Это был очень смелый эксперимент. Кто сказал, что подобное вообще возможно под луной? Но она сознательно шла на риск.

Поздняков положил свою розу поверх холма на увядшие цветы и решительным шагом направился к кладбищенским воротам. В какой-то момент он оглянулся: роза вызывающе алела среди бурой массы. Он вернулся и сломал ее стебель.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУТАЯ БАРЫШНЯ	5
УЙТИ КРАСИВО	241

Литературно-художественное издание

Яковлева Елена Викторовна

КРУТАЯ БАРЫШНЯ

Редакторы *Г. Калашников, В. Ручинский*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Художник *С. Атрошенко*

Технические редакторы

Н. Носова, Г. Соболева

Корректор *Е. Дмитриева*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.04.98.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 19,1

Тираж 40 000 экз.

Заказ 3584.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Нижеполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.